

П. В. ЖУРАВЛЁВ

ДВЕСТИ ВСТРЕЧ
СО СТАЛИНЫМ

П. В. ЖУРАВЛЁВ

ДВЕСТИ ВСТРЕЧ
СО СТАЛИНЫМ

Москва
алгоритм
2012

УДК 327
ББК 66
Ж 91

Журавлев П.А.

Ж 91 Двести встреч со Сталиным. – М.: Алгоритм, 2012. – 448 с.

ISBN 978-5-4438-0002-8

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Автор этой книги П.А. Журавлев на протяжении более трех десятков лет собирал материалы о личных встречах со Сталиным выдающихся деятелей сталинской эпохи. В результате у него образовалось «досье» о встречах со Сталиным полководцев Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова, К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и др.; наркомов А.И. Шахурина, И.Т. Пересыпкина, А.Г. Зверева и др.; конструкторов А.С. Яковлева, В.Г. Грабина и др.; дипломатов А.А. Громыко, В.М. Бережкова и др.; известного полярника И.Д. Папанина, писателя К.М. Симонова.

Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906–1953 гг. этих, интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

**УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8**

© Журавлев П.А., 2012

ISBN 978-5-4438-0002-8

© ООО «Алгоритм», 2012

Я знаю, что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет.

И.В. Сталин

К ЧИТАТЕЛЯМ

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Сложная, неоднозначная и трагическая личность самого И.В. Сталина, оказавшего серьезное влияние на ход мировой истории, станет темой всестороннего исследования еще не одного поколения как отечественных, так и зарубежных историков.

В 1953 году, когда умер И.В. Сталин, мне было 28 лет. Я, как и большинство моих сограждан, воспринимал его смерть как личное горе. Всех тогда охватило беспокойство о том, что будет дальше с нами и нашей страной, поколебалась уверенность в будущем. В нашем восприятии Сталин был человеком, возглавлявшим государство в течение долгих тридцати лет. Под его руководством это государство не только одержало победу в тяжелейшей войне с фашистскими захватчиками, но и проявляло постоянную заботу о своих гражданах, обеспечивало их работой, общедоступными бесплатными здравоохранением и образованием, стремилось обеспечить всех бесплатным жильем и детскими учреждениями и т. д. Я сам, рано оставшись без родителей, смог в нашем государстве без «взяток» и «мохнатых лап» получить высшее образование и интересную престижную работу в атомной промышленности, где очень скоро стал руководителем одного из важных коллективов.

После XX съезда КПСС у меня, как, наверное, и у многих людей моего поколения пробудился повышенный интерес ко всему, что могло бы помочь понять и осознать происшедшее и происходящее. Особое внимание привлекли начавшие выходить в те годы публикации с воспоминаниями людей, принимавших непосредственное участие в важнейших государственных, политических и военных событиях недавнего прошлого и близко знавших и лично встречавшихся с И.В. Сталиным и описавших эти встречи в своих мемуарах. Интерес этот был обусловлен тем, что однозначного поворота в моем сознании с «белого» на «черное» не произошло. Понимание грандиозности и величия свершенного И.В. Сталиным не допускало во мне такой метаморфозы. Ведь даже Уинстон Черчилль, выдающийся государственный деятель XX века, непримиримый идеологический противник Сталина, организатор интервенции против молодой Советской России, идеолог «холодной войны» и, в то же время, волею исторической судьбы соратник Сталина по борьбе с фашизмом во Второй мировой войне, уже после смерти И.В. Сталина и после XX съезда КПСС, 23 декабря 1959 года в речи, произнесенной в английском парламенте в связи 80-летием Сталина сказал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый лидер И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции, негибкой силы воли, резким, жестоким, беспощадным и, как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог противостоять. Сталин обладал чувством юмора и сарказма, а также способностью четко выражать свои мысли. Статьи и речи он писал сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойденным среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был

одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором, он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история, народ не забывает!»

В 1968 году во время прочтения первой книги С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» я начал заносить в тетрадь описания личных встреч с И. В. Сталиным и не изменял этому «хобби» в течении более трех десятков лет. За это время в результате прочтения многих десятков мемуаров у меня образовалось «досье» на двести с лишним встреч.

Ю.А. Горьков в книге «Кремль. Ставка. Генштаб» опубликовал «Выписки из Журналов посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете» за 1935—1945 годы. Только в первые дни войны, когда И.В. Сталин «растерялся и пьянствовал на даче», он принял — 22 июня — 28 человек, 23 июня — 21, 24 июня — 20, 25 июня — 29, 26 июня — 29, 27 июня — 28, 29 июня — 21 и т.д. Вот так «растерялся»!

Среди лиц, рассказавших о своих неоднократных или единичных личных встречах с И.В. Сталиным, военачальники Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, К.А. Мерецков, С. М. Штеменко, Н.Г. Кузнецов, Н.Д. Яковлев, К.Е. Ворошилов, СМ. Буденный, П.А. Ротмистров и др., наркомы-министры А.И. Шахурин, И.Т. Пересыпкин, А.Г. Зверев и др., политические деятели А.И. Микоян, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.С. Чуянов и др., создатели военной техники А.С. Яковлев, В.Г. Грабин и др., дипломаты А.А. Громыко, В.М. Бережков и др., известные полярники И.Д. Папанин и К.С. Бадигин, писатель К.М. Симонов, а также другие выдающиеся люди.

Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906—1953 годах этих, интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

К сожалению период до 20-х годов представлен слабо из-за недоступности мемуарной литературы по тому времени.

Ныне вновь наступило время, когда люди разных поколений и возрастов, в том числе и молодые, стали проявлять интерес как к подлинной истории нашего Отечества, так и к лич-

ности И.В. Сталина. Так, в марте 2000 года в Санкт-Петербурге на научной конференции, посвященной 120-летию И.В. Сталина и мартовской годовщине его кончины, с участием большого количества молодежи, было сказано: «У современной молодежи украли подлинного Сталина».

На удовлетворение в какой-то степени этого интереса и рассчитан материал книги.

П.А. Журавлев

Часть I

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(1906—1924)

1906 год

К.Е. Ворошилов, апрель 1906 года

На IV съезде РСДРП в издательстве «Вперед» нам доверительно сообщили, что из-за жестоких преследований революционеров по всей России созвать съезд внутри страны нет никакой возможности и что единственный выход — провести его за границей, в Стокгольме. <...>

В стокгольмском порту меня встретил наш человек и определил на жительство в небольшую комнатку на 2-м этаже одного из домов, в нижнем этаже которого располагалось какое-то питейное заведение — не то бар, не то ресторан. В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки — следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку.

Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили; он представлял на съезде грузинских большевиков и сам являлся непримиримым ленинцем. Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны, в историю международного коммунистического и рабочего движения. Долгие го-

ды после смерти В.И. Ленина он возглавлял Центральный Комитет нашей партии, а в годы Великой Отечественной войны — Советское правительство и Вооруженные Силы СССР. Мне после этого не раз пришлось встречаться с ним, а после победы Октябрьской революции вместе воевать против бело-гвардейщины и иностранной интервенции, вместе с ним участвовать в работе высших органов партии и государства. Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний, где это будет необходимо, правдиво сказать о нем все, что знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти.

К тому времени И.В. Джугашвили (Сталин) уже активно проявил себя как видный деятель большевистского направления в Закавказье, находился в заключении в Батумской и Кутаисской тюрьмах, был сослан в Восточную Сибирь и бежал из ссылки. На съезде он твердо отстаивал ленинскую линию на вооруженное восстание. Выступая на одном из заседаний съезда, он очень четко и ясно определил сущность наших расхождений с меньшевиками: «...или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия».

*К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 247—248.*

1907 год

К.Е. Ворошилов, 13.05 — 01.07.1907 года. (V съезд РСДРП)

Как и на IV съезде, В.И. Ленин почти каждодневно встречался с большевистской частью делегатов на фракционных собраниях. Эти сборы не имели официальной повестки и специального председателя, а скорее всего походили на товарищеские беседы единомышленников. <...>

Вспоминается первый такой сбор нашей большевистской фракции в Лондоне перед началом работы V съезда. Владимир Ильич попросил нас, делегатов с мест, сообщить о настроении в местных партийных организациях, о наказах, данных ими

своим делегатам, и высказать свои соображения о том, как распределяются голоса большевиков и меньшевиков в составе делегаций от различных районов страны. Сообщения сделали представители из Петербурга, Москвы, Урала, Кавказа; я очень коротко доложил о представителях Донбасса. Владимир Ильич внимательно слушал нас и делал какие-то записи в свой блокнот. Иногда он выражал сомнение в оценке того или иного товарища.

— Мы должны твердо знать, — сказал он, — кто будет поддерживать подлинно революционные требования, кто выступит против них и кто проявит колебания, примкнет к центристам, «болоту». По мере возможности мы будем переубеждать их, перетягивать на свою сторону.

На этом собрании я вновь встретился с Ивановичем (Иосифом Джугашвили — И.В. Сталиным), который участвовал в работе съезда с совещательным голосом. Мы сидели с ним в разных местах, он меня узнал и приветливо кивнул. А когда начался подсчет голосов в группе Кавказских делегатов, он внес свою поправку в сообщение М.Г. Цхакая, сообщив, что двое из делегатов, отнесенных им к меньшевикам, на самом деле еще не определили четко своих позиций и вполне возможно, что один из них будет примыкать к «болоту», а другого есть вероятность склонить на сторону большевиков. Чувствовалось, что Иванович хорошо знает близких ему людей, разбирается в их настроении и со знанием дела определяет свое мнение о том или ином человеке. В ходе работы он твердо стоял на ленинских позициях.

*К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 350—351.*

1917 год

С.И. Гоннер, 21 апреля 1917 года

На апрельской конференции я впервые увидела и услышала Сталина. Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ, который присутствовал на совместном заседании президиума Петроградского Совета и Временного правительства в Мариинском дворце, сделает информацию об этом заседании. Это

были дни, когда еще не был ликвидирован первый кризис Временного правительства.

С информацией об этом совещании в Мариинском дворце выступил Сталин. В речи — простой, отличавшейся четкостью, лаконичностью — Сталин очень красочно рассказал, как министры — Гучков, Шингарев и Милюков ультимативно требовали прекращения большевистской агитации, обуздания солдат, крестьян и революционных рабочих, грозя отставкой. Метко звучали его слова о том, что Гучков и Милюков «хотели маленькой революции для большой победы». Факты, сообщенные Сталиным, хорошо иллюстрировали ленинскую оценку Временного правительства.

*С.И. Гоннер. Апрельская конференция.
Сборник «Октябрю навстречу». Лениздат, 1987. С. 85—86*

1919 год

И.В. Тюленев, 17 ноября 1919 года

17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики по докладу командования Южного фронта принял решение о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР. В Реввоенсовет армии вошли К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко, а затем бывший секретарь Царицынского комитета РКП(б) С.К. Минин.

Для официального оформления этого акта в село Великая Михайловка Старо-Оскольского района, где находился штаб корпуса, прибыло командование Южного фронта — А.И. Егоров и И.В. Сталин.

На объединенном заседании Реввоенсовета Южного фронта и корпуса командующий фронтом Александр Ильич Егоров зачитал приказ о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

— Отныне, — сказал он, — штаб корпуса принимает на себя функции армейского организма и становится штабом Конной армии. Прошу врид начальника штаба Первой Конной армии С.А. Зотова доложить командованию Южного фронта обстановку и те задачи, которые выполняют части армии. <...>

Члены реввоенсовета фронта одобрили доклад Зотова. И.В. Сталин сказал в заключение:

— Наша задача состоит в том, как правильно доложил товарищ Зотов, чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, находящимся на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу командование фронта возложило на Первую Конную армию.

Задача очень ответственная, она потребует максимума сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, где может не быть фуража. Но ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет Красную Армию и отдаст все, что может... Руководство фронта примет, в свою очередь, меры к тому, чтобы обеспечить Конную армию всем необходимым.

На этом заседании СМ. Буденному было вручено Почетное революционное оружие (шашка) с орденом Красного Знамени на нем, а С.А. Зотову — золотые именные часы.

И.В. Тюленев. Через три войны. Воениздат, М., 1972. С. 89—90.

1920 год

К.А. Мерецков, май 1920 года

12 мая в РСФСР вновь ввели военное положение. <...> Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию. Опустела и наша академия. В мае большая группа слушателей была откомандирована в Харьков, где находился штаб А.И. Егорова.

До Харькова мы добирались кто как мог. Одна из групп «академиков» (как нас называли в шутку) попала в вагон, который прицепили к поезду члена Реввоенсовета фронта И.В. Сталина. <...>

Прибыв в Харьков, мы отправились в штаб фронта. Его начальник Н.Н. Петин не пожалел для нас доброго часа. Он обстоятельно рассказал об обстановке, ввел в курс событий и упомянул, что служить мы будем в 1-й Конной армии. <...> И мы с нетерпением ждали минуты, когда вольемся в этот коллектив, овеянный боевой славой. Но начштаба повел нас сначала к командующему фронтом. Александр Ильич тепло напутствовал молодых генштабистов, после чего с нами пожелал встретиться И.В. Сталин.

В комнате Сталина беседа текла дольше. Мы сидели и отвечали на вопросы, а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал.

Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент о будущем я не мог и подозревать. Кто бы мог подумать, что наступит время, когда мне доведется в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком — Генеральным секретарем ЦК нашей партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Верховным Главнокомандующим! Однажды уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: «Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?» Я напомнил ему о поезде Москва — Харьков и о майской беседе 1920 года. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми. Действительно, разговор шел в тот раз сначала примерно такой:

— Умеете ли вы обращаться с лошадьми?

— Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.

— Следовательно, знаете, с какой ноги влезать в седло?

— А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.

— А умеете перед седловкой выбивать кулаками воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу?

— Вроде бы умеем.

— Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, поэтому вас туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 49, 50—51.*

С.М.Буденный, 17—21 декабря 1920 года

В Москве открывался VIII Всероссийский съезд Советов. Мы с Клементом Ефремовичем были избраны делегатами съезда. <...>

Утром 17 декабря мы поездом отправились в Москву. Радовались, что снова увидим Владимира Ильича, горячо обсуждали, о чем нужно в первую очередь доложить ему, какие вопросы поставить перед ЦК и правительством. Приехали в Москву под вечер. <...>

На другой день мы решили связаться со Сталиным. Было три человека, которые, на наш взгляд, больше других заботились о 1-й Конной армии, — Ленин, Калинин и Сталин. Мы всегда ощущали их помощь. Позвонили Сталину на квартиру — жил он в Кремле. Слышу в трубке его голос:

— Товарищ Буденный? Знаю о вашем приезде. Приходите, жду. И Ворошилов с вами? Жду обоих.

Сталин тепло принял нас и сразу забросал вопросами: как идет борьба с бандитизмом на Украине, как разворачивается посевная кампания, налажена ли связь с местными партийными и советскими органами, чем живут конармейцы, обсудил ли Реввоенсовет армии вопросы дальнейшего состояния 1-й Конной... Когда мы закончили доклад, он сказал:

— Красная Армия не только верный страж народа, но и верный помощник в труде. Когда пахарь-крестьянин и боец работают на одном поле, работают дружно, рука об руку, тогда крепнет союз армии и труда.

— И я так понимаю, Иосиф Виссарионович.

— Владимир Ильич очень обеспокоен положением дел на Украине. Бандитские отряды Махно надо во что бы то ни стало разбить до весны, дать трудовым селянам Украины возможность организованно и в срок провести сев. У меня был разговор со Скланским. Говорят, что отряды Махно ускользают от 1-й Конной. Так ли?

Я объяснил обстановку. Сталин, попыхивая трубкой, подошел ближе, положил руку на мое плечо.

— Семен Михайлович, Владимир Ильич очень вас ценит и то, что Врангель был успешно разбит — большая заслуга и вашей Конной армии. Уверен, что с махновцами быстро справитесь. Только никому не говорите, что вас хвалим, а то еще сглазим, — шутливо добавил он.

22 декабря мы раньше других поспешили в Большой театр, где проходил съезд.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 179, 180—181.*

1922 год

А. И. Микоян, 13 января, 5—6 февраля 1922 г.

<...> 12 января на мое имя пришла телеграмма с предложением немедленно выехать в ЦК. Для решения вопроса о моей поездке собралось бюро губкома. Из телеграммы не было ясно, с какой целью меня вызывают и надолго ли. Бюро разрешило мне выехать, но в случае долгого отсутствия, я должен был сообщить губкому о причинах задержки. <...>

13 января был уже в столице. В ЦК мне сказали, что меня хочет видеть Сталин и что мне следует пойти к нему на квартиру в Кремль. Он жил в здании, на месте которого теперь стоит Дворец съездов. Сталин занимал две комнаты на первом этаже.

Принял он меня приветливо. Сказал, что вызвал и беседует со мной по поручению Ленина. Речь идет о работе по подготовке к очередному, XI съезду партии. Начал с вопроса о положении у нас, в нижегородской организации. Я коротко сообщил, что после длительной борьбы наша организация оздоровилась, сплотилась вокруг ленинских идей и уверенно идет к предстоящему съезду. Отдельные группки и лица, связанные со Шляпниковым, есть, но они уже не имеют особого значения.

Видимо, Сталин задал этот вопрос, чтобы как-то начать беседу, ибо в ЦК хорошо знали о положении в нашей организации. Поэтому он сразу перешел к делу.

Условия, сказал Сталин, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличается от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий и открытых группировок или политических платформ. ЦК не придает большого значения тому, что Шляпников с узкой группой своих сторонников, оторванный от масс, скрыто ведет групповую работу. Теперь уже он и его группа не представляют серьезной опасности, и если что-нибудь антипартийное возникнет, то быстро провалится.

Главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников. Но пока они ведут себя тихо. Никаких заметных разногласий, могущих отразиться на партии, нет. Конечно, от Троцкого можно всего ожидать. До съезда остается еще два месяца. Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, но, по всему судя, это теперь маловероятно. Надо полагать, что скорее всего, он, наученный горьким опытом его поражения на

Х съезде, изберет другую тактику: пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство. Этим он рассчитывает усыпить бдительность партии, восстановить свой авторитет, провести побольше своих сторонников в Центральный Комитет.

При отсутствии платформ и разногласий делегаты будут отдавать свои голоса за кандидатов в центральные органы партии (по соображениям только их персональных достоинств), предавая забвению прошлые принципиальные разногласия. И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представит опасность для дальнейшей работы ЦК. Потом Троцкий может поднять голову, вызвать разногласия в ЦК и, опираясь на своих сторонников, всячески затруднять работу ЦК, мешать тому, чтобы партия под руководством Ленина сосредоточилась целиком на неотложных задачах, может начать борьбу против Центрального Комитета, как это уже было не однажды.

Поэтому, сказал Сталин, мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд и много ли среди них троцкистов.

В этом отношении нас беспокоит Сибирь. Там еще довольно много троцкистов, они пользуются определенным доверием и влиянием в своих организациях, и поэтому есть опасность, что многие из них окажутся в числе избранных делегатов съезда.

— Вот почему, — сказал он в заключение, — Ленин поручил мне вызвать вас, рассказать об этой обстановке, и, если вы разделяете такой взгляд на положение дел в партии, то попросить вас съездить в Новониколаевск к Лашевичу, чтобы передать ему от имени Ленина все, что я вам здесь сказал...

Я без колебаний заявил, что согласен отправиться в Сибирь с этим поручением, но мне надо хотя бы на день заехать в Нижний Новгород. Сталин согласился. Кроме того, он сказал, что ехать в Сибирь мне следует как бы по личным, семейным делам, и особо предупредил, что обо всем, сказанном им, следует передать только лично Лашевичу.

— Дело в том, — сказал Сталин, — что секретарем Сибирского бюро ЦК сейчас работает Емельян Ярославский. Во время профсоюзной дискуссии он выступал против Троцкого, занимая правильные, ленинские позиции. После X съезда он работал некоторое время секретарем ЦК партии, но работал недостаточно удовлетворительно, и мы решили перевести его на должность секретаря Сиббюро ЦК. Его нынешние настрое-

ния, его позиции пока нам неизвестны. Поэтому, — сказал Сталин, — передайте поручение ЦК только Лашевичу: он сообщит, кому найдет нужным, и сделает практические выводы, чтобы среди сибирских делегатов оказалось поменьше троцкистов.

Я собрался было уходить, как вдруг дверь тихо открылась (это было вечером, уже темнело) и вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, смотря на Сталина и на меня с присущим ему одному прищуром глаз, в шутку сказал:

— Вы что, все свои кавказские разногласия обсуждаете?

Сталин ответил, что передал мне все, о чем было условлено, что я согласен и поеду через день к Лашевичу. Я был смущен этой неожиданной встречей с Лениным и, попросившись, поторопился уйти. Я находился под хорошим впечатлением от этой встречи со Сталиным. Спокойный, доброжелательный тон беседы, то, что провести ее со мной Ленин поручил Сталину, а не кому-либо из секретарей ЦК (в то время Сталин еще не был секретарем ЦК), а главное, то, что Ленин так запросто зашел к Сталину, особенно расположило меня к нему.

Заехав на день в Нижний, я вернулся обратно в Москву, получил в ЦК соответствующую экипировку для защиты от сибирских холодов и в тот же день уехал поездом в Новониколаевск. <...>

Лашевича на месте не оказалось: он был в отъезде. Я, понятно, решил ждать его возвращения. <...>

Через несколько дней вернулся Лашевич. Я тут же с ним встретился и рассказал о поручении, которое мне дано для него от имени Ленина.

Внимательно выслушав меня, он очень обрадованно сказал: «Хорошо, что вы приехали. Мы, как провинциалы ничего подобного даже не предполагали, и немало бывших троцкистов было бы у нас избрано на съезд. Но теперь мы это учтем. Передайте в Москве, чтобы Ленин не беспокоился за Сибирь».

Поездка в Сибирь заняла в общей сложности больше трех недель. Вернувшись, я снова побывал у Сталина, рассказал о выполнении данного мне поручения, об общем положении в партийных организациях Сибири, о своих впечатлениях, о людях, с которыми пришлось познакомиться.

В конце беседы Сталин сказал, что в ЦК есть мнение направить на работу в наш губком Угланова, работавшего до этого секретарем Петроградского губкома.

— Он не сработался там с Зиновьевым, пошли неприятности, и ЦК решил отозвать Угланова из Петрограда. Вместе с

тем, он способный, растущий партийный работник. Выходец из приказчиков, вступил в партию еще до революции. Имеет опыт руководящей партийной работы. Мы считаем целесообразным послать его к вам в Нижний. Он мог бы пока поработать у вас заворотделом вместо Коршунова, а со временем, когда пустит корни в вашей организации, а вам подойдет время перейти на другую работу, Угланов сможет вас заменить. А Коршунова мы направим в другую губернию...

Предложение об Угланове оказалось для меня неожиданным. Я не был с ним знаком, но Сталин так убедительно его рекомендовал, что у меня не могло возникнуть никаких возражений против его кандидатуры. К тому же я понимал, что после работы на посту секретаря одной из самых крупных партийных организаций страны с работой у нас Угланов, конечно, справится.

На том и порешили. Я вернулся в Нижний, а через несколько дней приехал Угланов.

*А.И. Микоян. В начале двадцатых...
Политиздат, М., 1975. С. 140—142, 143, 144—145.*

С. М. Буденный, 3—10 апреля 1922 года.

Сразу же после съезда, 3 апреля, состоялся Пленум ЦК партии, на котором И.В. Сталин был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета РКП(б). Это я узнал от М.В. Фрунзе. <...>

Еще на съезде, когда Сталин беседовал с военными, он сказал, что хотел бы после съезда подробно поговорить со мной о кавалерии, о развитии в нашей стране коневодства и о других, как он сказал, «неотложных вопросах».

Желание Сталина побеседовать со мной было как нельзя кстати: судьба кавалерии, судьба коневодства в стране меня глубоко волновали. Я был рад предложению Иосифа Виссарионовича и сказал, что в любое время я могу зайти в ЦК.

— Зачем в ЦК, — улыбнулся Сталин. — Помните декабрь 1919 года, когда я приезжал в Велико-Михайловку и мы проводили первое заседание Реввоенсовета Конной армии?

— Помню, Иосиф Виссарионович.

— Вы тогда меня очень тепло встретили... А почему я должен вас обижать? Приходите ко мне домой.

— Хорошо, Иосиф Виссарионович.

Я долго не решался звонить Сталину. Теперь, после избрания его на пост Генерального секретаря, он был, конечно, страшно загружен. Не время сейчас говорить о кавалерии и коневодстве. Есть более важные вопросы. Лучше отложить нашу беседу на другое время. Возможно, я так и уехал бы. Но о моем разговоре со Сталиным узнал М.В. Фрунзе. Он сказал:

— Обязательно позвоните, настоятельно рекомендую. Сталин очень интересуется кавалерией. А теперь ему и по долгу службы надо заниматься вопросами строительства и укрепления Красной Армии.

Собравшись с духом, я позвонил Сталину. Ответ был коротким:

— Приходите, жду.

Когда я пришел, Сталин не сразу заговорил, давал мне возможность собраться с мыслями.

— Ну, как дискуссия? — спросил он. — Троцкий и его сторонники против военной доктрины, старая песня... — Он молчал, задумчиво раскуривая папиросу. — Владимир Ильич серьезно заболел, а обстановка в стране тяжелая. Переход на мирное строительство, ликвидация последствий войны — дело сложное, потребует от коммунистов больших знаний, практических навыков, умения организовать массы, возглавить массы и опереться на массы, и больше внимания мелочам, именно мелочам. Все великое строится из малого.

Сталин заговорил о взглядах Фрунзе на единую военную доктрину. Он сказал, что полностью разделяет точку зрения Михаила Васильевича.

— Красную Армию мы будем укреплять, поднимать ее боеготовность из года в год. И кавалерия нам еще крайне необходима, — продолжал Сталин. — Что нужно сделать для ее развития как стратегического рода войск? В этом вопросе вы человек более компетентный, чем кто-либо другой.

Я сказал, что конница находится сейчас в тяжелом положении и, чтобы видеть это, не надо быть большим теоретиком. Проводимая реорганизация кавалерийских соединений сводится, по сути дела, лишь к их сокращению, другие вопросы пока не затрагиваются,

— Какие же это вопросы? — спросил Сталин.

О них мы не раз сообщали Главкому и РВС республики, в частности, давно шла речь об увеличении числа орудий для кавалерийских частей, да и для всей армии, но все остается без изменения. В полку отдельной кавалерийской дивизии лишь два орудия, в полку отдельной кавбригады — одно.

— А у Пилсудского, как помнится, было шесть орудий? — спросил Сталин.

— Пять, Иосиф Виссарионович.

— Еще что вас тревожит?

При современных средствах наблюдения и поражения, говорил я Сталину, конница становится все более уязвимой с земли и воздуха. Важнейшее условие успеха ее атак — внезапность. Только при этом она наносит большой урон противнику. Стремительная атака конных масс наводит ужас на врага, подавляет волю к сопротивлению. Но условия для успешной атаки конница обязана подготовить сама. <...>

Опыт 1-й Конной убеждал в том, что в Красной Армии необходимо сохранить стратегическую конницу, действующую самостоятельно. Кроме того, конные части следует придавать стрелковым дивизиям. Реорганизация проводилась без достаточного учета опыта гражданской войны. Все это поставило конницу в очень тяжелое положение...

Сталин слушал меня не перебивая.

— Да, вижу, с кавалерией совсем худо, — сказал он. — Вам бы следовало вместе с Клементом Ефремовичем представить по этому вопросу специальное письмо. Но будем считать ваше сообщение за мнение Реввоенсовета 1-й Конной.

Я сказал, что если надо, то через неделю такое письмо представим. Сталин махнул рукой.

— Не будем терять времени. Лучше подумайте, как успешнее подготовить Боевой устав кавалерии. Дело это очень нужное.

Затем разговор зашел о коневодстве и коннозаводстве. Признаться, я не ожидал, что Сталин сведущ в этом деле. Он знал, сколько было в стране лошадей, сколько осталось после революции.

— Будем брать курс на полную механизацию народного хозяйства, в том числе, земледелия, — сказал Сталин, — но пока построим заводы, пока научимся делать машины, придется выезжать на лошади. Ныне она — главное средство производства. Поэтому развитие коневодства сейчас — важнейшая задача.

Я сказал Сталину, что, если не будут приняты чрезвычайные меры, мы обречем наше коневодство на страшный упадок. Помимо восстановления конского поголовья надо особое внимание обратить на улучшение качества лошадей, выделить для деревни достаточное количество племенных, кровных. Этим мы заинтересуем самих крестьян, которые охотно помогут нам, и тогда сможем закупать хороших лошадей для армии.

Сталин заметил, что на его взгляд, необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита.

— Но прошу учесть, — предупредил Сталин, — что нужно максимально использовать резервы на местах. А то у нас есть немало фактов, где на местах с лошадьё обращаются безобразно. Кстати, Семен Михайлович, тут в РВС Республики поступила жалоба. — И он многозначительно глянул на меня.

— Какая жалоба? — спрашиваю.

— На вас, Семен Михайлович. Говорят, вы самоуправством занимаетесь. Что там у вас в Ростове приключилось?

И тут я вспомнил. Однажды утром направляюсь в штаб округа. Вижу: на полном галопе скачет по тротуару кавалерист. Люди шарахаются от него в стороны. Крикнул кавалеристу, чтобы остановился и подъехал ко мне.

— Откуда? — спрашиваю.

Он назвал кавалерийскую часть и доложил, что ездил в штаб округа с донесением, а сейчас спешит в часть. Приказал кавалеристу слезть с лошади.

— Это что? — Я показал на окровавленные копыта лошади.

Она была не подкована, а конник гнал ее по камням.

Да, я был крут и суров к тем, кто по-варварски относился к лошадям. Поэтому тот случай не оставил без внимания. Приказал забрать у бойца лошадь, а самого арестовать на десять суток. Вот он и написал на меня жалобу: дескать, поступает Буденный на манер царского офицера.

Уже когда собрался уходить, Сталин сказал:

— Есть предложение, Семен Михайлович. Мы тут посоветовались в Реввоенсовете Республики и решили учредить должность помощника Главкома по кавалерии. Как вы на это смотрите?

— Я — за. Мера важная и нужная. Уверен, что это принесет большую пользу нашему общему делу — укреплению Красной Армии.

— Да, конечно, польза будет, но при одном условии — если на эту должность изберем знающего человека. — Он в упор посмотрел на меня. И вдруг сказал: — Вас рекомендуем, Семен Михайлович.

Я опешил и не сразу нашелся, что сказать. Предложение было по душе. Я смог бы вплотную заняться вопросами дальнейшего укрепления красной кавалерии. И в то же время вполне отчетливо сознавал и как командир, и как коммунист, что много еще незавершенных дел осталось на Северном Кавказе.

Сталин, конечно, заметил мое смущение.

— Вы не решаетесь принять эту должность?

— Иосиф Виссарионович, спасибо за доверие, но разрешите мне еще побыть командиром и членом Реввоенсовета округа. — И рассказал Сталину, почему считаю это необходимым.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — понимаю вас. Основания для такой просьбы с вашей стороны вполне убедительны. Давайте отложим все на год.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 291—295.*

А. И. Микоян, 25—30 апреля 1922 года

В конце апреля 1922 года у меня состоялась еще одна встреча со Сталиным. На этот раз речь шла о моей новой работе.

Сталин сказал, что в ЦК есть намерение выдвинуть меня на работу в качестве секретаря Юго-Восточного бюро ЦК ОКП.

Такое предложение было для меня неожиданным. Мне не хотелось тогда уезжать из Нижнего. Только что начал по-настоящему «влезать» во все нижегородские дела, меня узнали коммунисты и беспартийные рабочие, на последней партийной конференции мне выразили полное доверие. Работал я с большим увлечением, да и дела у нас пошли неплохо. В этих условиях срывать меня с места и посылать на совершенно новую, притом очень большую работу, с которой я, к тому же, мог и не справиться, казалось мне делом несвоевременным.

Поэтому, подумав, я сказал Сталину, что, конечно, ЦК вправе перебросить меня на другое место, но, откровенно говоря, мне хотелось бы еще некоторое время поработать в Нижнем. Это принесет мне как партийному работнику только пользу. Хотя за это время я и успел вникнуть во многие вопросы партийного руководства промышленностью, сельским хозяйством и советским строительством, тем не менее еще не чувствую себя в этом отношении достаточно сильным и мне полезно набрать еще опыта.

Сталин слушал меня очень внимательно, а потом сказал:

— Ты только не прибедняйся. В Нижнем уже многое сделано. Организация заметно выправилась, идейно и организационно окрепла, стала более сплоченной. Значит, главное сделано и ты можешь спокойно перейти на новое место, которое предлагает ЦК.

Тогда высказал свои доводы против назначения меня секретарем Юго-Восточного бюро ЦК партии:

— Это очень большая и ответственная работа. Северный Кавказ — огромный и сложный край. Там много еще не решенных и не очень ясных для меня проблем, связанных, скажем, с казачеством, с горскими национальностями и их взаимоотношениями. Кроме того, это край с большим сельским хозяйством, а у меня как раз мало опыта работы в сельскохозяйственных районах. Я считаю себя пока не подготовленным к такой большой работе и боюсь, что не оправдаю надежд ЦК.

Сталин на это отвечал:

— Не преувеличивай трудностей. Конечно, они там есть. Секретарем бюро ЦК работает сейчас Виктор Нанейшвили, которого ты должен хорошо знать еще по Баку. Он старый большевик, бывший учитель. Но он и в партийной работе сохранил стиль учителя: больше поучает и разъясняет. Организационно объединить и сплотить людей ему не удалось. Кроме Ставропольской губернии, местные организации не поддерживают бюро ЦК, считая его излишним звеном, средостением между ними и ЦК. Мы же считаем, — продолжал Сталин, — что при существующих средствах связи и неокрепшем аппарате в самом ЦК из Москвы трудно руководить и решать специфические и действительно порой очень сложные вопросы этого края. Бюро ЦК — не лишнее звено, а необходимый орган ЦК партии в крае. На первых порах главная задача там — укрепление политической, партийной, организационной работы. С этим ты вполне справишься. Что же касается хозяйственных дел, то ЦК готов дать крупных хозяйственников из Москвы. После ознакомления с делами на месте тебе станет ясно, каких работников нужно направить в этот край. Во всяком случае, жалеть людей для этого края ЦК не будет.

Опровергнуть эти доводы Сталина было, конечно, трудно: они были довольно убедительны. Вообще Сталин умел уговаривать. Я только высказал ему еще одно соображение:

— В состав Югвостбюро сейчас входит командующий Северо-Кавказским военным округом Ворошилов. Я с ним никогда вместе не работал. Он известный политический деятель. Как большевик и член ЦК партии намного старше меня. У него, наверное, уже сложилось свое твердое мнение по всем местным вопросам и он, естественно, будет защищать свои позиции. В чем-то мы можем ведь и разойтись. На этой почве у нас могут возникнуть конфликты. Я его уважаю и не хотелось бы вступать с ним в столкновения, а приспособливаться не могу...

Сталин стал заверять меня, что ничего этого не случится.

— Можешь действовать вполне самостоятельно и ничего не опасаться. Я знаю Ворошилова как толкового и умного человека. Он хороший товарищ и не будет мешать тебе в работе. Наоборот, всячески поможет. Обещаю лично поговорить с Ворошиловым.

После этого уже ничего не оставалось, как дать согласие на предложение ЦК.

В конце беседы Сталин обратил внимание, что я крайне исхудал и что у меня вообще довольно болезненный вид. Действительно, выглядел я неважно, — видимо, сказалась жизнь на тогдашнем полуголодном пайке. Однако, я сказал лишь о том, что месяц назад около двух недель болел воспалением легких и лежал в постели с высокой температурой.

Тогда он предложил мне поехать в дом отдыха ЦК недалеко от Риги, на берегу Балтийского моря.

— Там хорошие условия, и ты сумеешь быстро подкрепиться. — Я согласился, тем более что после 1917 года я еще ни разу не был в отпуске. Меня тронуло проявление такой заботы со стороны Сталина.

Прощаясь со мной, Сталин сказал:

— Поезжай в Нижний, можешь проинформировать членов бюро губкома о намерении ЦК отозвать тебя из Нижнего и жди решения ЦК.

<...> Решение о моем отзыве из Нижнего и назначении секретарем Юго-Восточного бюро ЦК было вынесено 2 мая 1922 года.

*А.И. Микоян. В начале двадцатых.
Политиздат, М., 1975. С. 162—164, 166.*

А.И. Микоян, 4—7 августа 1922 года

<...> в самых первых числах августа 1922 года, я выехал в Москву для участия в работе XII Всероссийской партийной конференции.

В конце мая 1922 года у Ленина случился первый приступ болезни. Все мы, делегаты, собравшись в Кремле, с особым волнением ждали сообщения о здоровье Владимира Ильича.

В первый же день работы конференции, 4 августа 1922 года, делегатов проинформировали, что по заключению авторитетнейших врачей, как русских, так и иностранных, здоровье и

силы Владимира Ильича не только восстанавливаются, но уже, можно сказать, восстановились. Владимиру Ильичу нужен только временный отдых. Вскоре он собирается занять свой боевой пост <...>

На следующий день, на вечернем заседании, с внеочередным заявлением выступил Сталин. Он сказал: «Я имею заявить, что сегодня был вызван к товарищу Ленину и он, в ответ на приветствие конференции, уполномочил меня передать вам, что благодарит за приветствие. Он выразил надежду, что не так далек тот день, когда он вернется в наши ряды на работу».

В зале вновь разразилась буря аплодисментов. Во время конференции у меня, да и у ряда других делегатов возникло недоумение, почему Сталин, в ту пору уже Генеральный секретарь ЦК партии, держался на этой конференции так подчеркнуто скромно.

Кроме краткого внеочередного выступления — рассказа о посещении Ленина в связи с нашим приветствием, он не сделал на конференции ни одного доклада, не выступил ни по одному из обсуждавшихся вопросов.

Это не могло не броситься в глаза. Зато Зиновьев держался на конференции чрезмерно активно, изображая из себя в отсутствие Ленина как бы руководителя партии. Он, например, выступал с двумя докладами — об антисоветских партиях и о предстоящем IV конгрессе Коминтерна. Сталин, бесспорно, мог бы доложить, скажем, об антисоветских партиях ничуть не хуже его, поскольку материалов и источников информации у него было не меньше, да и знал он этот вопрос не менее глубоко.

Открыл конференцию Каменев. Казалось вполне естественным, чтобы с заключительной речью выступил Генеральный секретарь ЦК партии. Однако, председательствовавший на последнем заседании Зиновьев почему-то предоставил слово для закрытия конференции Ярославскому.

Ретивость Зиновьева я объяснил его особой жадностью ко всяким публичным выступлениям и его стремлением непомерно выпячивать свою персону — этим он уже «славился».

Никаких особых разногласий в Руководстве тогда не было, и в связи с этим чувствовалась общая удовлетворенность делегатов от того, что они продолжают дружно работать и теперь, во время вынужденного отсутствия Ленина.

*А.И. Микоян. В начале двадцатых...
Политиздат, М., 1975. С. 193—194*

1924 год

С.М. Буденный, январь 1924 года

Я получил предписание сдать армию и выехать в Москву. Ждал этого, был предупрежден о возможном перемещении еще год назад и все же несколько растерялся. Не представлял себе, как буду жить без Конармии, без постоянной заботы о ней. <...>

...И вот я в Москве. Явился к Главкому. Уточнили, что входит в мои обязанности. Как говорится на официальном языке, принял дела от А.А. Брусилова. Вскоре меня пригласил к себе Сталин. В его комнате находился Калинин.

Сталин поздравил меня с назначением на новую должность, сказал, что партия сейчас принимает важные решения, и одним из них является укрепление Красной Армии, восстановление коневодства.

— Это то, что будет относиться к вашей компетенции, Семен Михайлович, — сказал мне Сталин. — Надеемся, что вы умело станете выполнять новые обязанности.

— Постараюсь, Иосиф Виссарионович.

— Уверен, справитесь, дело вам знакомое, немного и крестьянское, — поддержал меня Калинин.

— Наша партия — руководящая, — продолжал Сталин. — Но ее руководящая роль должна выражаться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты становились люди, способные понять наши директивы и способные провести их в жизнь честно. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. А любителей махать руками, к несчастью, у нас еще немало.

— И сановников тоже, — добавил Калинин.

— Да, и сановников.

Обстановка в стране была напряженная. Кулаки, торговцы, используя нэп, поднимали голову. Хозяйственный аппарат только еще сколачивался. Кадров не хватало <...>

Оппозиционеры обвиняли Сталина и других членов ЦК в бюрократизме, отрыве от масс, неумении решать хозяйственные вопросы и т.п., и вместе с тем, Троцкий высокомерно отказывался занять какой-либо пост в советских органах (в СТО, Совнарком, Госплане), хотя ЦК дважды предлагал ему это.

— Троцкий ведет себя вызывающе, — сказал Иосиф Виссарионович, — противопоставляет себя ЦК. На одном из пле-

нумов ему заметили, что член ЦК не может отказываться от исполнения решений ЦК. Он сорвался и покинул заседание. Пленум направил к Троцкому целую «делегацию» с просьбой вернуться. Он категорически отказался.

«Капризничает, — подумал я. — Ведет себя, как кисейная барышня, а еще коммунист.» И сказал вслух:

— Ну и пусть не возвращается, невелика потеря.

Калинин улыбнулся.

— Говорите, пусть не возвращается? — спросил Сталин. — Но другие уже подняли крик: мы обидели Троцкого... Владимир Ильич тяжело болен. Оппозиция поднимает голову. Им не нравится партийная дисциплина, требуют свободы фракций. Керзоны, всякая белогвардейская шваль, меньшевики только и ждут, что в нашей партии начнется стычка. Между прочим, платформу сорока шести подписал и Бубнов. Вероятно, по недоразумению, — добавил Сталин.

— Мало знаю его, в бою с ним не был — проговорил я.

— Хорошо сказано: в бою с ним не был, — заметил Михаил Иванович.

Я передал Сталину мнение Ворошилова и мое о положении в СКВО.

— Да, — коротко сказал Сталин. — ЦК принимает самые решительные меры.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 322, 323—324.*

Часть II

ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

(1925—1941 годы)

1928 год

С.М. Буденный, декабрь 1928 года

Характерно, что сам народ не давал в обиду Первую Конную. В связи с этим невольно вспоминается история с книгой И.Э. Бабеля «Конармия», отрывки из которой в 1924 году опубликовал журнал «Красная новь». Как только рассказы Бабеля были опубликованы, в редакции центральных газет, в Реввоенсовет Республики и ко мне посыпались письма с резким протестом. В письмах говорилось, что автор тенденциозно освещает жизнь конармейцев, умышленно гиперболизирует, обобщает частные недостатки, что своим произведением Бабель бросает тень на всю Красную Армию. <...>

Полемика об этой книге продолжалась и в 1928 году. Тогда в газете «Правда» 26 октября было опубликовано мое открытое письмо, а 28 ноября — Алексея Максимовича Горького. На этом бы и поставили точку, но отклики на письма побудили меня подготовить еще одну статью на эту тему.

Статья получилась большой. Я уже собрался отправить ее в редакцию «Правды». Но меня вызвал И.В. Сталин. После обсуждения ряда вопросов, связанных с обороной страны, Сталин неожиданно сказал:

— Читал в «Правде» ваше открытое письмо Горькому и ответ Алексея Максимовича. Вижу, крепко задел вас этот вопрос.

— Очень крепко, товарищ Сталин, — сказал я. — Конечно, в Конармии были случаи грубого нарушения бойцами дисциплины, некоторых мы даже отдавали под суд ревтрибунала. Но ведь это — единицы! А Бабель написал о Первой Конной так, что у читателя создается неверное представление о конармейцах, как и о всей Красной Армии.

Я доложил Сталину, что собирался отправить новое письмо в «Правду».

— Могу ознакомиться с ним, прежде, чем оно будет опубликовано? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Конечно, товарищ Сталин, — поспешно ответил я.

— Пришлите, пожалуйста, мне его.

— Оно со мной.

— Тем лучше.

Я вынул из планшета статью и передал Сталину. Он сел за стол и стал внимательно читать.

Не скрою, я очень переживал, что Сталин скажет. Иосиф Виссарионович встал из-за стола:

— Максим Горький сейчас в Италии, болеет и я бы посоветовал воздержаться от публикации письма. Вы правильно ставите вопрос. О бойцах Красной Армии, защитниках Октября, надо писать с любовью и уважением, и я уверен, что эту точку зрения разделяет с нами и Максим Горький. И не надо заострять свой спор с ним, Семен Михайлович. Это только на руку нашим врагам. Вот приедет, и тогда все обсудим.

— Согласен, товарищ Сталин.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 398—400.*

1929 год

С.М. Буденный, 1—10 июля 1929 года

Помню, летом 1929 года мы, члены Реввоенсовета, были приглашены в ЦК. Нарком К.Е. Ворошилов докладывал наши соображения о коренной технической реконструкции Красной Армии.

Сталин в основном одобрил наши предложения.

— Ваши специалисты хорошо потрудились, — сказал он. — Расчеты произведены со знанием дела, с учетом большой перспективы. Можете не сомневаться — советский народ даст своей Красной Армии все необходимое для разгрома любого врага. — Сталин помолчал. — И все же кое-что не учтено. Вы упускаете один очень существенный момент. Скоро в войска начнет поступать в большом количестве новая техника. Гото-

вы ли красноармейцы принять ее? Задача состоит в том, чтобы в короткий срок овладеть ею. Рабочие, не жалея сил, создадут грозную машину, — танк, самолет. А в чьи руки она попадет? Не получится так, что через несколько дней танк превратится в груды безжизненного, бесполезного для вас металла? Подумайте об этом. Общеобразовательный уровень молодежи, конечно, поднялся, но недостаточно. Еще много малограмотных, есть и совершенно неграмотные — вам это лучше знать.

— Есть, — согласился Климент Ефремович. — Ликбезы в армии продолжают действовать.

— Русские крестьяне, — вновь заговорил Сталин, выслушав Ворошилова, — непосредственно не сталкивались с машинами на протяжении всей истории русского государства. Машина будет ломать не только старую экономику, старые хозяйственные отношения, но и психику людей. Главная задача всей партии на ближайшее время — поднимать народ на овладение техникой. Старый лозунг «Техника в период реконструкции решает все» партия заменяет новым: «Решают все кадры, овладевшие техникой».

Сталин прошелся по кабинету.

— Подумайте вот над чем. С техникой меняются тактика и оперативное искусство. Надо заново переучивать всю армию. Как, где будет обучаться высший комсостав? Как организуете подготовку среднего? А командиры отделения? Подумайте над вопросами наиболее полного использования техники... На очереди овладение воздушным океаном для переброски по воздуху грузов. Вполне реальная перспектива — высадки, а может быть, и выброски десантов. Преимущества очевидны: быстрота, внезапность, снимается зависимость от дорог.

— И овса не нужно, — заметил Орджоникидзе, лукаво взглянув на меня.

— Авиация не отменяет кавалерию, — усмехнулся в усы Сталин. — А вопросы взаимодействия авиации и кавалерии, взаимодействия всех родов войск в связи с появлением нового оружия приобретают особо важное значение.

После совещания у Сталина Центральный Комитет 15 июля 1929 года принял постановление «О состоянии обороны СССР».

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 340—341.*

Н.Г. Кузнецов, 26 июля 1929 года

...необычный и неожиданный поход «Червоной Украины», вклинившийся в наши планы в самый разгар летней боевой подготовки, состоялся в июле 1929 года.

Однажды намеченный поход в море на стрельбы и учения отменили. Моряков крейсера, одетых по форме №1, во все белое с головы до ног, построили на палубе. В глубине Южной бухты показался большой штабной катер. Когда он приблизился, мы увидели на нем И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе. Их сопровождали В.М. Орлов и Г.С. Окунев. Едва гости ступили на крейсер, он снялся с бочки и, быстро развернувшись, лег на Инкерманские створы. Шли неподалеку от берега. Предстояло сделать короткую остановку близ Мухалатки, где отдыхал К.Е. Ворошилов. Спущенный на воду катер доставил к нам Наркома обороны. Вместе с ним прибыла, помнится, дочка Орджоникидзе — девочка лет восьми-деяти. Ей, видимо, очень хотелось побывать на военном корабле. Быстро закончились деловые переговоры. Сфотографировавшись с командой корабля, К.Е. Ворошилов покинул «Червону Украину».

<...> Наши гости, собравшись на мостике, наслаждались вечерней прохладой. И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе были еще не старыми людьми. Оба были одеты в серые кителя. Григорий Константинович, помнится, прислонился к обвесу мостика и о чем-то рассказывал живо, темпераментно, с грузинским акцентом, то и дело жестикулируя. И.В. Сталин часто набивал свою трубку и, как мне показалось, не затягиваясь, выпускал дым. <...>

Смысл беседы высоких гостей остался для меня неведомым: не положено молодому командиру вмешиваться в разговоры большого начальства. Но мне думается, что даже столь короткое пребывание на корабле И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе, ведавшего тогда тяжелой промышленностью, сыграло большую роль в деле строительства флота. Лет шесть спустя, будучи командиром «Червоной Украины», я вновь встретился на этом корабле с Серго Орджоникидзе. Из разговора с ним убедился, что он хорошо знает планы строительства флота. Зрели они годами!

На корме корабля состоялся вечер флотской самодеятельности. Не без помощи «артистов» с других кораблей представ-

ление удалось, и, как нам показалось, все остались довольны. В тот вечер, 26 июля 1929 года И.В. Сталин сделал запись в корабельном журнале: «Был на крейсере «Червона Украина». Присутствовал на вечере самодеятельности... Замечательные люди, смелые, культурные товарищи, готовые на все ради нашего общего дела...»

Годы и обстановка изменили впоследствии характер Сталина... 26 июля крейсер бросил якорь на Сочинском рейде, и гости сошли на берег.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 44—46.

1930 год

С.М. Буденный, конец ноября 1930 года

В конце сентября 1930 года я предложил Клименту Ефремовичу в связи с приближающейся десятой годовщиной разгрома Врангеля провести в стране «Декаду обороны».

Ворошилов одобрительно отнесся к моему предложению, однако сказал, что решать такие вопросы прерогатива ЦК партии.

— Доложите об этом Сталину, — сказал он.

Однако, Сталину я так и не смог доложить. Это сделал сам Ворошилов как председатель РВС СССР. Спустя несколько дней, 5 октября, уже было принято постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу. ЦК партии согласился с предложением Реввоенсовета о проведении «Декады обороны».

Прошла «Декада обороны» с 15 (день окончательного разгрома Врангеля) по 25 ноября. Миллионы советских людей приняли в ней активное участие. Этим они выразили горячую любовь к армии и флоту, готовность сделать все возможное, чтобы еще выше поднять боеготовность Советских вооруженных сил, укрепить их могущество.

Вскоре по каким-то делам меня вызвал Сталин. Обсудив необходимые вопросы, он вдруг спросил:

— А почему вы не пришли ко мне насчет «Декады обороны»?

Я растерянно пожал плечами:

— Не решился, товарищ Сталин. Свое мнение я доложил председателю Реввоенсовета.

— Ну и зря, — жестко сказал Сталин. — Вы являетесь членом Реввоенсовета и обязаны добиваться решения всех вопросов. Плохо, что не пришли. А декада прошла хорошо.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 343—344.*

1931 год

В.С. Емельянов, февраль 1931 года

Нам, работникам оборонной промышленности, поручено самое важное — создание средств защиты нашего государства. Государства, за которое отдали свою жизнь многие тысячи борцов, за которое мы вели бои с многочисленными врагами, внутренними и внешними. Кем были мы еще несколько лет назад, до Октябрьской революции? Какой была тогда наша страна? » Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь? » — об этом напомнил нам И.В. Сталин в феврале 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Тогда же он говорил о необходимости увеличивать темпы нашего движения вперед.

«Задерживать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!» И передо мной как на табло загорелись слова: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно».

Каждая фраза этого выступления буквально жгла своей правдой, призывая к тому, чтобы возможно быстрее поднять нашу индустриальную мощь — нам это поручено в области военной техники. Мы должны это сделать — и сделаем. Как бы это ни было трудно. Как важно, чтобы все участвующие в нашем великом деле отчетливо понимали это.

*В.С. Емельянов. На пороге войны.
Советская Россия, М., 1971. С. 63—64.*

1932 год

С.М. Буденный, 1932 г.

Реввоенсовет СССР работал очень напряженно. Коренная перестройка Вооруженных Сил требовала не только сил, опыта, но и знаний. Следовало совершенствовать теорию военного дела и методику подготовки войск. Надо было учиться прежде всего нам, высшему командному составу, чтобы обогатить себя знаниями и успешно обучать подчиненных.

Мне самому очень хотелось учиться в академии им. М.В. Фрунзе. Однако, все мои попытки ни к чему не приводили. Нарком обороны, выслушав однажды мою просьбу, усмехнулся:

— Вам скоро пятьдесят, Семен Михайлович, а в академии учатся молодые. И на вас лежит ответственная работа.

— Но ведь можно при академии создать курсы?

Климент Ефремович пожал плечами:

— Ну, сам я не могу решать такой вопрос...

— А что делать?

— Обратитесь к Сталину.

Вскоре после одного из совещаний у И.В. Сталина, когда в кабинете остались лишь В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, я доложил о разговоре с наркомом, закончив:

— Не разрешает мне учиться Климент Ефремович!..

— Учиться никогда не поздно, — заметил Сталин. Помолчал, раскурил трубку и словно рассуждая вслух: — Воевали вы неплохо. Но время гражданской войны кануло в прошлое. Теперь война — если, разумеется нам не удастся предотвратить ее — будет носить совершенно другой характер. Все это требует от вас, военных, новых знаний, умения командовать войсками в новых условиях. Я тоже считаю, — продолжал Иосиф Виссарионович, — что вам обязательно нужно подучиться в академии. И не только вам... — Сталин глянул на Ворошилова. — Пожалуй, Буденный прав, надо при академии создать специальную группу, где могли бы учиться военачальники, разумеется, без освобождения от основной работы. Подумайте, Климент Ефремович... <...>

Итак, в академии была создана особая группа, в которую входили высшие командиры, имевшие богатый боевой опыт и проявившие незаурядные военные способности, но не получившие военного образования. Мне разрешили учиться только без отрыва от исполнения служебных обязанностей. <...>

Чтобы было понятно, насколько сложно и трудно было учиться тем командирам, которые сочетали свою учебу с работой, я приведу примерный распорядок своего рабочего дня. В 7.00 — подъем, физзарядка, завтрак. С 8.00 до 14.00 — занятия в академии. С 14.00 до 15.00 — обед, а затем до 24.00 — работа в инспекции кавалерии, в комиссиях, на различных конференциях. В 24.00 — ужин и до 3.00 — подготовка к занятиям в академии.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 355—356, 357.*

С. М. Буденный, 1932—1933 годы

У меня со Сталиным было немало встреч, бесед по многим вопросам. Мне нравились в характере Сталина такие черты, как прямота, откровенность, твердость. Не могу не сказать, как однажды Сталин едва не объявил мне выговор. А было это так. Нам, группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, предстояло выполнить прыжки с парашютом. С этой целью выехали на учебный аэродром. День выдался погожий. С набором высоты самолет стало слегка покачивать. Настроевание у меня бодрое, хотя еще ни разу не прыгал.

Секунда — лицом ощутил упругий ветер... Не стану описывать чувства, которые владели мной в те минуты, скажу одно: прыжок прошел успешно. И на земле выполнил поставленную задачу (в полет я уходил командиром батальона).

Вскоре состоялся выпуск слушателей академии, на котором присутствовали руководители партии и правительства. Торжественное собрание проходило в Кремле. После официальной части состоялся прием.

Там Роберт Петрович Эйдеман, бывший командарм 13-й армии, поднял тост за меня. Он начал рассказывать, как я учился. Роберт Петрович говорил, что Буденный, несмотря на свой высокий пост и солидный возраст, учился старательно.

Когда Эйдеман упомянул о прыжке с парашютом, Сталин серьезно сказал:

— Товарищ Буденный, а кто вам разрешил это делать? Ведь членам правительства нельзя водить машины, дрезины по железной дороге, а вы вдруг прыгнули с парашютом? Вы нарушили партийную дисциплину.

Сталин глянул в сторону Ярославского: он в то время был председателем ЦКК.

— Товарищ Ярославский, разберитесь в партийном порядке...

Тут уж не до веселья. Чувствовал себя очень неловко, но все же решительно возразил:

— Товарищ Сталин, я выполнял прыжок с парашютом не как член правительства, а как слушатель академии, который обязан пройти всю учебную программу.

Меня поддержал начальник академии. Наступила пауза. Потом Сталин сказал:

— Ну, если товарищ Буденный делал это по долгу службы, тогда другой разговор...

Весной 1933 года Сталин пригласил меня к себе.

— Семен Михайлович, — сказал Иосиф Виссарионович, — поздравление ЦК партии по случаю вашего пятидесятилетия вы уже получили, а сейчас лично хочу поздравить вас.

И Сталин крепко пожал мне руку.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович.

В тот вечер мы долго беседовали, вспоминали гражданскую войну, ожесточенные бои под Царицыном... Когда я уходил, Сталин сказал:

— Семен Михайлович, у нас с вами давняя боевая дружба, а фотокарточки вашей не имею, может быть, подарите?

Я не растерялся:

— А вы мне свою?

— Пожалуйста, Семен Михайлович.

Сталин извлек из стола свою фотокарточку и написал: «Создателю красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И.В. Сталина».

Этот портрет с надписью висит у меня в кабинете.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 403—404.*

1935 год

И. М. Майский, 29 марта 1935 года

29 марта Сталин принял Идена. Встреча происходила в Кремле, в кабинете предсовнаркома В.М.Молотова. Присутствовали Сталин, Молотов, Литвинов и я, а с английской стороны — Иден и английский посол в Москве лорд Чилстон. Мне

пришлось идти по коридору вместе с Иденом, и я заметил, что Иден сильно волновался в связи с предстоящей встречей. Все мы были одеты в обычные костюмы с галстуками — только Сталин составлял исключение: на нем была серая тужурка, серые брюки и высокие сапоги. Он был спокоен и бесстрашен. Переводил, в основном, Литвинов, иногда помогал ему я. Центральным предметом разговора являлась опасность войны. Сталин прямо поставил Идену вопрос:

— Как вы думаете, опасность войны сейчас больше или меньше, чем накануне 1914 года ?

Иден был не совсем определен, но все-таки из его ответов явствовало, что опасность войны в 1914 г. была больше. Сталин возразил:

— А я думаю, что сейчас эта опасность больше. В 1914 году имелся только один очаг военной опасности — Германия, а теперь два — Германия и Япония.

Иден подумал и признал, что мнение Сталина имеет под собой серьезное основание.

Потом говорили о других международных проблемах, рассматривали висевшую на стене карту мира и в конце концов пришли к утешительному выводу, что во всяком случае между СССР и Англией сейчас нет никаких серьезных вопросов спорного характера

*И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата.
Международные отношения. М., 1987. С. 317—318.*

В. Г. Грабин, 14 июня 1935 года

<...> 14 июня 1935 года я приехал на полигон очень рано: хотелось все проверить, во всеоружии встретить день, который неизвестно, что мог мне принести. <...>

<...> И действительно, буквально за три-пять минут до начального срока из проходной на полигоне показалась группа людей. Впереди в кожаном пальто шел К.Е. Ворошилов, несколько позади — И.В. Сталин в сером летнем пальто, в фуражке и сапогах, рядом шагал В.М. Молотов в темном реглане и в шляпе, чуть поодаль — Т.К. Орджоникидзе в фуражке защитного цвета со звездочкой и в сапогах, почти рядом с ним — В.И. Межлаук в серой шляпе и в сером летнем пальто, а с обеих сторон и сзади шли неизвестные мне военные и штатские. <...>

<...> Они прошли к правифланговому орудию, к универсальной пушке «Красного путиловца», поздоровались с Махановым, и тот с добродушной улыбкой начал свой доклад. Мне очень хотелось услышать его, но я стоял далековато и почти ничего не слышал. Время идет, а Маханов все рассказывает. По всему видно, что обстановка довольно-таки непринужденная. Часто даже смех раздается. Для полного успокоения мне нужно было бы слышать Маханова, который, как видно, довольно подробно касается конструкции отдельных механизмов и агрегатов.

Я начал было подумывать над тем, что слишком заузил свой доклад, и стал мысленно его расширять, как вдруг слышу:

— Товарищ Маханов, вы слишком подробно... Пожалуй-ста, нельзя ли покороче?

Это сказал Ворошилов. Маханов мгновенно умолк, на лице его появилась растерянность. Видя это, Сталин заметил Ворошилову:

— Зачем вы его сбиваете, пусть он докладывает, как готовился. — И затем Маханову: — Продолжайте!..

Маханов оживился, слегка улыбнулся и стал продолжать. Я думал, как же мне докладывать? Коротко или длинно? Посмотрел, сколько выставлено пушек, и решил: коротко! <...>

Осмотр универсальной пушки окончился, все направились к нашему орудю. Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Мысли спутались. Казалось, вот-вот я потеряю самообладание.

Послышался голос Ворошилова:

— Товарищ Грабин, расскажите о своей пушке.

Начал я не сразу. Рука сама было потянулась в карман, где лежала заготовленная шпаргалка, и тут же мне стало стыдно. Что я, не знаю своей пушки? <...>

Начал с пушки Ф-22. Сказал о ее назначении, перечислил основные показатели — габариты, вес в походном и боевом положении, начальную скорость снаряда, дульную энергию, или иначе говоря, мощность, которая может быть повышена. Отметил, что примененная нами новая гильза способна вместить увеличенный заряд пороха: повышение мощности пушки может потребоваться для пробивания брони более совершенных танков. Сейчас пушка способна уничтожить любой танк из находящихся на вооружении других армий, но мы думаем, что мощность броневой защиты будет наращиваться за счет толщины брони и за счет научно-исследовательских и конструкторских достижений — путем нахождения наиболее невыгодного

для снаряда угла встречи с броней, чтобы достичь большего ricochetирования, и за счет повышения качества стали. Подчеркнув большую скорострельность Ф-22 в сравнении с трехдюймовкой и то, что Ф-22 соответствует всем тактико-техническим требованиям Артиллерийского управления НКО, предъявленным к полууниверсальной пушке, но она на 550 килограммов легче и создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании, что очень существенно, особенно, в случае войны. <...>

Вопросов мне было задано немного. Я не понял, удовлетворил ли всех мой доклад. Руководители партии и правительства направились к следующей нашей пушке, а ко мне подошел директор и сказал, что я был слишком краток и что о второй пушке он сделает сообщение сам. Его заявление меня потрясло. Не успел я опомниться — он уже докладывал. Но и Леонард Антонович проговорил недолго. Все направились к полууниверсальной пушке завода имени Калинина, откуда стал доноситься голос В.Н. Сидоренко, начальника КБ, а я стоял и тяжело переживал свою неудачу. Очень жалел, что не доложил также подробно, как Маханов, но уже было поздно. Не пойдешь и не попросишь еще раз выслушать тебя по поводу той же пушки. Не было никакой возможности исправить положение, хоть уходи. В общем, горькие мысли прямо роились в моей усталой голове. Вдруг вижу: Сталин отделился от всей группы и направился в мою сторону.

Что это может означать, почему вдруг он направился опять на правый фланг? Я продолжал стоять в стороне, но все мои мысли, только что меня волновавшие, мгновенно испарились, меня стало занимать лишь то, что Сталин идет в мою сторону. А Сидоренко продолжал докладывать о своей пушке.

Сталин подошел к доске, на которой были выписаны данные о нашей «желтенькой», остановился и стал внимательно знакомиться с ними.

Я все еще стоял в стороне, затем подошел. Сталин обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действия всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность оружейного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

— Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая.

Мне было приятно слышать столь высокую оценку, но я ничего не сказал, а Сталин повернулся и пошел к группе, которая слушала доклад о следующей пушке. <...>

Затем направились к 122-миллиметровой корпусной пушке А-19, находящейся на вооружении армии, осмотрели еще ряд орудий, в том числе 203-миллиметровую гаубицу Б-4. За это время не было ни одного перерыва на отдых. Наконец пришли к последнему орудю большой мощности. Докладывал начальник КБ Магдасеев. Он был краток. Орудие произвело благоприятное впечатление. Сталин поговорил с рабочими завода, среди которых были и пожилые и молодежь. Поинтересовался, как старшие передают свой опыт молодым и как молодые его воспринимают. В конце беседы сказал:

— Хорошо, что вы дружно работаете. Всякая даже маленькая драчка пагубно отражается на деле.

На этом ознакомление с материальной частью артиллерии было закончено. Руководители партии и правительства и другие товарищи направились к блиндажам, чтобы оттуда наблюдать стрельбу. <...>

Как только орудие подготовили к бою, последовала команда «огонь». Все прильнули к щелям. Грянул выстрел. Полуавтоматический затвор не сработал. Замковый вручную открыл затвор, выбросил гильзу. Последовал второй выстрел, затем третий... Полуавтоматический затвор чаще отказывал, чем работал. Наконец, было сделано положенное число выстрелов, подали команду «отбой».

Надо сказать, не только Маханов переживал неудачу, но и я вместе с ним: как-то поведет себя полуавтоматический затвор на наших пушках? И вот команда нашему орудю: «Огонь!» Орудийный расчет выполнил команду четко, это было приятно, но нервы мои сильно напряглись.

Орудие!

Грянул выстрел, полуавтоматический затвор сработал. Затем второй, третий выстрел и... последний.

Все в порядке. От волнения и радости у меня даже дух захватило. Как только орудие умолкло, Сталин сказал Маханову:

— Ваша пушка отказывала, а пушка Грабина работала четко, приятно было смотреть.

— Грабин — мой ученик, — ответил Маханов.

— Это хорошо, — сказал Сталин, — но он вас обскакал.

Стрельба продолжалась.

Это было зрелище внушительное. Началось с 76-миллиметровых пушек и закончилось самыми крупными калибрами. Трудно передать словами всю красоту этой стрельбы — она показывала, насколько мощна наша артиллерия. Когда закончилась стрельба из последнего орудия, Сталин произнес: «Все!» — и отошел от амбразуры. Выйдя из блиндажа, заговорил негромко, как бы думая вслух:

— Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибаться при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но уже есть. Их надо растить.

Мы с Махановым шли рядом с ним, я справа, а он слева, но ни я, ни он не промолвили ни слова — было ясно, что Сталин не с нами ведет этот разговор. Потом он остановился. Остановились и мы. Сталин сказал:

— Познакомьтесь друг с другом.

Мы в один голос ответили, что давно друг с другом знакомы.

— Это я знаю, — сказал Сталин, — а вы при мне познакомьтесь.

Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, и мы пожали друг другу руки.

— Ну вот и хорошо, что вы при мне познакомились, — сказал Сталин.

Я не мог ничего понять. Сталин обнял нас обоих за талии и мы пошли к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин опять остановился и сказал:

— Товарищ Маханов, покритикуйте пушки Грабина.

Этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

— О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать.

Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

— Товарищ Грабин, покритикуйте пушки Маханова.

Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

— Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел о том, что сказал.

«Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, — рассуждал я мысленно, — ну, а раз спросили!..»

Помолчав немного, Сталин предложил мне:

— А теперь покритикуйте свои пушки.

Этого я совершенно не ожидал. Ждал или не ждал — неважно. Умел критиковать чужую пушку, сумею покритиковать и свои. И тут меня очень выручил стиль нашей работы, — то, что мы всегда объективно оценивали нами сделанное. Строго оценивались на описанном мною совещании и эти пушки. Я рассказал о недостатках. Перечислял их, объяснял, как они могут быть устранены, и в заключение сказал, что устранение дефектов значительно улучшит боевые качества пушек. От своей самокритики я даже вспотел.

Сталин сказал:

— Хорошо вы покритиковали свои пушки. Это похвально. Хорошо, что, создав пушки, вы видите, как они могут быть улучшены. Это значит, что ваш коллектив будет расти, прогрессировать. А какую из ваших пушек вы рекомендуете принять на вооружение?

Опять неожиданный вопрос. Я молчал. Сталин спросил еще раз. Тогда я сказал, что надо бы прежде испытать пушки, а потом уже давать рекомендации.

— Это верно, но учтите, что нам нужно торопиться. Времени много ушло и оно нас не ждет. Какую же вы рекомендуете?

Я сказал, что рекомендую «желтенькую».

— А почему именно эту, а не другую?

— Она лучше, чем Ф-20.

— А почему она лучше?

— Ф-22 мы проектировали позже, чем Ф-20, учли и устранили многие недостатки.

— Это хорошо. А теперь мы отправим вашу пушку в Ленинград, пусть военные ее испытают. Я правильно понял вас, что в ней нет ничего заграничного?

— Да, товарищ Сталин, она создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании.

— Это замечательно, — сказал Сталин.

Похвалу слышать было приятно, но отдавать военным для испытаний опытный образец пушки — такого в практике проектирования никогда не было. Всегда КБ предварительно отлаживало, испытывало опытный образец, а потом сдавало его

заказчику. Никогда еще не бывало, чтобы опытный образец без заводских испытаний был направлен на полигонные.

— Ну что ж, не бывало, так будет, — сказал Сталин.

Я пытался доказать, что совместить заводские испытания с полигонными невозможно: у каждой организации свой подход. Когда завод испытывает и обнаруживает дефекты, он их устраняет и изменяет чертежи, то есть по ходу испытаний дорабатывает пушку. Полигон же стремится выявить в новой пушке как можно больше дефектов и все, что выявляет, записывает, после чего делает свои предложения и выводы. Я боюсь, что мы не сумеем одновременно испытывать и дорабатывать пушку. Как бы не удлинился период отработки и испытания. {...}

— Поймите, — сказал Сталин, — что нужно экономить время, иначе можно опоздать. Отправим пушку сразу на полигон, ускорим решение вопроса...

Лишь впоследствии я понял весь смысл этих слов: «Нужно экономить время, иначе можно опоздать».

*В.Г. Грабин. Оружие победы.
Политиздат, М., 1989. С. 113, 114—117, 118—121.*

В.Г. Грабин, 15 июня 1935 года

Открылась дверь зала заседаний, и оттуда стали выходить люди. Пригласили нас. Входили по старшинству. Зал заседаний был значительно больше. Один стол стоял поперек, за ним сидел Молотов; за другим, длинным столом, приставленным к первому, — Орджоникидзе, Ворошилов, Межлаук и другие члены правительства. Сталин стоял у окна. Было очень много военных и гражданских специалистов. За столом все не поместились, некоторым пришлось сесть у стен, где стояли стулья и кресла.

Вел совещание Молотов. Он объявил, какой рассматривается вопрос, и предоставил слово комкору Ефимову. Тот доложил кратко. Он рекомендовал принять на вооружение 76-миллиметровую универсальную пушку завода «Красный путиловец». После его доклада выступили военные специалисты, которые поддерживали предложение Ефимова. Затем слово было предоставлено Маханову. Тот кратко рассказал о пушке и подчеркнул преимущества именно универсальной дивизионной пушки. После него было предоставлено слово Сидоренко, который рекомендовал свою 76-миллиметровую полууни-

версальную пушку 25К. Он коротко ее охарактеризовал и заявил, что полууниверсальная пушка лучше универсальной и что по этому пути идет и Англия. После него выступили многие, но никто не рекомендовал ни нашу Ф-22, ни даже полууниверсальную Ф-20. Все пели гимны универсальной пушке. Только в ней выступающие видели то, что нужно в армии.

Сталин непрерывно расхаживал по залу. Несколько раз он подходил ко мне и задавал вопросы, относящиеся к нашей пушке, а также к универсальной и полууниверсальной. Когда он первый раз остановился у спинки моего стула и, наклонившись, спросил: «Скажите, какая дальность боя у вашей пушки и ее вес?» Я попытался встать, но он прижал руками мои плечи: «Сидите, пожалуйста». Пришлось отвечать сидя. Сталин поблагодарил, отошел и продолжал расхаживать.

После выступления инспектора артиллерии Роговского, который высказался за универсальную пушку, Молотов объявил:

— Слово предоставляется конструктору Грабину.

Я даже вздрогнул. До стола председательствующего, куда выходили все выступавшие, шел как во сне, никого не видя и ничего не слыша. Путь показался мне очень долгим.

Заговорил я не сразу. Трудность заключалась не только в том, что я впервые выступал на таком совещании, но и в том, что специальная дивизионная пушка никого не интересовала. Можно ли было рассчитывать на успех? Не сразу начал я говорить о Ф-22, а взялся сперва за самый корень — за универсализм и универсальную пушку.

— Да, всем известно, что США занимаются разработкой дивизионной универсальной пушки. Но мы не знаем, приняли ли они на вооружение хотя бы одну из трех своих универсальных пушек Т-1, Т-2 или Т-3. Полагаю, это у них поисковые работы. Трудно допустить, что после всестороннего анализа универсальной дивизионной пушки они не откажутся от нее. А мы гонимся за ними, американская идея универсализма стала у нас модной.

Я разобрал по очереди все недостатки универсальной пушки тактическо-служебные, экономические (слишком дорогая для массовой дивизионной) и конструктивные. А затем описал нашу 76-миллиметровую пушку Ф-22, указав ее преимущества по сравнению с универсальной и полууниверсальной пушками.

После меня выступили Радкевич, заместитель главного военно-мобилизационного управления Артамонов. Он напомнил, что в Первую мировую войну трехдюймовые скорострель-

ные пушки, легкие и мощные, показывали чудеса в бою. Батареи трехдюймовок появлялись там, где их трудно было даже ожидать, и наносили сокрушительные удары по живой силе и технике противника.

— Предлагаемая на вооружение 76-миллиметровая универсальная пушка, — сказал он, — очень сложна и тяжела, она не сможет сопровождать колесами наступающую пехоту.

Артамонов дал высокую оценку 76-миллиметровой пушке Ф-22 и рекомендовал принять ее на вооружение.

Во время выступления Артамонова Сталин подошел к председательскому столу. Сидевший за ним Молотов сказал Сталину:

— Некоторые товарищи просят разрешения выступить еще раз, а время уже позднее.

Сталин ответил:

— Надо разрешить. Это поможет нам лучше разобраться и принять правильное решение.

Стали выступать по второму разу. <...>

Совещание в Кремле проходило очень активно, все держалось непринужденно. Мои опасения, что я не сумею совладать с собой, исчезли уже в начале моего первого выступления, а во время второго я совершенно не чувствовал себя связанным и высказывал все, что считал необходимым для правильного решения вопроса. Заседание затянулось, а Сталин по-прежнему неумоимо ходил, внимательно слушал, но никого не перебивал. Ко мне он подходил много раз, задавая вопросы и каждый раз клал руки мне на плечи, не давая подняться, чтобы отвечать стоя. Его вопросы касались универсальной и нашей дивизионной пушки. Видимо он сопоставлял их и искал правильное решение.

Найти его было нелегко, так как все высказывались только за универсальную, а за нашу Ф-22 — лишь я, Радкевич да Артамонов. После моего второго выступления в третий раз выступил Маханов. Он настойчиво и упорно защищал свою универсальную пушку, заявлял, что от универсализма не отступится. Наконец список записавшихся в прениях был исчерпан. Молотов спросил, нет ли еще желающих высказаться. В зале было тихо. Сталин прохаживался, пальцами правой руки слегка касаясь уса. Затем подошел к столу Молотова.

— Я хочу сказать несколько слов.

Меня очень интересовало, что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатруется уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана уже неоднократно. Казалось, он каждое слово мысленно взвешивает и только потом произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил: «Это вредно». (Думаю, читатель поймет, какую бурю радости вызвало это в моей груди.) Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

— Отныне вы, товарищ Грабин, занимайтесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, — зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать.

Речь была предельно ясной и короткой. Закончив выступление, Сталин пошел в нашу сторону. Когда он поравнялся со мной, к нему подошел Егоров и сказал:

— Товарищ Сталин, мы можем согласиться принять пушку Грабина, только попросили бы, чтобы он сделал к ней поддон для кругового обстрела.

Сталин спросил меня:

— Можете к своей пушке сделать поддон?

— Да, можем, но он нашей пушке совершенно не нужен.

— Значит, можете?

— Да, можем.

— Тогда и сделайте, а если он не понадобится, мы его выбросим.

— Хорошо, поддон будет сделан.

В это время к нам подошел Радкевич:

— Товарищ Сталин, для того чтобы завод мог уже сейчас начать подготовку производства, хотелось бы знать, ориентируется ли правительство на нашу пушку?

— Да, ориентируется, — ответил Сталин.

В.Т. Грабин. Оружие победы. Политиздат, М., 1989. С. 125—128.

А.С. Яковлев, 12 июля 1935 года

12 июля 1935 года для руководителей партии и правительства был организован показ достижений воздушных спортсменов Центрального аэроклуба.

Задолго до приезда гостей всех нас, конструкторов, летчиков, планеристов, парашютистов, авиамоделистов, собрали на Тушинском аэродроме.

Вместе со своей техникой — самолетами, планерами, моделями — мы толпились в западном секторе Тушинского поля

в излучине реки Москвы. Все напряженно смотрели в сторону ворот аэродрома, на Волоколамское шоссе. Ожидая гостей, настороженно посматривали мы на хмурое небо и низкую облачность, которые могли помешать нашему празднику.

И вот одна за другой, переваливаясь по неровностям, показались в отдалении тяжелые черные автомашины. Одна, вторая, третья... Они подъехали и остановились недалеко от нас. И вдруг видим, как из машин выходят И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, А.В. Косарев. За ними идут еще люди — военные и штатские, но я тогда видел только троих. С Климентом Ефремовичем я уже был знаком. Секретаря комсомола Косарева знал хорошо.

Сталина близко я видел впервые: в сером коверкотовом однобортном пальто-макинтоше, такого же материала фуражке, в мягких шевровых сапогах.

Сталин и его спутники тепло с нами поздоровались, держались очень просто, и сразу же началась оживленная беседа с авиаспорсменами. Стал накрапывать дождь, и мы испугались, как бы не отменили программу. Но дождь вскоре прекратился, и показ всех видов авиационного спорта состоялся.

Открыли его планеристы. <...>

После этого летчик Алексеев на самолете У-2 продемонстрировал номер: «первый самостоятельный вылет ученика на самолете» <...>

Полет всем очень понравился. Гости смеялись и аплодировали. Вслед за этим летчик Алексеев на том же самолете должен был показать штопор и посадку самолета при выходе из последнего витка. Вообще говоря, трюк этот многократно был прорепетирован. Но Алексеев увлекся, и, когда ему после нескольких витков штопора уже надо было выводить, он, по-видимому, решил подвести машину еще ближе к земле, и все с ужасом увидели, как самолет в состоянии штопора скрылся за крутым берегом Москвы-реки. Гибель летчика была неизбежна. Фонтан брызг показал, что У-2 упал в реку. Туда помчались автомашины. Все находились в напряженном ожидании, но ждать пришлось недолго. На большой скорости с места происшествия подъехала санитарная машина, из нее, ко всеобщему изумлению, вылез живой, невредимый, крайне сконфуженный летчик Алексеев и отрапортовал Ворошилову:

— Товарищ народный комиссар! Летчик Алексеев потерпел аварию.

Он объяснил, что у него в последнюю минуту перед выводом из штопора нога соскользнула с педали.

Конечно, это было наивное объяснение. Летчик, зарвавшись, допустил грубейшую ошибку. Тем не менее все были очень рады, что он жив. Сталин подошел к нему, пожал руку и обнял.

Затем показали новые спортивные и учебные самолеты. Они, в том числе и наш УТ-2, взлетели один за другим и пошли в сторону деревни Павшино. Над Павшином на высоте 150—200 метров выстроились в одну линию, подошли к границе аэродрома, и тут летчики сразу дали полный газ. Машины стали обгонять одна другую, резко прибавляя скорость. Раньше всех отстала учебная старушка У-2. Потом начали отставать другие машины. УТ-2 вырвалась вперед и первой промчалась над центром аэродрома.

Сталин спросил, чья машина. Ему сказали, что машина конструктора Яковлева. И тут Ворошилов представил меня Сталину.

После посадки Пионтковский подрулил туда, где стояли Сталин и Ворошилов, и мы, взволнованные и радостные, начали рассказывать о своем самолете и его особенностях.

Сталин подошел ближе к машине, постучал пальцем по крылу.

— Дерево? — спросил он.

— В основном сосна и березовая фанера, — ответил я.

— Какая наибольшая скорость?

— 200 километров в час.

— А у самолета У-2?

— 150.

— А на какой машине лучше готовить летчиков для истребителей И-16? На У-2 или на этом? — спросил Сталин у толпившихся вокруг летчиков.

— Конечно, на этом, — зашумели все в один голос.

— А почему?

— Да ведь у этой скорость больше и она моноплан, так же, как И-16, а У-2 — биплан.

— Выходит, что надо переходить на эти, более современные машины?

— Правильно, — в один голос ответили летчики.

— А на каком заводе строили вашу машину? — обратился Сталин ко мне.

— В кроватной мастерской на Ленинградском шоссе.

— Как-как?.. В кроватной?!

И тут я коротко рассказал о своих трудностях и о том, как наш конструкторский коллектив попал в кроватную мастерскую.

Сталин одобрил нашу работу. Потом поинтересовался, какой мощности мотор, нельзя ли увеличить скорость самолета и что для этого нужно сделать. Он заметил, что учебные машины должны быть такими, чтобы ими без труда могла овладеть масса летчиков.

Праздник был завершен прыжками парашютистов.

Показ оказался удачным. Наши гости, участники и организаторы праздника остались очень довольны и решили сфотографироваться на память об этом смотре, сыгравшем большую роль в развитии массового авиационного спорта в нашей стране. Образовалась большая группа, на которую фотографии и кинооператоры направили свои объективы. Я, помню, держался около своего самолета и когда подошел, то был в замешательстве, потому что вся группа уже укомплектовалась. Сталин поманил меня пальцем, предлагая сесть поблизости от него. И положил на мое плечо свою руку. Так и запечатлел нас фотограф в этот замечательный момент моей жизни.

На этом смотре мне впервые довелось разговаривать с руководителями партии и правительства и познакомиться со Сталиным.

Вскоре после тушинского показа самолет УТ-2 прошел государственное испытание и был принят на вооружение военно-воздушных сил в качестве самолета первоначального обучения для летных школ и аэроклубов.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 76—79.

1936 год

А. В. Беляков, 25 мая 1936 года

21 мая (1936 года) самолет М. В. Водопьянова доставил четырех отважных зимовщиков на Северный полюс. Молнией облетело весь мир сообщение о блестящей высадке советской экспедиции на дрейфующую льдину. И.Д. Папанин, П.П. Ширшов, Э.Т. Кренкель, Е.К. Федоров остались на ней с запасом продовольствия и научными приборами на много месяцев. Чкалов тогда не выдержал и позвонил Молотову. Он просил его сообщить, каково же мнение Сталина о нашем предложении лететь в Северную Америку.

— А как у вас с материальной частью? — спросил Молотов.

— Все готово.

— Как все готово? Ведь разрешения нет!

— А мы на всякий случай...

Молотов рассмеялся:

— Хорошо, товарищ Чкалов. На днях обсудим ваш вопрос.

И действительно, через несколько дней, 25 мая, Чкалова вызвали к телефонному аппарату и сообщили, что нас приглашают на совещание в Кремль.

Я в тот день был в полете. На совещание поехали Чкалов и Байдуков.

Только поздно вечером, когда я пришел к Чкалову, у которого уже был Байдуков, они, перебивая друг друга, рассказали мне о том, что было в Кремле.

Еще по дороге в Кремль Чкалов и Байдуков самым тщательным образом подготовились к своему докладу. Наиболее «спорным пунктом» оставался вопрос о том, как сказать, что машина уже готова к перелету.

— Наш доклад должен быть кратким и убедительным, — говорил Чкалов. — Надо все рассчитать по минутам.

Они так спешили на прием, что забыли получить пропуска и вспомнили о них только в воротах Кремля. Остановились в раздумье. Как быть, не вернуться ли за пропусками? Но подошедший дежурный взглянул на них и улыбнувшись сказал:

— Пропусков не надо. Вас уже ждут.

Чкалов и Байдуков вошли в зал, где кроме них было много летчиков. В 16 часов за дверью послышались шаги и в зал вошли Сталин, Молотов, Ворошилов. Байдуков начал рассматривать кабинет Сталина и заметил у него на письменном столе модель нашего самолета. У Байдукова сразу же отлегло от сердца. Иосиф Виссарионович, поглядывая на них с улыбкой, спросил:

— Что, опять земли не хватает? Опять собираетесь лететь?

— Да, товарищ Сталин, — ответил Чкалов, — время подходит, пришли просить разрешения правительства о перелете через Северный полюс.

Все сидящие за столом смотрели на них и улыбались.

— Куда же вы собираетесь лететь? Кто будет из вас докладывать? — вновь спросил Сталин.

Чкалов начал рассказывать наши планы и просить разрешения совершить перелет.

— Экипаж — наша прошлогодняя тройка, — сказал Чкалов, — готов к полету, самолет также подготовлен...

Он дал характеристики нашего самолета, на котором можно было бы совершить полет через Северный полюс в Северную Америку. Напомнил, что свой предыдущий полет мы прервали из-за метеорологических условий, имея в баках тонну бензина. И так увлекся, что едва не рассказал о том, как, пролетая над Землей Франца-Иосифа, мы чуть было не решили изменить курс и лететь через Северный полюс в Америку. Байдуков быстро дернул его за пиджак, он замолчал, но Сталин, улыбаясь, сказал:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Второй раз дернул его за пиджак Байдуков, когда он проговорился о «контрабандных» работах. Позабыв об уговоре, Валерий незаметно для себя рассказал о том, что все подготовительные работы уже сделаны, Байдуков даже изменился в лице, но опять раздался голос Сталина:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

«А вдруг мы поспешили с подготовкой? — с тревогой подумал Чкалов. — Ведь постановления-то правительства нет». Взглянул на Байдукова — в глазах у него та же тревога. Беседа длилась уже более полутора часов. Сталин спросил одного из руководителей авиационной промышленности:

— Так, значит, как обстоит у них дело с машиной?

— Они давно готовы, товарищ Сталин. Ведь вы слышали.

— Да, слышал, — рассмеялся он. — Впрочем, я об этом знал раньше.

На душе у Чкалова отлегло. Значит, Сталин знал о нашей «контрабандной» работе. Ну, а если знал о подготовке, значит...

— Что же, разрешим перелет? — спросил Сталин у присутствующих на совещании.

Молотов и Ворошилов сразу же согласились. Принципиально дело было предрешено. Однако Сталин, немного подумав, сказал, что все же следует вызвать и спросить мнение непосредственного руководителя авиационной промышленности...

Ожидая приезда руководителя авиационной промышленности, он начал расспрашивать моих друзей о самолетах, которые они испытывали. В частности, Байдукову пришлось рассказать о новой машине, на которой он недавно установил два скоростных международных рекорда.

Затем разговор перешел на боевые свойства наших истребителей, американских самолетов. Сталин подробно интересовался, что можно взять у американской авиации, чему у них следует поучиться.

В дружеской беседе присутствующие сравнивали свои самолеты с американскими, находя в последних хорошую отделку и поучительные мелочи, которые нам следует перенять.

— Товарищ Чкалов, на нашем самолете все-таки один мотор... — заметил Сталин. — Этого не надо забывать.

— Но мотор отличный. Это доказано, и нет никаких оснований беспокоиться. А кроме того, — пошутил Чкалов, — один-то мотор — сто процентов риска, а четыре — четыреста.

Присутствующие засмеялись. Наступал самый решающий момент. Сталин, задав еще несколько вопросов, немного задумавшись, а потом сказал:

— Я — за!

Когда первый пункт решения правительства о перелете был записан, Сталин предложил пункт о том, чтобы обязать экипаж в случае прямой опасности произвести немедленную посадку.

Через несколько дней после вызова в Кремль мы переселились в подмосковное местечко Щелково на берегу Клязьмы. Поселились в просторной комнате близ летного поля и начали готовиться к перелету.

*А.В. Беляков. В полет сквозь годы.
Воениздат, М., 1988. С. 184—187.*

1937 год

А.Н. Комаровский, 22 апреля 1937 года

В горячие весенние дни 1937 года, когда мы готовились к пропуску первых теплоходов, совершенно неожиданно для нас приехали на строительство канала руководители партии и правительства.

В тот день, 22 апреля, я находился на шлюзе №4. Вдруг из-за поворота показались машины — одна, другая, третья, четвертая... Они быстро проехали к верхней голове шлюза и здесь остановились. Подбежав к передней машине, я увидел, что из нее выходят И.В. Сталин и другие члены правительства. Представившись и коротко доложив обстановку, я пригласил гостей на мост, откуда был виден весь Влахернский узел сооружений — шлюз №4, насосная станция и красивая панорама канала, перерезающего Галявинский бугор. И.В. Сталин подробно поинтересовался работой отдельных элементов узла, при-

чальных массивов, смыканием судоходного канала с насосной станцией.

Осмотрев этот узел, высокие гости собрались уезжать, но мы пригласили посетить их другой наш узел у 3-го шлюза, где с некоторых архитектурно оформленных сооружений уже были сняты леса.

— Ну, что же, придется уступить строителям, — сказал И.В. Сталин.

Остановившись у верхней головы шлюза, гости детально осмотрели сегментный затвор, и вода затопила камеру шлюза. И.В. Сталина особенно заинтересовало крупное отечественное оборудование канала и прежде всего уже смонтированные в то время крупнейшие в мире насосы.

— Где сейчас находится в канале волжская вода? — спросил И.В. Сталин.

Мы объяснили, что волжская вода, перекачиваемая насосной станцией №182, уже подошла к нижней голове шлюза №3.

С нижней головы шлюза все прошли к зданию распределительного устройства. С берега канала открывался вид на панораму всего Яхромского узла. Мы доложили гостям, что канал пока не готов, что надо выполнить большого объема планировочные и уборочные работы, но что канал откроется в срок. <...>

К маю 1937 года канал со всеми его разнообразными сооружениями и гидроузлами на реках Волга и Москва был закончен и сдан в эксплуатацию с высокой оценкой правительственной комиссии.

*А.Н. Комаровский. Записки строителя.
Воениздат, М., 1972. С. 71—72.*

А.Г. Зверев, август — сентябрь 1937 года

Однажды поздно вечером, когда я был уже дома, раздался телефонный звонок. Звонили из ЦК ВКП(б). Мне предложили немедленно приехать в Кремль по вызову Генерального секретаря Центрального Комитета партии И.В. Сталина. И хотя мне незадолго до того рассказывали в горкоме партии, что И.В. Сталин интересовался моей работой, все равно вызов к нему был неожиданным. Теряясь в догадках и предположениях, сел в автомобиль. Главное, что меня заботило, — как вести себя, как держаться в кабинете Сталина? Раньше я его видел только на портретах либо издали во время торжественных заседаний и на трибуне Мавзолея на Красной площади. Никогда

не думал, что придется по какому-то поводу встретиться с ним лично, и очень волновался...

Рядом со Сталиным, ни разу не присевшим, стояли еще несколько членов Политбюро, а меня хозяин кабинета усаживал, как гостя на диван. Естественно, я не считал возможным говорить с ним сидя, хотя Сталин несколько раз затем повторял приглашение садиться. Так мы и простояли на протяжении всей беседы.

Разговор шел о должностных назначениях. Назывались знакомые мне фамилии. Затем меня спросили, не в нашем ли районном комитете партии состоит на учете Кругликов. Последнего я знал по его прежней работе в Наркомтяжпроме. Но, когда его назначили председателем Правления Государственного банка СССР, он перевелся в парторганизацию Коминтерновского района Москвы. Сообщив об этом и не ведая еще, что названный пост в то время оказался уже вакантным, я полагал, что меня прочтат в заместители к Кругликову, и тут же приготовился отказаться, ссылаясь на то, что я финансист, а не кредитник. Каково же было мое удивление, когда я вдруг услышал от Сталина: «Мы хотим назначить вас председателем Правления Госбанка. Как вы на это смотрите?»

В банках я никогда раньше не работал. Нескольких предыдущих председателей правления, очень толковых людей, постигла неудача, и они были смещены. Между тем они обладали большим опытом, отлично знали кредитное дело. И вдруг такой пост — мне! Я поблагодарил за предложение и прямо заявил, что из меня председателя не получится: в системе банковской я никогда не работал, а пост чересчур ответственный. Сталин предварительно ознакомился с моим послужным списком и теперь заметил:

— Но вы окончили финансово-экономический институт, обладаете опытом партийной, советской, финансовой деятельности. Все это важно и нужно для работы в Госбанке.

Я почувствовал себя чрезвычайно неловко: не ценю, мол, оказываемого доверия, к тому же отнимаю время у руководителей партии и правительства. Тем не менее я продолжал отказываться, приводя, как мне казалось, убедительные аргументы. Я сказал, что учился в институте на финансовом факультете, где готовят экономистов, знакомых с бюджетом и финансовым планированием, но не с кредитно-банковским делом. Сталин в ответ начал высмеивать такое деление специалистов и заметил:

— И банковские и финансовые работники проходят в основном одинаковые науки. Если и имеются различия, то только в деталях. На практике все это можно почерпнуть из ведомственных инструкций, да и работа сама научит.

Разговор затягивался. Мы касались и других вопросов. Наконец, моей «мольбе» вняли и спросили, кто, на мой взгляд, годится на этот пост. Я попросил разрешения подумать и сообщить несколько имен в течении трех дней, что и было потом сделано. Но, судя по состоявшемуся затем назначению, обошлись без этих лиц. Вероятно, дело решили раньше. А в тот момент со мной распрощались. И только под конец беседы Сталин бросил реплику:

— Ведь вы около четырнадцати лет находились на финансовой работе?

Обдумывая эту фразу по дороге домой, я решил, что вопрос еще не исчерпан. Действительно, в сентябре 1937 года меня назначили заместителем народного комиссара финансов СССР.

Нарком финансов СССР был в то время видный советский и государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совнаркома СССР Влас Яковлевич Чубарь....

*А.Г. Зверев. Записки министра.
Политиздат, М., 1973. С. 142—143.*

1938 год

В.Ф. Трибуц, январь 1938 года

В январе 1938 года, когда я уже работал в штабе флота, меня вызвали в Москву. В день приезда поздно вечером мы вместе с наркомом ВМФ поехали в Кремль. Не зная причины вызова туда, я, конечно, волновался. После ожидания в течение некоторого времени нас пригласили в кабинет И.В. Сталина. Я видел его впервые. В кабинете находились и некоторые члены Политбюро. Сталин поздоровался с нами, потом, расхаживая по кабинету, он задавал вопросы, касающиеся обстановки на Балтике и в Финском заливе, интересовался состоянием нашего флота и флотов сопредельных государств, просил дать оценку некоторым классам кораблей, их боевым возможностям. На мой взгляд, это было что-то вроде экзамена. Я обратил внимание на знание Сталина многих деталей во-

енно-морского дела, особенно хорошо он был знаком с тактико-техническими данными наших кораблей. Потом Сталин поинтересовался моей личной жизнью, национальностью, образованием. Беседа была довольно длительной.

Вскоре мне сообщили об утверждении меня в должности начальника штаба флота.

В.Ф. Трибуц. Балтийцы сражаются. Воениздат, М., 1985. С. 5—6.

И.Д. Папанин, 17 марта 1938 года

17 марта в 4 часа дня мы прибыли в Москву. Снова нас ждала дорога, усыпанная цветами.

И вот мы подъехали к Красной площади. Комендант Кремля попросил нас подождать. Быть может, он хотел, чтобы мы немного успокоились, пришли в себя. Мы ждали, и я лихорадочно думал, как много мне надо сказать Политбюро нашей партии, всем тем, кто посылал нас в трудный ледовый дрейф и кто поддерживал нас всю ледовую экспедицию.

Двери Георгиевского зала раскрылись. Мы увидели ослепительно сверкающий зал, длинные ряды красиво убранных столов. Со всех сторон к нам были обращены улыбающиеся, приветливые лица. Крики «ура». Я шел, держа в руках древко с нашим знаменем, привезенным с полюса. За мной шли Широков, Кренкель, Федоров.

И вдруг раздался новый взрыв аплодисментов. В зал вошли члены Политбюро. Сталин обнял меня и крепко поцеловал.

Я передал ему Красное знамя и сказал:

— Разрешите вручить вам знамя, с которым мы победили и которое давало нам энергию и волю в борьбе со стихией. Задание Родины нами выполнено!

Сталин посадил меня рядом с собой.

— Теперь выпьем, товарищ Папанин, за победу, — сказал он, поднимая бокал. — Работа была трудная, но все мы были уверены, что ваша четверка выполнит ее с честью!

Потом он сказал, между прочим, что «все мы волновались в последние дни дрейфа».

Немного позже он узнал, что в зале находится и мой отец. Поставил меня рядом с ним, обнял нас обоих за плечи и спросил:

— Ну, кто из них старше, отец или сын?

Я посмотрел на отца — и в самом деле мой старик выглядел молодцом...

В тот вечер Сталин произнес речь о смелости советских людей, об истоках героизма, о том, что в нашей стране человек ценится прежде всего по его делам на благо общества.

Затем Сталин поднял бокал за здоровье всех героев — старых и молодых, за тех, кто не устает идти вперед, за молодость, потому что в молодых сила. <...>

Торжественная встреча в Кремле с руководителями партии и правительства произвела на нас неизгладимое впечатление. На прощание И.В. Сталин сказал:

— А теперь мы отправим вас отдохнуть вместе с семьями. Когда понадобится, мы вас вызовем.

И нас отправили в подмосковный санаторий.

В один из вечеров директор санатория сказал мне:

— Звонили из Москвы, вас срочно вызывают в Кремль.

— А на чем же мне доехать?

— Могу предоставить только автомашину для перевозки молока. Время позднее, других машин нет.

Молоковоз оказался с изъяном — у него было разбито ветровое стекло. Пока мы домчались до Красной площади (30 километров!), колючая ледяная крупа исхлестала мне все лицо. Красный, как помидор, я и появился в комнате заседания Политбюро. Здесь находились все члены Политбюро. Увидев меня, товарищи заулыбались. Пришлось объяснить, почему я появился в таком виде.

— Товарищ Папанин, — сказал В.М. Молотов, — мы обсуждаем положение дел в Главсевморпути и решили назначить вас заместителем начальника Главсевморпути. Вызвали вас сюда, чтобы сообщить вам об этом решении. Отто Юльевич Шмидт предлагает назначить М.И. Шевелева первым замом, вы будете вторым.

Надо ли говорить, что такое сообщение застигло меня врасплох и вызвало бурю противоречивых чувств? Я вообще не хотел быть руководителем такого масштаба.

— Я — экспедиционный работник, люблю это дело и хотел бы опять в Арктику, строить новые полярные станции. С работой же заместителя Отто Юльевича могу и не справиться.

— А мы считаем, что вы справитесь с новым делом, — решительно возразили мне. — К тому же есть партийная дисциплина, — добавили в ответ на мои дальнейшие возражения.

Я замолчал.

— Мы поддержим вас и поможем вам, — сказал Молотов. — Навигация прошлого года прошла неудачно. Решено привлечь людей с богатым арктическим опытом. Вам будет по-

ручено руководить строительством, финансами и кадрами. Это дело вам знакомо хорошо.

Я поблагодарил членов Политбюро и вышел. Не успел спуститься вниз, как меня догнал дежурный офицер.

— Товарищ Папанин, вас просят вернуться.

Я снова поднялся в кабинет и услышал от Молотова:

— Мы доложили сейчас товарищу Сталину о принятом решении. Он внес поправку: вы назначаетесь первым заместителем начальника Главсевморпути. Если вам потребуется помощь правительства, можете обращаться непосредственно ко мне. По вопросам же кадров Главсевморпути будете еженедельно докладывать в ЦК партии.

На следующий день на заседании Совнаркома СССР рассматривался вопрос об итогах навигации 1937 года и состоянии кадров Главсевморпути. На этом заседании я был утвержден в должности первого заместителя начальника Главсевморпути при СНК СССР.

Одновременно с моей решилась и судьба моих товарищей. П.П. Шишов был назначен директором Арктического института, Е.К. Федоров — его заместителем, а Э.Т. Кренкель стал членом коллегии Главсевморпути.

*И.Д. Папанин. Лед и пламень.
Политиздат, М., 1984. С. 198—199, 203—205.*

И.Д. Папанин, апрель 1938 год

...Вспоминаю свои начальные шаги в должности заместителя начальника Главсевморпути. Первым крупным и не терпящим отлагательства делом было строительство судоремонтного завода в Мурманске. Такой завод — для ремонта ледоколов и других судов арктического флота — был тогда великой необходимостью.

Арктический флот в те годы пополнялся новыми судами, строились четыре крупных по тем временам линейных ледоколов. Ремонтная база в Заполярье была совершенно необходима. Собственно, завод был заложен, но строительство его шло медленно и грозило затянуться на долгие годы. А время не ждало, первый серийный ледокол готовился к сдаче в 1938 году. Вопрос о ходе строительства завода рассматривался в Кремле.

На другой день меня вызвали к И.В. Сталину. Лицо его выражало сильное недовольство. В кабинете были Молотов, Микоян, Ворошилов, секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев.

— Строительство Мурманского завода идет из рук вон плохо, — сказал Сталин. — Так дальше нельзя. Где мы будем ремонтировать ледоколы и корабли, работающие в Заполярье? ЦК и Совнарком не могут мириться с создавшимся положением, — продолжал Сталин. — Необходимо поручить товарищу Косареву и вам поднять на это дело молодежь...

— Что я должен сделать? — спросил я.

— Вам необходимо выступить в печати с обращением к молодежи, призвать юношей и девушек поехать на Север, на строительство завода, а ЦК комсомола проведет соответствующую организационную работу.

Тут же мы — Александр Косарев и я — поехали из Кремля в ЦК ВЛКСМ и составили текст обращения.

На другой день оно было напечатано на первой полосе «Комсомольской правды» и в других газетах.

Мы не обещали молодежи легкой жизни и легкого труда, наоборот, рассказывали о трудностях, но подчеркнули важность строительства для Родины. И очень скоро на нас обрушился шквал заявлений с просьбами направить на комсомольскую стройку. Письма шли в Главсевморпути, в ЦК комсомола и сосредотачивались в штабе, созданном при ЦК ВЛКСМ. За короткое время было получено 30 тысяч заявлений. В Мурманск пошли эшелоны — 20 тысяч молодых энтузиастов ехали строить завод.

И.Д. Папанин. Лед и пламень. Политиздат, М., 1984. С. 205—206.

В.С. Емельянов, октябрь 1938 года

Наша промышленность, в том числе оборонная, пошла в гору. Ее большие достижения были очевидны, и особенно в области самолетостроения. Советская авиация становилась одной из лучших в мире. В те годы совершили свой исторический полет советские летчицы — Гризодубова, Раскова, Осипенко. Коккинаки пролетел без посадки от Москвы до Владивостока. В это время было много и других примечательных событий. Москва чествовала героев. На торжественные встречи, как правило, приглашались и мы — работники оборонной промышленности.

Когда в Москву вернулся самолет «Родина», мы его встретили на Ходынском поле, где тогда был центральный аэропорт, а затем направились в Кремль на прием, организованный в

честь героинь-летчиц. Этот прием запомнился мне своей какой-то необычностью, простотой и душевностью.

В Грановитой палате было сервировано два больших стола, установленных в форме буквы «Т». Мое место находилось за длинным столом ближе к концу. В центральной части первого стола сидел Сталин. Здесь находились другие члены Политбюро.

Одна за другой в Грановитой палате появились героини. Все встали, начались аплодисменты. Взволнованные летчицы подошли к Сталину. Раскова от наплыва чувств заплакала. Мы видели слезы, которые ручьями текли по ее лицу. Сталин стал гладить Раскову по голове, а затем, обращаясь к Чкалову, которого очень любил, смеясь и подтрунивая над ним, сказал:

— Чкалов, что теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали?

Чкалов с места крикнул:

— Есть еще много белых пятен, нам есть еще куда летать!

Настроение у всех было приподнятое, все были возбуждены и наполнены радостным чувством большого подвига, совершенного советскими женщинами.

И вдруг Сталин поднялся со своего места и стал говорить. Никогда ни до этого, ни после я не слышал от него ничего подобного, ни по манере говорить, ни по интонациям, ни по необычности затронутой им темы.

— Это было очень давно, — начал он, — может быть, десять тысяч лет назад. Человечество жило охотой. Мужчины били дикого зверя и приносили свою добычу домой. Женщины готовили пищу. Вместе с убитыми животными охотники приносили иногда молодых животных и птенцов и отдавали их своим женам. Они их выкармливали и приручали. — Сталин остановил свое повествование и, окинув взглядом сидящих за столом, стал продолжать: — Охота, как известно, занятие ненадежное, иногда посчастливится — убьешь что-нибудь и будешь сыт, а то можно два-три дня голодным проходить. У женщины же в это время появился постоянный источник питания — одомашненные животные и птицы. Таким образом, в их руках сосредоточилась экономическая власть. Этот период в истории развития человечества мы называем матриархатом. Он длился недолго. Затем женщина попала под двойной гнет своего господина-мужа и под власть государства, во главе которого также стояли мужчины.

Когда Сталин говорил, в зале была полная тишина, не слышно было ни стука ножей о тарелки, ни голосов, которые до этого времени гулом наполняли Грановитую палату.

Все слушали не сводя глаз с рассказчика.

Слезы у Расковой просохли, и она, склонив голову набок и подняв глаза, казалось, застыла в этой позе.

Но вот Сталин остановился и с каким-то необычным озорством весело закончил:

— И вот сегодня женщины отомстили нам — мужчинам. — И опять обращаясь к Чкалову, тем же дразнящим тоном произнес: — Что же ты, Чкалов, теперь будешь делать?

Все за столом пришли в движение, раздался смех, зазвенели стаканы, наполненные вином, застучали ножи и вилки.

*В.С. Емельянов. На пороге войны.
«Советская Россия», М., 1971. С. 85—86.*

Н. Г. Кузнецов, 19 декабря 1938 года

В декабре 1938 года меня вызвали в Москву на заседание Главного морского совета. <...>

На заседаниях Главного военно-морского совета много говорили о строительстве кораблей. Решения партии и правительства о «большом морском и океанском флоте» открывало перед нашими морскими силами широкие горизонты. По-новому вставали вопросы о задачах флота. Возникало множество новых проблем, связанных с крупным береговым строительством. Требовалась разработка нового боевого устава военно-морских сил и наставления по ведению морских операций. Подготовиться к приему большого флота, освоить его, научиться управлять им — дело было не из легких. <...>

19 декабря 1938 года заключительное заседание совета происходило в Свердловском зале Кремлевского дворца. На нем присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.А. Жданов, К.Е. Ворошилов. Выступали М.П. Фриновский, И.С. Юмашев, В.П. Дрозд, Г.И. Левченко, и другие. Выступал и я.

Сталин очень внимательно слушал, задавал очень много вопросов, бросал реплики по ходу заседания.

Чувствовалось, что он хочет узнать мнение флотских руководителей о различных классах кораблей. Впервые, хотя и косвенно, вставали вопросы о морской доктрине в связи со строительством большого флота и о тех изменениях, которые понадобится внести в наши уставы и наставления.

Помнится, Сталин критиковал формулировку о «сложных формах боя», которая была записана в приказе по боевой подготовке на 1939 год. Его мысль сводилась к тому, что «сложный бой» возможен в будущем при наличии линкоров, крейсеров и других крупных кораблей, а пока мы еще на море слабы, задачи нашего флота будут весьма ограниченными. «Лет восемь-десять нужно ждать, пока мы будем сильны на море», — сказал он.

Более конкретно обсуждался вопрос о подготовке кадров для будущих кораблей. Была высказана мысль о сверхсрочниках, о специальном подборе на флот призывников из приморских районов и вообще людей, связанных с морем еще до призыва их на военную службу.

Каждая реплика Сталина воспринималась как указание, и Наркомат ВМФ потом сделал представления правительству в этом направлении. Так относительно сверхсрочников и сроков службы на флоте были вынесены решения, когда я уже работал в Москве — в мае или июне 1939 года. Мне лично довелось докладывать, какие порядки на сей счет существуют в иностранных флотах. Вот тогда и было разрешено флоту иметь неограниченный процент сверхсрочников на кораблях, хорошо их оплачивать в зависимости от сроков службы. Решено было также увеличить срок действительной службы на флоте до пяти лет. «Может быть, установить шесть лет?» — спросил Сталин. Мы возразили: шесть лет слишком много. С нами согласились.

На Главном военно-морском совете Сталин высказал мысль о том, что подготовка кадров — это девять десятых создания большого флота. Он советовал больше внимания уделить практической учебе будущих командиров и с этой целью, возможно, закупить за границей несколько учебных кораблей.

Ставились вопросы о строительстве военно-морских баз, вспомогательного флота, судоремонтных заводов. Слова эти не бросались на ветер. Вскоре развернулось бурное строительство на всех флотах. Тогда же зародился план перенесения торгового порта из Владивостока в Находку, и в марте-апреле 1939 года А.А. Жданов и я были специально командированы на Дальний Восток, чтобы осмотреть все на месте.

Запомнилось мне предупреждение Сталина: не ждать, когда враг нападет, надо уже сейчас изучать его возможности, его уязвимые места, повышать бдительность и боевую готовность. У североморцев он спросил: «Заходят наши корабли в Петсамо? Редко? А немцы и англичане?» Закончил разговор словами:

— Напрасно вы редко навещаетесь туда. Петсамо — это Печенга, исконно русская земля.

Мне в своем выступлении пришлось коснуться очень неприятного события на Тихоокеанском флоте: во время шторма погиб строящийся эсминец. Все мы опасались, что нам крепко достанется. Сталин посуровел:

— Вы считаете, что было предпринято все для спасения корабля?

— Все.

Сталин молча, не прерывая, дослушал мой доклад. Я понял, что гроза миновала.

На следующий день правительство устроило для моряков прием. В Грановитой палате все было торжественно. Мы, молодые руководители флотов, впервые так близко встретились с руководителями партии и правительства. Нас хвалили, говорили, что перед флотом открываются необычайно широкие перспективы. Провозглашались тосты за Сталина, за моряков и командующих флотидами. Мы отвечали горячими, до боли в руках аплодисментами.

То, что происходило в Кремле, поднимало настроение, воодушевляло и глубоко врезалось в память. Мы долго потом вспоминали этот прием.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М. С. 225, 226, 227—229.

1939 год

А.С. Яковлев, январь 1939 года

В начале 1939 года правительством было созвано большое совещание. В Овальном зале Кремля собрали всех, кто проявил себя как авиационный конструктор или изобретатель, кто за последнее время вносил какие-нибудь предложения по авиации. <...>

Среди присутствующих находились народный комиссар авиационной промышленности М.М. Каганович, конструкторы В.Я. Климов, А.А. Микулин, А.Д. Швецов, С.В. Ильюшин, Н.Н. Поликарпов, А.А. Архангельский, начальник ЦАГИ М.Н. Шульженко и многие другие.

В президиуме — И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов.

Совещание вел Молотов. Он вызывал конструкторов по заранее составленному списку. Каждый должен был рассказать, над чем работает, посвятить в свои планы на ближайшее будущее.

Один за другим выступали конструкторы. Сталин в это время расхаживал по залу, курил трубку и как будто не принимал никакого участия в совещании, погруженный в свои думы. Однако время от времени он вдруг подавал какую-нибудь реплику или задавал вопрос, свидетельствовавший о том, что он очень внимательно прислушивается ко всему, что говорилось.

Мне запомнилось, что начальник НИИ ВВС Филин настойчиво выступал за широкое строительство четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков Пе-8. Сталин возражал: он считал, что нужно строить двухмоторные бомбардировщики Пе-2 и числом побольше. Филин настаивал, его поддерживали некоторые другие. В конце концов Сталин уступил, сказав:

— Ну, пусть будет по-вашему, хотя вы меня и не убедили.

Пе-8 поставили в серию на одном заводе параллельно с Пе-2. Вскоре, уже в ходе войны, к этому вопросу вернулись. Пе-8 был снят с производства, и завод перешел целиком на строительство Пе-2. Война требовала большого количества легких тактических фронтовых бомбардировщиков, какими и были Пе-2. <...>

В ходе совещания возник вопрос о секретности. Не просачиваются ли сведения о нашей авиации за границу? Как сохраняется государственная тайна в научных учреждениях?

Вдруг Сталин спросил:

— А как обстоит с этим делом в ЦАГИ? Кто у нас начальник ЦАГИ?

— Шульженко. Он здесь присутствует, — ответил нарком Каганович.

Бледный от волнения, Михаил Никитич Шульженко поднялся с места. Сталин погрозил ему пальцем:

— Имейте в виду, вы за это отвечаете.

В конце совещания нас еще раз призвали к тому, чтобы каждый обдумал создавшееся положение и, не стесняясь и ничем себя не ограничивая, внес свои предложения по обсуждавшимся вопросам.

Участие в кремлевском совещании взволновало не только меня, но и весь наш небольшой тогда коллектив.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 129—130.

Н. М. Пегов, 12 марта 1939 года

Вооруженная решениями своей первой партийной конференции, делегация коммунистов Приморья выехала в Москву на XVIII съезд партии. <...>

...Шел к концу, кажется, третий день работы съезда. Выступающий с трибуны говорит какими-то слащавыми липкими фразами и все в адрес Сталина, которому это, видимо, не понравилось. Он встал из-за стола президиума, подался всем корпусом вперед, внимательно вслушиваясь в речь делегата. Зал затих. Все поняли, что так это не пройдет. И действительно, Сталин махнул рукой в сторону трибуны и вышел из зала. Никто уже не слушал оратора.

Не прошло и нескольких минут, как ко мне подошел Поскребышев, помощник Сталина, и «вытащил» меня из зала. Я решил, что есть какие-то дела по секретариату съезда, мы оба были избраны в состав секретариата. Поскребышев — человек неразговорчивый, и я, зная это, не стал на ходу задавать ему никаких вопросов. Привел он меня в комнату, расположенную рядом с президиумом. Открыл внутреннюю дверь и я увидел идущего навстречу мне Сталина. Дверь за мной тихо закрылась. Я оказался один на один со Сталиным, которого до сих пор видел только на портретах. Я совершенно не был готов к этой встрече. Подойдя к Сталину, протянул руку, чтобы поздороваться, и услышал только конец сказанной им фразы: «...живете?» В ушах у меня звенело, а в груди не хватало воздуха. Представляю, каков я был в это время.

Сообразив, что Сталин интересуется, как мы живем на Дальнем Востоке, быстро овладел собой и начал рассказывать о делах наших, дальневосточных. Сталин расспрашивал обо всем, интересовался людьми, в частности, недавно избранным на пост председателя исполкома Владивостокского горсовета И. М. Васильевым.

Я ответил, что Васильев — потомственный питерский пролетарий. Участник гражданской войны. В 1922 году он снова вернулся на судостроительный завод в Ленинград. Член партии с 1931 года. Как одного из лучших специалистов-медников его в 1933 году командировали во Владивосток на Дальзавод в качестве мастера. Уже в 1934 году он стал начальником цеха. У него хорошая рабочая закваска и, несмотря на его 38 лет, большой

жизненный опыт. Они-то и помогают ему в работе. Если уж он берется за какое-нибудь дело, то докапывается до сути, не рубит с плеча, делает все основательно. Словом, Васильев оправдывает возлагавшиеся на него надежды.

Вдруг Сталин спрашивает:

— Какие возможности имеются в крае для расширения посевных площадей под овощи и картофель?

— Более всего для выращивания таких культур подходит Ольгинский район, расположенный на побережье, севернее Владивостока. Но он отделен от основной территории края Сихотэ-Алиньским хребтом, так что добраться в район можно только морем. А вывоз урожая морским путем сопряжен со множеством перевалок, да притом в осеннее время, — ответил я.

— А почему вы не пользуетесь дорогой, которая идет ущельем в горах Сихотэ-Алиня? — спросил Сталин. — Дорога эта похуже шоссейной, но лучше проселочной. В ущелье течет много речушек, которые пересекают дорогу. Мостики на них годами не ремонтировались и, скорее всего, разбиты, размыты. Отремонтируйте их и возите на здоровье урожай Ольгинского района.

Признаюсь, я об этой дороге до встречи со Сталиным ничего не знал. А он, как видно, перед разговором по делам Дальнего Востока был проинформирован и о ней.

— Обещаю вам, товарищ Сталин, как только вернусь в край, обязательно проеду этой дорогой. Отремонтируем все мосты и мостики и наладим с этим районом нормальную связь.

Вернувшись в Приморье, мы снарядили целую экспедицию на машинах с грузом шпал, досок и всего необходимого для ремонта мостов. Выехали из Владивостока на рассвете, имея в виду засветло пробраться дебрями ущелий как можно ближе к Ольгинскому райцентру. И каково же было наше удивление: мы в тот же день засветло прибыли в районный центр. <...>

<...>Дорогу эту освоили и с успехом использовали не только для перевозки картофеля и овощей.

Воспользовавшись паузой в беседе, я обратился к Сталину с просьбой решить ряд вопросов, касающихся укрепления краевой партийной организации. Сталин внимательно выслушал эти просьбы, задал уточняющие вопросы и обещал помочь. Через несколько дней после возвращения из Москвы мы получили соответствующие решения.

Н.М. Пегов. Далекое — близкое. Политиздат, М., 1982. С. 46—49.

Н.Г. Кузнецов, 20—21 марта 1939 года

Съезд открылся 10 марта. В праздничном настроении входили мы в Большой Кремлевский дворец вместе с делегатами, прибывшими со всех концов страны. <...>

Съезд начал свою работу. И.В. Сталин выступил с очередным докладом. Сидевшие в президиуме придвинулись ближе к трибуне, чтобы лучше слышать оратора.

В часы, свободные от заседаний, я бывал в наркомате, узнавал новости с Тихого океана.

В наркомате была какая-то странная атмосфера. М.П. Фриновский присутствовал на съезде. Я видел его из президиума, он сидел в одиннадцатом или двенадцатом ряду, но в наркомате не показывался. Уже поползли слухи, что его скоро освободят. Все текущие дела решал первый заместитель наркома П.И. Смирнов-Светловский.

В один из последних дней работы съезда ко мне подошел В.М. Молотов.

— Вы намерены выступать? — спросил он. Я отрицательно покачал головой.

— Жду выступления своего наркома.

— А может быть, он и не собирается... советую вам подумать.

Вечером я рассказал об этом разговоре Штерну.

Старый опытный работник центрального аппарата, он лучше знал, как лучше поступить.

— Разговор неспроста, — заметил Штерн. — на всякий случай я бы подготовил тезисы выступления.

На следующий день председательствующий спросил нас обоих, не записать ли для выступлений в прениях. Мы ответили согласием, и с той минуты сидели, потеряв покой. Шутка ли! Нам предстояло говорить с самой высокой трибуны.

В перерыве мимо нас прошел Сталин. Повернувшись ко мне, он протянул бумагу, которую держал в руке.

— Прочтите.

Это оказался рапорт М. П. Фриновского, который просил освободить его от обязанностей наркома «ввиду незнания морского дела».

— Вам понятно? — спросил Сталин, вновь остановившись возле нас через некоторое время.

Я не успел ответить. Было ясно одно: Фриновский выступать не станет, и мне, по-видимому, дадут слово. Хорошо помню, как объявили:

— Слово имеет Шолохов. Приготовиться Кузнецову...

Я шел к трибуне, изо всех сил стараясь совладать с волнением. Говорил я об агрессивных замыслах японской военщины и о ее провокациях на границе. Затем рассказал о нашем Тихоокеанском флоте, заверил делегатов, что моряки готовы до конца выполнить долг перед Родиной.

Перед заключительным заседанием съезда происходило совещание старейшин. Были приглашены все члены ЦК старого состава и еще много других делегатов. В числе приглашенных оказались Штерн и я. Члены Политбюро заняли места на возвышении в президиуме. В составе ЦК партии намечались крупные изменения. Члены Политбюро, сообщая об этом, поясняли, почему считается нецелесообразным вновь вводить того или иного человека в состав ЦК. Затем выступали и те кому давался отвод. Они обычно просили перевести их на менее ответственную работу. В конце заседания было внесено предложение о новом составе ЦК партии. В числе других фамилий назвали Штерна и мою. <...>

После съезда я заторопился во Владивосток. Дела не ждали. Но уехать не удалось.

— Пока задержитесь в Москве, — сказал мне П.И. Смирнов-Светловский, замещавший наркома.

Причин задержки мне не объяснили. В тот же вечер, вскоре, уже ночью меня подняли с постели и предложили немедленно ехать в Кремль. Надо было торопиться, машина ждала у подъезда гостиницы.

Меня принял И.В. Сталин. Когда я вошел в кабинет он стоял у длинного стола, за которым сидели несколько членов Политбюро. Перед ним лежали какие-то бумаги. Он заговорил не сразу. Неторопливо постучал трубкой о край пепельницы, взял большой красный карандаш и что-то написал на бумаге, лежавшей сверху. Затем пристально посмотрел на меня.

— Ну, садитесь.

Не очень уверенно я подошел к столу. Я видел Сталина не впервые, но никогда раньше не имел возможности внимательно и долго разглядывать его так близко.

Он был почти такой, как на портретах, и все же не совсем такой. Я представлял себе, что он крупнее, выше ростом. В тихом голосе и медленных жестах чувствовалась большая уверенность, сознание своей силы.

Некоторое время он тоже внимательно смотрел на меня, и я, признаться, робел под этим взглядом. Прежде я только мысленно разговаривал со Сталиным. Когда мне не удавалось добиться чего-нибудь необходимого для флота или я получал указания, с которыми внутренне был не согласен, тогда думал: «Вот бы попасть к Сталину, доложить ему лично, он понял бы и помог».

Теперь я был у него. Докладывать мне не пришлось. Он спрашивал, я отвечал. О службе на Тихом океане и нашем флоте, о том, как, по моему мнению, работает наркомат. Почему-то Сталин особенно интересовался моим мнением о Галлере и Исакове. Я с уважением относился к тому и другому. Они были опытными руководителями и пользовался авторитетом у моряков. Так я ему и сказал.

— Как вы смотрите на работу в Москве? — спросил он в конце разговора.

У меня, признаться, на сей счет не было определенного взгляда.

— В центре я не работал, да и не стремился к этому, — ответил я коротко.

— Ну, идите, — отпустил меня Сталин.

Когда я вернулся в гостиницу, было уже около трех утра.

На следующее утро меня вызвали на экстренное заседание Главного военно-морского совета. Повестку дня не сообщили.

Заседание открыл П.И. Смирнов-Светловский и представил слово А.А. Жданову.

— Предлагаю обсудить, соответствует ли своей должности первый заместитель наркома Смирнов-Светловский, — объявил неожиданно Жданов.

Смирнов, сидевший на председательском месте, помрачнел и опустил голову. Прений не получилось. Опять слово взял Жданов:

— В Центральном Комитете есть мнение, что руководство наркоматом следует обновить. Предлагаю вместо Смирнова-Светловского первым заместителем наркома назначить Кузнецова.

Жданов посмотрел в мою сторону. Повернулись ко мне и другие члены совета. Несколько голосов не очень уверенно поддержали предложение.

В тот же день мне был вручен красный пакет с постановлением о назначении на новую должность.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 230—233.

А.С. Чуянов, 22—31 марта 1939 года

...Сразу же после XVIII съезда, на первом организационном пленуме, я, будучи избранным в кандидаты в члены ЦК ВКП(б), был немало озадачен поручением, данным мне И.В. Сталиным. Случилось это так. Во время перерыва участники Пленума переместились в буфетный зал, к столикам с чаем и бутербродами. Я сидел рядом с В.А. Малышевым и С.М. Буденным. Разговаривали. Подошел А.Н. Поскребышев и, обращаясь к С.М. Буденному и ко мне, сказал:

— Вас просят зайти к Сталину и Ворошилову в Овальный зал.

Семен Михайлович спросил:

— Вы никаких вопросов не ставили перед ЦК?

— Ставил, об освоении Волго-Ахтубинской поймы, — ответил я.

— А при чем тут я? Может, что-нибудь писал о кавалерии?

— Кадровой кавалерии у нас в области нет, — ответил я.

Семен Михайлович встал первым, я последовал за ним.

В Овальном зале за столом сидели И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов.

— Вот они, виновники, — встречая нас, сказал Ворошилов.

Сталин нацелил глаза на меня:

— Много ли рыбаки Каспия ловят и сколько могут приготовить вяленой тарани?

Для меня этот вопрос как снег на голову. Мне показалось, что и Буденный недоуменно пожал плечами. Собравшись, я ответил:

— Десять-пятнадцать процентов от годового улова.

— А сколько же это будет пудов?

— Примерно девятьсот тысяч пудов.

— А сколько среди них будет крупной и средней тарани?

— Не более пятидесяти процентов.

— Значит, четыреста пятьдесят тысяч пудов, — раздумчиво произнес Сталин.

— Да, примерно так, — подтвердил я.

— А сколько можно взять от улова крупной и средней тарани для Красной Армии? — спросил Ворошилов.

Я не успел ответить, как Сталин разъяснил:

— ЦК партии намеревается внести в солдатский паек снабжение таранью. Вы потребовались нам для того, чтобы посовето-

ваться и подготовить этот вопрос для обсуждения в Политбюро. Солдатам в походе тарань окажется весьма важным продуктом. Сунет за голенище и на привале посолонцует...

— Надо подсчитать, — ответил я.

Теперь Сталин повернулся к Буденному:

— А что думает Семен Михайлович по этому вопросу?

— От тарани не откажемся. Давать ее следует сверх пайка, она костлявая и малокалорийная. Но в переходах, на привалах будет полезной.

— Тарань — рыба ходовая, ее уважают, особенно вяленую, и в народе и солдаты, особенно с пивом, — подчеркнул Ворошилов.

Далее, как в пьесе:

Сталин (*с усмешкой*). Разве в солдатский паек и пиво входит?

Ворошилов (*как бы оправдываясь*). Нет, товарищ Сталин, не входит, но солдат не откажется от пива и тарани.

Буденный. Это дело личное — употреблять тарань с пивом. Есть такая тарань — мелкая, она так и называется — «пивная». В народе уважают ее, а что касается тарани для армии, то разве только для пехоты.

Сталин. Средняя и крупная тарань должна пойти для пехоты. Давать ее надо только в походах, на учениях, на привалах, и притом без пива! Что касается мелкой тарани, то я согласен оставить ее любителям пива.

Ворошилов. Правильно, товарищ Сталин, это будет хорошо!

Буденный. В походе солдат таранью жажду утолит с глотком воды, меньше будет пота. Это будет действительно хорошо.

Сталин. Слышите, товарищ Чуянов? Ворошилов говорит «хорошо», Семен Михайлович говорит «хорошо». Возражений нет. Поэтому вам следует хорошенько все подсчитать и решить эту задачу практически.

Я попытался попасть в тон разговора и ответил:

— Раз вы говорите, солдат за голенищем будет тарань носить, то мы не оставим его в обиде...

Сталин прервал меня:

— К этому делу надо подойти с расчетом. Подумайте и дайте вместе с Семеном Михайловичем свои соображения. Срок две недели.

А.С. Чуянов. На стремнине века. Политиздат, М., 1976. С. 52—54.

Н.Г. Кузнецов, 27 апреля 1939 года

А.А. Жданов сообщил, что ему и мне предложено срочно выехать во Владивосток и Хабаровск для подготовки некоторых вопросов.

Я попытался было объяснить, что в Москве скопилась куча нерешенных дел, но он прервал меня:

— Бумаги могут подождать. Советую вам и не заикаться о них у товарища Сталина. <...>

Вернувшись в Москву, прямо с вокзала я отправился в наркомат. Нужно было включаться в повседневные дела. А 27 апреля меня вызвали в Кремль. Разговор шел о результатах поездки на Дальний Восток. Присутствовали все члены Политбюро. Жданов рассказывал о своих впечатлениях от Находки.

— Это действительно находка для нас!

Тут же было принято решение о создании там нового торгового порта.

Жданов рассказал о делах Приморского края, о Тихоокеанском флоте. Уже покидая кабинет, я услышал, как Сталин обратился к присутствующим:

— Так что, может быть, решим морской вопрос?

Все согласились с ним.

Хотелось спросить, что это за морской вопрос, но показалось неудобно.

Из Кремля выехал домой. Когда вернулся на службу, на столе обнаружил красный пакет с Указом Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении Народным комиссаром Военно-морского Флота СССР. <...>

В тот вечер долго сидел в своем новом кабинете, все думал: с чего начинать? Что главное? Позвонил Лев Михайлович Галлер:

— Разрешите на доклад.

Он пробыл у меня два часа. Мне хотелось посоветоваться с этим опытным, умным человеком.

— Надо использовать «медовые» месяцы... — Галлер погладил свои рыжеватые усы, потом посмотрел на меня и добавил уже совсем неофициально: — В первое время ваши предложения будут рассматривать быстро и быстро будут принимать решения. Потом станет труднее.

Я учел его совет, хотя и не сразу оценил, насколько он был справедлив. Прошло некоторое время, и доступ к Сталину стал

весьма затруднителен, а без него решать важнейшие вопросы никто не брался.

Но в «медовые» месяцы я частенько бывал «наверху», и мне без особых затруднений и задержек удавалось разрешать неотложные дела:

И. В. Сталин уделял внимание судостроительной программе и очень интересовался флотом.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 234, 239—241.

А. С. Яковлев, 27 апреля — май 1939 года

<...>Новый самолет нашего КБ, занимавшегося до этого только спортивными самолетами, испытывал летчик Пионтовский. Машина показала скорость 560 километров в час. По тому времени эти данные были превосходны. Машиной заинтересовались. <...>

Сначала мы предполагали использовать новый самолет как скоростной тактический разведчик. Но под нажимом военных пришлось приспособить его в качестве фронтового бомбардировщика. Он получил название ББ — ближний бомбардировщик.

После первых испытательных полетов, когда стало бесспорным, что ББ по летным качествам намного опередил другие самолеты этого типа, меня вызвали к И.В. Сталину. Это было 27 апреля 1939 года.

Прошло несколько лет с момента моего знакомства со Сталиным на Тушинском аэродроме. За это время мне пришлось видеть его на официальных заседаниях в Кремле, но теперь я шел по его личному вызову. По дороге в Кремль мысленно представлял себе предстоящую встречу: старался угадать, о чем он меня спросит и как надо отвечать.

Я с волнением поднимался по лестнице, устланной красным ковром. Когда появился в секретариате и собрался представиться, секретарь Сталина предупредил меня:

— Конструктор Яковлев? Товарищ Сталин назначил вам прийти к шести часам, а сейчас пять часов сорок пять минут, попрошу вас подождать.

Точно в назначенное время меня пригласили пройти в кабинет. Там кроме Сталина были Молотов и Ворошилов. Все трое со мной тепло поздоровались.

Первое впечатление от кабинета Сталина врезалось в мою память на всю жизнь. Признаться, я был как-то разочарован: меня поразили его исключительная простота и скромность.

Не скажу, что, когда я вошел в кабинет, мое волнение как рукой сняло, нет, но постепенно оно ослабевало. Ровный голос, размеренная походка Сталина действовали успокаивающе.

Сталин начал расспрашивать о работе, о новой машине.

По мере того как разговор углублялся в техническую область, в мою родную стихию, я все больше успокаивался и скоро совершенно освоился, перестал стесняться и, отвечая на вопросы, уже не подыскивал слова, как вначале.

Сталин, Молотов и Ворошилов очень интересовались моей машиной ББ и все расспрашивали, как же это удалось при таких же двигателях и той же бомбовой нагрузке, что и у СБ, получить скорость, превышающую скорость СБ.

Я объяснил, что здесь все дело в аэродинамике, что СБ проектировали 5 лет тому назад, а наука за это время продвинулась далеко вперед. Кроме того нам удалось свои бомбардировщик сделать значительно легче, чем СБ.

Сталин все ходил по кабинету, удивлялся и говорил:

—Чудеса, просто чудеса, это революция в авиации.

Было решено запустить ББ в серийное производство

После того как договорились по некоторым вопросам дальнейшей работы нашего конструкторского бюро, Ворошилов что-то написал на листочке бумаги и показал Сталину, который, прочтя, кивнул головой в знак согласия.

Тогда Ворошилов прочитал текст ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Ленина, автомобилем ЗИС и премией в 100 тысяч рублей. Ходатайство тут же все трое подписали.

Это было совершенно неожиданно, я растерялся и, кажется, даже не поблагодарил. Хорошо еще, что, опомнившись, в конце концов нашелся сказать, что работал я не один, а целый коллектив и что награждать меня одного было бы несправедливо. На это Сталин ответил, что нужно немедленно представить список моих сотрудников, которые работали над новой машиной, чтобы их также наградить.

Со мной дружески попрощались, пожелали дальнейших успехов в работе. <...>

Утром на заводе я составил список работников, заслуживающих награждения.

Утомленный радостными переживаниями и бесконечными поздравлениями, я в тот день рано лег спать и сразу же крепко заснул. Разбудил меня телефонный звонок:

— Конструктор Яковлев? Говорят из секретариата товарища Сталина. Позвоните товарищу Сталину, он хочет с вами говорить.

И дали мне номер телефона.

Что могло случиться? Я в смятении набираю этот номер и слышу уже знакомый голос.

— Здравствуйте. Передо мной лежит список ваших конструкторов, представляемых к награде орденами. Вы, кажется, забыли летчика. Что-то я его здесь не вижу.

— Как же, товарищ Сталин! Летчик там есть, он представлен к награде орденом Ленина.

— Ах, верно, верно! Это я, значит, пропустил. А как дела у вас?

— Хорошо, товарищ Сталин.

Вот тут бы и поблагодарить за награду — такой удобный случай! — а я снова повторяю:

— Все в порядке.

— Ну, если в порядке — хорошо. Будьте здоровы, желаю успеха.

Прошло немного времени. Сидел я как-то в конструкторском бюро за чертежной доской с конструктором Виктором Алексеевым, подошел секретарь: «Вас спрашивает какой-то Поскребышев. Соединять или нет?»

Беру трубку и слышу голос личного секретаря Сталина — Александра Николаевича Поскребышева. Он говорит, что мне надо приехать в ЦК по срочному делу и что сейчас за мной приедет машина.

Прошло, кажется, минут двадцать, не более, как явился человек в военной форме и пригласил меня последовать за ним.

Не зная ни о причине вызова, ни о том, с кем предстоит встретиться, я очень волновался всю дорогу.

Подъехали к зданию Центрального Комитета партии на Старой площади. По длинному коридору, застланному ковровой дорожкой, сопровождающий привел меня в какую-то комнату. Здесь стоял диван в чехле из сурового полотна, несколько стульев, в центре — небольшой круглый стол, накрытый белой скатертью. На столе — ваза с фруктами, блюдо с бутербродами, несколько стаканов недопитого чая. В комнате никого не было.

К волнению моему добавилась еще и растерянность: куда я попал и что будет дальше?

Так в полном недоумении простоял я несколько минут, не двигаясь и рассматривал окружающую обстановку.

Вдруг сбоку открылась дверь и вошел Сталин. Я глазам своим не поверил: уж не мистификация ли это?

Но Сталин подошел, улыбаясь, пожал руку, любезно справился о моем здоровье.

— Что же вы стоите? Присаживайтесь, побеседуем. Как идут дела с ББ?

Постепенно он расшевелил меня, и я обрел возможность связно разговаривать. Сталин задал несколько вопросов. Его интересовали состояние и уровень немецкой, английской и французской авиации. Я был поражен его осведомленностью. Он разговаривал как авиационный специалист.

— А как вы думаете, — спросил он, — почему на истребителях «спитфайр» ставят мелкокалиберные пулеметы, а не пушки?

— Да потому, что у них авиапушек нет, — ответил я.

— Я тоже так думаю, — сказал Сталин. — Но ведь мало иметь пушку, — продолжал он. — Надо и двигатель приспособить под установку пушки. Верно?

— Верно.

— У них ведь двигателя такого нет?

— Нет.

— А вы знакомы с работой конструктора Климова — авиационным двигателем, на который можно установить двадцатимиллиметровую пушку Шпитального?

— Знаком.

— Как вы расцениваете эту работу?

— Работа интересная и очень полезная.

— Правильный ли это путь? А может быть, путь англичан более правильный? Не взялись бы вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

— Я истребителями еще никогда не занимался, но это было бы для меня большой честью.

— Вот подумайте над этим.

Сталин взял меня под руку, раскрыл дверь, через которую входил в комнату, и ввел меня в зал, заполненный людьми.

Сразу я не мог различить ни одного знакомого лица. А Сталин усадил меня в президиуме рядом с собой и вполголоса продолжал начатый разговор. Я отвечал ему. Осмотревшись, увидел, что заседание ведет К.Е. Ворошилов, а в первом ряду сидит наш нарком М.М. Каганович, дальше — конструктор А.А. Архангельский, директор завода В.А. Окулов и главный инженер завода А.А. Кобзарев, некоторые знакомые мне работники авиационной промышленности. В зале было много военных из управления Военно-Воздушных Сил.

Кто-то выступал. Я понял, что речь идет о затруднениях, создавшихся с серийным производством самолета СБ в связи с невозможностью дальнейшего улучшения его летных характеристик, особенно повышения скорости. Между тем от решения этой проблемы зависела судьба нашей фронтовой бомбардировочной авиации.

Я внимательно прислушивался к тому, что продолжал говорить мне Сталин, и одновременно старался уловить, о чем говорят выступающие, а в душе опасался, как бы не предложили мне высказаться по вопросу, с которым я совершенно не был знаком.

К счастью, мои опасения оказались напрасными. Минут через 10—15 Сталин встал и повел меня обратно в уже знакомую комнату. Мы сели за круглый столик. Сталин предложил мне чай и фрукты.

— Так как же, возьметесь за истребитель?

— Подумаю, товарищ Сталин.

— Ну хорошо, когда надумаете, позвоните. Не стесняйтесь... Желаю успеха. Жду звонка.

И уже вдогонку сказал:

— А все-таки дураки англичане, что пренебрегают пушкой.

В то время самолет, вооруженный двадцатимиллиметровой пушкой, уже был у немцев — «Мессершмитт-109». Видимо Сталину это не давало покоя. Готовя перевооружение авиации, Сталин, очевидно, стремился избежать ошибки при выборе калибра пулеметов и пушек для наших истребителей. <...>

Вскоре конструкторов, ранее присутствовавших на совещании в Овальном зале, вновь пригласили в Кремль — теперь уже для обсуждения практических вопросов работы каждого.

В большой приемной собрались не только ветераны самолетостроения, но и конструкторская молодежь. Здесь были Лавочкин, Гудков, Горбунов, Ильюшин, Флоров, Боровков, Таиров, Шевченко, Пашинин, конструкторы-мотористы Климов, Микулин, Швецов, всего человек двадцать — двадцать пять.

С волнением ожидали мы вызова, на этот раз беседа велась с каждым в отдельности.

Александр Николаевич Поскребышев, секретарь Сталина, время от времени заходил в приемную и вызывал по списку приглашенных. Наконец настала и моя очередь. Я приготовился к разговору заранее, так как имел уже поручение Сталина подумать над возможностью постройки в нашем конструкторском бюро истребителя с мотором Климова.

В кабинете кроме Сталина и наркома М.М. Кагановича были Ворошилов, Молотов и кто-то еще из членов Политбюро, не помню кто, а также заместитель начальника ВВС Филипп Александрович Агальцов.

Сталин спросил меня:

— Ну, как, надумали делать истребитель с двигателем Климова?

— Да, я связался с Климовым и получил все данные о его двигателе. Мы детально проработали вопрос, и наше конструкторское бюро может выступить с предложением о постройке истребителя.

Я назвал летные данные будущего истребителя: скорость, потолок и дальность полета.

— Как вы его вооружите? Пушка на нем будет стоять?

— А как же! На нашем истребителе будет стоять пушка калибра 20 миллиметров и два скорострельных пулемета.

— Это хорошо... — ответил Сталин, в раздумье расхаживая по кабинету. — А знаете ли вы, — спросил он, — что мы такие же истребители заказываем и некоторым другим конструкторам и победителем станет тот, кто не только даст лучший по летным и боевым качествам истребитель, но и сделает его раньше, чтобы его можно было быстрее запустить в серийное производство?

— Я понимаю, товарищ Сталин.

— Понимать мало. Надо машину сделать быстрее.

— А какой срок?

— Чем скорее, тем лучше. К новому году сделаете?

— Я постройкой таких самолетов не занимался, опыта не имею... Но вот американцы делают новый истребитель за два года...

— А вы разве американец? — перебил меня Сталин. — Покажите, на что способен молодой русский инженер... Вот тогда будете молодцом, и придется мне пригласить вас на чашку чая.

— Спасибо, раз надо — сделаем обязательно. Но разрешите задать один вопрос? Вот пригласили сюда десятка два конструкторов, и каждому дается задание. Разве стране нужно столько истребителей и бомбардировщиков? Разве возможно будет все их запустить в серийное производство?

— Мы и сами прекрасно знаем, — ответил Сталин, — что столько самолетов нам не нужно. Но ведь из всех самолетов, дай бог, получится пять-шесть таких, которые будут годны для

серийного производства. А такое количество новых самолетов нас не смущает.

Так побеседовали со всеми приглашенными. Каждый получил задание. Мы разъехались по конструкторским бюро возбужденные, заряженные духом творческого соревнования, с твердым намерением победить своих «соперников».

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 130—136.

И.Т. Пересыпкин, 10 мая 1939 года

Окончив командный факультет академии в мае 1937 года и получив звание капитана, я был назначен военным комиссаром Научно-исследовательского института связи Красной Армии. <...>

В начале января 1938 года, не успев еще как следует освоиться с работой, я получил новое назначение — военным комиссаром Управления связи Красной Армии. Тогда же мне присвоили воинское звание полковника. <...>

10 мая 1939 года в 10 часов вечера меня срочно вызвали в Кремль к И.В. Сталину.

После окончания академии я уже около двух лет работал в Москве. За это время видел И.В. Сталина на заседании Политбюро, когда рассматривался вопрос об итогах боевых действий на озере Хасан, на совещании в ЦК с танкистами — участниками боев в Испании, на парадах и приемах, но встречаться с ним непосредственно мне еще не приходилось. Поэтому, направляясь в Кремль, я изрядно волновался. <...>

Машина осталась на Ивановской площади.

Войдя в подъезд и поднявшись на лифте, я оказался в небольшом вестибюле. Мне показали, куда следовало идти. Открыв дверь, я очутился в довольно длинном коридоре, пол которого по всей длине был покрыт золотисто-бордовой ковровой дорожкой. В коридоре стояла абсолютная тишина. Казалось, никакой посторонний шум не проникает сюда. Я обратил внимание, что здесь нет никаких табличек, которые прибиты на дверях кабинетов больших начальников.

Несколько растерявшись и не зная, куда идти, я беспомощно остановился, потом наконец постучал в первую попавшуюся дверь.

В комнате, в которой я оказался, меня встретил уже немолодой, небольшого роста, полысевший человек с бросающим-

ся в глаза красным лицом. Он был одет в гражданский костюм, сшитый на военный образец.

Это был Поскребышев, помощник Сталина. Он предложил мне сесть и, попросив обождать, куда-то вышел.

Вернувшись через несколько минут, он проводил меня в соседнюю комнату и, указав на огромную дверь с тамбуром, сказал торжественно и с расстановкой:

— Идите, вас ждет товарищ Сталин.

Я открыл дверь и оказался в большом, ярко освещенном кабинете Сталина. В правом дальнем углу находился его письменный стол. Влево от входа вдоль стены с деревянной панелью стоял ничем не покрытый длинный стол, за которым впоследствии мне неоднократно приходилось сидеть во время разных заседаний и совещаний.

Окна кабинета были наглухо занавешены шторами темно-коричневого цвета.

Сталин был одет в легкий светло-серый шерстяной костюм военного покроя. На нем были мягкие черные сапоги без каблуков, которые обычно носят горцы на Кавказе. В его руках была знаменитая трубка. В кабинете находился Молотов.

Поздоровавшись и внимательно посмотрев мне в лицо, Сталин неожиданно для меня сказал:

— Мы решили назначить вас народным комиссаром связи. Как вы к этому относитесь?

Трудно передать мое состояние, в котором я находился в тот момент. Все что угодно я ожидал от этой встречи, но только не этого. Волнуясь, я ответил примерно следующее: я не так давно окончил академию и работаю менее двух лет. До поступления в академию командовал всего лишь эскадром связи дивизии. Я совершенно не знаком с предлагаемой мне работой и не в силах справиться с таким огромным масштабом.

— Не справлюсь с этой должностью, товарищ Сталин — сказал я, — и поэтому убедительно прошу не назначать меня на этот высокоответственный пост.

Улыбаясь, Сталин спросил:

— Вы, оказывается, кавалерист? В какой дивизии служили?

Я ответил, что служил в первой кавалерийской дивизии на Украине.

Продолжая разговор, он заметил:

— Что касается масштаба работы, который вас пугает, то это ничего. Мы вам поможем.

Я пытался что-то сказать, шел за ним следом, но Сталин снял трубку телефона и, набрав номер сказал кому-то: «Наркомом связи назначаем Пересыпкина. Завтра опубликовать в печати». Он повернулся ко мне.

— Поезжайте сейчас в ЦК, там подготовьте предложение о составе коллегии Народного комиссариата связи. Если хотите взять с собой кого-либо из военных, хорошо знающих связь, включите и их в проект решения.

Я ответил, что в Наркомате обороны есть много опытных специалистов. Некоторых из них было бы желательно перевести в Наркомат связи, но предполагаю, что против перевода будет возражать товарищ Ворошилов.

Улыбнувшись, Сталин сказал:

— Пусть это вас не беспокоит. Мы попросим товарища Ворошилова, чтобы он отпустил из Наркомата обороны всех, кого вы назовете. <...>

Мне было тридцать четыре года.

*И.Т. Пересыпкин. ...А в бою еще важней.
«Советская Россия», М., 1970. С. 8, 9, 12—15, 16.*

А.С. Яковлев, июнь 1939 года

Уже с начала лета 1939 года Сталин меня стал вызывать для консультаций по авиационным делам. Первое время меня смущали частые вызовы в Кремль для доверительного обсуждения важных вопросов, особенно когда Сталин прямо спрашивал:

— Что вы скажете по этому вопросу, как вы думаете?

Он иногда ставил меня в тупик, выясняя мнение о том или ином работнике.

Видя мое затруднительное положение, смущение и желая ободрить, он говорил:

— Говорите то, что думаете, и не смущайтесь — мы вам верим, хотя вы и молоды. Вы знаток своего дела, не связаны с ошибками прошлого и поэтому можете быть объективным больше, чем старые специалисты, которым мы верили, а они нас с авиацией завели в болото.

Именно тогда он сказал мне:

— Мы не знаем, кому верить.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 153.

В конце июня 1939 года меня вызвал И.В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О.В. Куусинена. Я с ним впервые тогда познакомился. В ходе дальнейшей беседы меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникали у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства. Сталин сказал, что в дальнейшем при необходимости я могу обращаться к Куусинену за консультацией по вопросам, связанным с Финляндией. Позднее, в период финской кампании, когда Отто Вильгельмович находился в Петрозаводске, я не раз советовался с ним по ряду проблем, вытекавших из хода военных действий.

После ухода Куусинена Сталин еще раз вернулся к вопросу о Ленинграде. Положение на финляндской границе тревожное. Ленинград находился под угрозой обстрела. Переговоры о заключении военного союза с Англией и Францией пока не приносят успеха. Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР. А Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны.

Разведка сообщает, что ускоренное строительство укреплений и дорог на финляндской стороне границы продолжается. Имеются различные варианты наших ответных действий в случае удара Финляндии по Мурманску и Ленинграду. В этой связи на меня возлагается обязанность подготовить докладную записку. В ней следует изложить план прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны.

И.В. Сталин подчеркнул, что еще этим летом можно ждать серьезных акций со стороны Германии. Какими бы они ни были, это неизбежно затронет либо прямо, либо косвенно и нас и Финляндию. Поэтому следует торопиться. Через две-три недели я должен был доложить свой план в Москве. Независимо от это-

го, попутно на всякий случай форсировать подготовку войск в условиях, приближенных к боевым. Ускорить и развернувшееся в ЛВО военное строительство. Все приготовления держать в тайне, чтобы не сеять паники среди населения. Жданова держать в курсе дела. Мероприятия маскировать, осуществлять по частям и проводить как обычные учения, никак не подчеркивая, что мы вот-вот можем быть втянуты в большую войну.

Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. <...>

По всем вопросам, связанным с планом контрудара, я звонил непосредственно Сталину. Ему же лично докладывал обо всем, касавшемся финляндских дел, как летом — осенью 1939 года, так и на первом этапе финской кампании.

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 177, 178, 179.*

А.С. Яковлев. Июль 1939 года

Был жаркий летний день 1939 года. По звонку Поскребышева я быстро собрался, через пятнадцать минут был уже в Кремле. Увидев меня, Александр Николаевич сказал: «Идите скорее, вас ждут».

В кабинете Сталин и Ворошилов о чем-то оживленно разговаривали. Поздоровавшись, Сталин сразу же спросил:

— Вот мы тут с Ворошиловым спорим, что важнее для истребителя — скорость или маневр? У летчиков мнения разные — одни за маневр, другие за скорость. Решили спросить у конструктора. Что скажете?

Я ответил, что опыт воздушных боев в Испании уже дал убедительный ответ на этот вопрос. Пока немцы не применили там скоростных «мессершмиттов», наши летчики на маневренных И-15 и И-16 били врага, а с появлением «мессеров» им пришлось туго.

— Вы уверены, что мы не ошибаемся, делая упор на быстрые истребители?

— Уверен, товарищ Сталин, — ответил я.

— Я тоже так думаю, — сказал Сталин, — а он вот сомневается.

— Душно сегодня... — Ворошилов расстегнул ворот своего маршальского кителя и, уклоняясь от дальнейшей дискуссии, с улыбкой обратился к Сталину, кивая на меня: — Вот ему хорошо, что с него возьмешь? Конструктор!

Это он намекнул на мой легкомысленный наряд: тенниску с короткими рукавами и легкие спортивные брюки.

Я смутился и вздумал оправдываться, что, мол, спешил, не успел переодеться...

Сталин перебил меня:

— Ничего, ничего, я бы и сам так, да должность не позволяет.

Заходящее солнце заливало кабинет ярким светом. Сталин прохаживался, как обычно, от письменного стола к двери и обратно и внимательно слушал.

Я стоял лицом к нему, прислонившись к столу. Солнечные лучи меня слепили, и я невольно щурился.

Сталин заметил это, подошел и опустил шторы на окнах.

— Теперь лучше? — спросил он.

— Спасибо, товарищ Сталин.

— Чего же спасибо, надо было раньше сказать.

Через несколько дней меня снова вызвали к Сталину. У него был Молотов.

После делового разговора я встал:

— Разрешите идти, товарищ Сталин?

— А вы спешите? Садитесь, хотите чаю?

Принесли три стакана чая с лимоном. Сталину — на отдельной розетке разрезанный пополам лимон. Он выжал одну половину в свой стакан.

— Ну, как дела, что говорят в Москве?

Настроение у Сталина было хорошее, благодушное, ему, видимо, хотелось отдохнуть, немного отвлечься от текущих дел и просто поговорить «без повестки дня».

Как и многих других москвичей, меня в то время возмущало, что по решению Моссовета уничтожили зелень на Садовом кольце. Замечательные московские бульвары, в том числе исторический Новинский бульвар (ныне улица Чайковского) с вековыми липами, безжалостно вырубili. Сплошную полосу зеленых насаждений вдоль многокилометрового кольца опоясывающей центр города садовой магистрали выкорчевали и залили асфальтом. Ходили упорные слухи, будто и Тверскому бульвару готовится такая же участь. Кажется, был самый подходящий случай поговорить об этом.

— Мне кажется, сейчас один из самых злободневных вопросов — это уничтожение бульваров на Садовом кольце. Москвичи очень огорчены этим и ломают голову: для чего это сделано? Ходит множество слухов и версий...

— Ну и чем же объясняют? — насторожился Сталин.

— Одни говорят, что это делается на случай войны для более свободного прохождения через город войск и танков. Другие — что, опять-таки в случае войны, при газовой атаке деревья будут сборщиками ядовитых газов. Третьи говорят, что просто Сталин не любит зелени и приказал уничтожить бульвары.

— Чепуха какая! А кто говорит, что по моему распоряжению?

— Многие говорят.

— Ну а все-таки?

— Да вот я недавно был у одного из руководителей московской архитектурной мастерской и упрекал его в неразумной вырубке зелени. Он сам возмущался и сказал, что это сделано по указанию, которое вы дали при обсуждении плана реконструкции Москвы. Одним словом, по «сталинскому плану».

Сталин возмутился:

— Никому мы таких указаний не давали! Разговор был только о том, чтобы привести улицы в порядок и убрать те чахлые растения, которые не украшали, а уродовали вид города и мешали движению.

— Вот видите, достаточно было вам заикнуться, а кто-то рад стараться, и вековые липы срубили.

Несмотря на явное огорчение Сталина, я не мог удержаться от вопроса:

— Ну а как же насчет Тверского бульвара?

— Не слышал. Откуда вы это взяли?

— Все так говорят...

— Ну, думаю, до этого не дойдет. Как, Молотов, не дадим обиду Тверской бульвар? — улыбнулся Сталин.

Сталин молча допил свой стакан, придвинул ко мне лист бумаги и с карандашом в руке наглядно стал объяснять, как было дело.

Оказывается, при обсуждении плана реконструкции Москвы Сталин рассказал о том, что ему приходилось бывать на Первой Мещанской улице, которая, как он считает, является примером неудачного озеленения. Первая Мещанская (теперь проспект Мира) сама по себе была не очень широка, да еще по краям тянулись газончики с чахлой растительностью. Эти га-

зончики суживали проезжую часть и тротуары и действительно не украшали, а уродовали улицу, так как вся трава на них была вытоптана, а кустарники ободраны.

— Я сказал об этом для того, — продолжал Сталин, — чтобы впредь под благоустройством улиц Москвы не понимали подобное «озеленение», — а Хрущев и Булганин истолковали это по-своему и поступили по пословице: «Заставь дурака богу молиться — он лоб расшибет» (в то время Хрущев Н.С. — секретарь МК ВКП(б), Булганин Н.А. — председатель Моссовета. — *Ред.*) Вот, Молотов! Чего бы ни натворили, все на нас валят с больной головы на здоровую! — засмеялся Сталин.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 153—155.

К.В. Киселев, 13 сентября 1939 года

Наступила осень 1939 года. Нападением Гитлера на Польшу началась Вторая мировая война. 13 сентября 1939 года Первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко и я, как Председатель Совнаркома БССР, были вызваны в Москву к И.В. Сталину.

Когда мы вошли в кабинет, Сталин встретил нас словами: «Вот и белорусы прибыли» — и пригласил сесть за стол. Кабинет поразил нас своей скромностью и простотой. Стены были облицованы светлой дубовой панелью, через весь кабинет была постлана ковровая дорожка к письменному столу. Над письменным столом висел большой портрет Владимира Ильича, справа в углу — посмертная маска Ленина. На письменном столе лежали книги и папки, стоял чернильный прибор. За столом кожаное кресло, возле него столик с различного цвета телефонами, книжный шкаф и кожаный диван. Слева — длинный стол для заседаний, покрытый сукном, вокруг него стояли тяжелые стулья. На стенах висели географические карты, диаграммы о развитии стахановского движения. Вскоре прибыли все приглашенные. От Украинской ССР присутствовали Н.С. Хрущев и Л.Р. Корниец.

В те дни возник вопрос о помощи западным белорусам и украинцам, оказавшимся в беде в связи с развивавшейся гитлеровской агрессией. Буржуазно-помещичья Польша стояла перед полным военным разгромом. Немецко-фашистские войска приближались к западным областям Белоруссии и Украины, готовясь захватить их. В создавшейся обстановке Со-

ветский Союз, естественно, не мог оставаться равнодушным к судьбам братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии, он считал своим священным долгом прийти им на помощь. <...>

<...> После заседания И.В. Сталин пригласил всех присутствовавших к себе на дачу.

Был прохладный сентябрьский вечер. Перед нами предстал одноэтажный, окруженный со всех сторон густыми фруктовыми деревьями дом. Сталин пригласил в столовую, очень просто и скромно обставленную. Наше внимание привлек большой красивый камин, в котором, потрескивая, горели дрова. Сталин подошел к камину, подложил березовых дров, и вскоре пламя осветило всю комнату. Я засмотрелся и не заметил, как все сели за стол, осталось лишь свободное место рядом со Сталиным. Заметив мое смущение, хозяин дома пригласил сесть с ним рядом.

На стол поставили три супницы — с картофельным супом, бульоном и украинским борщом. Сталин первый налил себе картофельного супа и пригласил отведать, что кому нравится. Я взял тарелку и налил себе картофельного супа. Сталин в шутку сказал, что украинцы обязательно выберут борщ. Так и получилось.

Обед длился около трех часов. Было произнесено много тостов.

И.В. Сталин был приветливым и заботливым хозяином. Он спросил, сколько мне лет. «Тридцать пять», — ответил я. Сталин подробно интересовался положением дел в Белорусской ССР. А мне особенно запомнился рассказ о посещении им Белоруссии во время войны с белополяками. Сталин прекрасно отзывался о белорусском народе, высоко ценил революционные традиции белорусских рабочих.

После обеда все пошли смотреть фильм «Трактористы», и только под утро я вернулся в гостиницу.

17 сентября 1939 года в два часа ночи мы выехали на границу в штаб командующего Белорусским военным округом Михаила Прокофьевича Ковалева. Войска заняли исходные позиции. В 5.40 утра они перешли белорусско-польскую границу; организованного сопротивления им не было оказано.

*К.В. Киселев. Записки советского дипломата.
Политиздат. М., 1971. С. 28—30.*

А.С. Яковлев, октябрь 1939 года

По возвращению из Германии, вечером, только я с вокзала приехал домой, позвонил Поскребышев и предложил сейчас же приехать в Кремль.

У Сталина в кабинете был народ. Шло обсуждение каких-то вопросов. Он поздоровался и пошутил:

— Значит, вас прямо с корабля на бал, посидите, послушайте. Мы скоро кончаем и тогда поговорим с вами.

Через некоторое время он предложил подробно рассказать о поездке. Слушали очень внимательно, не перебивая.

Я не скрыл, что в нашей авиационной группе были разногласия. Наши военные руководители считали, что немцы обманывают нас, втирают очки, показывают старье. Что самолеты «мессершмитт», «юнкерс» и другие — это устаревшие, не современные машины, а что с современной техникой нас не познакомили. Работники промышленности, наоборот, считали, что такие самолеты, как истребители «мессершмитт», бомбардировщики «юнкерс», — сегодняшний день немецкой военной авиации. Правда, и нас смущало то, что если эта техника современная, то почему ее нам показывают. Однако мы твердо считали, что технику эту надо закупить и как следует изучить.

Сталин очень интересовался вооружением немецких самолетов: стрелково-пушечным, бомбовым, а также сравнением летно-технических данных с нашими машинами аналогичных типов.

Разговор затянулся до поздней ночи и закончился уже на квартире у Сталина за ужином.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 150.

Н.Г. Кузнецов, осень 1939 года

Мне хорошо запомнился случай, когда на просьбу увеличить ПВО на кораблях мне ответили:

— Воевать будем не у берегов Америки...

Все это объясняется, как мне кажется, тем, что недооценивалась опасность для кораблей с воздуха. <...>

Вместе с тем у Сталина было особое, трудно объяснимое пристрастие к тяжелым крейсерам. Я об этом узнал не сразу. На одном из совещаний я сделал несколько критических замечаний по проекту тяжелых крейсеров. Когда мы вышли из каби-

нета, руководящий работник Наркомсудпрома А.М. Редькин предупредил меня:

— Смотрите не вздумайте и дальше возражать против этих кораблей. — И доверительно пояснил, что Сталин не терпит малейших возражений против тяжелых крейсеров.

Об увлечении И.В. Сталина линкорами я знал и раньше. Однажды осенью 1939 года мы были у него на даче. Помнится, из Таллина приехали К.А. Мерецков и И.С. Исаков. Когда официальная часть разговора окончилась, за ужином зашла речь о Балтийском театре. Я высказал свое сомнение относительно линкоров — не о том, нужны ли в принципе такие корабли, а конкретно, следует ли их строить для мелководного Балтийского моря, где линкоры легко могут подрываться на минах.

Сталин встал из-за стола, прошелся по комнате, сломал две папиросы, высыпал из них табак, набил трубку, закурил.

— По копеечке соберем деньги, а построим, — чеканя каждое слово, проговорил он, строго глядя на меня.

Я подумал, что у него есть какие-то свои планы, делится которыми он не считает нужным.

Возможно, так оно и было.

Выполнение большой судостроительной программы началось в 1937—1938 годах. Проектирование и закладка кораблей велись в чрезвычайно быстром темпе. Еще больший размах дело приобрело в 1939 году. Сотни заводов работали на Наркомат судостроения, изготавливая механизмы и вооружение. Но для вступления в строй крупного корабля требовалось примерно три-пять лет.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат. М., 1969. С. 284—285.

А.А. Громыко. Осень 1939 года

...Однажды меня позвал к себе в кабинет один из руководителей наркомата и сообщил:

— Вас вызывают в Кремль, к Сталину.

Новость неожиданная... И.В. Сталина я до этого видел только на расстоянии. Это было на Красной площади, где он приветствовал демонстрантов. И лишь однажды — в президиуме торжественного заседания в Большом Кремлевском дворце, куда меня пригласили вместе с другими представителями предприятий и учреждений, в том числе и научных.

В считанные минуты я прибыл в Кремль.

В приемной, рядом с кабинетом Сталина, находился невысокий подтянутый человек. Я представился. В ответ он сказал: — Поскребышев.

Это был помощник и секретарь Сталина. Он вошел в кабинет и доложил о моем приходе.

И вот я в кабинете Сталина. Спокойная строгая обстановка. Все настраивало только на деловой лад. Небольшой письменный стол, за которым он работал, когда оставался в кабинете один. И стол побольше — для совещаний. За ним в последующем я буду сидеть много раз. Здесь обычно проводились заседания, в том числе и Политбюро.

Сталин сидел за вторым столом. Сбоку за этим же столом находился Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, с которым я уже встречался в наркомате.

Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

— Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника.

Откровенно говоря, меня несколько удивило это решение, хотя уже тогда считалось, что дипломаты, как и военные, должны быть готовы к неожиданным перемещениям. Недаром ходило выражение: «Дипломаты как солдаты».

Сталин кратко, как он это хорошо умел делать, назвал области, которым следовало придать особое значение в советско-американских отношениях.

— С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, — говорил он, — Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастания фашистской угрозы.

Тут Сталин дал некоторые советы по конкретным вопросам. Я их воспринял с большим удовлетворением.

Молотов при этом подавал реплики, поддерживая мысли Сталина.

— Вас мы хотим направить в США не на месяц и, возможно, не на год, — добавил Сталин и внимательно посмотрел на меня.

Сразу же поинтересовался:

— А в каких вы отношениях с английским языком?

Я ответил:

— Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

И тут Сталин дал совет, который меня несколько озадачил, одновременно развеселил и, что главное, помог быть мне менее скованным в разговоре. Он сказал:

— А почему бы вам временами не заходить в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу совершенствования знаний иностранного языка.

Я несколько смутился. Подумал, как это Сталин, атеист, и вдруг рекомендует мне, тоже атеисту, посещать американские церкви? Я едва не спросил: «А вы, товарищ Сталин, прибегали к этому методу?» Но удержался и вопроса не задал <...>. Я, как говорят, сам себе язык прикусил и хорошо сделал. Конечно, услышав такой вопрос, Сталин, наверно, превратил бы свой ответ в шутку, он в аналогичных случаях нередко прибегал к ней, как я убеждался впоследствии. Но тогда, в ту первую встречу, искушать судьбу мне не хотелось.

В США в церкви и соборы я, конечно, не ходил. Это был, вероятно, единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание Сталина.

Так произошла моя первая встреча со Сталиным.

А. Громыко. Памятное, кн. 1. Политиздат, М., 1988. С. 75—77.

А.С Яковлев, 1939 год

Однажды, в подходящий момент, в присутствии Молотова, после обсуждения авиационных вопросов, я решил поделиться со Сталиным своими мыслями о строительных делах. В то время я находился под впечатлением строительства нашего нового конструкторского бюро и сборочного цеха. Огорчали бюрократические трудности, которые приходилось преодолевать в ходе стройки.

Я привел примеры косности наших строителей и рассказал, в частности, о тех препонах, которые ставятся под видом норм, стандартов и всевозможных положений. Говорят о стандартах, а в то же время каждая архитектурная мастерская проектирует заново все от начала до конца, вплоть до оконных шпингалетов и дверных ручек.

— Вмешиваются в каждую мелочь, не дают шагу ступить и все ссылаются на строительные законы, — жаловался я. — А мне хочется свое КБ сделать поскорее и не хуже, чем на Западе.

— А вы их не слушайте, если уверены в своей правоте, делайте как считаете нужным, — сказал Сталин.

— Как же не слушать — не дадут строить!

— Очень просто, скажите, что Сталин и Молотов разрешили.

— Кто же этому поверит?

— Пусть у нас проверяют, мы подтвердим.

Вспоминается и такой случай.

Однажды вызвали меня и дали важное задание. Сталин сказал:

— Дело срочное, выполнить его нужно быстро. Чем помочь?

Я говорю:

— Ничего не нужно, все у меня есть для того, чтобы сделать.

— Хорошо, если что будет нужно, — не стесняйтесь, звоните, обращайтесь за помощью.

Тут я вспомнил:

— Товарищ Сталин, есть просьба! Но это мелочь, стоит ли вас утруждать?

— А ну!

— При выполнении этого задания потребуется много ездить по аэродромам, а у меня на заводе плохо с автотранспортом, мне нужно две машины М-1.

— Больше ничего? Только две машины?

— Да, больше ничего.

Из Кремля я вернулся на завод. Встречает меня заместитель:

— Сейчас звонили из Наркомата автотракторной промышленности, просили прислать человека с доверенностью — получить две машины М-1.

И дает подписать доверенность. На другой день две новенькие машины М-1 были уже в заводском гараже.

К вечеру позвонили из ЦК: спросили, получены ли автомашины. Это уже проверка исполнения.

В 1939 году я получил новую квартиру в доме наркомата на Патриарших прудах. Там же поселились конструкторы Ильюшин и Поликарпов.

Дом — новый, телефон поставили только Поликарпову. Несколько раз по вызову Сталина меня приглашали к телефону в квартиру Поликарпова, расположенную этажом ниже. Я чувствовал себя страшно неловко. Поэтому однажды, когда прибежавшая работница Поликарпова сказала, что меня просят сейчас же позвонить Поскребышеву, т.е. Сталину, я, чтобы не стеснять Поликарпова, пошел в соседний магазин и позвонил из

автомата. В разговоре Сталин спросил, почему я так долго не звонил. Я объяснил, что звоню из автомата. Он удивился:

— Как, у вас нет телефона?

На другой день, вернувшись вечером с работы, я увидел в квартире городской телефон.

Но это было еще не все. При ближайшем разговоре Сталин поинтересовался некоторыми подробностями вооружения одного нового самолета и задал вопрос, на который я отказался ответить.

— Не могу, товарищ Сталин, говорить об этом.

— Почему?

— Такие вопросы по городскому телефону обсуждать запрещено.

— Ах, верно, я и забыл! А что, у вас на квартире нет прямого телефона?

— Конечно нет.

— По штату не положено? — засмеялся Сталин. — Ну хорошо, спокойной ночи.

И опять, точно так же, как и в первом случае, на следующий день я обнаружил у себя на письменном столе рядом с городским телефоном еще один аппарат. Это был правительственный телефон, так называемая «вертушка». «Вертушкой» он назывался потому, что в то время в Москве городская телефонная сеть была ручной, то есть приходилось называть номер телефонистке центральной станции, а в Кремле установили первую в Москве автоматическую телефонную станцию.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 153—157.

В. С. Емельянов, 1939 год

<...> нас пригласили в зал заседания. В круглом зале, где оно проходило, народу было немного. Я разглядел В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, И.Т. Тевосяна, начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, Б.Л. Ванникова, С.А. Аكوпова.

В стороне ото всех, недалеко от длинного стола, покрытого красным сукном, я увидел И.В. Сталина. На столе не было ничего, кроме двух коробок папирос и спичек. Сталин медленно расхаживал. В одной руке у него был блокнот, а в другой — карандаш. Он курил хорошо знакомую всем короткую трубочку.

Когда все приглашенные вошли и разместились, Молотов сказал, что в правительство внесен проект об изготовлении танков с новым типом брони, который и надлежит рассмотреть.

— Кто доложит? — спросил Сталин, обращаясь к Павлову. — Вы мне говорили, что эта броня была в дальнейшем усовершенствована. Может быть, сразу же и послушаем автора предложения. Он здесь? Пригласили его?

Николаев поднялся со своего места.

— Расскажите о вашем предложении, — сказал Сталин.

Николаев подошел к столу и стал докладывать. Он излагал суть предложения ясно, избегая специальной терминологии, и закончил свое сообщение чрезвычайно эффектно:

— Все существующие типы брони являются пассивными средствами защиты, предложенная нами броня является броней активной, она, разрушаясь, защищает.

Я видел, что доклад Николаева произвел очень хорошее впечатление на всех присутствующих. Слушали его с большим вниманием.

<...> «Николаев, безусловно, способный инженер, хотя эта его идея и не имеет практической ценности», — думал я в то время, когда он докладывал.

Пока Николаев говорил, Сталин курил трубочку, внимательно смотрел на него и только изредка поднимал опущенную руку с блокнотом и делал в нем какие-то пометки.

Когда Николаев произнес: «Она, разрушаясь, защищает», — Сталин вынул трубочку и повторил эту фразу:

— Она, разрушаясь, защищает. Интересно. Вот она, диалектика в действии!.. Ну а что по этому вопросу говорят представители промышленности, товарищ Николаев? Как они относятся к вашему предложению? — спросил Сталин.

— Они возражают против этого типа броневой защиты, — бойко ответил Николаев.

— Почему?

Я видел, как Сталин нахмурился. Мне стало не по себе. Все сидящие внимательно следили за происходящим диалогом. Я видел, как Тевосян переводил свой взгляд то на Сталина, то на Николаева. Николаев молчал, видимо, собираясь с мыслями.

— В чем же заключается существо их возражений? — повторил свой вопрос Сталин и медленно направился к Николаеву.

Наконец Николаев, несколько волнуясь, ответил:

— Никаких аргументов по существу предложения я от них не слышал. Они просто заявляют, что чудес на свете не бывает.

— Кто так говорит? — И глаза Сталина впились в него.

Николаев заколебался, было видно, как он волнуется. И наконец, опустив голову, тихо произнес:

— Не помню, товарищ Сталин, кто так говорил.

«А ведь это моя фраза, это я так сказал, — сердце неприятно заныло. — Что будет?»

— Так и не помните?

Николаев, вероятно, взял себя в руки и уже тверже, нежели в первый раз, повторил:

— Нет, не помню, товарищ Сталин.

— Напрасно, таких людей помнить надо! — жестко сказал он и, резко повернувшись, подошел к столу. Вынув трубочку, Сталин начал стучать ей по крышке стола, выбивая пепел.

«А Николаев, — подумал я, — порядочный человек. Ведь как автор предложения он — не только был оскорблен, но и осмеян мною перед самым совещанием. Своим ответом «не помню» он произвел на Сталина неблагоприятное впечатление. Его звезда только начинала светить, и он сам сознательно ее погасил».

Мне стало как-то не по себе. «Почему я был так резок в суждениях? Может, следовало бы с ним поговорить до того, как предложение было внесено в правительство? Разъяснить ему всю несуразность производства танков с таким типом брони. Он человек не глупый, мог понять свое заблуждение и отказаться от него. У меня опыта больше, я старше Николаева. Ну, почему я не сделал этого раньше, не поговорил с ним по-товарищески? Теперь уже поздно!»

Все это молнией пронеслось в голове, а глаза следили за Сталиным.

Вот он выбил из трубочки пепел. Поднес ближе к глазам и заглянул в нее. Затем из стоящей на столе коробки папирос «Герцоговина флор» вынул сразу две папиросы и сломал их.

Положив мундштук на стол, он стал вертеть концы папирос с табаком над трубкой и заполнять ее табаком. Пустую папиросную бумагу он положил на стол около коробки с папиросами. Примял большим пальцем табак в трубке. Медленно вновь подошел к столу, взял коробку со спичками и чиркнул.

— Вы мне говорили, — приближаясь к Павлову, произнес Сталин, вынув изо рта раскуренную трубку, — что у вас кто-то занимался в Испании этим типом броневого стали.

Павлов поднялся с места и сказал:

— Генерал Алымов.

— Он здесь?

Алымов поднялся.

— Может быть, вы нам расскажете, что вы там делали?

Алымов коротко доложил, как в Барселоне было налажено производство двухслойной брони. Листы этой брони соединялись заклепками и укреплялись на корпусе танка. Такая броня не пробивалась при обстреле ни простой, ни броневой пулей. Доклад его напоминал скорее рапорт.

Павлов сказал:

— Для нас, военных, этот вопрос ясен — надо начинать делать такие танки.

— Ну что же, на этом можно закончить обсуждение, — сказал Молотов. — Кто был приглашен на этот вопрос, может быть свободен.

Мы вышли из Кремля. Шел второй час ночи.

*В.С. Емельянов. На пороге войны.
«Советская Россия», М., 1971. С. 72—75.*

В.С. Емельянов, декабрь 1939 года

Зимой 1939 года во время войны с Финляндией Северный завод много работ выполнял непосредственно для фронта. Однажды в Москву прибыл директор вместе с начальником конструкторского бюро. <...>

— На заводе создана бронева защита для лыжников, — сказал директор. — Легкий щиток из бронева стали закрепляется на лыжах. Когда лыжник попадет в поле обстрела, то он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая впереди себя закрепленную на лыжах бронева защиту. <...>

На следующий день отправились в Кремль. В кабинете у Сталина я никогда раньше не был. Нам указали, как пройти. У входа в здание часова долго держал наши пропуска. Мы поднялись по лестнице. Прошли к Поскребышеву. Он открыл дверь кабинета Сталина и сказал:

— Проходите.

Мы робко вошли. Положили лыжи, укрепили щиток и стали ждать. Вскоре кабинет стал наполняться народом. Пришли Ворошилов, Кулик, Шапошников, Тевосян, Ванников. Он в то время был наркомом вооружения и пришел сюда, видимо, по другому делу. В руках у Ванникова был автомат. Производст-

во этого оружия только что начиналось. Все говорили вполголоса, и это подчеркивало какую-то особую атмосферу, царившую в кабинете.

Ровно в пять появился Сталин. Он поздоровался со всеми за руку, подошел к щитку. Окинув его взглядом, опустился на колени и, обращаясь к Ванникову, произнес:

— Дайте автомат.

Ванников подал автомат Сталину и отошел. Сталин лег на пол, просунул ствол автомата через щель броневое щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение передвигая щиток, вынимал ствол автомата из щели и снова просовывал его в щель.

В кабинете стояла тишина. Только иногда раздавался лязг металла по металлу. Наконец, Сталин поднялся, протянул автомат Ванникову и произнес:

— Щель для стрельбы лучше сместить на двадцать миллиметров вправо. Вот здесь, — он указал место на щитке, — следует укрепить полочку, чтобы обоймы с патронами на нее можно было класть. А то стрелок протянет руку к патронташу за обоймой, плечо у него приподнимется, выйдет из броневой защиты и снайпер может пристрелить его.

Конструктор держал блокнот и тщательно все записывал. А Сталин продолжал делать замечания:

— В последнее время много ранений в пах. При таких ранениях часто атрофируются нижние конечности. Для того, чтобы избежать таких поражений, необходимо удлинить открылки у щитка так, чтобы защитить и эту часть тела.

К Сталину подошел Кулик и произнес:

— Надо обязать промышленность поставить армии... — И он назвал несуразное количество щитков.

Сталин взглянул на Кулика с каким-то пренебрежением и сказал:

— На заводах тоже большевики есть, они сделают столько, сколько сделать можно. Не думайте, что вы один беспокоитесь о вооружении нашей армии.

Сталин опять подал каждому руку и, попрощавшись, вышел из кабинета.

*В.С. Емельянов. На пороге войны.
«Советская Россия». М., 1971. С. 154, 156—158.*

1940 год

А. И. Шахурин, 10 января 1940 года

<...> В первых числах января 1940 г. в Горький, где я работал секретарем обкома партии, позвонили из Центрального Комитета. Мне был задан один вопрос:

— Товарищ Шахурин, можете ли вы сегодня выехать в Москву?

Я ответил, что сейчас идет сессия областного совета депутатов трудящихся, я председательствую на ней, продлится она весь сегодняшний, а возможно, и завтрашний день.

— Тогда, товарищ Шахурин, — сказали мне, — объясните товарищам, что вас срочно вызывают в ЦК.

— Хорошо.

— А возможность выехать немедленно есть?

— Через два часа отходит поезд.

— Тогда выезжайте. <...>

Утром 10 января, к началу рабочего дня, я был в ЦК.

— Очень хорошо. — сказали мне. — Побудьте здесь. Если в отделах у вас есть какие-либо дела, займитесь ими, но так, чтобы мы знали, где вы находитесь, и в любой момент могли вас разыскать.

Ничего не ясно. Значит, вопрос, по которому меня вызывали, будет решаться не здесь или же здесь, только в другое время. Но почему тогда вызов был таким срочным? Зашел в один отдел, другой, поговорил с товарищами о разных делах, но мысль о том, зачем вызвали, не давали покоя. Так прошел весь день. Наконец, около пяти часов мне сказали, что нужно ехать в Кремль к товарищу Сталину.

Путь от Старой площади до кремлевского здания, где работал Сталин, короток, но нетрудно представить, сколько мыслей промелькнуло у меня в голове за эти недолгие минуты.

Автомобиль нырнул в ворота Спасской башни, и мы подъехали к нужному нам зданию. Поднялись на второй этаж, вошли в приемную. Нас уже ждали и без промедления провели в кабинет. Это была длинная комната, в которой стоял большой, покрытый синим сукном стол с придвинутыми стульями, а чуть поодаль — еще письменный стол и столик с телефонными аппаратами. В кабинете находились Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены Политбюро. Все, кроме Сталина, ходившего по комнате, сидели.

Сталин предложил нам сесть и некоторое время молча продолжал ходить. Потом остановился около меня и сказал:

— Мы хотим назначить вас наркомом авиационной промышленности. Нужны свежие люди, хорошие организаторы и знающие к тому же авиационное дело. Как вы на это смотрите?

Предложение было неожиданным. Я не знал, что сказать. Ответил: вряд ли справлюсь с этим делом. Тем более в Горьком я недавно, работать там интересно, есть немало планов на будущее, которые хотелось бы осуществить.

В разговор вмешался Ворошилов. Со свойственным ему добродушием он заметил:

— Вон какой областью руководите и тут справитесь.

Молотов попросил меня уточнить, где я работал раньше, особенно интересовался работой в Военно-воздушной академии. Задавали еще вопросы. В это время к Сталину подошел его секретарь Поскребышев и что-то доложил. Сталин сказал:

— Пусть заходит!

Поскребышев вышел и вернулся с молодым человеком в военной форме. Обращаясь ко мне, Сталин спросил:

— Вы знакомы?

— Нет, — ответил я.

— Тогда познакомьтесь. Это конструктор Яковлев. — И показал на меня. — А это новый нарком авиационной промышленности товарищ Шахурин.

Я понял, что вопрос о моем назначении решен. Сталин спросил меня:

— Сколько вам лет?

— Тридцать пять, — отозвался я.

— Ну вот видите, — бросил он Яковлеву, — какой молодой у вас нарком. Это хорошо.

Я заметил, что с приходом Яковлева у Сталина появился шутливый тон. До этого, как мне казалось, в его голосе слышались нотки сомнения, озабоченности.

Подойдя снова ко мне, Сталин сказал:

— Товарищ Яковлев будет вашим заместителем по опытному самолетостроению. О других заместителях поговорим потом, а сейчас скажите, кого бы вы рекомендовали секретарем обкома в Горьком вместо себя?

Я назвал председателя облисполкома Михаила Ивановича Родионова, который до этого работал третьим секретарем обкома и занимался в области сельским хозяйством.

— А почему вы рекомендуете именно его? — спросил Сталин.

— Я его хорошо знаю.

И охарактеризовал Михаила Ивановича. Коренной горьковчанин. По образованию учитель. Долго работал секретарем райкома, хорошо знает людей. Пользуется у них доверием, авторитетом. Одним словом, во всех отношениях человек для этой работы наиболее подходящий.

И я не ошибся. Всю войну Михаил Иванович был секретарем обкома, и хорошим секретарем, а после войны возглавил Совет Министров РСФСР.

Разговор подошел к концу. Я попросил разрешения съездить в Горький, чтобы сдать дела. Сталин немного помедлил, а затем сказал, что сделать это вряд ли удастся:

— Дела передать нужно в Москве. Работа, которая вас ждет, не терпит отлагательства. Всех, кого нужно, пригласим сюда. А в Горький мы пошлем представителя ЦК, который доложит обкому о принятом решении. Вам же нельзя терять ни одного часа.

Пока я шел в гостиницу, в Горьком уже узнали о моем новом назначении. Родионов выезжал в Москву.

Утром началось знакомство с работой Наркомата авиационной промышленности. Порядок установили такой: каждый день заслушивали и обсуждали доклад одного из руководителей главков в присутствии заводских работников и работников аппарата. В ходе обсуждения вносили предложения, направленные на улучшение дела. <...>

В процессе этих обсуждений я окончательно понял, почему столь решительно и срочно Центральный Комитет партии начал проводить целый комплекс мероприятий, которые должны были резко изменить состояние нашей авиационной промышленности.

Дело действительно не терпело отлагательства — необходимо было в короткие сроки ликвидировать отставание в развитии авиационной техники.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 8—11.

А.С. Яковлев, 9—11 января 1940 года

Конец декабря 1939 года.

У Сталина хорошее настроение, он шутит, смеется. Расхаживает вдоль кабинета, пытит погасшей трубкой.

— А сколько вам лет, молодой человек?

— Тридцать три, товарищ Сталин.

— Сколько, сколько? Тлицать тли, — шутит он, желая подчеркнуть мое «младенчество». — Это хорошо.

Набил трубку табаком, разжег ее, остановился передо мной и уже серьезно:

— Вы коммунист?

— Да, товарищ Сталин.

— Это хорошо, что коммунист, это хорошо...

И он опять стал прохаживаться, повторяя в раздумье: «Хорошо, хорошо»...

Очень скоро я понял, почему в этот вечер Сталин интересовался моим возрастом и партийной принадлежностью. <...>

9 января 1940 года произошло событие, оказавшее большое влияние на всю мою будущую работу, особенно во время войны.

Я сидел за столом в кабинете у себя в конструкторском бюро, занятый составлением доклада о ходе испытаний нашего истребителя. Раздался звонок кремлевского телефона, и мне сообщили, что будет говорить Сталин.

— Вы очень заняты? Вы не могли бы приехать сейчас? Нам надо решить с вашей помощью один организационный вопрос.

Я вызвал машину и через 15 минут был в Кремле.

— Вас ждут, идите скорее, — сказал Поскребышев.

В кабинете, кроме нескольких членов Политбюро, находился также коренастый, русоволосый, не знакомый мне еще человек.

Сталин поздоровался, пригласил сесть и сказал, что ЦК решил освободить от должности наркома авиационной промышленности М.М. Кагановича, как не справившегося. Сталин дал Кагановичу довольно нелестную деловую характеристику:

— Какой он нарком? Что он понимает в авиации? Сколько лет живет в России, а по-русски как следует говорить не научился!

Тут мне вспомнился один эпизод. Незадолго до того М.М. Каганович при обсуждении вопросов по ильюшинскому самолету выразился так: «У этого самолета надо переделать «мордочку».

Сталин прервал его: «У самолета не мордочка, а нос, а еще правильнее — носовая часть фюзеляжа. У самолета нет мордочки. Пусть нам лучше товарищ Ильюшин сам доложит».

Новым наркомом назначался Алексей Иванович Шахурин. Мы были представлены друг другу.

— А вас решили назначить заместителем к товарищу Шахурину. Будете заниматься в авиации наукой и опытным строительством.

Я был поражен. Ожидал чего угодно, но только не такого предложения. Я стал отказываться. Приводил множество, казалось, убедительных доводов, а, главное, старался доказать, что не могу быть на такой большой руководящей работе, не справлюсь, не имею достаточного опыта.

На это мне ответили, что Шахурин тоже не имеет такого опыта, он секретарь Горьковского обкома партии.

— Я специалист-конструктор, а не руководящий работник.

— Это как раз и хорошо.

— Я еще очень молод.

— Это не препятствие, а преимущество.

Я доказывал, наконец, что не могу бросить конструкторскую работу, так как без нее не смогу жить.

Мне ответили, что никто и не заставляет меня бросать деятельности конструктора. Новый нарком создаст условия, при которых я смогу сочетать обязанности заместителя наркома с творческой работой по созданию самолетов.

Я сказал, что не выдержу режима работы, намекая на то, что в наркомате засиживаются до 2—3, а то и до 4 часов утра каждодневно. На это мне возразили, что режим работы я могу установить себе сам, лишь бы дело шло успешно.

Вот что еще меня беспокоило: я конструктор и, находясь на посту заместителя наркома по опытному самолетостроению, могу стать притчей во языцех: конструкторы будут меня обвинять в необъективности, в том, что я затираю других.

На это Сталин возразил: как лицо, отвечающее за опытное самолетостроение, я на посту заместителя наркома буду заинтересован в том, чтобы все коллективы свободно развивались и приносили максимум пользы; если я буду добросовестно работать, то создам возможности для успешной деятельности всех наших конструкторов. Кроме того, он еще раз подчеркнул, что никто не думает лишать меня возможности работать конструктором. Наоборот, надеются, что я и впредь буду давать хорошие самолеты.

Словом, ни один мой довод не был принят во внимание. Но я стоял на своем.

— Значит, заместителем наркома не хотите быть?

— Не хочу, товарищ Сталин.

— Может быть, вы хотите быть наркомом? — улыбнулся он и уже серьезно спросил: — Вы коммунист? Вы признаете партийную дисциплину?

Я сказал, что признаю и что если вопрос ставиться в такой плоскости, то мне придется подчиниться, но это будет насилие. Сталин рассмеялся:

— А мы не боимся насилия, мы не остановимся, когда нужно, перед насилием. Иногда насилие бывает полезно, не было бы насилия, не было бы революции. Ведь насилие — повивальная бабка революции...

Конечно, я был горд доверием, которое оказывала мне партия. Но в глубине души искренне боялся, сумею ли оправдать это доверие на большой, ответственной и совершенно новой для меня работе.

11 января 1940 года было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров СССР о назначении меня заместителем народного комиссара авиационной промышленности по опытному самолетостроению и науке.

*А.С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 157—158, 159—161.*

А.И. Шахурин, январь 1940 года

Вспоминаю случай, который для меня и для многих других работников наркомата послужил важным уроком, настроив нас на очень деловой лад во всем.

Это произошло после того, как я был назначен наркомом. Меня вызвал Сталин, что называется, с порога, как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстает это? Почему не делается то-то? И еще много разных «почему». Я настолько опешил, что еле вымолвил:

— Товарищ Сталин, вы, может быть упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности?

И услышал в ответ:

— Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я никого не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиационной промышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других — требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия.

В этой обстановке, когда все делалось для того, чтобы убыстрить, ускорить, способствовать проведению всех мероприятий по созданию качественно новой авиации, я остро ощущал ту великую ответственность, с которой наше государство и наша партия готовились к будущим испытаниям. Предпринималось все, чтобы как можно лучше подготовить страну к обороне в возможно короткие сроки.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 76—77.

В.С. Емельянов, март 1940 года

<...> Вопрос о литых танковых башнях будет рассматриваться на этот раз уже в Политбюро. Отправляемся вместе с Носенко в Кремль.

В приемной главным образом военные из Автобронетанкового управления. Здесь же Тевосян — уже нарком черной металлургии. <...>

Докладывал Ворошилов, держа в руке проект решения, подготовленного Комитетом обороны. Сталин подошел к нему и взял листок. Прочитал его и, обращаясь к начальнику автобронетанкового управления Я.Н. Федоренко, спросил:

— Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня?

Федоренко стал говорить о том, что литую башню можно изготавливать в литейных цехах, в то время как для производства башен старого типа требуются для штамповки отдельных деталей мощные прессы.

— Я вас не об этом спрашиваю. Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня, а вы мне говорите о технологических преимуществах. Кто у вас занимается военной техникой?

Федоренко назвал генерала И.А. Лебедева.

— Здесь он?

Генерал Лебедев поднялся. Сталин повторил вопрос. Лебедев заколебался и начал по существу повторять слова, сказанные Федоренко. Сталин нахмурился и сердито спросил:

— Вы где служите: в армии или в промышленности? Я третий раз задаю вопрос о тактико-технических преимуществах новой башни, а вы мне говорите о том, какие возможности открываются перед промышленностью. Может быть, вам лучше будет перейти на работу в промышленность?

Генерал молчал. Я почувствовал, что решение о переходе на литые башни может быть не принято, и, подняв руку, попросил слова. Обращаясь в мою сторону, Сталин сказал:

— Я спрашиваю о тактико-технических преимуществах.

— Я об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович.

— Вы что, военный?

— Нет.

— Что вы хотите сказать? — с недобрим выражением лица спросил Сталин.

Я вынул из папки карточки с результатами обстрела брони и подошел к Сталину.

— У старой башни, сваренной из отдельных деталей, имеются уязвимые места — сварные швы. Новая — монолит, она равнопрочна. Вот результаты испытания обоих типов на полигоне путем обстрела.

Сталин посмотрел карточки, вернул их мне и сказал:

— Это соображение серьезное.

Он отошел в другой конец комнаты.

— Скажите, а как изменится положение центра тяжести танка при переходе на новую башню? Конструктор машины здесь?

Поднялся конструктор.

— Если и изменится, товарищ Сталин, то незначительно.

— Незначительно — это не инженерный термин. Вы считали?

— Нет, не считал.

— А почему? Ведь это военная техника.

Я хотел высказать свое мнение и, подняв руку, громко произнес:

— Иосиф Виссарионович!

Сталин посмотрел в мою сторону, и вновь я увидел на его лице прежнее выражение. «Почему он так смотрит на меня?» — подумал я.

А Сталин отвернулся и прошел дальше в противоположный от меня угол комнаты. Я сел. И вдруг шепот сидящего сзади меня разъяснил все:

— Никогда не называйте его Иосиф Виссарионович — это он позволяет только очень узкому кругу близких людей. Для всех нас — он Сталин. Товарищ Сталин.

Вдруг обернувшись к конструктору и не спуская с него глаз, Сталин спросил, как изменится нагрузка на переднюю ось танка. Конструктор, встав, тихо сказал:

— Незначительно.

— Что вы твердите все время «незначительно» да «незначительно», скажите, вы расчеты делали?

— Нет, — тихо ответил конструктор.

— А почему?

Конструктор молчал.

Сталин положил на стол находившийся у него в руках листок с проектом решения и сказал:

— Я предлагаю отклонить предложенный проект постановления как неподготовленный. Указать товарищам, чтобы они с такими проектами в Политбюро не входили. Для подготовки нового проекта выделить комиссию, в состав которой включить Федоренко, его, — он указал на наркома автотракторной промышленности С.А. Аكوпова, — и его, — палец Сталина указывал на меня.

*В.С. Емельянов. На пороге войны.
«Советская Россия», М., 1971. С. 178 179—181.*

А.С. Яковлев, март 1940 года

Не успел я еще как следует освоиться с новой должностью, как в марте 1940 года пришлось вторично поехать в Германию с экономической делегацией И.Ф. Тевосяна. Это произошло так же неожиданно, как и в первый раз.

Первоначально меня не включили в состав авиационной группы этой делегации. Авиационных специалистов представляли два десятка работников промышленности и Военно-Воздушных Сил. Как потом стало известно, за несколько дней до отъезда Сталин просматривал списки членов делегации и почему-то обратил внимание на отсутствие в списке моей фамилии. И тут же дал указание назначить меня руководителем авиационной группы.

За два дня до отъезда он вызвал меня к себе и стал говорить о задаче, возлагавшейся на комиссию. Она заключалась в том, чтобы в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представлявшую для нас наибольший интерес. Требовалось сопоставить уровень наших самолетов и немецких, изучить технические новинки в области авиации вообще.

Внимательно выслушав Сталина, я, в свою очередь, поставил перед ним несколько вопросов.

Первый вопрос — о составе авиационной группы. Я считал, что поскольку мне придется отвечать за выполнение порученных группе заданий, то я имею право скорректировать состав ее участников, на что мне сразу же было дано согласие.

Второй вопрос был довольно щекотливым. Я сказал Сталину, что следовало бы создать для членов делегации приличные материальные условия. Некоторые товарищи стремятся экономить деньги на гостинице, на транспорте, на чаевых, чем иногда компрометируют себя в глазах иностранцев. А ведь по отдельным мелким штрихам нашего поведения за границей судят в целом о советских людях и о нашей стране.

— Зачем экономят?

— Да как же? Ведь каждый хочет привезти из-за границы своим домашним какие-нибудь гостинцы, сувениры, вот и экономят на копейках...

— Понятно, а сколько суточных получают наши командированные? — спросил Сталин.

— Пятнадцать марок в сутки.

— А сколько было бы нужно?

— Да, я думаю, марок двадцать было бы хорошо.

Тогда Сталин подошел к телефону, набрал номер Анастаса Ивановича Микояна и сказал ему, что, по имеющимся у него сведениям, суточных денег, выдаваемых нашим командированным за границу, недостаточно и, для того, чтобы наши люди чувствовали себя свободней, надо увеличить суточные членам делегации Тевосяна до 25 марок.

Я поблагодарил и доложил третий вопрос:

— Существующая у нас система оформления заказов очень громоздка и бюрократична. Для того чтобы закупить что-нибудь, мы должны в Берлине дать заявку торгпредству. Торгпредство посылает письменный запрос в Москву, в Наркомвнешторг. Наркомвнешторг, в свою очередь, направляет заявку на заключение в Наркомат авиапромышленности и в ВВС, к людям, которые и в глаза не видели того, что мы, специалисты, на месте определили как целесообразное для закупки. Получается очень сложно, и, самое главное, совершенно неоправданно теряется много времени. Это противоречит основной цели поездки — скорее получить немецкую технику.

— Что же вы предлагаете?

— Я просил бы оказать нашей делегации больше доверия и разрешить закупать на месте под нашу ответственность то, что сочтем необходимым.

— Что же, пожалуй, разумно, — подумав, ответил Сталин.

— Разрешите также в случае каких-нибудь ведомственных заторов обратиться к вам лично.

— Не возражаю, пожалуйста.

— Кроме того, целесообразно было бы ассигновать какие-то свободные средства для оплаты непредусмотренного, но представляющего интерес оборудования и немедленного его приобретения через торгпредство.

— Сколько вы считаете необходимым выделить валюты для таких закупок? — спросил Сталин.

— Я думаю, тысяч сто — двести.

Сталин подошел к телефону и сказал Микояну:

— Выделите в распоряжение делегации миллион, а когда израсходуют, переведите еще миллион.

Затем, обратившись ко мне, Сталин сказал:

— В случае каких-либо затруднений в осуществлении вашей миссии обращайтесь прямо ко мне. Вот вам условный адрес: Москва, Иванову.

После этого он спросил:

— Какие еще есть вопросы?

Я поблагодарил за внимание и сказал, что больше ничего не нужно, все остальное будет зависеть от нас. <...>

После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители «Мессершмитт-109» и «Хейнкель-100», бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Дорнье-215».

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количествах подлежащих закупке самолетов. <...>

Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: «Москва, Иванову». Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне шифрованный телеграфный адрес: «Москва, Иванову», он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставлявший право на месте определить типы и количества закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительством задача была успешно решена. <...>

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину. Со мной долго беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина.

Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше — немецкие или английские, как организована авиационная промышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС — люфтваффе и промышленностью и т.д.

Участвовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунили ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответствует современному уровню развития немецкой авиации.

Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал.

*А. С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 170—172, 178, 179.*

Г. К. Жуков, начало мая 1940 года

...В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на новую должность.

К тому времени было опубликовано постановление правительства о присвоении высшему командному составу Красной Армии генеральских званий. В числе других мне было также присвоено звание генерала армии.

Через несколько дней я был принят лично И.В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом.

С И.В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на прием к нему шел сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М.И. Калинин, В.М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И.В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, — ответил я. — Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири». Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону.

Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой. Японские танки типа наших МС-1 явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода. Должен также сказать, что в начале кампании японская авиация била нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной «чайки» и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков, Героев Советского Союза, во главе со Смушкевичем, наше господство в воздухе стало очевидным.

Следует подчеркнуть, что нам приходилось иметь дело с отборными, так называемыми, императорскими частями японской армии.

И. В. Сталин очень внимательно все выслушал, а затем спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья. 82-я стрелковая дивизия, прибывшая с Урала, первое время сражалась плохо. В ее составе были малообученные бойцы и командиры. Эта дивизия была развернута и пополнена приписным составом незадолго до ее отправления в Монголию.

Очень хорошо дрались танковые бригады, особенно 11-я, возглавляемая комбригом Героем Советского Союза Яковлевым, но танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны. Если бы в моем распоряжении не было двух танковых и трех мотоброневых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию. Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска.

Артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе. В целом наши войска стоят значительно выше японских. <...>

— Как помогали вам Кулик, Павлов и Воронов? — спросил И.В. Сталин.

— Воронов хорошо помог в планировании артиллерийского огня и в организации подвоза боеприпасов. Что касается Кулика, я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны. Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, и мне казалось, что он с интересом слушает меня. Я продолжал:

— Для всех наших войск, командиров соединений, командиров частей и лично для меня сражения на Халхин-Голе явились большой школой боевого опыта. Думаю, что и японская сторона сделает для себя теперь более правильные выводы о силе и способности Красной Армии. <...>

— Теперь у вас есть боевой опыт, — сказал И.В. Сталин, — принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые действия?

Усмехнувшись, И.В. Сталин сказал:

— Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недалекновидную политику.

Возвращаясь в гостиницу «Москва», я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением от этой беседы.

Внешность И.В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомленность в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 189—192.*

А.И. Шахурин, май 1940 года

Поездки в Германию, пополнившие наше представление о немецкой авиации и авиапромышленности, привели нас к важным выводам. Стало ясно, что если взять все заводы, которые мы сейчас знаем в самой Германии, и те, что действуют в оккупированных ею странах или зависимых от нее, то можно считать, что гитлеровцы имеют значительно более мощную авиапромышленность, чем наша. И могут еще расширить производство авиационной техники. Обмениваясь впечатлениями в своей среде, мы пришли к выводу, что можем оказаться позади, если не изменим положение у себя. Однажды я сообщил все эти соображения Сталину. Разговор произошел у него на даче в мае 1940 года.

Я рассказал Сталину о том, к каким выводам мы пришли, обобщив материалы поездок наших специалистов в Германию. Я прямо сказал, что выясняется опасная для нас картина. Немецкая авиапромышленность вместе с промышленностью оккупированных ею стран примерно в 2 раза мощней нашей. Сталин знал немецкие серийные самолеты. Тут для него ничего нового не было. Но, как я мог заметить, он несколько удивился, услышав, что мы существенно отстаем от мощностей немецкой авиапромышленности. Сталин задал несколько вопросов о германских подземных заводах, чем они отличаются от обычных, и предложил: «Напишите все это официально и представьте свои соображения!»

В записке, направленной в ЦК партии, основанной на впечатлениях наших товарищей, побывавших в Германии, наркомат предлагал увеличить количество авиационных заводов и ускорить строительство тех, что уже возводились. <...>

Все наши предложения были приняты.

<...> О размахе дела можно судить по тому, что реконструировались 9 крупных самолетостроительных заводов и строились 9 новых. Были выбраны города, где велось строительство, намечен тип самолета, под который завод строился, определены его производственные возможности и сроки ввода в действие. То же и в моторостроении: строилось 6 крупных авиамо-
торных заводов, реконструировались все старые.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 83—85.

А.С. Яковлев, 12—13 июня 1940 года

После назначения заместителем наркома, мне еще чаще, чем раньше, пришлось бывать у Сталина. Здесь решались оперативные вопросы нашей повседневной работы по осуществлению программ постройки и отбора для массового производства лучших образцов боевых самолетов.

Сталин требовал ежедневного отчета о ходе испытаний новых самолетов, вызывал конструкторов, летчиков испытателей, вникал во все детали и от нас требовал исключительной четкости.

12 июня 1940 года у Сталина обсуждались некоторые авиационные вопросы. В конце совещания я внес предложение об упорядочении летных испытаний новых образцов самолетов. Дело это осуществлялось у нас неорганизованно и кустарно, каждым конструкторским бюро по своему разумению.

Я стал доказывать необходимость создания в системе нашего наркомата летно-испытательного института. Для убедительности, чтобы меня лучше поняли, я пустился в пространную популяризацию вопроса.

— Что вы стараетесь, — засмеялся Сталин, — вопрос ясен, пишите проект постановления.

На другой день, 13 июня 1940 года, вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об организации Летно-исследовательского института (ЛИИ) Наркомата авиационной промышленности. Начальником ЛИИ был назначен знаменитый летчик-испытатель М.М. Громов.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 165.

А. С. Яковлев, лето 1940 года

Летом 1940 года нас с наркомом вызвали в Кремль. Когда мы вошли в кабинет Сталина, там шло совещание. За длинным столом сидели почти все члены Политбюро. Сталин вышел навстречу, поздоровался, потом взял со стола какой-то документ и стоя, не приглашая, как обычно, сесть, начал его читать вслух.

По мере того как он читал, мое самочувствие ухудшалось. Это было письмо одного из конструкторов, в котором он просил разрешить ему осуществить разработанный им проект самолета с очень высокими боевыми качествами. Конструктор писал,

что не может рассчитывать на поддержку наркомата, где делом опытного самолетостроения руководит Яковлев, который, будучи конструктором и боясь конкуренции, не пропустит его проекта. Поэтому-де он и обращается непосредственно в ЦК.

В заключении автор письма выражал удивление, что на таком деле, как опытное самолетостроение, сидит конструктор, который никак не может быть объективным и станет «зажимать» других. А закончил он письмо обещанием выполнить задание, если оно ему будет поручено, и показать, что он может дать стране самый лучший, самый быстроходный и самый мощный по вооружению истребитель.

Стояла полная тишина, все присутствовавшие внимательно слушали. Мне уже стало казаться, что не случайно собрались здесь руководители партии.

Сталин кончил читать, не спеша, аккуратно сложил листки:

— Ну, что скажете?

Я был крайне расстроен, но сказал:

— Конструктор этот ко мне не обращался.

— Ну, а если бы обратился?

— В таком случае мы рассмотрели бы проект и, если бы он оказался хорошим, внесли бы предложение в правительство о постройке самолета.

— А как проект, хороший?

— Затрудняюсь что-нибудь сказать, потому что проекта не видел. Непонятно, почему автор обратился непосредственно в ЦК: я, как обещал, стараюсь быть объективным.

Нарком также в первый раз слышал о проекте и ничего сказать не мог. Тогда Сталин заявил:

— Конечно, он должен был прежде всего поговорить с вами. Не поговорив с вами, сразу писать на вас жалобу — не дело. Я не знаю, что это за проект, может быть, хороший будет самолет, а может, и плохой, но цифры заманчивые. Рискнем, пусть постройт. Кстати, во что обойдется такой самолет?

— Думаю, что миллионов девять-десять.

— Придется рискнуть, уж очень заманчивы обещания. Возможно деньги пропадут зря, — ну, что ж, возьму грех на себя. А вас прошу: не преследуйте его за это письмо, помогите построить самолет.

Я дал слово, что приму все меры, чтобы обеспечить постройку самолета. Такое же обещание дал и нарком.

Когда вопрос был решен, Сталин сказал мне:

— Вам, наверное, неприятно, что такие письма пишут. А я доволен. Между прочим, это не первое письмо. Было бы пло-

хо, если бы никто не жаловался. Это значило бы, что вы хотите жить со всеми в ладу за государственный счет. Не бойтесь ссориться, когда нужно для дела. Это лучше, чем дружба за счет государства. Не всегда ведь личные интересы совпадают с государственными. Кроме того, вы конструктор, у вас большие успехи, вам завидуют и будут завидовать до тех пор, пока вы хорошо работаете. Не завидуют только тем, у кого нет успехов.

Я уже был в дверях, когда услышал вдогонку:

— А конструктора за жалобу не притесняйте, пусть построит, рискнем с миллионами, возьму грех на свою душу.

Само собой разумеется, конструктору была оказана необходимая поддержка. К сожалению, несмотря на большие затраты, самолет у него не получился и при первом же полете разбился. При этом, пытаясь спасти машину, погиб один из лучших военных летчиков-испытателей — Никашин.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 166—167.

Ю. Палецкис, август 1940 года

Впервые звучала в Кремлевском зале литовская речь, впервые представители литовского народа выступали с высокой трибуны Верховного Совета СССР, откуда их слышала вся необъятная советская страна, их голос разносился и далеко за ее пределами.

После выступлений представителей Литвы слово получил секретарь ЦК КП(б) Белоруссии депутат П.К. Пономаренко. Сделав обзор развития отношения между Литвой и Советским Союзом, он по поручению правительства СССР вносит предложение удовлетворить просьбу сейма Литвы и принять Литовскую ССР в Советский Союз в качестве союзной республики. Вместе с тем от имени руководящих органов Белорусской ССР вносит предложение о передаче Советской Литве Свенцянского района и части пограничных районов с преобладающим литовским населением, входящих в состав Вилейкской и Барановичской областей Белорусской ССР.

Затем единогласно был принят закон, утверждавший предложения Пономаренко, а также решения о выборах депутатов в Верховный Совет СССР от Литовской ССР.

Все стоя приветствовали принятие Советской Литвы в великую семью республик Советского Союза. <...>

Следующие 2 дня именинниками были наши соседи. Вместе со всеми депутатами мы приветствовали вступление в Со-

ветский Союз еще двух республик — Советской Латвии и Советской Эстонии.

Теперь, когда принципиальный, основной вопрос был решен, предстояло перейти к практическим делам. И у нашей делегации, и у соседей возникла мысль о необходимости встречи с руководством Советского Союза. После окончания сессии я позвонил В.М. Молотову и от имени делегации выразил желание встретиться с ним и со Сталиным.

— Да, мы тоже полагаем, что необходимо встретиться. Думаю, что это может произойти в ближайшие дни, — сказал Молотов.

Это произошло. Нас пригласили в Кремль.

Подъезжаем к зданию, где работает правительство Советского Союза. Впервые идем по длинным коридорам второго этажа. <...>

После короткого ожидания в приемной нас приглашают в кабинет. Просторная светлая комната, со стенами облицованными деревянными панелями. В конце кабинета письменный стол, а другой длинный стол тянется вдоль окон.

Нас встретил И.В. Сталин, стоявший посреди кабинета. Он приветливо поздоровался. Затем мы пожали руки находившимся здесь же В.М. Молотову, А.А. Жданову и А.А. Андрееву. Можно понять, какое волнение переживали мы в этот момент. Сталин... Это имя уже давно стало легендарным. О нем пели песни, слагали стихи и поэмы. Повсюду его портреты, бюсты, статуи. Не было речи, которая не заканчивалась бы величанием Сталина, — его называли великим и мудрым вождем, отцом и учителем... Каждая речь, каждая статья Сталина воспринимались как вершина мудрости и непререкаемая директива. Сталин как бы олицетворял собою всю Коммунистическую партию, всю Советскую страну. «Сталин — это Ленин сегодня» — эти слова Анри Барбюса часто повторялись как самая авторитетная оценка роли и значения Сталина.

Хотя мы осознавали огромное значение Сталина, его руководящую роль в партии и государстве, нам вначале странным казалось такое возвеличивание личности, преклонение, граничащее с низкопоклонством. Это как-то не вязалось с демократичностью советского строя, каким мы его представляли. Казалось, что сам Сталин не должен был допускать такого преклонения и возвеличивания. Но он, видимо, свыкся и считал это в порядке вещей, как вскоре свыклись и мы, полагая, что такое отношение к вождю партии и народа имеет значение для единства и сплочения трудящихся на выполнение великих

задач строительства социализма и защиты Родины. Мы слышали о нем, изучали его выступления. На сессии видели издалека. А теперь впервые встречаемся лицом к лицу. Он не столь высокий, каким нам казался, человек среднего роста, коренастый, с рыжеватыми усами, немного рябоват. Но это физическое восприятие не может подавить облик того Сталина, которого мы ощутили как человека необычайного.

По приглашению Сталина мы уселись за столом.

— Ну, какие вопросы у вас, слушаем, — после общих фраз о впечатлениях сказал Сталин, посмотрев на меня.

Я встал и начал выражать благодарность за оказанную нашему народу помощь, за принятие в семью братских республик, за нынешнюю встречу.

— А вы садитесь, — прервал меня Сталин. — Мы, русские большевики, люди простые. Не надо высоких фраз и благодарностей. Мы собрались, чтобы обсудить ваши конкретные вопросы, так и выкладываете их.

Перед отъездом из Каунаса я наметил ряд вопросов, которые требовали принципиального решения. В этом значительно помог П. Главацкас, фактически руководивший министерством иностранных дел Литвы. Некоторые вопросы возникли уже в Москве.

Прежде чем перейти к ряду конкретных дел, в первую очередь поставил вопрос о структуре власти. До сих пор мы имели дело с борьбой против буржуазно-фашистского режима, затем, после его свержения, были заняты ломкой старых органов власти. Теперь же приходилось строить новую власть на советских основах.

В данный переходный момент у нас создалось некоторое многовластие. Действовало созданное в июне Народное правительство, был еще институт президента, но параллельно все более активной становилась роль партийной организации в лице Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы. Свою власть проявляли органы госбезопасности. Существовало и полпредство во главе с послом Н.Г. Поздняковым, который стал фактически уполномоченным правительства СССР. Неизбежно получалась некоторая разногласица, и надо было достичь единства власти. Выслушав мою тираду о многовластии, Сталин рассмеялся.

— Конечно, положение пока сложное, — сказал он. — Но это понятно в настоящий переходный момент. Вот когда создадите настоящую Советскую власть, все станет на свое место. Будет у вас такой орган, как бюро ЦК, куда войдут все руково-

дящие товарищи. В нем все принципиальные вопросы и будете согласовывать. Вот полпреда следовало бы оставить пока в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) и центрального правительства, и он поможет при организации Советской власти.

Затем возник вопрос о новых республиканских выборах. У нас с товарищами из ЦК КП Литвы созрело предложение выборов пока не проводить, а недавно избранный Народный сейм после принятия новой Советской конституции превратить во временный Верховный Совет республики.

— Как, товарищи, можно принять такое предложение? — спросил Сталин, обращаясь к членам Политбюро. — Значит, нет возражений. Хорошо. Какие дальнейшие вопросы?

Теперь я стал заглядывать в свои записки. Одним из первых был вопрос о реорганизации литовской армии.

Сталин заинтересовался количественным составом армии, ее структурой, вооружением. Он довольно подробно расспрашивал генерала Витаускаса о ружейной системе, о калибре орудий, о качестве и количестве танков и самолетов.

— С таким вооружением серьезно не повоюешь, — заметил он, выслушав ответы.

И тут же Сталин предложил решение — преобразовать армию в территориальный корпус в составе двух дивизий.

— Кстати, а как ведут себя наши красноармейцы? Каковы отношения с населением? Много ли жалоб? — спросил Сталин.

Мы рассказали о замечательной дисциплине, о прекрасных отношениях с населением, о том, какими популярными стали устраиваемые красноармейцами концерты, киносеансы. Генерал Витаускас отметил, что никаких серьезных жалоб или инцидентов не было.

Актуальной была финансовая проблема — переход на советские деньги и ликвидация старой денежной системы. Мы предложили несколько увеличить количество старой валюты — литов — в обороте, а затем совершить ее обмен на рубли. Такое предложение и было принято.

Далее мы осветили положение в сельском хозяйстве, информировали о работе, проводимой на основании решений Народного сейма. Сталин интересовался количеством земли, урожаями, советовал пока не спешить с организацией колхозов, пока не окрепнут новоселы на полученных землях. Зная, что в Литве, как и во всей Прибалтике, преобладает хуторская система, он сказал, что это создает немалые трудности при переходе на колхозный строй.

Был решен вопрос об учреждении в Москве постоянного представительства Литвы на базе бывшего посольства.

Адомас-Мескупас поставил вопросы, касающиеся структуры ЦК КП Литвы, его отделов, городских и районных организаций.

Обсуждались еще проблемы роста промышленности, вопросы просвещения. Сталин говорил о перспективах развития национальной культуры, выразил пожелание об организации в Москве Декады литовской литературы и искусства.

Заканчивая изложение своих вопросов, я представил список товаров и материалов, которые следовало получить Литве по ранее заключенным договорам, и просил содействовать ускорению их доставки.

— Где же теперь ваша столица? Перебрались в Вильнюс или еще в Каунасе пребываете? — спросил Сталин.

Ответили, что старое правительство оставалось в Каунасе, а мы еще не успели переселиться в Вильнюс. Сталин сказал:

— Надо в Вильнюс, ведь это историческая столица Литвы. А то ее запустите, останется заштатным городом, как при Пилсудском.

Когда мы уже стали благодарить и собирались вставать, Сталин вдруг спросил:

— А Сметона где теперь? Ведь он убежал в Германию.

— Да, насколько известно, он еще в Германии, — ответил я.

Прощаясь, Сталин сказал нам в напутствие:

— Желаю успеха! Работайте и действуйте так, чтобы народ не имел основания говорить, что Советская власть не умная власть.

Уходя, в приемной мы встретили делегацию Латвийской ССР — она ждала своей очереди.

Во время разговора со Сталиным мы не заметили ни стенографиста, ни другого технического работника. Только Молотов делал какие-то заметки. А спустя некоторое время, уже возвратившись в Каунас, мы получили официальный документ, в котором были изложены решения по всем затронутым во время беседы вопросам. <...>

Перед отъездом из Москвы я еще беседовал с руководителями правительства. <...>

Волнующим был и обратный путь нашей делегации из Москвы. Опять приветствия на станциях, прочувствованные речи, букеты цветов... Грандиозным митингом на большой привокзальной площади встретила делегацию столица Литвы.

*Ю. Палецкис. В двух мирах.
Политиздат. М., 1974. С. 341—346, 347.*

К.А. Мерецков, август 1940 года

Изучая в то время некоторые малознакомые районы новых союзных республик и продолжая укреплять новые границы, а также границы, которые лишь годом ранее стали советскими (в Западной Украине и Западной Белоруссии), мы полагали, что учения с войсками — один из самых существенных элементов нашей оборонной работы. <...>

В Белоруссии мы провели штатное учение в двух танковых корпусах.

При обсуждении итогов учения пришли к мнению, что это направление исключительно опасное, что отсюда танковые корпуса перебрасывать нельзя ни в коем случае. Так решили на будущее.

Вскоре проводились учения в Киевском военном округе. Итоги учебы по всем четырем округам мы подводили уже в Москве, а в конце лета нарком обороны с заместителями докладывал Председателю Совета Народных Комиссаров о поездках по округам. <...>

После заседания, как и раньше в таких случаях, ужинали на квартире у И.В. Сталина. Там вновь обсуждали военные вопросы. Вдруг Сталин сказал:

— Нам нужен сейчас более молодой начальник Генерального штаба с неплохим здоровьем. Товарищ Шапошников стал частенько прихварывать. Кроме того, возникла необходимость использовать его на другой работе. Идет большое строительство укрепленных районов. Мы могли бы сделать Бориса Михайловича заместителем наркома по их сооружению. Как вы думаете, товарищи, кого можно назначить на пост начальника Генерального штаба? Жду ваших рекомендаций.

Неожиданно для меня присутствующие стали называть мою фамилию, мотивируя это тем, что я имею специальную подготовку, участвовал в боях, был командующим округами и уже работал в Генеральном штабе. И.В. Сталин спросил мое мнение. Я стал категорически отказываться, ссылаясь на то, что работа эта сверхтяжелая, а опыта у меня для такой работы еще недостаточно.

— Вот что, — сказал И.В. Сталин, — мы с вами условимся так: вы приступайте сейчас, немедленно к работе, а как только подберем другую кандидатуру, заменим вас. Обижать вас не

станем, вы получите соответствующее назначение. На этом и кончим сегодня.

На следующий день я приступил к исполнению новых обязанностей.

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 194, 195—196.*

А.И. Шахурин, 2 октября 1940 года

<...> Чтобы избежать ненужных и крайне в этот период нежелательных издержек, принимались все меры для строжайшего соблюдения технологической дисциплины. Особенно остро этот вопрос встал после того, как в результате самовольного отхода от технологии с одного из авиамоторных заводов пошли бракованные двигатели. Заводские товарищи хотели увеличить ресурс мотора, а новшество оказалось недостаточно проверенным, и двигатель забраковала военная приемка. <...>

В дело вмешался Сталин. Он обязал наркомат издать приказ о технологической дисциплине на заводах авиационной промышленности. Этот знаменитый приказ №518 до сих пор помнят работники авиационной промышленности. В нем говорилось, что если самолет или мотор прошел государственные испытания и принят в серийное производство, то изменения в технологию его производства могут быть внесены только с разрешения народного комиссара. А вносить изменения в конструкцию самолета или мотора не может даже нарком. Это делалось только с разрешения правительства.

Сталин, знакомясь с проектом приказа, синим карандашом внес изменения и исправления, ужесточив пункты о наказании виновных, отступивших от этого приказа. Совет Народных Комиссаров утвердил его. Приказ о строгом соблюдении технологической дисциплины сослужил авиационной промышленности большую службу. Когда началась война, появилось немало соблазнов отойти от принятой технологии в связи с нехваткой тех или иных материалов. Но приказ стоял на страже технологической дисциплины, и если все-таки вносили какие-то изменения, то этому предшествовали тщательные проверки под контролем вышестоящих органов.

Приказ был издан 2 октября 1940 года, а спустя некоторое время я получил от Центрального Комитета партии выговор за его нарушение. Известие об этом застало меня в командировке на одном из заводов. <...>

Оказалось, в двигателе, который ставили на истребитель Яковлева, конструктор Климов увеличил наплыв в картере, чем утяжелил мотор на 200 граммов. Именно в этом месте к картеру крепилась пушка, проходившая через редуктор. Когда двигатель испытывали в аэродромных условиях, то все казалось очень надежным. Когда же мотор пошел в массовое производство и стрельбу стали вести в воздухе, в месте крепления пушки к картеру появились трещины. Вот и увеличили немного наплыв в картере. Моторы стали выдерживать стрельбу. Но об изменениях в конструкции следовало доложить правительству. Такого доклада не сделали, ибо меня ни о чем не известили.

Когда я возвратился из командировки в Москву, меня вызвали к Сталину вместе с наркомом вооружения Ванниковым. В его присутствии Сталин упрекнул меня за то, что мы допустили увеличение веса двигателя после того, как он прошел государственные испытания и пошел в серию. Не хотел подводить товарищей на местах и не сказал, что это сделано без моего ведома. Объяснил лишь причину. Сталина ответ не удовлетворил:

— Все равно вы обязаны были доложить об этом в Совнарком.

Так мне записали выговор.

Когда вышли из кабинета, Борис Львович заметил:

— Это ты за меня получил выговор. В том, что отдача у пушки стала больше, «виновата» наша промышленность.

Я возразил:

— Если бы мне вовремя доложили, то не было бы ни выговора, ни объяснения. Будем считать, что выговор я получил правильно.

Вот как ЦК, правительство реагировали даже на малейшее отклонение от духа и сути приказа по технологической дисциплине. Мнение, что этот приказ тормозил улучшение технологии, неверно. Когда возникла потребность, технологию меняли. Но это происходило с согласия указанных в приказе инстанций. Сначала изменения вносили на одном заводе, затем на других и т.д. Причем обеспечивалась самая тщательная проверка.

А.Л. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 93—94.

Н.Г. Кузнецов, октябрь 1940 года

В октябре 1940 года вместе с начальником Главного морского штаба я докладывал в Кремле о строительстве береговых батарей, которое шло быстрым темпом и приняло огромный

размах, особенно на Балтике — от Кронштадта до Палангена (Паланга) и на Севере — от Архангельска до полуострова Рыбачий. Наши западные морские границы укреплялись на всем их протяжении. Государство отпускало для этих целей много средств и техники. Даже часть крупных орудий, предназначенных для кораблей, срочно переоборудовали для береговых батарей.

В Германии заказали мощные подъемные краны для установки тяжелых орудий. Фирма «Деаг» тогда еще формально выполняла свои обязательства.

Мое сообщение было принято к сведению.

После доклада собрался было уходить, но мне предложили задержаться. Вышел на минутку в приемную, переговорил о текущих делах с Л.М. Галлером, и он уехал в наркомат. Я остался ждать, прикидывая, какие еще вопросы могли возникнуть у начальства.

— Мне кажется, Галлера на посту начальника Главного морского штаба следует заменить Исаковым, — сказал И.В. Сталин. — Галлер — хороший исполнитель, но недостаточно волевой человек, да и оперативно Исаков подготовлен, пожалуй, лучше.

К тому времени я уже достаточно хорошо знал того и другого. Л.М. Галлер был безупречным исполнителем, обладал огромным жизненным опытом, дольше, чем Исаков, командовал кораблями и флотом, но с годами стал чрезмерно осторожным и не всегда действовал уверенно, инициативно. Исаков отличался более высокой теоретической подготовкой и большими волевыми качествами.

У меня и самого сложилось мнение, что И.С. Исаков в качестве начальника Главного морского штаба был бы на своем месте.

— Думаю, получится хорошо, — ответил я.

Так и было решено. И.С. Исакова назначили начальником Главного морского штаба, Л.М. Галлера — моим заместителем по судостроению.

О разговоре со Сталиным я сразу же рассказал Галлеру. Замена произошла без всяких шероховатостей. Л.М. Галлер был тогда уже в годах, честолюбием не страдал. Приказ есть приказ — так воспринял он новость.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 295—296.

А.С. Яковлев, ноябрь 1940 года

Советско-германские переговоры в Берлине в ноябре 1940 года были непродолжительны и, как известно, бесплодны. Вся делегация во главе с Молотовым вернулась в Москву, а меня оставили еще на две недели, так как я получил задание использовать свое пребывание в Германии для ознакомления с авиационными заводами, на которые мне не пришлось попасть в предыдущие поездки. <...>

По возвращении в Москву меня сразу, чуть ли не с вокзала вызвали в Кремль.

Сталин проявлял чрезвычайный интерес к немецкой авиации. Поэтому не случайно, как уже, наверное, заметил читатель, каждый раз по возвращении из предыдущих поездок в Германию меня в тот же день к нему вызывали.

В приемной я встретил Молотова. Здраваясь, он засмеялся:

— А, немец! Ну теперь затаскают нас с вами.

— За что, Вячеслав Михайлович?

— А как же! С Гитлером обедали? Обедали. С Геббельсом здоровались? Здоровались. Придется каяться! — пошутил Молотов.

В этот вечер обсуждалось много всевозможных вопросов, большей частью не имевших отношения к авиации, но меня все не отпускали и нет-нет да и расспрашивали, что нового видел я на этот раз в Германии. Сталина, как и прежде, очень интересовал вопрос, не обманывают ли нас немцы, продавая авиационную технику.

Я доложил, что теперь, в результате этой, третьей поездки, создалось уже твердое убеждение в том, что немцы показали истинный уровень своей авиационной техники, и что закупленные нами образцы этой техники: самолеты «Мессершмитт-109», «Хейнкель-100», «Юнкерс-88», «Дорнье-215» и другие отражают состояние современного авиационного вооружения Германии.

И в самом деле, война впоследствии показала, что кроме перечисленных, имевшихся в нашем распоряжении самолетов на фронте появился только один новый истребитель — «Фокке-Вульф-190», да и тот не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Я высказал твердое убеждение, что гитлеровцам, ослепленным своими успехами в покорении Европы, и в голову не прихо-

дило, что русские могут с ними соперничать. Они были так уверены в своем военном и техническом превосходстве, что, раскрывая секреты своей авиации, думали только о том, как бы нас еще сильнее поразить, потрясти наше воображение и запугать.

Поздно ночью, перед тем как отпустить домой, Сталин сказал:

— Организуйте изучение нашими людьми немецких самолетов. Сравните их с новыми машинами. Научитесь их бить.

Ровно за год до начала войны в Москву прибыли пять истребителей «Мессершмитт-109», два бомбардировщика «Юнкерс-88», два бомбардировщика «Дорнье-215», а также новейший истребитель — «Хейнкель-100». К этому времени мы уже имели свои конкурентоспособные истребители — «лаги», «яки», «миги», штурмовики и бомбардировщики «илы» и Пе-2.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 186, 187—188.

А.М. Василевский, декабрь 1940 года

Зимой 1940 года после одного довольно затянувшегося заседания Политбюро ЦК ВКП(б) И.В. Сталин пригласил всех его участников отобедать у него на квартире, находившейся этажом ниже его кабинета в Кремле. На заседании по докладу начальника Генерального штаба был принят ряд оперативных и довольно срочных решений. Б.М. Шапошников дал мне указание немедленно отправиться в Генштаб, отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Минут через 45 после того, как я прибыл в Генштаб, мне позвонил А.Н. Поскребышев и сообщил, что меня ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, я через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов И.В. Сталин предложил за мое здоровье, и вслед за этим он задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии я «не пошел в попы»? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырех сыновей не стал священником. На что Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

— Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

— Скажите, пожалуйста, — продолжил он, — почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу?

Насколько мне известно, один ваш брат — врач, другой — агроном, третий — командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

Я ответил, что с 1926 года порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии и тем более в системе Генерального штаба. В подтверждение я привел следующий факт.

За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизацию Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут. Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живет в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына.

— А почему бы вам не взять отца, а может быть и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже, — посоветовал Сталин.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни, кн. 1.
Политиздат, М., 1988. С. 104—105.*

А.И. Шахурин, октябрь — декабрь 1940 года

<...> Как-то в октябре или ноябре 1940 года, когда мы переходили из кремлевского кабинета Сталина в его квартиру, я, поотстав от других, сказал Сталину, что наступило какое-то очень тревожное время для авиапромышленности. Прекращен выпуск старых самолетов. А вот удастся ли к нужному моменту наладить производство новых в достаточном количестве, трудно сказать. Это меня очень беспокоит. Успеем ли?

Без долгого раздумья, очень уверенно Сталин ответил:
— Успеем!

Это единственное слово «успеем» крепко запало в память.
И этот короткий разговор меня очень приободрил.

Прошло месяца два, как снова разговор за обедом.

Сталин спросил:

— Как разворачивается выпуск самолетов?

Ответил, что с каждым днем самолетов делаем все больше. На одну-две боевые машины в неделю, но рост непрерывный. Со мной оказались полугодовой и годовой планы нашей работы. Полугодовой — подробно отработанный. Я показал Сталину эти документы.

Просмотрев их, Сталин заметил:

— Давайте условимся так...

И на одном из планов синим карандашом написал: «Обязательство. Мы, Шахурин, Дементьев, Хруничев, Воронин (одним словом, перечислил всех заместителей), настоящим обязуемся довести ежедневный выпуск новых боевых самолетов в июне 1941 года до 50 самолетов в сутки».

— Можете принять такое обязательство?

— Не могу один решить, — отозвался я.

— Почему?

— Здесь написана не только моя фамилия. Нужно посоветоваться со всеми, кого вы указали.

— Хорошо, — согласился Сталин, — посоветуйтесь и доложите.

На следующий день я показал своим заместителям запись Сталина.

Обсудили, разошлись, чтобы разобраться в возможностях наших заводов, поговорить с директорами, главными инженерами, прикинуть, что получится. Проверили положение дел на каждом заводе, какие они имели заделы, могут ли нарастить эти заделы, как и выпуск в целом. С директорами говорили много раз, обсуждали этот вопрос снова и снова и в конце концов пришли к выводу, что такое обязательство можно принять: довести выпуск новых боевых самолетов в июне 1941 года до 50 штук в сутки. Представили документ, который подтверждал возможность выполнения задания. <...>

Слово свое авиастроители сдержали. К началу войны мы выпускали более 50 самолетов в день. В июле 1941 года изготовили 1807 самолетов в месяц, а значит, 60 в день. В сентябре 1941 года сделали 2329 боевых машин — более 70 в день. Прав-

да, потом в связи с эвакуацией заводов в глубокий тыл выпуск стал падать, но в дальнейшем мы довели его до 100 и более самолетов в сутки.

Если оценивать готовность к войне по освоению новых самолетов, то такая готовность была. Авиационная промышленность работала очень четко, ритмично, все время наращивая выпуск продукции. Когда приходилось слышать, что новые самолеты появились у нас только во второй половине войны, то совершенно очевидно, что утверждают это люди малокомпетентные, особо не разбирающиеся в технике, не понимающие, что такую технику создать во время войны невозможно. Если бы нас война застала со старой техникой на стапелях, то никакими усилиями мы бы уже серийное производство новых самолетов освоить не могли.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 96—97.

А.И. Шахурин, Декабрь 1940 года

Вспоминаю, как в конце 1940 года вместе с В.П. Баландиным и В.Я. Климовым я был вызван в Кремль к Сталину. Его очень интересовал мотор М-105 мощностью 1000 лошадиных сил. Раскрыв красную записную книжечку, в которую он вносил сведения о зарубежной технике, Сталин заметил:

— Было бы у нас в достатке таких моторов, как М-105, мы бы с этой сволочью по-другому разговаривали.

Высказывание относилось к гитлеровскому руководству.

Как же много было сделано климовским конструкторским бюро и моторостроителями серийного завода за годы войны, если им удалось почти удвоить мощность довоенного двигателя!

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 186—187.

1941 год

К.А. Мерецков, 1—10 января 1941 года

На 23 декабря были приглашены в Москву командующие объединениями, члены Военных советов и начальники штабов округов, а также некоторые командиры соединений. Заседание проходило в Центральном доме Красной Армии. <...>

<...> совещание обсуждало самые важные вопросы подготовки наших Вооруженных Сил. Оно длилось до 29 декабря, в прениях по докладу выступило 60 человек. <...>

В начале января 1941 года большинство участников совещания разъехалось по местам. Группа руководящих работников осталась на оперативную игру на картах. Присутствовали секретари ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и А.А. Жданов. Руководил игрой лично нарком обороны. Оперативная игра прошла чрезвычайно интересно и оказалась очень поучительной.

По окончании игры планировался ее разбор, причем для подготовки к нему отводились сутки. Но вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете И.В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На все отвели 15—20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н.Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И.В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С.К. Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствующих военачальников слова не просил. И.В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я. Пять месяцев тому назад И.В. Сталин при назначении моем на тот же пост обещал заменить меня, когда найдет подходящую кандидатуру. И вот он сдержал обещание. Я возвратился на должность заместителя наркома обороны и опять погрузился в вопросы боевой подготовки войск. Георгия Константиновича Жукова я считал одним из наиболее подготовленных наших военачальников для работы начальником Генерального штаба. <...>

И.В. Сталин вызвал меня к себе через три дня после назначения Жукова начальником Генштаба. В кабинете находился Молотов. Сталин поздоровался и сердито сказал:

— Что же это, братец мой, стали вы снова заместителем наркома и перестали докладывать текущие дела?

— Сам по себе, товарищ Сталин, я и раньше не ходил сюда. Вы меня вызвали — я явился.

— А почему не приносите на просмотр план создания механизированных корпусов?

— Проект этого плана с вашими поправками, товарищ Сталин, был перепечатан. Жуков сказал, что он сам доложит его вам.

— С Жуковым мы уже беседовали. Он хочет механизированных корпусов вдвое больше, чем там намечено.

— Вы мою точку зрения знаете, товарищ Сталин. Я от нее не отступился. Сейчас у нас новых танков мало. К лету этого года планируемые корпуса не будут готовы. Раньше следовало начинать их создание. По представленному нами проекту корпуса вступят в строй весной 1942 года. Мысль Жукова об удвоении превосходна, недостает только материальных возможностей. При наличии материальной базы его предложение будет реализовано к 1943 году.

В ходе дальнейшей беседы И.В. Сталин заметил, что пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны. Поэтому порядок ввода в строй механизированных корпусов будет еще обсуждаться. Необходимо сейчас уделить главное внимание обучению войск. Политбюро считает, говорил И.В. Сталин, что Наркомат обороны усилили, возвратив туда меня, и ждет активной деятельности.

Так закончился этот разговор с И.В. Сталиным. На следующий день я целиком переключился на боевую и учебную подготовку армии. С этого момента и вплоть до войны я виделся с И.В. Сталиным очень редко.

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 196, 197, 199—200, 201—202.*

Г. К. Жуков, 1—10 января 1941 года

В конце сентября 1940 года из Генерального штаба было получено сообщение о том, что в декабре в Москве по указанию Центрального Комитета партии состоится совещание высшего командного состава армии. <...>

Все принявшие участие в прениях и выступавший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том,

что если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придется иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчеркивалась ее оснащенность бронетанковыми, механизированными войсками и сильной авиацией, а также большой опыт организации и ведения современной войны. <...>

В целом работа совещания показала, что советская военно-теоретическая мысль в основном правильно определяла главные направления в развитии современного военного искусства. Нужно было претворять все это в боевую практику войск. <...>

После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И.В. Сталину.

И.В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол.

Он сделал замечание С.К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома. На это С.К. Тимошенко ответил, что он послал ему проект своего выступления и полагал, что он с ним ознакомился и замечаний не имеет.

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил И.В. Сталин.

— Завтра утром, — ответил С.К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за «синюю» сторону, кто за «красную»?

— За «синюю» (западную) играет генерал армии Жуков, за «красную» (восточную) — генерал-полковник Павлов.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. В основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли бы развернуться на западной границе. <...>

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И.В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генераль-

ного штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И.В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», остановил его, заявив:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Сделав еще несколько замечаний, И.В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С.К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С.К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания.

— В чем кроются причины неудачных действий войск с «красной» стороны? — спросил И.В. Сталин.

Д.Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И.В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось. Есть еще желающие высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба. <...>

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г.И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16—18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опы-

та боевых действий в Испании он заключил, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г. И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С.К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет на той стороне, у которой больше танков и выше моторизация войск.

На следующий день после разбора игры я был вызван к И.В. Сталину. Поздоровавшись, И.В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И.В. Сталин, сделав ударение на слове «решило».

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК, — сказал И.В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил И.В. Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева. <...>

В Киеве задержался недолго и 31 января был уже в Москве. На другой день, приняв дела от генерала армии К.А. Мерецкова, я вступил в должность начальника Генерального штаба.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 204—205, 206—211.*

Г. К. Жуков, начало февраля 1941 года

Разбираясь в оперативно-стратегических вопросах, я пришел к выводу, что в обороне такой гигантской страны, как наша, имеется ряд существенных недостатков. Такого же мнения были и основные руководящие работники Генерального штаба, которые сообщили, что и мои предшественники на этом посту не раз высказывались в таком же плане.

Сосредоточение большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и на Балканах вызвало у нас особое беспокойство. В то же время тревожила недостаточная боеготовность наших вооруженных сил, расположенных в западных военных округах.

Продумав всесторонне эти вопросы, я вместе с Н.Ф. Ватутиным подробно доложил наркому обороны о недостатках в организации и боевой готовности наших войск, о состоянии мобилизационных запасов, особенно по снарядам и авиационным бомбам. Кроме того, было отмечено, что промышленность не успевает выполнять наши заказы на боевую технику.

— Все это хорошо известно руководству. Думаю, в данное время страна не в состоянии дать нам что-либо большее, — вновь заметил С.К. Тимошенко.

Однажды он вызвал меня и сказал:

— Вчера был у товарища Сталина по вопросам реактивных минометов. Он интересовался, принял ли ты дела от Мерецкова, как чувствуешь себя на новой работе, и приказал явиться к нему с докладом.

— К чему надо быть готовым? — спросил я.

— Ко всему, — ответил нарком. — Но имей в виду, что он не будет слушать длинный доклад. То, что ты расскажешь мне за несколько часов, ему нужно доложить минут за десять.

— А что же я могу доложить за десять минут? Вопросы большие, они требуют серьезного отношения. Ведь нужно понять их важность и принять необходимые меры.

— То, что ты собираешься ему сообщить, он в основном знает, — сказал нарком обороны, — так что постарайся все же остановиться только на узловых проблемах.

Имея при себе перечень вопросов, которые собирался изложить, субботним вечером я поехал к И.В. Сталину на дачу. Там уже были маршал С.К. Тимошенко, маршал Г.И. Кулик. Присутствовали некоторые члены Политбюро.

Поздоровавшись, И.В. Сталин спросил, знаком ли я с реактивными минометами («катюши»).

— Только слышал о них, но не видел, — ответил я.

— Ну, тогда с Тимошенко, Куликом и Аборенковым вам надо в ближайшие дни поехать на полигон и посмотреть их стрельбу. А теперь расскажите нам о делах Генерального штаба.

Коротко повторив то, что уже докладывал нарком, я сказал, что ввиду сложности военно-политической обстановки необходимо принять срочные меры и вовремя устранить имеющиеся недостатки в обороне западных границ и в вооруженных силах.

Меня перебил В.М. Молотов:

— Вы что же, считаете, что нам придется скоро воевать с немцами?

— Погоди... — остановил его И.В. Сталин.

Выслушав доклад, И.В. Сталин пригласил всех обедать. Прерванный разговор продолжался. И.В. Сталин спросил, как я оцениваю немецкую авиацию. Я сказал то, что думал:

— У немцев неплохая авиация, их летный состав получил хорошую боевую практику взаимодействия с сухопутными войсками. Что же касается материальной части, то наши новые истребители и бомбардировщики ничуть не хуже немецких, а пожалуй, и лучше. Жаль только, что их очень мало.

— Особенно мало истребительной авиации, — добавил С. К. Тимошенко.

Кто-то бросил реплику:

— Семен Константинович больше об оборонительной авиации думает.

Нарком не ответил. Думаю, что из-за своего пониженного слуха он просто не все расслышал.

Обед был очень простой. На первое — густой украинский борщ, на второе — хорошо приготовленная гречневая каша и много отварного мяса, на третье — компот и фрукты. И. В. Сталин был в хорошем расположении духа, много шутил, пил легкое грузинское вино «Хванчкара» и угощал им присутствовавших, но большинство предпочитало коньяк.

В заключении И.В. Сталин сказал, что надо продумать и проработать первоочередные вопросы и внести в правительство для решения. Но при этом следует исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем.

Вернувшись ночью в Генштаб, я записал все, что говорил И.В. Сталин, и наметил вопросы, которые нужно будет решать в первую очередь. Эти предложения были внесены в правительство.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 230—232.*

А. И. Шахурин, февраль 1941 года

Сталин почти ежедневно занимался авиационными делами. Как Председатель Совнаркома, он как-то созвал совещание наркомов и выступил с речью о стиле руководства. Говорил о том, что главное — тщательно разбираться в порученном деле, знать людей, учить их работать и учиться у них, не считать, что ты все понимаешь и знаешь лучше других. Закончил свое выступление Сталин так:

— Вот я часто встречаюсь с молодым наркомом товарищем Шахуриным и вижу определенную пользу от этих встреч, да и ему, думаю, они не бесполезны.

Эти слова вызвали в зале гул одобрения.

Когда мы уходили с заседания, нарком общего машиностроения П.И. Паршин заметил:

— Вот это здорово, а я к своему шефу раз в три месяца не всегда попадаю, я ты почти каждый день бываешь у Сталина.

— Это так, — отозвался я, — но ты не думай, Петр Иванович, что это просто — бывать у Сталина.

Частые общения со Сталиным многому учили меня, молодого наркома. Главное — вырабатывалось умение все решать быстро, оперативно. Если возникал какой-то вопрос и по ряду обстоятельств он не мог быть решен сразу, то после изучения и проработки он все равно решался в ближайшее время. Общение со Сталиным приучало к быстрой организации нового дела, а также и к безусловному выполнению принятых решений.

Теперь может показаться странным, но мы не уходили из своих кабинетов до 2—3, а то и до 4—5 часов утра. Так было заведено. Вероятно, можно было работать и по другому распорядку. Но тот, кто был непосредственно связан со Сталиным, работал именно так, потому что так работал и сам Сталин.

К началу 1941 года, когда авиационные части стали пополняться новыми самолетами, появилась забота об их освоении. Настроение у летчиков самое различное. Одни радовались, что появились скоростные современные машины с мощным воору-

жением. Им нравились не только летные и боевые качества новых самолетов, но и их внешний вид — заостренные, шукообразные носы вместо широкого лба, как это было на старых машинах с моторами воздушного охлаждения. Другие находили эти самолеты более сложными, не такими маневренными, как прежние, считали их слишком строгими в управлении. <...>

Настроения эти стали известны в ЦК. Созвали совещание военных летчиков. Оно состоялось в феврале 1941 года. В нем, кроме военных летчиков, командиров звеньев и эскадрилий, летчиков-испытателей НИИ ВВС и авиационной промышленности — словом, тех, кто уже летал на новых боевых самолетах, участвовало командование Военно-Воздушных Сил, руководство авиационной промышленности, конструкторы. Совещание проходило в Свердловском зале Кремля. Открыл совещание Молотов. Он сказал, что Центральный Комитет хочет знать мнение военных летчиков о новых самолетах.

Не скажу, чтобы сразу ринулись к трибуне желающие выступить, но постепенно разговорились. <...>

Сталин не перебивал и не поправлял выступавших. Как обычно, ходил за столом президиума с трубкой в руке. Казалось, что главное для него — дать указания, о мнении летчиков он был уже наслышан. Когда выступления уже закончились, стал говорить Сталин. Он сказал, что старых машин мы больше не производим и тот, кто надеется продержаться на них, пусть откажется от этой мысли. На старых самолетах легче летать, но на них легче и погибнуть в случае войны. Выход только в быстром освоении новой техники, в овладении новым оружием.

Затем Сталин остановился на основных типах боевых самолетов военно-воздушных сил Германии, Англии, Франции и США. Он говорил об их скоростях, вооружении, боевой нагрузке, скороподъемности, высотах. Все это он излагал на память, не пользуясь никакими записями, чем немало удивил присутствовавших на совещании специалистов и летчиков.

Свое выступление он закончил словами:

— Изучайте новые самолеты. Учитесь в совершенстве владеть ими, использовать в бою их преимущества перед старыми машинами в скорости и вооружении. Это единственный путь.

Совещание как бы повернуло весь командный состав, всех летчиков лицом к новой технике. Эхо этого совещания разнеслось по всем частям. Больше стали требовать новых самолетов, которых в то время в части поступало слишком мало. В первый

период войны я не раз убеждался в том, что летный опыт молодых пилотов на современных самолетах, отправлявшихся на фронт, был слишком мал. И мы много из-за этого потеряли.

Однако тогда мы еще не знали, когда разразится война, хотя подготовка в ней шла полным ходом. Мы работали с огромным перекалом, с невероятным напряжением, которое людям младшего поколения просто трудно себе представить.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 98—100.

Н. Г. Кузнецов, февраль — март 1941 год

В конце февраля и начале марта немецкие самолеты снова несколько раз грубо нарушали советское воздушное пространство. Они летали с поразительной дерзостью, уже не скрывая, что фотографируют наши военные объекты. Командующие флотами с беспокойством сообщали, что гитлеровцы просматривают их главные базы.

— Как быть? — спрашивали меня.

Я предложил Главному морскому штабу дать указание флотам открывать по нарушителям огонь без всякого предупреждения. Такая директива была передана 3 марта 1941 года. 17 и 18 марта немецкие самолеты были несколько раз обстреляны над Либавой. Что же делать, если агрессор наглеет? Уговорами его не приведешь в чувство.

В последние предвоенные недели, когда немецкие самолеты стали особенно нагло появляться не только над отдельными объектами, но и над главными базами — в частности над Полярным, — я снова распорядился открывать по ним огонь, приказав такие случаи особо выделять в оперсводках для Генерального штаба. <...> Кстати говоря, Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил, так что фактически в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших «чайках». Формулу «Не позволять чужим самолетам летать над нашими базами и вместе с тем не поддаваться провокациям» они понимали правильно: глупо заниматься уговорами бандита, когда он лезет в твой дом.

После одного из таких случаев меня вызвали к Сталину. В кабинете кроме него сидел Берия, и я сразу понял, откуда дует ветер. Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям.

Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение.

Главный морской штаб дал 1 апреля новую директиву: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы».

Результаты нетрудно было предвидеть. Немцы, чувствуя, что мы осторожничаем, стали вести себя еще более вызывающе.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 343—344.

Н. С. Патоличев, апрель 1941 года

За два месяца до начала войны положение на Ярославском резинокомбинате вновь рассматривалось в ЦК партии.

Состоялось совещание у И.В. Сталина. Я думаю, что многие, кто имел в то время прямое отношение к деятельности резинокомбината и к химической промышленности, и особенно присутствовавшие, должны помнить это совещание. Сталин до предела обострил вопрос. Я, может быть, более других запомнил это совещание, ибо мне казалось, что Сталин больше всего сосредоточил огонь критики на Ярославской партийной организации. Помню, за большим столом рабочего кабинета Сталина сидят резинщики, химики. Тут и нарком, его заместители, руководители предприятий, руководители шинного завода. А я, первый секретарь Ярославского обкома партии, стою. Меня резко отчитывает Сталин. Он применял острые выражения, и я, честно говоря, не знал, чем для меня закончится этот разговор.

— Забыли об ответственности партийной организации, — говорил Сталин.

Каково это было слышать? В конце Сталин сказал:

— Патоличева надо наказать.

Все ждали, чего же он скажет дальше. А он долго молча ходил, обдумывая. Длинными, невероятно длинными, показались эти минуты для первого секретаря Ярославского обкома партии.

Но Сталин неожиданно улыбнулся и сказал:

— Надо выбрать Патоличева в комиссию по выработке решения о работе Наркомата химической промышленности.

Все вздохнули с облегчением. Работники химической промышленности прекрасно понимали, в чем существо вопроса.

Да и сам Сталин хорошо знал. К производству автопокрышек только из синтетического каучука страна не была еще готова.

Решение поручили готовить Хрущеву, Булганину и Патоличеву. Мы сидели несколько дней. В решении указывалось на серьезные ошибки Наркомхимпрома в руководстве по освоению синтетического каучука, а также в научно-исследовательской и конструкторской работе, на крупные недостатки в работе шинных заводов.

*Н.С. Патоличев. Испытание на зрелость.
Политиздат, М., 1977. С. 84—85.*

В.Г. Грабин, 3 апреля 1941 года

Во время моего доклада о методах скоростного проектирования и освоения пушек в Ленинградском институте усовершенствования ИТР в аудитории, где проходила конференция, появился какой-то незнакомый мне человек, подошел к кафедре и сказал:

— Вас просят к телефону.

«Странно, — подумал я. — Кто здесь может мне звонить?»
<...>

Возле кабинета секретаря обкома М.И. Родионова сопровождающий остановился:

— Сюда, пожалуйста!

Я вошел. самого секретаря не было, а людей, которые сидели в кабинете и, судя по всему, ждали меня, я не знал. Как только я переступил порог, один из них снял телефонную трубку, набрал номер. Ему ответили.

— Трубку передаю Грабину, — сказал он.

Я подошел к телефону.

— Грабин слушает.

По голосу я узнал Поскребышева. Он поздоровался и предупредил, что сейчас со мной будет говорить Сталин.

Волнение усилилось. Значит, случилось что-то важное и не терпящее отлагательства, раз меня разыскивали в этот час в Ленинграде. Недолго мне пришлось теряться в догадках.

— Здравствуйте, товарищ Грабин, — услышал я в трубке голос Сталина. — Я хочу с вами посоветоваться. Есть мнение, что тяжелый танк вооружен маломощной пушкой, не отвечающей задачам тяжелого танка. В настоящее время рассматривается вопрос о перевооружении его: вместо 76-миллиметровой

пушки предлагается поставить мощную 107-миллиметровую. Хотелось бы знать вашу точку зрения по этому вопросу. Возможно, вам трудно будет оценить это предложение, так как тяжелый танк вооружен вашей 76-миллиметровой пушкой.

— Я готов высказать свое мнение, — ответил я. — Когда нашему конструкторскому бюро ГАУ выдало тактико-технические требования на 76-миллиметровую пушку для тяжелого танка, мы тщательно изучили вопросы, связанные с танками и с их вооружением, и пришли к выводу, что 76-миллиметровая пушка для тяжелого танка неперспективна и даже не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Мы считали, что тяжелый танк следует вооружить более мощной пушкой, снаряд которой пробивал бы броню своего танка с дистанции 1000 метров. Свое мнение мы высказали руководству ГАУ и ГБТУ, но с нами никто не согласился. 76-миллиметровую пушку, заказанную нам, мы создали и установили в танк KB-1.

— Значит у вас давно сложилось мнение о недостаточной мощности 76-миллиметровой пушки для тяжелого танка?

— Да, товарищ Сталин.

— Очень жаль, что я раньше не знал об этом. Значит, в настоящее время наши оценки не расходятся. Скажите, пожалуйста, можно ли в тяжелый танк поставить мощную 107-миллиметровую пушку?

— Можно, товарищ Сталин.

— Вы уверены, что мощную 107-миллиметровую пушку можно поставить в тяжелый танк?

— Вполне уверен, что 107-миллиметровую мощную пушку можно поставить в тяжелый танк. Это подтверждается тем, что мы уже установили 107-миллиметровую модернизированную пушку мощностью 385 тоннометров в танк KB-2.

Я имел в виду пушку Ф-42. <...>

— Но танк KB-2 по конструкции башни мы считаем неприемлемым, — продолжал я. — Габариты башни велики, и по своей форме башня неконструктивна. Такие габариты для 107-миллиметровой пушки и не потребовались.

— Значит, вы утверждаете, что мощную 107-миллиметровую пушку можно установить в тяжелый танк? — повторил Сталин.

Я хорошо знал, что если Сталин задает несколько раз один и тот же вопрос, то это означает проверку, насколько глубоко проработан вопрос собеседником и насколько убежден человек в своем мнении.

— Да, я глубоко убежден, что мощную 107-миллиметровую пушку можно поставить в тяжелый танк, — еще раз подтвердил я. — Если я правильно вас понял, эта пушка по своей мощности должна быть выше 107-миллиметровой модернизированной?

— Вы правильно меня поняли. То, что вы уже имеете опыт по установке 107-миллиметровой пушки в тяжелый танк, прекрасно. Значит, мощную 107-миллиметровую пушку мы установим в тяжелый танк?

— Да, товарищ Сталин.

— Это очень важно, товарищ Грабин. До тех пор, пока мы не вооружим тяжелый танк такой пушкой, чувствовать себя спокойно мы не можем. Задачу нужно решать как можно быстрее. Этого требует международная обстановка. Скажите, не смогли бы вы быть завтра в Москве? — продолжал Сталин. — Вы нам здесь очень нужны.

— Слушаюсь, завтра я буду в Москве. <...>

Едва я вышел из вагона, как встал вопрос: к кому я должен явиться? В телефонном разговоре Сталин сказал: «Вы нам здесь очень нужны.» «Нам» — кому именно? <...>

Поразмыслив, я решил, что стоит зайти в ГБТУ — может быть, там что-нибудь знают? Начальник ГБТУ Федоренко встретил меня словами:

— Василий Гаврилович, как вы вчера меня подвели!

— Вчера я был в Ленинграде и не мог вас подвести, — удивленно ответил я.

— Из Ленинграда и подвели, — ответил Федоренко.

Он рассказал, что вчера его вызвал к себе Сталин. В кабинете у него были Молотов, Ворошилов, Жданов, Кулик и другие, а также директор Кировского завода Зальцман, главный конструктор тяжелых танков Котин, директор одного из танковых заводов Казаков и секретарь Ленинградского горкома партии Кузнецов. Речь шла о необходимости срочно перевооружить тяжелый танк мощной 107-миллиметровой пушкой вместо 76-миллиметровой Ф-32. По словам Федоренко, Сталин настаивал на этом, но поддержки не встретил. Зальцман, Котин и сам Федоренко заявили, что 107-миллиметровую пушку поставить в тяжелый танк невозможно. После длительных дебатов Сталин спросил:

— Значит, вы убеждены, что такая пушка в тяжелый танк не встанет?

Услышав единодушное: «Да, совершенно уверены», он сказал:

— Хорошо, тогда я Грабина спрошу.

Наступила тишина.

Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Соедините меня с Грабиным!

— Пока вас искали, мы сидели молча, — продолжал свой рассказ Федоренко. — Время шло очень медленно, ожидание было томительным. Всех интересовало, что вы сможете сказать по этому поводу. Наконец вошел Поскребышев и сказал: «Грабин у телефона». Весь разговор Сталина с вами мы слышали. Положив трубку, Сталин обратился к нам: «Грабин утверждает, что 107-миллиметровую мощную пушку в танк поставить можно». Потом сделал небольшую паузу и добавил: «Грабин зря никогда не болтает, если скажет — значит, так и будет. Он завтра будет здесь. До его приезда обсуждение вопроса прекращаем». Тут же он поручил Жданову лично, никому не передоверяя, в кратчайший срок подготовить проект решения по перевооружению тяжелого танка и представить на утверждение.

*В.Т. Грабин. Оружие победы.
Политиздат, М., 1989. С. 467—469, 470, 471—472.*

Г. К. Жуков, 13 июня 1941 года

13 июня С.К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И.В. Сталину и просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

— Подумаем, — ответил Сталин.

На другой день мы были у И.В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!

Затем И.В. Сталин все же спросил:

— Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском военных округах?

Мы доложили, что всего в составе четырех западных приграничных военных округов к 1 июля будет 149 дивизий и отдельная стрелковая бригада. Из этого количества в составе:

Прибалтийского округа — 19 стрелковых, 4 танковых, 2 моторизованные дивизии, 1 отдельная бригада;

Западного округа — 24 стрелковых, 12 танковых, 6 моторизованных, 2 кавалерийские;

Киевского округа — 32 стрелковых, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские;

Одесского округа — 13 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные, 3 кавалерийские.

— Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, — сказал И.В. Сталин.

Я доложил, что по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В составе их дивизий от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И. В. Сталин заметил:

— Не во всем можно верить разведке...

Во время нашего разговора с И.В. Сталиным в кабинет вошел его секретарь А.Н. Поскребышев и доложил, что звонит Н.С. Хрущев из Киева. И.В. Сталин взял трубку. Из ответов мы поняли, что разговор шел о сельском хозяйстве.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал И.В. Сталин.

Видимо, Н.С. Хрущев в радужных красках докладывал о хороших перспективах на урожай...

Ушли мы из Кремля с тяжелым чувством.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 259—260.*

И.В. Тюленев, 21 июня 1941 года

Конечно, в канун рокового дня, 22 июня, мы не знали, что в июле 1940 года правительство фашистской Германии приняло решение напасть на СССР, а 18 декабря того же года Гитлер подписал директиву №1, впоследствии ставшую известной как план «Барбаросса». Но тем не менее ничто не могло заставить нас, старых военных, поверить в искренность заявлений фашистской Германии.

...А Москва была так хороша в этот последний мирный июньский вечер! Невольно вспомнились все события прошедшего дня. В полдень мне позвонил из Кремля Поскребышев:

— С вами будет говорить товарищ Сталин...

В трубке я услышал глуховатый голос:

— Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?

Я коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал:

— Учтите, положение беспокойное, и вам следует довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов.

В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые тревожные сведения о планах гитлеровской Германии.

Я тут же отдал соответствующие распоряжения своему помощнику по ПВО генерал-майору М.С. Громадину.

И.В. Тюленев. Через три войны. Воениздат, М., 1972. С. 123.

Г. К. Жуков, 21 июня 1941 года

21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска входят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли нам немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И.В. Сталин.

Я прочитал текст директивы.

И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Ввиду особой важности привожу эту директиву полностью:

«Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскировать;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.».

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 261—263.*

Часть III

ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(1941—1945)

1941 год

Г.К. Жуков, 22 июня 1941 года

В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. <...>

Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи И.В. Сталину. И.В. Сталин спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно.

После смерти И.В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности. Последняя мирная ночь была совершенно другой. Как я уже сказал, мы с наркомом обороны по возвращении из Кремля неоднократно говорили по ВЧ с командующими округами Ф.И. Кузнецовым, Д.Г. Павловым, М.П. Кирпоносом и их начальниками штабов, которые находились на своих командных пунктах.

Под утро 22 июня нарком С.К. Тимошенко, Н.Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противозенитной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили.

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин. Я доложил обстановку и попросил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Слышу только его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф.С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф.С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение.

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов.

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся силы противника и задерживать их дальнейшее продвижение.

— Не задерживать, а уничтожить, — уточнил С.К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И.В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны №2 была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась нереальной, а потому и не была приведена в жизнь. <...>

К 8 часам утра 22 июня Генеральным штабом было установлено, что:

— сильным ударам бомбардировочной авиации противника подверглись многие аэродромы Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов, где серьезно пострадала прежде всего авиация, не успевшая подняться в воздух и рассредоточиться по полевым аэродромам;

— бомбардировке подверглись многие города и железнодорожные узлы Прибалтики, Белоруссии, Украины, военно-морские базы Севастополя и Прибалтики;

— завязались ожесточенные сражения с сухопутными войсками немцев вдоль всей нашей западной границы. На мно-

гих участках немцы уже вступили в бой с передовыми частями Красной Армии;

— поднятые по боевой тревоге стрелковые части, входящие в первый эшелон прикрытия, вступали в бой с ходу, не успев занять подготовленных позиций;

— на участке Ленинградского военного округа пока было спокойно, противник ничем себя не проявлял.

Около 9 часов С.К. Тимошенко позвонил И.В. Сталину и просил разрешения снова приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании ставки главного командования, а также ряд других вопросов. <...>

Нас встретил А.Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет. Члены Политбюро уже находились там. Обстановка была напряженной. Все молчали.

И.В. Сталин молча ходил по кабинету с нераскуренной трубкой, зажатой в руке.

— Ну, давайте, что там у вас? — сказал он.

С.К. Тимошенко доложил о проекте создания Ставки Главного Командования. И.В. Сталин посмотрел проект, но решения не принял и, положив бумагу на стол, коротко бросил:

— Обсудим на Политбюро.

Осведомившись об обстановке, И.В. Сталин сказал:

— В 12 часов по радио будет выступать Молотов.

Прочитав проект указа о проведении мобилизации и частично сократив ее размеры, намеченные Генштабом, И.В. Сталин передал Указ А.Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета. Этим Указом с 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905—1918 годов рождения на территории четырнадцати, т.е. почти всех военных округов, за исключением Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного, а также вводилось военное положение в европейской части страны. <...>

22 июня Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты.

Примерно в 13 часов мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточно-го опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошни-

кова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И.В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина. — Потом несколько раздраженно добавил: — Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1.
АПН, М., 1974. С. 264—269.*

Н.Д. Яковлев, 24 июня 1941 года

Шел третий день войны. Я все еще знакомился со структурой ГАУ, его людьми. И вдруг неожиданный вызов в Кремль, к И.В. Сталину.

В приемной И.В. Сталина познакомился с его секретарем А.Н. Поскребышевым. А затем через кабинет Поскребышева и смежную с ним комнату, в которой находились двое людей из охраны, вошел в многократно уже описанный другими мемуаристами кабинет Сталина. Как сейчас помню, посреди кабинета стояли члены Политбюро, нарком обороны С.К. Тимошенко, еще кто-то из военных. Разговор велся общий.

Остановившись у двери, стал ждать. До той поры мне никогда еще не приходилось близко видеть И.В. Сталина. Он представлялся более крупным, чем оказался в действительности. Сталин был сухощав, среднего роста, с небольшими следами оспы на слегка желтоватом лице. Одет в сероватого цвета френч, такого же цвета брюки, заправленные в мягкие сапоги с невысокими голенищами.

Наконец заметив меня, И.В. Сталин отделился от группы и неторопливо приблизился ко мне. Я доложил, что являюсь начальником ГАУ, назвал свою фамилию.

— Так вы и есть тот самый Яковлев, новый начальник ГАУ? — кивнул Сталин. — Здравствуйте! Как у вас идут дела?

Я ответил, что пока мне все ново, стараюсь поскорее познакомиться с большим ведомством, которое мне доверили.

Не скрыл, что есть много неясного в обеспечении войск, данные поступают разноречивые. Устанавливаю связь с промышленностью и, конечно, жду резкого повышения поставок в соответствии с требованиями военного времени. Чувствую, что мне нужна авторитетная помощь кого-либо из членов правительства, так как руководство Генштаба сейчас целиком занято оперативной обстановкой, а я еще не знаю, как быть с заказами на вооружение и боеприпасы.

Сталин выслушал меня спокойно, пожелал поскорее войти в дела ГАУ. Подчеркнул, что нужно быть внимательным, по-хозяйски подходить к заявкам. Обещал подумать о всех моих просьбах. На этом наша первая встреча с ним закончилась.

В первые недели войны И.В. Сталин приезжал в Кремль, в свой кабинет, днем. Затем — обычно часам к восемнадцати-девятнадцати. В октябрьско-декабрьские дни 1941 года — то днем, то к восемнадцати часам. В остальные месяцы и годы войны в своем кабинете находился обычно с восемнадцати до двух-трех часов ночи, после чего он и члены Политбюро или уходили на квартиру Сталина, или уезжали к нему на ближнюю дачу. И там до утра продолжалось обсуждение разных партийно-государственных вопросов.

Следовательно, и заседания Государственного Комитета Обороны, и работа Ставки проходили в одном и том же кабинете. Но я не помню случая, чтобы эти заседания носили в годы войны протокольный характер. Обычно те или иные дела разбирались путем обмена мнениями.

Постановления Государственного Комитета Обороны, как, впрочем, и представления в ГКО, должны были быть всегда лаконичными, краткими, ясно излагать суть вопроса или решения. Иногда проект постановления писался под диктовку Сталина тут же, в кабинете. При этом надо было помнить, что он имел привычку, диктуя, ходить по кабинету, а иногда и подходить сзади, через плечо пишущего читая текст. Не терпел, когда слова были неразборчивы, сердился.

После написания постановления тут же набело перепечатывалось в машбюро у Поскребышева и после подписи без промедления доставлялось фельдъегерями заинтересованным лицам. Словом, оперативность в этом вопросе была на высоте.

*Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе.
«Высшая школа», М., 1982. С. 67—68.*

И.Т. Пересыпкин, 23—30 июня 1941 года

<...> Большую и важную роль в обеспечении нормальной работы Московского узла связи играли ремонтно-восстановительные части Народного комиссариата связи. Интересна история их возникновения. На ней следует остановиться подробнее.

В один из первых дней войны сразу же по возвращении из Орши мне удалось попасть на прием к И.В. Сталину, что тогда было очень непросто.

Во время доклада Сталин спросил меня, как обстоят дела в Наркомате. Я попытался подробно доложить, но он перебил меня и вновь спросил: «А что требуется?» — и, пододвинув ко мне большую стопку бумаги, сказал: «Пишите». Я сел за ничем не покрытый стол у стены и задумался. Потом начал писать, а Сталин ходил по кабинету, время от времени поглядывая на меня. Нелегко было в столь необычной обстановке перечислить все то, что требуется в первую очередь. Нужд было очень много. Я понимал, что указать надо было самое главное и кратко, но исписал несколько листов писчей бумаги.

Прочитав мою записку, И.В. Сталин написал на ней «согласен» и сказал:

— Идите к Чадаеву, пусть выпускает закон.

Так и сказал: «закон».

Я. Е. Чадаев в то время был управляющим делами Совнаркома СССР.

<...>

Вскоре было принято решение, где в числе других мер по оказанию помощи Наркомату связи был один очень важный пункт: НК связи было разрешено сформировать в Москве три ремонтно-восстановительных батальона.

*И.Т. Пересыпкин. ...А в бою еще важней.
Изд. «Советская Россия», М., 1970. С. 68—69.*

Г.К. Жуков, 26 июня 1941 года

26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете немедленно вылететь в Москву?

— Сейчас переговорю с товарищем Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром.

Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома к И.В. Сталину. В кабинете И.В. Сталина стояли на вытяжку нарком С.К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н.Ф. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И.В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И.В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — И бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте. <...>

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже Зап. Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того следовало срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2—3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И.В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1.
Изд. АПН, М., 1974. С. 287—288.*

И.Т. Пересыпкин, 3 июля 1941 года

Из многих событий, которые произошли в начале Великой Отечественной войны, мне особенно запомнилось выступление по радио И.В. Сталина 3 июля 1941 года. <...>

Сначала предполагалось, что выступление должно состояться в студии, находившейся в здании Центрального телеграфа на улице Горького. Но потом спросили у связистов:

— Можно ли организовать трансляцию речи Сталина из Кремля?

Мы сказали:

— Можно.

После этого мне поручили обеспечить эту трансляцию по радио и по московской радиотрансляционной сети.

В то время мы, конечно, не располагали такими техническими средствами, которые имеются в распоряжении современного радиовещания и телевидения. Связисты всю ночь напряженно трудились, чтобы осуществить трансляцию. Надо было оборудовать комнату, подвести туда кабели, установить микрофоны и многое другое.

В пять часов утра 3 июля мы с известным советским диктором Юрием Левитаном были уже на месте. В шесть часов пришел туда И.В. Сталин. Он был одет в свой обычный серый костюм военного покроя. Поздоровавшись с нами, он спросил:

— Ну как, все готово?

— Да, все готово, — ответили мы.

Сталин сел за небольшой столик, на котором были установлены микрофоны. Рядом с ним стояли бутылка боржоми и стаканы.

Ю. Левитан объявил по радио о предстоящем выступлении И.В. Сталина. Наступил самый ответственный момент. Заметно волнуясь, Сталин начал свою речь.

С огромным напряжением мы с Левитаном, как и все советские люди, слушали его речь. (Речь И.В. Сталина полностью приводится в Приложении в конце книги.)

Следует отметить, что к тому моменту немецко-фашистским войскам удалось продвинуться далеко в глубь нашей страны. Время было тревожное, трудно было предположить, что ждет нас впереди, поэтому часть радиовещательных станций была уже демонтирована и готовилась к отправке на восток. Однако поставленную задачу связисты выполнили: речь Сталина слушала вся страна.

*И.Т. Пересыпкин. ...А в бою еще важней.
«Советская Россия», М., 1970. С. 65—67.*

Д. Ф. Устинов, июль — август 1941 года

Случилось это в начале июля, после одного из заседаний Государственного Комитета Обороны.

— Тимошенко и Кулик, — сказал Сталин, — обратились с просьбой срочно начать массовый выпуск противотанкового ружья Рукавишникова. — По тому, какой тяжелый взгляд был брошен в мою сторону, чувствовалось, как он сильно раздра-

жен. — Наши бойцы героически дерутся с фашистскими танками, — продолжал Сталин, — применяя бутылки с горючей смесью и гранаты. Они вынуждены прибегать к таким средствам. Другого оружия ближнего боя у них нет. А могло быть! Могло, если бы наши военные в свое время здраво подошли к оценке противотанкового ружья. Тогда они недооценили его возможности и переоценили броневую защиту немецких танков. Но сейчас мы знаем, что броня у большинства из них не превышает сорока миллиметров. Как раз для противотанкового ружья!

Сталин помолчал, потом обратился ко мне:

— Товарищ Устинов, скажите, можно ли начать выпуск противотанкового ружья Рукавишникова, и если можно, то сколько потребуются времени для налаживания производства?

— Выпуск ружья можно начать, товарищ Сталин, — ответил я. — Но сейчас оно проходит окончательную доводку после испытаний. Одновременно ведется подготовка технической документации и чертежей для массового производства на двух заводах. На это потребуется не меньше месяца.

— Учитывая важность задачи, — сказал Сталин, — поручите еще одному, а для надежности — двум конструкторам, пусть поработают так, чтобы в самое короткое время мы имели хорошее противотанковое ружье.

Эта задача была поставлена перед конструкторами В.А. Дегтяревым и С.Г. Симоновым. Созданные ими в короткий срок — с момента получения задания и до первых пробных выстрелов прошло всего 22 дня — образцы ружей успешно выдержали полигонные испытания, о чем я и доложил в середине августа Сталину. Он слушал с большим интересом, то и дело уточнял некоторые вопросы.

— Ружье Симонова, товарищ Сталин, самозарядное, в магазине пять патронов.

— Чем же оно отличается от ружья Рукавишникова? Ведь его ПТР тоже самозарядное, под пять патронов?

— Да, товарищ Сталин. Бронепробиваемость, баллистические, весовые и габаритные характеристики обоих ружей равноценны. Но ружье Симонова проще, легко разбирается на две части и в походном положении имеет меньшие габариты по длине. Оно обладает преимуществом перед ружьем Рукавишникова в разборке и сборке, в обнаружении и устранении задержек.

— Проще — это хорошо, — заметил Сталин. — Проще, значит надежнее. На марше ружье Симонова смогут нести два солдата?

— Да, товарищ Сталин.

— Это тоже неплохо. А каковы оба эти ружья в стрельбе?

— Из того и другого сделано примерно одинаковое количество выстрелов — больше тысячи. Ружье Симонова не имело поломок, а в ружье Рукавишникова — две. Так что есть основания считать ружье Симонова более живучим.

— Вот видите? Это — это результат простоты. Она имеет немаловажное значение и в производстве, особенно массовом. Эту сторону вы тоже учли?

— Конечно, учли, товарищ Сталин. Число заводских деталей в ружье Симонова на треть меньше, чем в ружье Рукавишникова. На его изготовление требуется на 60 процентов меньше станкочасов и на 30 процентов — общего времени. Мы считаем целесообразным принять на вооружение ружье Симонова и начать его массовое производство.

— Хорошо. А что у Дегтярева?

— Дегтярев изготовил однозарядное ружье. Оно легче магазинного, а бронебойность имеет такую же. Ружье очень технологичное, товарищ Сталин. Его можно почти целиком изготавливать на токарных станках. Массовый выпуск ружья Дегтярева мы можем организовать гораздо быстрее, чем магазинного.

29 августа образцы противотанковых ружей были представлены наркоматом вооружения совместно с наркоматом обороны в ГКО. Осмотр их членами ГКО и правительства проходил в Кремле. Пояснения давали сами конструкторы.

В тот же день оба образца противотанковых ружей были приняты на вооружение. Заводы наркомата получили задание срочно освоить и развернуть их массовое производство.

Д. Ф. Устинов. Во имя победы. Воениздат, М., 1988. С. 170—172.

Д. А. Журавлев, 21 июля 1941 года

21 июля меня предупредили: «Сегодня начальник Генерального штаба проведет с руководством 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса игру на картах. Вам и авиаторам нужно подготовить оперативные группы». Я попытался выяснить подробности, но мне ответили: «Все узнаете на месте».

Часов в пять вечера нас пригласили в особняк, находившийся во дворе, рядом со зданием штаба корпуса, и проводили в кабинет Верховного Главнокомандующего. Входили мы туда довольно робко. Личность И.В. Сталина в то время была окружена ореолом исключительности и, я бы сказал, некоторой таинственности. Каждое его слово воспринималось как непрерываемая истина.

До этого мне довелось видеть И.В. Сталина только в президиуме, когда приходилось участвовать в заседаниях сессии Верховного Совета РСФСР, а близко — всего однажды, во время работы XVIII съезда партии, делегатом которого мне посчастливилось быть. Теперь же предстояло не только видеть его, но и держать перед ним экзамен.

И вот мы в просторном кабинете, посредине которого стоит длинный стол. Вдоль одной из стен сидят члены Государственного Комитета Обороны. В углу слева заняли места М.С. Громадин и А.В. Герасимов.

Нам предложили развернуть карты и подготовиться к работе. Когда полковник Н.Ф. Курьянов, начальник оперативного отдела штаба корпуса, разложил свое громадное хозяйство на столе, оказалось, что для карт авиаторов места не осталось. И.Д. Климову и его помощникам пришлось расстилать их на полу.

Наконец все было готово.

— Покажите нам, как вы будете отражать массированный дневной налет авиации противника на Москву, — обратился к нам Сталин. А потом кивнул в сторону Громадина: — Можно начинать.

Игра длилась часа полтора. По данным, заранее подготовленным штабом Московской зоны ПВО (их считывал генерал Герасимов), наши операторы наносили на карту обстановку, а я и генерал Климов оценивали ее, принимали необходимые, по нашему мнению, решения и отдавали условно обозначенным войскам соответствующие распоряжения.

Нужно сказать, что авторы разработки создали достаточно сложную обстановку. Согласно их данным воздушный противник пытался прорваться к Москве тремя большими группами, эшелонированными по высоте и времени. Мне с Климовым пришлось здорово потрудиться, организуя отражение настоячивых атак врага. В пылу работы я незаметно для себя обрел уверенность и перестал волноваться. Видимо, тут мне помог

опыт, полученный на фронтах гражданской войны, привычка в любых условиях не терять самообладания.

Пока мы «воевали», И.В. Сталин медленно прохаживался по комнате, наблюдая за тем, как складывается обстановка на наших картах. Когда программа игры была использована, Верховный Главнокомандующий ограничился лишь несколькими замечаниями. Коротко подвел итоги начальник Генерального штаба Г.К. Жуков. Из его слов было ясно, что в основном мы со своей задачей справились.

Затем нам разрешили свернуть карты, и И.В. Сталин сказал: — Завтра вы нам покажете отражение ночного налета.

Однако второй игре на картах не суждено было состояться и на следующий день и позже. Всего через несколько часов нам пришлось отражать налет на столицу не условного, а вполне реального противника.

Тот факт, что Государственный Комитет Обороны нашел возможность заняться проверкой готовности противовоздушной обороны Москвы, весьма характерен. Руководители партии и правительства придавали огромное значение защите столицы.

*Д.А. Журавлев. Огневой щит Москвы.
Воениздат, М., 1972. С. 41—42.*

Д.Ф. Устинов, середина июля 1941 года

В середине июля 1941 года меня вызвал И.В. Сталин. Выглядел он очень усталым. Белки глаз заметно отливали желтизной. Виски густо посеребрила седина.

Он сказал, что обстановка на фронте трудна. Оставлены Смоленск и Кишинев. На ленинградском и киевском направлениях — тяжелые оборонительные бои. В результате бомбовых ударов врага по предприятиям нарушается производство некоторых видов вооружения. Поэтому возникла насущная необходимость в его дублировании. В частности, Сталин прямо поставил вопрос о строительстве завода-дублера по производству 20-мм авиапушек, предложил посоветоваться с Госпланом и согласованные соображения доложить ему.

На следующий день я доложил И.В. Сталину, завод-дублер по производству 20-мм авиационной пушки целесообразно разместить в Поволжье, вблизи одного из крупных авиапредприятий, на базе строящегося там газомоторного завода. Потребуется передать его Наркомату вооружения и выделить дополнительно несколько тысяч строителей. О сроках ввода в

строй и необходимом оборудовании попросил разрешения доложить позднее.

Вскоре было принято постановление ЦК партии и Совнаркома по этому вопросу. <...>

Подсчеты показывали, что новому заводу потребуется около полутора тысяч станков. Где их взять? Станкостроительные заводы, по существу, прекратили поставку станков. Часть их мы могли взять с предприятий нашего наркомата при условии передачи производства некоторых видов вооружения на другие заводы. Но полностью удовлетворить потребности из собственных ресурсов мы не могли.

Об этом я и доложил И.В. Сталину в очередной раз.

Он выразил удовлетворение темпами стройки и спросил:

— А какой выход со станками предлагаете вы?

— Нужно загрузить станкостроительные заводы по их прямому назначению. Не давать им посторонних заказов, пока они полностью не удовлетворят потребности оборонных заводов в станках.

Сталин тут же позвонил А.И. Микояну.

— Товарищ Микоян, — сказал он, — вот тут мы с товарищем Устиновым решаем вопрос о пуске очень нужного завода. Дело упирается в станки. Их нет. Прошу вас внимательно изучить этот вопрос и доложить о решении вместе с планом на четвертый квартал.

Несколько опережая события, замечу, что наше предложение было учтено в квартальном народнохозяйственном плане и это, конечно, сказалось на решении проблемы со станками. Но все же она в 1941 году стояла очень остро.

Чтобы решить ее, приходилось изыскивать и использовать любые возможности. <...>

Но вернусь к разговору в кабинете Сталина.

— Станки вы получите, — сказал он, переговорив с А.И. Микояном. — А сколько вы рассчитываете давать пушек в месяц?

— Две тысячи, товарищ Сталин.

— Сегодня, я думаю можно согласиться. Но производство нужно обязательно наращивать. Наши возможности по выпуску самолетов растут.

Представленный мною проект постановления ГКО Сталин оставил у себя. На следующий день проект был утвержден.

А уже в третьем квартале 1941 года новый завод начал выпускать продукцию.

*Д.Ф. Устинов. Во имя победы.
Воениздат, М., 1988. С. 154—155, 156.*

А.С. Яковлев, 21—25 июля 1941 года

В связи с приближением линии фронта, а следовательно, аэродромов противника, опасность налета вражеской авиации на столицу стала реальной, и в Ставке устроили для проверки, так сказать, механизма противовоздушной обороны военную игру по отражению воздушного нападения на Москву.

Военная игра проводилась в особнячке, по соседству с нашим наркоматом, где в первые дни войны помещалась Ставка Верховного Главнокомандования, пока не было готово кремлевское бомбоубежище.

Мы с наркомом Шахуриным и замнаркома Дементьевым в числе других были приглашены на это учение. <...>

На протяжении всего учения Сталин внимательно за всем наблюдал и слушал, но не проронил ни слова. Когда игра была закончена и, как полагалось, атаки воображаемых самолетов были отражены, он молча обошел вокруг планшета. Создалось впечатление, что разыгранные варианты ни в чем его не убедили, что у него какое-то недоверчивое отношение ко всему этому делу. Наконец, раскуривая свою трубку, он произнес как бы сквозь зубы:

— Не знаю, может быть, так и надо...

Потом молча пошел в кабинет, пригласив туда Шахурина, Дементьева, Жигарева, Петрова и меня.

Не было уверенности, что защита Москвы с воздуха обеспечивается надежно.

Так же, как и на нас, на него эта игра не произвела серьезного впечатления: как-то все схематично и бумажно.

И в кабинете Сталин опять сказал:

— Может быть, так и надо... Кто его знает?..

А потом несколько раз повторил:

— Людей нет, кому поручишь... Людей не хватает...

Когда Сталин заговорил о людях, Дементьев шепнул мне:

— Давай попросим за Баландина.

Я кивнул ему, и мы воспользовались паузой в разговоре.

— Товарищ Сталин, вот уже больше месяца, как арестован наш замнаркома по двигателям Баландин. Мы не знаем, за что он сидит, но не представляем себе, чтобы он был врагом. Он нужен в наркомате, — руководство двигателестроением очень ослаблено. Просим вас рассмотреть это дело.

— Да, сидит уже дней сорок, а никаких показаний не дает. Может быть, за ним и нет ничего... Очень возможно... И так бывает... — ответил Сталин.

На другой день Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет в наркомате и продолжал работу, как будто с ним ничего и не случилось...

А через несколько дней Сталин спросил:

— Ну как Баландин?

— Работает, товарищ Сталин, как ни в чем не бывало.

— Да, зря посадили.

По-видимому, Сталин прочел в моем взгляде недоумение: как же можно сажать в тюрьму невинных людей?! И без всяких расспросов с моей стороны сказал:

— Да, вот так и бывает. Толковый человек, хорошо работает, ему завидуют, под него подкапываются. А если он к тому же человек смелый, говорит то, что думает, — вызывает недовольство и привлекает к себе внимание подозрительных чекистов, которые сами дела не знают, но охотно пользуются всякими слухами и сплетнями... Ежов мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь ему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли.

После таких слов создавалось впечатление, что беззакония творятся за спиной Сталина. Но в то же время другие факты вызывали противоположные мысли. Мог ли, скажем, Сталин не знать о том, что творил Берия?

А.А. Жданов однажды рассказал мне анекдот про любимую трубку Сталина.

Сталин жалуется: пропала трубка. Ему говорят: «Возьмите другую, ведь у вас вон их сколько». — «Да ведь это любимая, я много бы дал, чтобы ее найти».

Берия постарался: через три дня нашел 10 воров, и каждый из них «признался», что именно он украл трубку.

А еще через день Сталин нашел свою трубку. Оказывается, она просто завалилась за диван в его комнате.

И Жданов весело смеялся этому страшному анекдоту.

Министр Хруничев рассказывал, что он был свидетелем, как Берия с присущим ему коварством пытался скомпрометировать и меня в глазах Сталина. Однако, на мое счастье, Сталин мне верил...

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 211—213.

Д. А. Журавлев, 22 июля 1941 года

Еще перед войной было установлено, что в случае налета вражеской авиации на Москву решение об объявлении воздушной тревоги принимает начальник ПВО города.

Но в ночь первого налета мне не пришлось самому решать этот вопрос. После того как мы доложили обстановку Верховному Командованию, последовал приказ:

— Объявить городу тревогу!

И вот в 22 часа 25 минут в репродукторах впервые послышалось:

— Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!

Нам предстояло держать первый боевой экзамен и не допустить ошибок, ибо каждая наша ошибка — это раны, нанесенные Москве, это — смерть десятков людей, это — невыносимые потери национальных культурных ценностей.

У нас еще было время, чтобы подготовить к бою зенитную артиллерию и другие средства, находившиеся в черте города и на его окраинах.

Но наблюдательные посты ВНОС, летчики-истребители, прожектористы в световых полях уже приступили к делу.

На командный пункт поступали все новые данные о действиях противника и нашей авиации. Воздушная обстановка на штабных картах и светоплане выглядела уже довольно пестро. Однако главное выделялось очень рельефно: вражеские бомбардировщики шли курсом на Москву.

Мне нелегко сейчас восстановить в памяти все подробности той ночи. Конечно, все мы были взволнованы, напряжены. Я ощущал биение жилки на виске, но старался держаться уверенно и спокойно.

Почувствовав какое-то движение среди присутствовавших в помещении, оглянулся. Мимо нашей двери по коридору прошли И.В. Сталин и члены правительства. Их сопровождал М.С. Громадин. А.С. Щербаков зашел в наш зал и находился там, пока продолжался налет. За все время он ни одним словом не отвлек нас от боевой работы. <...>

Пять часов продолжался первый налет. Вот, наконец, отражена еще одна, последняя волна вражеских бомбардировщиков. Смотрю на часы: три двадцать пять. Там наверху, на земле, сейчас уже наступает раннее июльское утро. Вероятно, противник исчерпал все свои возможности и больше не прилетит.

Да и короткая летняя ночь минула. Теперь, уже когда рассвело, наши истребители способны атаковать немецких летчиков повсюду, не ожидая помощи прожектористов.

Выждав еще немного и видя, что посты ВНОС не доносят о появлении новых целей, я принял решение объявить отбой тревоги. Позвонил об этом В.П. Пронину.

Через несколько минут из репродукторов донеслось:

«Граждане! Первый массированный налет немецко-фашистской авиации на Москву отражен нашими летчиками и зенитчиками. Опасность миновала!» <...>

Как только был объявлен отбой тревоги, члены Государственного Комитета Обороны, находившиеся в бомбоубежище, поднялись в особняк, где мы еще так недавно проводили игру на картах. Вскоре последовал телефонный звонок: Громадина и меня вызывали на доклад.

Входили мы уже в знакомую комнату не без волнения. Противовоздушная оборона выполнила свою задачу, люди сделали все, что могли, и даже больше того. Но несколько самолетов все же прорвались к Москве. Городу нанесен некоторый ущерб. Как расценят это члены Государственного Комитета Обороны?

В первые дни войны мне не раз приходилось слышать предупреждения: «Смотрите, товарищ Журавлев, если хоть одна бомба упадет на Москву, не сносить вам головы». Понятно, мне вовсе не улыбалась перспектива лишиться головы, хотя бы и в фигуральном смысле. Тем не менее решил докладывать все без прикрас.

Сообщил, что в налете участвовало в общей сложности более двухсот вражеских бомбардировщиков, а к городу удалось пробраться лишь одиночным самолетам. Перечислили, какие разрушения вызвали бомбовые удары противника. Подчеркнул, что коммунальному хозяйству города ущерб не причинен, и в связи с этим отметил заслуги воинов всех родов войск 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса.

Меня слушали молча, не перебивая. Я видел, что А.С. Щербаков, присевший у края стола, быстро записывал приводимые мной данные (позже стало известно, что он готовил проект приказа, подводящего итоги отражения первого налета).

— Количество уничтоженных вражеских самолетов уточняется, — заключил я, — но, по предварительным данным, противник потерял не менее двадцати бомбардировщиков.

Когда я закончил, Сталин сказал:

— Ну что же, хорошо. Двадцать самолетов — это десять процентов от числа участвовавших в налете. Для ночного времени — нормально. Нужно иметь в виду, что еще значительная часть немецких бомбардировщиков получила серьезные повреждения. Мне сейчас звонил маршал Тимошенко. Сказал, что наблюдал за самолетами противника, идущими от Москвы. Некоторые из них горят и падают за линией фронта.

Нас с Громадиным отпустили, и я решил проехать по городу, посмотреть, как выглядит столица после тревожной, полной волнений ночи. <...>

Днем 22 июля мы услышали по радио приказ №241 Народного комиссара обороны СССР. Он вызвал у всех нас радость за высокую оценку деятельности войск ПВО.

*Д. А. Журавлев. Огневой щит Москвы.
Воениздат, М., 1972. С. 44—45, 49, 55—56, 57.*

Г. К. Жуков, 25—28 июля 1941 года

Надо отдать должное маршалу С.К. Тимошенко. В те трудные первые месяцы войны он много сделал, твердо руководил войсками, мобилизуя все силы на отражение натиска врага и организацию обороны. <...>

В конце июля мне позвонил А.Н. Поскребышев и спросил:

— Где находится Тимошенко?

— Маршал Тимошенко в Генеральном штабе. Мы обсуждаем обстановку на фронте.

— Товарищ Сталин приказал вам и Тимошенко немедленно прибыть к нему на дачу, — сказал А.Н. Поскребышев.

Мы считали, что И.В. Сталин хочет посоветоваться с нами о дальнейших действиях. Но оказалось, что вызов имел совсем другую цель.

Когда мы вошли в комнату, за столом сидели почти все члены Политбюро. И.В. Сталин был одет в старую куртку, стоял посередине комнаты и держал погасшую трубку в руках.

— Вот что, — сказал И.В. Сталин, — Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и решило освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? — спросил И.В. Сталин, обращаясь ко мне и наркому.

С.К. Тимошенко молчал.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой большего не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освобождать его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

М. И. Калинин, внимательно слушавший, сказал:

— А что, пожалуй, правильно.

И. В. Сталин не спеша раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

— Вы правы, товарищ Сталин, — раздался голоса. — Тимошенко может еще выправить положение.

Нас отпустили, приказав С.К. Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Конечно, Семена Константиновича серьезно обидели высказанные замечания. Но на войне бывает всякое — не всегда есть возможность при решении больших и сложных вопросов учитывать личные переживания.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1.
Изд. АПН, М., 1974. С. 309, 310.*

Г. К. Жуков, 29 июля 1941 года

29 июля я позвонил И.В. Сталину и попросил принять для срочного доклада.

— Приходите, — сказал Верховный.

Захватив с собой карту стратегической обстановки, карту с группировкой немецких войск, справки о состоянии наших войск и материально-технических запасов фронтов и центра, я прошел в приемную Сталина, где находился А.Н. Поскребышев, и попросил его доложить обо мне.

— Садись, приказано подождать Мехлиса.

Минут через десять меня пригласили к И.В. Сталину, Л. З. Мехлис был уже там.

— Ну, докладывайте, что у вас, — сказал И. В. Сталин.

Разложив на столе свои карты, я подробно доложил обстановку, начиная с северо-западного и кончая юго-западным направлением. Привел цифры основных потерь по нашим фронтам и ход формирования резервов. Подробно показал расположение войск противника, рассказал о группировках немецких войск и изложил предположительный характер их ближайших действий.

И. В. Сталин слушал внимательно. Он перестал шагать вдоль кабинета, подошел к столу и, слегка наклонившись, стал внимательно разглядывать карты, до мельчайших надписей на них.

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — резко и неожиданно бросил реплику Л.З. Мехлис.

— Мне неизвестны планы, по которым будут действовать немецкие войска, — ответил я, — но, исходя из анализа обстановки, они могут действовать только так, а не иначе. Наши предположения основаны на анализе состояния и дислокации крупных группировок и прежде всего бронетанковых и моторизованных войск.

— Продолжайте доклад, — сказал И. В. Сталин.

— На московском стратегическом направлении немцы в ближайшее время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них нет здесь крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий «Центр».

На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы «Юг».

Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направления на Унечу — Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

— Что вы предлагаете? — насторожился И. В. Сталин.

— Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счет западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Н.Ф. Ватутина.

— Вы что же, — спросил И.В. Сталин, — считаете возможным ослабить направление на Москву?

— Нет, не считаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через 12—15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Л.З. Мехлис.

Я не ответил и продолжал:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий. Они будут нашим кулаком и действовать по обстановке.

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил И.В. Сталин.

Я понимал, что означали слова «сдать Киев» для всех советских людей и, конечно, для И.В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственное возможное и правильное решение в сложившейся обстановке.

— Киев придется оставить, — твердо сказал я.

Наступило тяжелое молчание... Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее.

— На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа фронта противника. Ельнинский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? — вспыхнул И.В. Сталин и вдруг на высоких тонах бросил: — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что я, как начальник Генерального штаба, способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

— Вы не горячитесь, — заметил И.В. Сталин. — А впрочем... Если вы так ставите вопрос, мы сможем без вас обойтись...

— Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и спосо-

бы ведения войны, убежден в ее правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

— Идите работайте, мы вас вызовем.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

— Вот что, — сказал И.В. Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба... На это место назначим Шапошникова. Правда у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем. А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесете несомненную пользу. Естественно, что вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

— Куда прикажете мне отправиться?

— А куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь! Вы вот тут докладывали об организации операции под Ельней, ну и возьмитесь лично за это дело.

Затем, чуть помедлив, Сталин добавил:

— Действия резервных армий на Ржевско-Вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час,

— Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

— Разрешите отбыть?

— Садитесь и выпейте чаю, — уже улыбаясь, сказал И.В. Сталин, — мы еще кое о чем поговорим.

Сели за стол и стали пить чай, но разговор так и не получился.

На следующий день состоялся приказ Ставки.

Сборы на фронт были недолгими. Вскоре в Генштаб прибыл Б.М. Шапошников. После сдачи ему обязанностей начальника Генерального штаба я выехал в район Гжатска, где располагался штаб Резервного фронта.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1.
Изд. АПН, М., 1974. С. 356—359.*

Д.Ф. Устинов, 30 июля 1941 года

30 июля мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— В Государственный Комитет Обороны поступил доклад маршала Кулика о том, что для обеспечения артиллерийским вооружением вновь формируемых в первой половине августа стрелковых дивизий недостает триста тридцать 45-мм противотанковых пушек и двести 76-мм. Кулик пишет, что их можно получить только за счет увеличения поставок промышленности. Других ресурсов нет.

Сталин умолк. В телефонной трубке было слышно его дыхание. Я терпеливо ждал, зная, что подобные паузы он делает нередко, обдумывая возникшую у него в связи со сказанным какую-либо новую мысль. И действительно, Сталин продолжил:

— Совсем недавно Кулик, да и Тимошенко докладывали мне совсем другое. Заверяли, что у нас орудий именно этих калибров хватит с избытком. Просили прекратить их производство... Но за это спрос с них. Вам, товарищ Устинов, нужно тщательно взвесить наши возможности по увеличению поставок этих пушек армии. Сделайте это срочно и доложите мне лично.

Без точных и обоснованных расчетов идти к Сталину было нельзя. Он как-то подчеркнул, что теперь война и каждый нарком оборонной отрасли промышленности должен быть готов дать четкий ответ, сколько и какого вооружения у него есть сегодня, будет завтра и послезавтра. Наиболее важные данные Сталин заносил в небольшую записную книжку, которую постоянно держал при себе.

Подготовив необходимые материалы, я отправился на улицу Кирова, где в небольшом особняке находилась Ставка и работал Сталин. Заседания ГКО, Ставки и Политбюро ЦК проходили у него в кабинете без официальной процедуры окончания работы одного органа и начала другого. Как видно меня уже ждали, потому что А.Н. Поскребышев сразу же предложил мне пройти в кабинет.

После обычного приветствия Сталин сказал:

— Ну что же, товарищи, послушаем наркома вооружения, что он может доложить по противотанковой артиллерии.

— Промышленность вооружения, — начал я, — не сможет поставить войскам названное маршалом Куликом количество артиллерийских систем в указанный срок. Завод, который раньше выпускал 45-мм пушки, эвакуирован на восток. В пути

еще находятся инструмент и оставшиеся после прекращения производства заготовки. На новом месте выпуск может начаться не раньше конца сентября.

— А почему не могут выполнить заказ заводы, которые не эвакуируются, в частности завод Еяна?

— Завод восстанавливает производство 76-мм дивизионной пушки УСВ, товарищ Сталин. Но в названный Куликом срок покрыть потребности фронта мы не сможем.

Я обосновал конкретные сроки ввода мощностей по производству 45-мм и 76-мм пушек на предприятиях наркомата и ориентировочные цифры наращивания общего объема их производства.

Выслушав меня, Сталин довольно долго молчал, а затем ни к кому не обращаясь, сказал:

— Теперь ясно, что свертыванием перед войной налаженного производства орудий массового потребления еще до полного освоения идущих им на смену образцов мы допустили серьезную ошибку, можно сказать, непростительный просчет. Определить, когда точно начнется война, конечно, чрезвычайно трудно. Тем не менее наше решение было недальновидным. Пожалуй, теперь не время искать виновников. Нашим войскам нужны противотанковые средства. Поэтому надо любой ценой обеспечить их выпуск в достаточном количестве. Это сейчас главная задача. Я прошу Наркомат вооружения и Госплан каждый месяц представлять график ежедневного выпуска противотанковых орудий по заводам. За выполнением графика будем следить и спрашивать строго.

Мне не раз приходилось докладывать И.В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было.

Проекты постановлений ГКО о производстве 45-мм и 76-мм пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос. Уже в августе он в шесть, а в сентябре — в одиннадцать с половиной раз превысил показатели июля. Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэто-

му в ноябре Н.А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось.

Уже месяц столица была на осадном положении. Кроваво-пролитные бои шли на ближних подступах к Москве. Продолжалась эвакуация предприятий.

Сталин еще больше осунулся и ссутулился. Прочитав проект, он сказал:

— В первом абзаце надо указать, что производство противотанковых орудий имеет исключительное, подчеркиваю, исключительное значение для нашей армии. Запишите. А поскольку это так, нужно, кроме того, записать, что на привлекаемых к производству пушек заводах должны ежемесячно выделяться дополнительные централизованные фонды на каждого работающего: муки — 10 килограммов; крупы и рыбы по 2 килограмма; сахара — 1 килограмм; табаку — по 100 граммов. В закрытых столовых продавать по 200 граммов хлеба без карточек.

Он прошелся по кабинету, раскуривая трубку, и снова не спеша продиктовал:

— Вменить в обязанность секретарям обкомов: Свердловского — Андрианову, Сталинградского — Чуянову, Молотовского — Гусарову, Горьковского — Родионову, Удмуртского — Чекинову, Ярославского — Патоличеву — повседневно заниматься работой заводов, изготавливающих 45-мм противотанковые и 76-мм дивизионные пушки УСВ; оказывать всемерную помощь в выполнении указанного постановления и ежедневно докладывать ГКО о ходе выполнения программы.

Сталин подошел к столу, из-за моего плеча прочитал написанное и продолжил:

— Запишите еще один пункт. ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов Наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление.

Постановление было тут же перепечатано на машинке. Подписав его, Сталин сказал:

— Теперь принимайте меры к выполнению постановления. Докладывайте нам, как идет его реализация.

Д. Ф. Устинов. Во имя победы. Воениздат, М., 1988. С. 160—163.

А.М. Василевский, 1 августа 1941 года

30 июля для рассмотрения мероприятий, проводимых по усилению обороны Ленинграда, в Ставку вызвали главкома Северо-Западного направления К.Е. Ворошилова и члена военного совета А.А. Жданова. В обсуждении вопроса принял участие и Б.М. Шапошников. <...>

Весь день я просидел, погрузившись в карты и бумаги. А глубокой ночью Борис Михайлович, вернувшись из Кремля, ознакомил меня с новым решением Ставки: я назначался начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба.

1 августа я приступил к исполнению своих обязанностей. Ставка и Генштаб помещались тогда на улице Кирова, откуда быстро и легко можно было во время бомбежки перебраться на станцию метро «Кировская», закрытую для пассажиров. От вагонной колеи ее зал отгородили и разделили на несколько частей. Важнейшими из них являлись помещения для И.В. Сталина, генштабистов и связистов.

Как-то очередная воздушная тревога застала меня во время переговоров с Юго-Западным фронтом как раз возле подземного телеграфа. Мне срочно потребовалось подняться наверх, чтобы захватить с собой некоторые документы. Возле лифта я встретил членов ГКО во главе с И. В. Сталиным. Поравнявшись со мной, Сталин, показывая на меня шедшему рядом с ним В.М. Молотову и улыбаясь, сказал:

— А, вот он где, все неприятности от него... — А затем, здороваясь со мной, спросил: — Где же вы изволили все это время прятаться от нас? И куда вы идете, ведь объявлена воздушная тревога?

Я ответил, что работаю по-прежнему в Генеральном штабе и иду захватить необходимые материалы, после чего возвращусь...

Эта встреча произошла до моего назначения начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. С февраля 1940 года до этой встречи я не имел возможности видеть И.В. Сталина.

С начала августа 1941 года я, сопровождая Б.М. Шапошникова, ежедневно, а иногда и по несколько раз в сутки бывал у Верховного Главнокомандующего. В августовские и сентябрьские дни 1941 года эти встречи, как правило, происходили в

Кремле, в кабинете И.В. Сталина. Одним из основных вопросов, который тогда решался, было формирование и место сосредоточения наших резервов.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. I.
Политиздат, М., 1988. С. 129—130.*

А.М. Василевский, 4 августа 1941 года

Ставка Верховного Главнокомандующего вынуждена была чутьли не ежедневно заниматься ходом событий на Юго-Западном направлении. Вечером 4 августа при обсуждении в Ставке фронтовой обстановки я получил указание вызвать к телеграфному аппарату для переговоров командующего Юго-Западным фронтом генерала-полковника М.П. Кирпоноса и члена военного совета Н.С. Хрущева. Телеграфная переговорная для обслуживания Ставки в Кремле находилась в непосредственной близости от рабочей комнаты А.Н. Поскребышева — личного секретаря И.В. Сталина. Рядом с ней была комната библиотеки И.В. Сталина, которой пользовались мы, работники Генштаба, при отработке документов в Кремле. При телеграфных переговорах с фронтами в Кремле непосредственная работа на аппарате «Бодо» возлагалась на одного из лучших специалистов этого дела в Генштабе воентехника 2-го ранга А.М. Викулова. В упомянутый вечер переговоры с М.И. Кирпоносом и Н.С. Хрущевым шли в присутствии некоторых членов ГКО и Б.М. Шапошникова.

И. В. Сталин начал их с вопроса о целесообразности создания военного совета при главкоме Юго-Западного направления и о включении в него Н.С. Хрущева. Затем он спросил, кого, по их мнению, назначить в таком случае членами военных советов Юго-Западного и Южного фронтов. Назвал он при этом Л.Р. Корнища и М.А. Бурмистенко. Затем И.В. Сталин подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы немецкие войска перешли на левый берег Днепра, и потребовал от них совместно с Главнокомандующим этим направлением С.М. Буденным и командующим южным фронтом И.В. Тюленевым теперь же наметить план создания крепкой оборонительной линии, проходящей приблизительно от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее на север по Днепру, включая район Киева на правом берегу Днепра.

— Если эта примерная линия обороны будет всеми вами одобрена, — говорил И.В. Сталин, — нужно теперь же начать

бешеную работу по организации линии обороны и удержания ее во что бы то ни стало. Хорошо было бы в этих целях теперь уже подвести к этой оборонительной линии новые дивизии с тыла, устроить артиллерийскую оборону, устроить окопы и основательно зарыться в землю. В этом случае вы могли бы принять на этой линии отходящие усталые войска, дать им оправиться, выспаться, а на смену держать свежие части (имелись в виду не только новые стрелковые дивизии, но и кавалерийские дивизии в нашем строю).

Кирпонос и Хрушев доложили, что ими приняты все меры к тому, чтобы не позволить противнику взять Киев. Они попросили пополнения людьми и вооружением, чтобы восстановить существующие дивизии, согласились с предложением Сталина об организации нового оборонительного рубежа и пообещали немедленно приступить к его отработке. К 12 часам 5 августа они должны были представить Ставке свои окончательные соображения в связи с этим. Одновременно они доложили, что главнокомандующий Юго-Западным направлением дал им задание оказать помощь войскам 6-й и 12-й армий и с утра 6 августа нанести удар из района Корсунь в направлении Звенигородки и Умани.

Они хотели уточнить, не возражает ли против этого Ставка, так как они усиленно готовятся к выполнению этого задания.

Сталин ответил, что Ставка не только не будет возражать, а, наоборот, приветствует наступление, имеющее своей целью соединиться с Южным фронтом и вывести на простор наши две армии. При этом он заметил, что считает директиву главнокома Юго-Западного направления дельной, однако настаивает на разработке предложенной им линии обороны, ибо на войне «надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое и даже на худшее. Это единственное средство не попасть впросак. В заключение Верховный Главнокомандующий сказал, что примет все меры для того, чтобы оказать Юго-Западному фронту помощь, но в то же время просил их рассчитывать в этом вопросе больше на себя.

— Было бы неразумно думать, — говорил он, — что вам подадут все в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армии запасные части, приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов, пошевеливайтесь как следует, и вы увидите, что можно много создать для фронта в самой Украине. Так поступает в настоящее время Ленинград, используя свои машиностроительные

базы, и он во многом успевает, имеет уже большие успехи. Украина могла бы сделать то же самое. Ленинград успел уже наладить производство «эрэсов». Это очень эффективное оружие типа миномета, которое буквально крошит врага. Почему бы и вам не заняться этим делом?

Кирпонос и Хрущев передали:

— Товарищ Сталин, все ваши указания будут нами проводиться в жизнь. К сожалению, мы не знакомы с устройством «эрэсов». Просим вашего приказа выслать нам один образец «эрэса» с чертежами, и мы организуем у себя производство.

Последовал ответ:

— Чертежи есть у ваших людей, и образцы имеются давно. Но виновата ваша невнимательность к этому серьезному делу. Хорошо, я вышлю вам батарею «эрэсов», чертежи и конструкторов по производству... Всего хорошего, желаю успеха.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. I.
Политиздат, М., 1988. С. 133—135.*

А.М. Василевский, 14 августа 1941 года

<...> С целью ликвидации угрозы, нависшей над войсками Центрального и правого крыла Юго-Западного фронта, и прикрытия направления на Брянск, 14 августа Ставка приняла решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армии. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант А.И. Еременко, членом военного совета — дивизионный комиссар П.И. Мазепов, начальником штаба — генерал-майор Г.Ф. Захаров. Мне было приказано обязать А.И. Еременко к вечеру того же числа прибыть в Ставку для получения указаний по новой должности лично от Верховного Главнокомандующего. При этой встрече в кремлевском кабинете И.В. Сталина, кроме него самого и некоторых членов ГКО, присутствовал Б.М. Шапошников и я. Я тогда впервые увидел генерала Еременко. В какой мере знали его ранее И.В. Сталин и члены ГКО, мне неизвестно.

Верховный Главнокомандующий весьма тепло и радушно встретил Андрея Ивановича, расспросил его о здоровье, поинтересовался его впечатлениями о противнике, мнением об основных причинах наших серьезных неудач на фронте. А.И. Еременко держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Да, сказал он, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но что бить его, конечно,

можно, а порою и не так-то уж сложно. Надо лишь уметь это делать. Спесь врага за последнее время стала далеко не той, какой была в первые недели войны. При этом он сослался на ряд боевых эпизодов на Западном фронте, участником которых ему пришлось быть.

И.В. Сталин кратко, но четко обрисовал в целом сложившуюся на советско-германском фронте обстановку, особенно внимательно остановившись при этом на Западном и Юго-Западном направлениях. Поделился он вкратце своим мнением и об оценке врага и о том, чего можно ожидать от него в недалеком будущем. Он заметил, что вероятнее всего противник и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие Москвы, нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера — через Калинин и с юга — через Брянск, Орел. Для этой цели фашисты на брянском направлении в качестве основной ударной группировки держат 2-ю танковую группу Гудериана. Это направление для нас является сейчас наиболее опасным еще и потому, что оно прикрывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом.

Сказал Сталин и о том, что хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правofланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого все же надо. Исходя из всего этого, основная и обязательная задача войск Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надежно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Тут же был определен состав Брянского фронта: вновь формируемая 50-я армия, командующим которой назначался генерал-майор М.П. Петров (восемь стрелковых и одна кавалерийская дивизии), 13-я армия — командующий генерал-майор К.Д. Голубев (восемь стрелковых, одна танковая и две кавдивизии, две бригады воздушно-десантного корпуса); 3 стрелковые и 1 кавалерийская дивизии будут находиться в резерве фронта.

Выслушав Сталина, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что «в ближайшие же дни, безусловно», разгромит Гудериана. Эта твердость импонировала Верховному.

— Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, — бросил он вслед выходявшему из его кабинета Еременко...

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. I.
Политиздат, М., 1988. С. 136—137.*

А. С. Яковлев, 19 августа 1941 года

19 августа 1941 года Сталин вызвал наркома Шахурина, конструктора Ильюшина, главкома ВВС Жигарева, его заместителя Петрова и меня.

Встретил нас посреди комнаты и, прежде чем объяснить, зачем вызвал, обратился к Ильюшину:

— На ваших самолетах хорошо воюют. Известно ли вам об этом? Военные особенно хвалят штурмовик Ил-2. Какую вам дали премию за Ил-2? (Речь шла о первых Сталинских премиях, которые присуждались в марте 1941 года.)

Ильюшин ответил, что получил премию второй степени и очень благодарен правительству за это.

— Чего же благодарны? — сказал И. В. Сталин. — За эту машину вы заслуживаете премии первой степени. — И, обращаясь к наркому, сказал: — Нужно дать Ильюшину премию первой степени.

Я был рад за Ильюшина, и мне припомнился эпизод, происшедший незадолго до войны, в феврале 1941 года.

По срочному вызову нарком и я поехали к Сталину. В его кабинете находились Маленков, Жданов и директор ленинградского Кировского завода Зальцман. Сталин был возбужден и нервно расхаживал по кабинету. Как выяснилось, нас вызвали по поводу производства штурмовиков Ильюшина. Завод, выпускавший Ил-2, сорвал сроки сдачи машин.

«Илы» производились тогда в условиях довольно сложной кооперации. Бронированные корпуса штурмовика поставлял один завод, а ему, в свою очередь, раскроенные броневые плиты заготавливал другой. Не добившись накануне толкового ответа о причинах задержки выпуска штурмовиков, Сталин позвонил в Ленинград Жданову и поручил ему разобраться в этом деле. Жданов вызвал руководителей завода и дал им серьезную трепку за несвоевременную подачу корпусов штурмовика, но виновные ссылались на задержку в получении раскроя бронированных листов с Кировского завода. Пришлось вызвать и Зальцмана. Последний, чтобы оправдаться в глазах Жданова, привез ему одну из синек серийных чертежей корпуса Ил-2, полученных с авиазавода. Синька уже побывала в цехах, на верстаках, и была испещрена многочисленными технологическими пометками. Зальцман разложил на столе у Жданова этот чертеж и заявил, что низкое качество чертежей является при-

чиной большого брака и срыва выполнения задания по броне. Жданов сообщил об этом Сталину. В результате состоялось обсуждение вопроса об «илах», на которое вызвали нас, Жданова и Зальцмана.

Когда Зальцман стал потрясать перед Сталиным якобы негодным чертежом, я сразу понял, в чем дело. Чертеж действительно был рабочим цеховым документом — рваным, в масляных пятнах, а многочисленные технологические пометки можно было принять за исправление ошибок. Зальцман сказал, будто бы все чертежи штурмовика такие. Сталин рассвирепел.

— Мне давно говорили, что Ильюшин неряха. Какой это чертеж? Безобразие. Я ему покажу!

Я вступился за Ильюшина, постарался объяснить, в чем дело, но Сталин ничего не хотел слушать. Он соединился по телефону с Ильюшиным и заявил дословно следующее: ;

— Вы неряха. Я привлеку вас к ответственности.

Ильюшин что-то пытался объяснить по телефону, но Сталин не стал с ним разговаривать:

— Я занят, мне некогда. Передаю трубку Жданову, объяснитесь с ним. — И опять: — Я привлеку вас к ответственности.

В тот же вечер расстроенный Сергей Владимирович поехал в Ленинград и утром, прямо с поезда, отправился на Кировский завод. Там с цеховыми работниками он детально во всем разобрался и о нечестном поступке Зальцмана доложил Жданову, от которого Зальцману крепко попало. Но Сергей Владимирович Ильюшин долго переживал несправедливый упрек Сталина в конструкторской неряшливости.

Теперь превосходная оценка «илов» Сталиным служила для Ильюшина большей наградой, чем премия первой степени.

В этот раз обсуждение началось с вопроса о возможности ускорения производства боевых самолетов, особенно истребителей. Затем пошла речь об эвакуации заводов, причем такой эвакуации, которая дала бы нам возможность в кратчайший срок восстановить производство самолетов на востоке.

Сталин поручил нам в самом срочном порядке подумать над тем, как увеличить выпуск боевых самолетов, как быстрее эвакуировать заводы из европейской части СССР.

Зашел разговор о положении на фронтах. Мы выразили недоумение, почему наши войска отступают.

— Не везде удастся организованное сопротивление, а это и приводит к разрушению всей системы обороны на данном участке фронта, — сказал Сталин.

Ильюшин заметил:

— Нужно было бы вооружать народ на оставляемой нами войсками территории...

Сталин сказал:

— Мы бы вооружили, да у нас не хватает винтовок и оружия даже для снабжения армии. Мы формируем пополнение, а вооружать нечем. Думали сначала заказать винтовки в Англии, но там другие патроны. Получилась бы мешанина. Поэтому решено всемерно усилить отечественное производство винтовок и патронов.

Вернувшись из Ставки, я застал в своем кабинете ожидавшего меня конструктора Николая Николаевича Поликарпова. Он был мрачен, пессимистически настроен, как мне сначала показалось под впечатлением только что переданной по радио сводки. <...>

Вокруг работы Поликарпова стала создаваться нездоровая атмосфера. Нашлись любители при удобном случае лягнуть этого заслуженного человека. Однажды, при обсуждении в Кремле авиационных вопросов, кто-то подал даже реплику о том, что «давно надо прикрыть конструкторское бюро Поликарпова», что он «выдохся». Но это предложение не встретило поддержки. Во время обмена мнениями Сталин сказал, что нельзя забывать о заслугах Поликарпова в создании истребителей И-15, И-16, нельзя забыть и о том, что он создал самолет У-2, на котором в течении 15 лет готовились летные кадры нашей авиации.

Этим обсуждением был положен конец злословию по адресу Поликарпова

*А. С. Яковлев. Цель жизни.
Политиздат, М., 1987. С. 217—219, 221.*

А. И. Шахурин, август 1941 года

Над самолетом с реактивным двигателем конструкторский коллектив, руководимый Болховитиновым, работал еще до войны. Конструкторы его, Александр Яковлевич Березняк и Алексей Михайлович Исаев, начальные буквы фамилий которых и дали название самолету — БИ, взялись за этот истребитель по своей инициативе. Был готов, по сути, лишь эскизный проект и велись работы над двигателем. Заявку Болховитинова мы представили в Государственный Комитет Обороны.

Сталин заинтересовался этим предложением и пожелал встретиться с конструктором.

На прием мы явились все вместе. В прежние времена ждать приема у Сталина не приходилось. В назначенный час после доклада Поскребышева вы сразу входили в кабинет. Но был август 1941 года. Время чрезвычайно трудное. Сталин принял нас спустя два часа.

Он задал Болховитинову лишь один вопрос:

— Вы верите в это дело?

Немногословный Виктор Федорович ответил:

— Верю, товарищ Сталин.

— Тогда делайте, но срок на создание опытного образца один месяц. — Даже по нормам военного времени этого было слишком мало.

Но Сталин повторил:

— Да, один месяц — сейчас война.

И поднял руку, как всегда, прощаясь и одновременно освобождая людей. Конструкторы не уходили с завода. ОКБ Болховитинова, можно сказать, находилось на казарменном положении.

Как ни короток был назначенный срок, а через месяц и десять дней новый самолет появился на свет.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 114.

Г. К. Жуков, 9 сентября 1941 года

Днем неожиданно пришла телефонограмма Б. М. Шапошникова: к 20 часам того же дня меня вызывал в Ставку Верховный.

В телефонограмме ничего больше не говорилось, и догадаться о причине вызова было трудно. Надо было ехать. Однако обстановка властно требовала моего присутствия здесь до тех пор, пока не будет наведен порядок на левом фланге армии. Предстояло также отдать и ряд других распоряжений командующему армии. К тому же и путь следования в Москву был не близок. Расчет времени показывал, что к назначенному сроку я опоздаю.

И.В. Сталин был крайне нетерпим к опозданиям на его вызовы. Но что делать? Обстановка на войне не считается с характеристиками командующих. Нужно было правильно решить, что важнее — довести до конца свою задачу на поле боя или, не

считаясь с обстоятельствами, явиться к назначенному времени по вызову старшего командира.

Полагаю, что тот, кто не способен правильно решить такую задачу, не может претендовать на роль командующего. После недолгого размышления я передал начальнику Генерального штаба следующую телефонограмму: «Доложите Верховному: по сложившейся обстановке прибуду с опозданием на один час».

Не скрою, всю дорогу до Москвы я думал, как убедительно объяснить ситуацию, которая сложилась на левом фланге 24-й армии, чтобы И.В. Сталин правильно понял причину моего опоздания.

В Кремль въезжали в полной темноте. Вдруг резкий свет карманного фонарика ударил мне в лицо. Машина остановилась. В подошедшем военном я узнал начальника управления охраны генерала Власика. Поздоровались.

— Верховный Главнокомандующий приказал встретить и проводить вас к нему на квартиру.

Я вышел из машины и направился за генералом.

Расспрашивать не стал, зная, что ответа на интересующие меня вопросы все равно не получу.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, где находилась квартира Верховного, я еще не решил, что и как буду говорить в оправдание своего опоздания.

Войдя в столовую, где за столом сидели И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.С. Щербаков и другие члены Политбюро, я сказал:

— Товарищ Сталин, я опоздал с прибытием на один час.

И.В. Сталин посмотрел на свои часы и проговорил:

— На час и пять минут. — И добавил: — Садитесь и, если голодны, подкрепитесь.

Верховный Главнокомандующий внимательно рассматривал карту обстановки под Ленинградом. Присутствующие сидели молча. Есть я не стал и тоже молчал. Наконец И.В. Сталин оторвался от карты и, обращаясь ко мне, сказал:

— Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга.

Верховный замолчал и вновь обратился к карте. Кто-то из членов ГКО заметил:

— Мы здесь докладывали товарищу Сталину, что командование Ленинградским фронтом едва ли сумеет выправить положение.

И.В. Сталин осуждающе посмотрел на говорившего, но продолжал молчать, устремив свой взор на карту. Неожиданно он спросил:

— А как вы, товарищ Жуков, расцениваете обстановку на московском направлении?

Я понял его и уловил мысль, связывающую воедино положение на разных фронтах, однако ответил не сразу.

— Думаю, что немцам в настоящее время необходимо основательно пополнить свои части. По данным пленных, захваченных из войск группы армий «Центр», противник имеет очень большие потери. В некоторых частях они достигают пятидесяти процентов. Кроме того, не завершив операцию под Ленинградом и не соединившись с финскими войсками, немцы едва ли начнут наступление на московском направлении... Но это, конечно, мое личное мнение. У гитлеровского командования могут быть иные расчеты, иные соображения. Во всяком случае, нам нужно быть всегда готовыми к упорным оборонительным действиям на московском направлении.

И.В. Сталин удовлетворенно кивнул, затем без перехода спросил:

— Ну, как действовали части 24-й армии?

— Дрались, товарищ Сталин, хорошо, — ответил я, — особенно 100, 127, 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

— А чем вы, товарищ Жуков, объясняете успех этих дивизий и как оцениваете способности командно-политического состава армии?

Я высказал свои соображения. Минут пятнадцать И.В. Сталин внимательно слушал и что-то коротко заносил в свою записную книжку, затем сказал:

— Молодцы! Это именно то, что нам теперь так нужно. — Затем без всякого перехода вдруг добавил: — Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Предложение это явилось для меня полной неожиданностью, тем не менее я ответил, что готов выполнить это задание.

— Ну вот и хорошо, — сказал И.В. Сталин. — Имейте в виду, — продолжал он, — в Ленинграде вам придется переле-

тать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Затем Верховный молча взял со стола блокнот и размашистым твердым почерком что-то написал. Сложив листок, он подал его мне:

— Лично вручите товарищу Ворошилову эту записку.

В записке значилось: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

И добавил:

— Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан, когда прибудете в Ленинград.

Я понял, что за этими словами скрывается опасение за успех нашего перелета.

Перед тем как уйти, обратился с просьбой к Верховному разрешить мне взять с собой двух-трех генералов, которые могут быть полезны на месте.

— Берите кого хотите, — ответил И.В. Сталин. — Затем, немного помолчав, он сказал: — Плохо складываются дела на Юго-Западном направлении. Мы решили заменить там главнокомандующего. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

— Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо. Рекомендую послать его, — ответил я.

— Пожалуй, вы правы. А кому поручить вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

— Командующему 19-й армией генерал-лейтенанту И.С. Коневу.

И.В. Сталин согласился и с этим. Тут же по телефону он дал указание Б.М. Шапошникову о вызове маршала С.К. Тимошенко и передаче приказа И.С. Коневу о вступлении в командование Западным фронтом.

Я собирался уже проститься, когда И.В. Сталин спросил:

— Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника?

Так я получил еще одну возможность привлечь особое внимание Ставки к опасному положению на Украине.

— В настоящий момент, кроме Ленинграда, самым опасным участком для нас является Юго-Западный фронт, — сказал я. — Считаю, что в ближайшие дни там может сложиться тяжелая обстановка. Группа армий «Центр», вышедшая в район Чернигов — Новгород-Северский, может смять 21-ю армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта. Уверен, что груп-

па армий «Юг», захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависнет серьезная угроза. Еще раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днепра и за ее счет создать резервы где-то в районе Конотопа.

— А как же Киев?

— Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придется оставить. Иного выхода у нас нет.

И. В. Сталин снял трубку и позвонил Б.М. Шапошникову.

— Что будем делать с киевской группировкой? — спросил он. — Жуков настойчиво рекомендует отвести ее.

Я не слышал, что ответил Борис Михайлович, но в заключении И. В. Сталин ему сказал:

— Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с военным советом фронта.

Такой разговор между Ставкой и военным советом Юго-Западного фронта состоялся два дня спустя, 11 сентября.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1.
Изд. АПН, М., 1974. С. 376—380.*

Н.Г. Кузнецов, 10 сентября 1941 года

Не успел я после приезда ознакомиться с обстановкой, как меня вызвали в Кремль, причем в необычное время — около полудня. Обычно вызывали по вечерам.

Надо сказать, что вечерами и ночью Ставка работала в особняке неподалеку от подземного укрытия, днем же, когда воздушных тревог было мало, все разъезжались по своим кремлевским и наркоматовским кабинетам. В своем кабинете находился в тот день и И.В. Сталин.

Когда я вошел, он был один и разговаривал с кем-то по телефону. Дождавшись конца разговора, я попытался доложить о положении на Балтийском флоте, но Сталин перебил меня:

— Известно ли вам, что в Ленинграде вместо Ворошилова назначен Жуков?

Когда я ответил, что мне это неизвестно, он сказал, что только вчера состоялось такое решение и Г.К. Жуков, видимо, уже в Ленинграде. Походив по кабинету и, против обыкновения, присев на диван, который стоял у стены с окном, Сталин задал мне несколько вопросов. Его интересовало, какие корабли у нас на Балтике, где они сейчас стоят и участвуют ли в обо-

роне Ленинграда. Я развернул морские карты с нанесенной на них обстановкой: между находившимися в наших руках островами Эзель, Даго и полуостровом Ханко на западе и островами Гогланд, Лавансари и другими в восточной части Финского залива все его водное пространство и оба берега были в руках противника. Я снова попытался завести разговор о положении на Балтийском море, но Сталин, подойдя к сухопутной карте, на которой линия фронта была обозначена у самого Ленинграда, перешел к вопросу, по которому я был так спешно вызван.

Сталин считал положение Ленинграда исключительно серьезным. И, прохаживаясь по кабинету, опять задал мне несколько вопросов о составе Балтийского флота.

— Ни один боевой корабль не должен попасть в руки противника, — сказал он.

Переспросив, понял ли я, Сталин подчеркнул, что в случае невыполнения этого приказа виновные будут строго наказаны. Я понимал, что обсуждать этот вопрос не время, и ждал указаний.

— Составьте телеграмму командующему и отдайте приказание, чтобы все было подготовлено на случай уничтожения кораблей.

— Я такой телеграммы подписать не могу, — неожиданно вырвалось у меня.

Сталин, очевидно, не ожидавший подобного ответа, остановился и удивленно посмотрел на меня.

— Почему?

— Товарищ Сталин!.. — как обычно, начал я и доложил: — Флот оперативно подчинен командующему Ленинградским фронтом. Поэтому директиву ему можно дать только за вашей подписью. — Затем я добавил: — Чтобы дать такое ответственное задание, требуется особый авторитет и одних указаний наркома ВМФ недостаточно.

После короткого размышления Сталин приказал мне отправиться к начальнику Генерального штаба и заготовить телеграмму за двумя подписями: маршала Б.М. Шапошникова и моей. Против этого я уже возражать не мог.

Разговор с Борисом Михайловичем оказался таким, как я и предполагал.

— Что вы, голубчик! — изумился он, когда я передал ему указание Сталина. — Это дело чисто флотское, и я своей подписи ставить не буду.

— Но есть указание товарища Сталина, — повторил я.

Тогда он изменил тон. Начали держать совет, как лучше поступить. Решили заготовить телеграмму и вдвоем отправить к Сталину, чтобы убедить его поставить свою подпись.

Сталин согласился. Однако документ оставил у себя.

Можно понять И.В. Сталина, почему ему не хотелось подписывать эту директиву. <...>

Следует сказать, что предварительная разработка плана уничтожения кораблей на случай, если город будет оставлен, на Балтийском флоте проводилась уже с конца августа. Да, Сталин считался с возможностью оставления Ленинграда, иначе он не принял бы такого серьезного решения. Но это еще не значит, что Верховный Главнокомандующий признавал безнадежным положение Ленинграда. Скорее, это говорит о том, что он опасался, как бы наши корабли не попали исправными в руки противника.

*Н.Г. Кузнецов. На флотах боевая тревога.
Воениздат, М., 1971. С. 77—79.*

Н.Д. Яковлев, сентябрь 1941 года

<...> В сентябре 1941 года теперь уже не помню какой обком прислал И. В. Сталину телеграмму, в которой сообщал, что в одну из кавалерийских дивизий поступили с артсклада шашки, на клинках которых было написано: «За веру, царя и отечество». Верно, такие надписи были на клинках шашек, оставшихся нам еще со времен Первой мировой войны. Правда, на складах ГАУ они были предусмотрительно вытравлены. А вот на каком-то окружном артскладе подобные надписи своевременно не сняли. И теперь обком докладывал об этом самому Верховному.

Вызвав меня, Сталин спросил, что это за шашки. Я доложил (копию телеграммы я, естественно, получил), что шашки боевые. Но конечно же я, как начальник ГАУ, виноват, коль скоро артсклад, который их выдал, не устранил надпись. Видимо, на это просто не было времени.

Выслушав меня, Сталин усмехнулся. А потом спросил:

— А скажите, товарищ Яковлев, можно ли этими шашками рубить врага?

— Конечно можно, товарищ Сталин! — ответил я.

Верховный, снова усмехнувшись, махнул рукой и сказал:

— Ну и пусть рубят «за веру, царя и отечество», не жалко. Ну а вы... Не обращайте внимания на телеграмму, товарищ Яковлев... — И тут же порвал ее.

И.В. Сталина отличала величайшая четкость в работе. Он до конца доводил любое дело, даже, казалось бы, второстепенное. Осенью 1941 года, я, например, получил копию еще одной телеграммы, адресованной Г.К. Жуковым и Н.А. Булганиным в адрес Верховного. В ней сообщалось, что на Западном фронте некий умелец небольшой переделкой самозарядной винтовки (СВТ) превратил ее ... в автомат. Ознакомившись с телеграммой, И.В. Сталин позвонил мне и посоветовал проверить поступившее предложение. А затем доложить ему результат. При этом высказал вполне разумное мнение о том, что нам крайне необходимо усиление автоматического огня в стрелковые подразделения. Так что...

Заканчивая этот телефонный разговор, Верховный добавил, что приказал наградить войскового рационализатора за проявленное рвение, но одновременно и посадить его на несколько суток под арест за порчу оружия в боевой обстановке.

Специалисты из Наркомата вооружения, а также вызванные военные инженеры, в свое время испытывавшие самозарядную винтовку, представили мне довоенные материалы об этих испытаниях. Я сверил их с предложением, поступившем с фронта. Рационализация заключалась в установке на СВТ переключателя на автоматический огонь. Но оказывается, что первоначально такой переключатель у винтовки тоже предусматривался. И она испытывалась с ним на стрельбище. Результаты не порадовали — после нескольких десятков выстрелов (обойма имела 10 патронов и быстро заменялась другой) ствол нагревался и при дальнейшей стрельбе терял свои баллистические качества. Вследствие этого и было решено от переключателя отказаться, он был снят, и на потоке СВТ пошла без него.

Тем не менее уже в моем присутствии поставив переключатель, вновь обстреляли винтовку как автомат. И я и присутствующие убедились, что ствол действительно быстро нагревается, следовательно, предложение фронта не может быть принято.

Итак, новизны в предложении из войск не было. И я, удостоверившись в этом, не считал нужным докладывать о результатах Верховному Главнокомандующему. Но примерно через полмесяца Сталин сам спросил меня, как обстоит дело с предложением, поступившим с Западного фронта. Я доложил о результатах испытаний, сослался и на то, что все это было проверено еще перед принятием винтовки на вооружение, в предвоенное время. Поэтому, дескать, предложение не представляет интереса.

Сталин, слушая меня, молчал. А потом, как бы между прочим спросил:

— А у вас, у военных, как, принято докладывать о выполнении поручений?

Я смутился, но ответил утвердительно.

— Так почему же вы не доложили о выполнении моего поручения? — уже с заметным раздражением поинтересовался Верховный.

Что ответить? Неуверенно сказал, что, мол, посчитал дело маловажным, а у вас, дескать, и без того много забот, не хотелось отнимать время зря... Сталин, нахмурившись, твердо заявил, что впредь не позволит нарушать порядок, установленный в армии, будет требовать доклада об исполнении любого поручения, каким бы мелочным оно ни казалось исполнителю.

Что ж, упрек заслуженный. И я воспринял его со всей серьезностью и больше уже не допускал подобных промахов.

*Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе.
«Высшая школа», М., 1984. С. 73—74.*

К.С. Бадигин, сентябрь 1941 года

Без пяти двенадцать дня я вошел в приемную наркома Военно-Морского Флота Николая Герасимовича Кузнецова. Ровно в двенадцать был принят. Николай Герасимович полностью согласился с необходимостью зимних перевозок на Белом море. Он задал несколько уточняющих вопросов и объявил, что назначает меня командиром ледокольного отряда Беломорской флотилии. Добавил, что весь ледокольный флот будет мобилизован и передан в этот отряд.

— Есть ли у вас вопросы? — спросил нарком.

Общая картина была для меня ясна. Ледокольный флот я знал хорошо. Как он будет работать на Белом море, тоже представлял. Одно беспокоило: не отдаст ледоколы Иван Дмитриевич Папанин, не выпустят их из ведения Главсевморпути. И я спросил:

— Какова позиция Папанина?

— Для меня его позиция не главное, вопрос будет решать товарищ Сталин. Что у вас еще?

— Есть просьба, Николай Герасимович: мобилизовать и назначить начальником штаба в ледокольный отряд профессора Зубова.

— Зубов? Знаю, согласен. — И тут же дал распоряжение адъютанту. — Без моего приказа из Москвы не выезжайте, — сказал на прощание нарком.

Через час после беседы мне вручили пакет со штатным расписанием ледокольного отряда. <...>

Весь день прошел в отделах Наркомата Военно-Морского Флота. Только в шесть часов вернулся домой. Поставил на огонь чайник, стал проглядывать газеты. Позвонил телефон.

— Слушаю.

— Кто у телефона?

— Бадигин.

— Константин Сергеевич?

— Да.

— Вас сегодня примет товарищ Сталин. Просьба никуда не уходить из дома. За вами приедут. Когда приедем машину — позвоним.

— Буду ждать.

Я еще раз перечитал свое письмо, снова продумал каждое слово. Время шло, уже девять. Зазвонил телефон.

— Константин Сергеевич?

— Да.

— Машина выехала, будьте готовы.

Ждать пришлось недолго. Звякнул дверной звонок, 5 минут езды, и машина затормозила у небольшого особняка на улице Кирова. Встретивший меня Поскребышев поторопил:

— Товарищ Сталин ждет.

Скорым шагом прошли по коридору, миновали переднюю, вошли в большую приемную, заполненную генералами всех рангов.

У высокой двери с медной литой ручкой Поскребышев остановился:

— Входите, — открыл дверь.

В продолговатом кабинете стоял стол из полированного дерева. За столом сидел Сталин. Я подошел к нему. Сталин привстал и молча подал мне руку. Однако садиться не предложил. Я сразу заметил на его столе свое письмо. У стены, вытянувшись во весь свой гвардейский рост, стоял Николай Герасимович Кузнецов. Направо и налево от Сталина сидели члены Политбюро. Я подошел к Кузнецову и встал рядом с ним.

— Вы считаете возможным регулярные и надежные перевозки через Белое море зимой? — сразу спросил Сталин, — пристально рассматривая меня. — Вы уверены в этом товарищ Бадигин?

— Да, уверен, Иосиф Виссарионович.

— Сколько один ледокол может привести за собой пароходов?

— В средних ледовых условиях нужен один ледокол на пять пароходов, — сказал я. — В тяжелых условиях один ледокол может привести только три.

— А если пароходы зажмет лед и «юнкеры» забросают караван бомбами?

— Ледоколы должны быть хорошо вооружены, необходима защита с воздуха. Риск, конечно, есть.

— Сколько ледоколов смогут работать в Белом море? Сколько их числится в Архангельске?

— Два. Если в Белое море будет направлен «Красин», тогда будет три. Ледорез «Литке» может быть на подмоге. В Архангельске есть несколько ледокольных пароходов, они тоже принесут пользу.

— Сколько нужно времени для одного рейса во льдах?

— При средних условиях ледокол может за неделю вывести пять пароходов и вернуться с другими пятью судами.

— Куда легче вести караван? В Архангельск или из Архангельска?

— Это зависит от ветра.

— Что нужно, чтобы ледоколы работали с полной нагрузкой?

— Главное — люди, потом уголь и ремонтная база.

Сталин задал еще несколько вопросов: уточнял, сколько можно провести транспортов за месяц, за неделю, за всю зиму. Потом вдруг спросил:

— А если сделать порт в Индиге? Что это даст? Не решит ли этот порт рационально все вопросы?

Это было неожиданно. Проект доставки грузов в этот порт я не изучал, однако слышал о нем и сам бывал в Индиге на пассажирском судне.

Сталин заметил мое замешательство и сказал, не спуская с меня тяжелого взгляда:

— Не знаете — не говорите.

— Дайте минуту подумать, товарищ Сталин.

Чувствовал я себя спокойно.

— Думайте.

Сталин все время сидел в кресле. Лицо его было угрюмо, взгляд тяжелый. Когда я видел Сталина в мирное время, он был не таким. Собравшись с мыслями, я так ответил насчет порта в Индиге:

— Во-первых, там мелко. Во-вторых, чтобы построить порт, надо много времени. В-третьих, там нет железной дороги. С таким же успехом можно выгружать грузы на Новой Земле.

— Понятно, — Сталин помолчал. — А кого бы вы, товарищ Бадигин, могли рекомендовать в руководители беломорских проводок?

Нарком Кузнецов, до сих пор молчавший, вмешался в разговор:

— Товарищ Сталин, я назначил командовать ледокольным отрядом Бадигина.

В первый раз Сталин улыбнулся.

— Что ж, так и запишем, — сказал он. — Если что-нибудь понадобится, обращайтесь прямо к нам, товарищ Бадигин... Больше вопросов нет? — Он посмотрел на присутствующих членов Политбюро. — До свидания.

Мы вышли из кабинета вместе с Кузнецовым.

*К.С. Бадигин. На морских дорогах.
Политиздат, М., 1978. С. 123, 124—127.*

Г. К. Жуков, 5—7 октября 1941 года

5 октября 1941 года из Ставки передали:

— С командующим фронтом будет говорить по прямому проводу товарищ Сталин.

Из переговорной штаба Ленинградского фронта я набрал по «Бодо»:

— У аппарата Жуков.

Ставка ответила:

— Ждите.

Не прошло и двух минут, как бодист Ставки передал:

— Здесь товарищ Сталин.

Сталин:

— Здравствуйте. Жуков.

— Здравия желаю!

Сталин:

— Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова. Ставка хотела бы с вами посоветоваться. За себя оставьте кого-нибудь, может быть, Хозина.

Жуков:

— Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

Сталин:

— Хорошо, завтра днем ждем вас в Москве.

Однако ввиду некоторых важных обстоятельств, возникших на участке 54-й армии, 6 октября я вылететь не смог, о чем доложил Верховному.

Вечером в Ленинград вновь позвонил Сталин:

— Как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника?

— Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной разведкой установлено большое движение мотомеханизированных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление.

Доложив обстановку, я спросил Верховного, остается ли в силе его распоряжение о вылете в Москву.

— Да! — ответил И.В. Сталин. — Оставьте за себя генерала Хозина или Федюнинского, а сами завтра немедленно вылетайте в Ставку.

Простившись с членами Верховного совета Ленинградского фронта, я вылетел в Москву. В связи с тем, что генерала М.С. Хозина пришлось срочно послать в 54-ю армию, временное командование Ленинградским фронтом было передано генералу И.И. Федюнинскому.

В Москве меня встретил начальник охраны. Он сообщил, что Верховный болен и работает на квартире. Мы немедленно туда направились.

И.В. Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо. Кивнув головой в ответ на мое приветствие, он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

— Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Перед уходом И.В. Сталин спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и ремонта материальной части.

Во время разговора И.В. Сталин стоял у стола, где лежала топографическая карта с обстановкой Западного, Резервного и Брянского фронтов. Посмотрев на карту Западного фронта, он сказал:

— Кажется, они уже действуют на этом направлении.

Простившись с Верховным, я отправился к начальнику Генерального штаба Борису Михайловичу Шапошникову и подробно изложил ему обстановку, сложившуюся на 6 октября в районе Ленинграда.

— Только что звонил Верховный, — сказал он, — приказал подготовить для вас карту западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

Борис Михайлович познакомил меня в деталях с обстановкой на московском направлении. В распоряжении Ставки, которое он мне передал, было сказано:

«Командующему Резервным фронтом. Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действия Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 мин. № 2684».

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
Изд. АПН, М., 1974. С. 5—7.*

Г. К. Жуков, 8 октября 1941 года

В 2 часа 30 минут 8 октября я позвонил И.В. Сталину. Он еще работал. Доложив обстановку на Западном фронте, я сказал:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны.

И. В. Сталин спросил:

— Где сейчас 19-я, 20-я армии и группа Болдина Западного фронта? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта?

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Буденному.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 10.*

Г. К. Жуков, 10 октября 1941 года

10 октября по прибытии в штаб Западного фронта, который теперь располагается в Красновидове, меня вызвали к телефону. Звонил И.В. Сталин.

— Ставка решила назначить вас командующим Западным фронтом. Конев остается вашим заместителем. Вы не возражаете?

— Нет, какие же могут быть возражения! Коневу, я думаю, следует поручить руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и там нужно иметь вспомогательное управление фронта.

— Хорошо, — согласился И.В. Сталин. — В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта и части, находящиеся на Можайской линии. Берите скорее все в свои руки и действуйте. Приказ мною подписан и уже передается фронтам.

— Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как в ближайшее время надо ожидать наращивания удара гитлеровцев на Москву.

Вскоре мне передали нижеследующий приказ Ставки:

«По прямому проводу военному совету Западного фронта, военному совету Резервного фронта, командующему Резервным фронтом тов. Жукову Г.К., тт. Молотову, Ворошилову.

10 октября 1941 г. 17 час.

В целях объединения руководства войсками западного направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18.00 11 октября 1941 г.

6. Управление Резервного фронта расформировать и обратиться на укомплектование Западного и Московского Резервного фронтов.

Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин. Б. Шапошников».

Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2.

АПН, М., 1974. С. 16.

А.С. Яковлев, 3—11 октября 1941 года

Самые тревожные дни наступили после взятия немцами Орла, 3 октября. 6 октября был сдан Брянск. В сводках Совинформбюро за 11 октября сообщалось о напряженных боях с противником на Вяземском и Брянском направлениях.

В эти напряженные дни, которые переживала Москва, а с нею и вся страна, мне довелось побывать у Сталина. Настроение было, прямо скажу, нервное. Все мы, причастные к оборонной промышленности, особенно чувствовали свою долю ответственности за положение на фронте.

Сталин принял меня и наркома в Кремле у себя на квартире, в столовой. Было часа четыре дня. Когда мы зашли в комнату, то почувствовали какую-то необычную тишину и покой.

Сталин был один. По-видимому, перед нашим приходом он прилег отдохнуть. На стуле около дивана в белом полотняном чехле лежал раскрытый томик Горького, перевернутый вверх корешком.

Поздоровавшись, Сталин стал прохаживаться вдоль комнаты. Я очень внимательно всматривался в эту знакомую фигуру и старался угадать душевное состояние человека, к которому были теперь устремлены взоры и надежды миллионов людей. Он был спокоен, в нем незаметно было никакого возбуждения. Чувствовалось, правда, крайнее переутомление Сталина, пережитые бессонные ночи. На лице его, более бледном, чем обычно, видны следы усталости и забот. За все время разговора с нами, хотя и невеселого, его спокойствие не только не нарушилось, но и передалось нам.

Он не спеша, мягко прохаживаясь вдоль обеденного стола, разламывал папиросы и набивал табаком свою трубку. Делал это очень неторопливо, как-то по-домашнему, а от этого и вся обстановка вокруг становилась обыденной и простой. Успокаивающе действовал также и примятый диван, на котором он только что отдыхал, и томик Горького, и открытая, неполная, лежавшая на столе черно-зеленая коробка папирос «Герцеговина Флор», и сама манера набивать трубку, такая обычная и хорошо знакомая.

Разговор начался с обсуждения важнейших вопросов, стоявших перед авиационной промышленностью и связанных с выпуском самолетов.

Сталин четко и целеустремленно поставил перед нами ряд задач и указал, как их осуществить. Он внес поправки в некоторые мероприятия, предложенные Наркоматом по эвакуации заводов, причем осмотрительно исходил из возможности железнодорожного транспорта.

После обсуждения конкретных вопросов, связанных с работой наших конструкторов и заводов в эвакуации, разговор перешел на обсуждение тем о войне, о последних событиях, о наступлении гитлеровцев. Сталин рассматривал тяжелое положение, в котором находилась тогда наша страна и армия, довольно трезво. Он не придавал решающего значения тому, что немцы уже захватили большую часть нашей территории и подошли совсем близко к Москве. Он говорил, что все равно немцы не смогут выдержать такого напряжения длительное время и что в этом смысле наши возможности и наши неограниченные ресурсы безусловно сыграют решающую роль в победе над врагом.

Сталин говорил, что только в нашей стране возможно положение, когда при таких военных успехах врага народ единодушно и сплоченно стал на защиту своей Родины. Ни одна другая страна, по его мнению, не выдержала бы таких испытаний, ни одно другое правительство не удержалось бы у власти.

В то же время он с горестью и большим сожалением высказал мысль, что некоторые наши военные (речь шла о высшем командном составе) надеялись на свою храбрость, классовую сознательность и энтузиазм, а на войне оказались людьми недостаточной культуры, недостаточно подготовленными в области технической.

— Многие из нас кичатся своей смелостью, одна смелость без отличного владения боевой техникой ничего не даст. Одной смелости, одной ненависти к врагу недостаточно. Как известно, американские индейцы были очень храбрыми, но они ничего не смогли сделать со своими луками и стрелами против белых, вооруженных ружьями. Нынешняя война, — говорил Сталин, — резко отличается от всех прошлых войн. Это война машин. Для того чтобы командовать массами людей, владеющих сложными боевыми машинами, нужно хорошо их знать и уметь организовать.

Одной из серьезных причин наших неудач на фронте он считал нечеткое взаимодействие отдельных видов оружия. Он рассказал нам о мероприятиях, которые проводятся для того, чтобы в кратчайший срок изжить все эти недочеты. И действительно, скоро мы все убедились по изменившейся обстановке на фронте под Москвой, что эти мероприятия оказали свое огромное влияние на ход дальнейших военных операций.

В разговоре я высказал недоумение: как же идут против нас немецкие солдаты, ведь многие из них рабочие, социал-демократы? Сталин ответил с сожалением: «Когда попадают в плен, боятся, что им угрожает расстрел, тогда начинают ругать Гитлера».

Мне очень хотелось задать ему еще один вопрос, но я все не решался, однако, уже прощаясь, все-таки не вытерпел.

— Товарищ Сталин, а удастся удержать Москву?

Он ответил не сразу, прошелся молча по комнате, остановился у стола, набил трубку свежим табаком.

— Думаю, что сейчас не это главное. Важно побыстрее накопить резервы. Вот мы с ними побарахтаемся еще немного и погоним обратно...

Он подчеркнул мысль о том, что Германия долго выдержать не сможет. Несмотря на то, что она использует в войне ресурсы всей Европы. Сырьевых ресурсов у Гитлера надолго не хватит. Другое дело у нас.

Сталин повторил несколько раз:

— Государство не может жить без резервов!

Этот разговор по возвращении в наркомат я записал дословно.

Мы ушли от Сталина с твердой верой в то, что, как бы ни тяжелы были временные неудачи, все равно неоспоримое преимущество на нашей стороне и наша победа неминуема.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 227—230.

И.В. Тюленев, 13 октября 1941 года, 19 января 1942 года

<...> 13 октября меня вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования, и я был принят товарищем Сталиным в Кремле, в его рабочем кабинете.

И.В. Сталин куда-то торопился, поэтому наша беседа была краткой. Прежде всего он осведомился о моем здоровье. Я ожидал этого вопроса и ответил, что чувствую себя прекрасно, в любую минуту могу приступить к работе. О том, что мне разрешено ходить в специально изготовленной ортопедической обуви, я умолчал.

Последовал новый вопрос, приведший меня в уныние:

— Можете ли вы немедленно выехать на Урал?

«На Урал! В тыл! — мелькнуло в голове. — Значит, прощайте надежды на фронт!»

По-видимому, Сталин прочел в моих глазах эту беспокоящую мысль, потому что добавил, подчеркивая каждое слово:

— Поедете для выполнения специального задания Государственного Комитета Обороны. Учтите, задание очень срочное и важное.

И, не дожидаясь моего согласия, считая вопрос решенным, приказал Поскребышеву, находившемуся тут же в кабинете, заготовить для меня мандат.

В час ночи я снова встретился с И.В. Сталиным. Он принял меня на загородной даче в присутствии других членов Государственного Комитета Обороны. Заговорили о причинах отхода наших войск на Южном фронте. Спросили мое мнение. Я сказал то, что им было хорошо известно:

— Войска Южного фронта вынуждены были отступить за Днепр, потому что противник, используя свое превосходство в силах, все время заходил нам во фланг и тыл. У нас не было необходимых резервов для отражения ударов обходящей бронетанковой группировки врага, а все имеющиеся войска были скованы с фронта значительными силами противника. Оборонительные же рубежи, подготавливаемые местным населением, из-за отсутствия резервов мы не смогли занять заблаговременно.

Из-за отсутствия танков, бронебойных снарядов и противотанковой артиллерии в войсках Южного фронта значительно снижалась эффективность борьбы с неприятельскими танками.

Но, несмотря на все трудности и большое численное превосходство наступающего противника, наши войска сражались исключительно самоотверженно, часто переходили в контратаки, нанося врагу большой урон.

Затем разговор зашел о моей предстоящей поездке на Урал.

— Положение на фронте сейчас зависит от того, насколько быстро и эффективно мы сумели подготовить резервы, — сказал Иосиф Виссарионович. — Вот вам, товарищ Тюленев, и поручается срочно выехать на Урал для формирования и обучения резервных дивизий. Необходимо самое серьезное внимание обратить на обучение их ведению ближнего боя, особенно борьбе с танками, необходимо также отработать с командным составом вопросы управления боем.

В мандате, выданном мне тут же, на даче Сталина, говорилось:

«1. Сим удостоверяется, что генерал армии тов. Тюленев И.В. является уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Уральского военного округа.

2. Тов. Тюленеву И.В. ставится задача доформировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, организовать их обучение современному ведению боя и сколотить их, чтобы в течении 2 месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы.

3. Обязать все советские, военные и партийные организации оказывать т. Тюленеву И.В. всяческое содействие при выполнении возложенных на него задач.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин».

На следующий день с группой командиров я выехал на Урал. <...>

В январе 1942 года большинство дивизий резервных армий по приказу Ставки было направлено в распоряжение командующих Западным, Калининским и Волховским фронтами.

В морозную январскую ночь по вызову Ставки Верховного Главнокомандования я выехал в Москву с докладом об отправке дивизий на фронт.

В город прибыли поздно ночью. Не заглянув домой, я направился прямо в Генеральный штаб. <...>

На другой день после посещения Б.М. Шапошникова я был у И.В. Сталина.

По-видимому, Сталин понял, зачем я к нему явился, потому что не дав мне выговорить ни слова, предложил сесть и сказал:

— Знаю, знаю, чего добиваетесь. Надоело сидеть в тылу?

— Так точно, товарищ Сталин!

Сталин улыбнулся:

— Ничего не поделаешь, придется удовлетворить вашу просьбу.

А еще через сутки, 19 января 1942 года, мне вручили приказ о новом назначении — заместителем Главнокомандующего Юго-Западным направлением.

*И.В. Тюленев. Через три войны.
Воениздат, М., 1972. С. 147—148, 152, 153.*

Н. С. Патолічев, 14—15 октября 1941 года

Утро 14 октября 1941 года. Звонок из Москвы.

Первому секретарю областного комитета необходимо вместе с секретарем Ярославского горкома (товарищ Горбань), Рыбинского горкома (товарищ Туркин) и Костромского горкома (товарищ Новожилов) явиться к вечеру того же дня в Центральный Комитет. Быстро собрались и к вечеру были в Москве. <...>

Когда мы собрались в Центральном Комитете, нам сказали, что нас приглашает в Кремль товарищ Сталин. Это было между 10 и 11 часами вечера. Мы вошли в кабинет Сталина. Там кроме него сидел начальник Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников. Легко можно было догадаться, что речь пойдет о чисто военных вопросах. Сталин не дал нам даже оглядеться. Мне не раз приходилось бывать в этом кабинете. Но большинство из нас здесь впервые. Уже позднее, освоив-

шись с обстановкой, я заметил, что на одной стене кабинета (в простенках) висят портреты Суворова и Кутузова, на другой — военные карты.

И.В. Сталин с каждым из нас поздоровался за руку и тут же подозвал всех к столу. На большом столе его рабочего кабинета лежала карта. На карте разноцветными карандашами изображена какая-то схема. Сталин подробно разъяснил, что это схема оборонительных рубежей. Они проходили вокруг Углича, Рыбинска, Ярославля, Костромы, городов Ивановской и Горьковской областей. Обозначен также общий оборонительный рубеж всех трех областей. Мы внимательно всматривались в карту.

Сталин дал нам время подумать, поразмыслить, а затем спросил:

— Есть ли у вас какие вопросы, замечания, предложения?

Каких-либо расчетов строительства оборонительных рубежей по времени, по количеству людей и т.д. ни у кого даже предположительно не было. Да и сам военно-инженерный характер сооружений не освещался. Сталин сказал, что оборонительные рубежи надо возводить очень и очень быстро.

Мы, конечно, оказались совершенно неподготовленными к беседе по этому вопросу. Все молчали. Да и Сталин, видимо, не ожидал от нас ничего такого, что могло бы внести изменения в план, который предложил он.

Первым осмелился нарушить молчание я, сказав примерно следующее:

— По моему мнению, общий рубеж на территории Ярославской области проходит таким образом, что он поставил противника в несколько лучшее положение, чем нас. На нашей стороне много болотистых мест, на стороне противника есть рокадные дороги.

Когда я сказал «рокадные», Сталин взглянул на меня. «Откуда это?» — видимо, подумал он.

Конечно, Сталин мог просто махнуть рукой, спросив, нет ли у нас каких-либо существенных вопросов. Однако он этого не сделал. Он тихо сказал Б. М. Шапошникову, чтобы тот обратил на это внимание. Шапошников кивнул головой. Видимо, план оборонительной схемы подготовил Генеральный штаб, а Сталин взял на себя разъяснить его партийным работникам.

Далее Сталин сообщил, что к нам приедут крупные военные специалисты, которые помогут во всех этих сложных и новых для нас делах. Начальником всего строительства назнача-

ется мой давний знакомый Яков Давыдович Раппопорт. Впоследствии, как мне казалось, каких-либо изменений на трассе общего оборонительного рубежа не было. Видимо мои замечания не имели существенного значения, не являлись достаточно убедительными. Несомненно, что Генеральный штаб разработал план оборонительных рубежей обстоятельно. А слова товарища Сталина «обратите внимание» к Б.М. Шапошникову, надо полагать, были сказаны в знак поддержки, так как Сталин не мог не заметить, что мы все волнуемся. Встреча со Сталиным — дело не простое. Мы были тогда еще молоды и как партийные работники только формировались. Я работал первым секретарем обкома всего лишь около трех лет, да и Родионов с Пальцевым — не больше. Сталин это учитывал. Его поощрительная реплика способствовала оживлению беседы.

Еще до поездки в Москву мы неоднократно обменивались мнениями со строителями Рыбинского гидроузла, как быть с гидростанцией, как быть с Рыбинским морем, учитывая, что фронт приближался к территории Ярославской области. Я решил спросить у Сталина, как быть с Рыбинским морем. Ведь это огромный искусственный водоем... В 25 миллиардов кубометров. А обстановка складывалась таким образом, что гидроузел мог подвергаться бомбовым ударам. Да он мог быть и занят противником в обход Москвы.

Думаю, что этот вопрос не застал Сталина врасплох. Но он, однако, был, видимо, и не простым. Сталин походил, подумал, потом совершенно четко и ясно сказал:

— Рыбинское море, Рыбинский гидроузел надо оборонять. — И еще раз твердо повторил: — Оборонять. Защищать... <...>

Беседа о строительстве оборонительных рубежей вокруг городов Ярославской, Ивановской и Горьковской областей и общего оборонительного рубежа подходила к концу. Борис Михайлович Шапошников не торопясь, аккуратно сложил карту и попросил разрешения уйти. Он попрощался с нами коротким кивком головы — по-военному, сказал, «до свидания» и твердой походкой вышел из кабинета. <...>

Мы должны были немедленно разъехаться по местам, чтобы срочно заняться оборонительными работами. Но по ходу беседы было видно, что у Сталина есть еще какие-то вопросы к секретарям обкомов и горкомов. Он выяснял, какое настроение у людей на местах, да и у нас самих — руководителей партийных организаций. Беседа носила непринужденный ха-

раक्टर. Мы стали чувствовать себя все более и более свободно. И конечно, у нас появился целый ряд вопросов, которые мы сочли возможным задать ему.

— Не следует ли нам, — обратился я к товарищу Сталину, — эвакуировать некоторые заводы Ярославской области?

— Какие заводы вы имеете в виду? — спросил меня Сталин.

Я назвал Рыбинский завод моторостроения, шинный и «Красный Перекоп». На этом я остановился, хотя в планах Ярославского обкома и облисполкома значились и другие предприятия.

Подумав, Сталин сказал:

— В Ярославль мы противника не пустим.

Сказано это было с такой твердостью и убежденностью, что все в это поверили.

— Но, — продолжал Сталин, — противник может эти важные для страны заводы разбомбить. Поэтому их надо эвакуировать.

Он тут же нажал кнопку. Через несколько секунд появился Поскребышев. Сталин попросил пригласить товарищей А.Н. Косыгина, М.Г. Первухина, А.И. Шахурина.

Воспользовавшись паузой, я обратился к Сталину с просьбой помочь ярославцам в обороне городов. Он начал подробно расспрашивать меня, как организована эта оборона. Сначала об артиллерии. Я рассказал ему, какое количество у нас артиллерии, как она расставлена. Все это Сталин внимательно и спокойно выслушал. Затем начал спрашивать про истребительную авиацию. Рассказал я как будто бы подробно. Но когда я попросил подкрепить нас истребительной авиацией, Сталин неожиданно для меня спросил:

— А сколько ваши летчики сбили самолетов противника?

Это было наше слабое место. К сожалению, пришлось ответить, что у нас не сбито пока ни одного вражеского самолета.

Дальше беседа приобрела для меня неприятный оборот. Признаться, я тогда пожалел, что затеял разговор о подкреплении истребительной авиацией.

— Когда был последний налет немецкой авиации на Ярославль? Днем? Ночью? — Голос Сталина становился все жестче. — Сколько было немецких самолетов? Каких? На какой высоте они были в районе Ярославля? Сколько артиллерия сделала выстрелов? Из орудий какого калибра? И так далее.

Я уже стал подумывать, почему так долго не идут вызванные товарищи. Каждая минута казалась мне невероятно длин-

ной. Сталин говорил все резче и резче. Мне даже показалось, что он рассердился.

Пришли товарищи Косыгин, Первухин, Шахурин. Начали обсуждать вопросы эвакуации промышленных предприятий. Выслушав их соображения, Сталин дал совершенно четкое и твердое указание ускорить эвакуацию предприятий.

Затем товарищи Косыгин, Первухин и Шахурин ушли. Настроение у Сталина было хорошее, и он еще долго беседовал с нами. Наверное, уместно напомнить, что 14 октября немцы овладели Калинином. Мы об этом не знали. Сталин же, конечно, знал. И своим настроением он, видимо, хотел вселить в нас больше оптимизма. Ведь все мы представляли партийные организации областей, которые примыкали к Москве. Наши области были в эти дни уже не прифронтовыми, а фронтовыми.

<...> От положения в наших областях во многом зависело и положение в Москве. Сталин подбадривал нас, зная, видимо, что все это будет передано коммунистам и трудящимся наших областей. Так это и было. <...>

Мы пробыли в Кремле почти до утра. На рассвете вышли на Красную площадь.

Слышно было, как о мостовую шелкали осколки снарядов, падающих сверху. Наша артиллерия обороняла Москву. Дежурные порекомендовали нам пересечь площадь побыстрее.

Отдохнув в гостинице «Москва» часа два-три, мы попрощались и разъехались по своим областям. <...>

*Н.С. Патоличев. Испытания на зрелость.
Политиздат, М., 1977. С. 126—131, 133.*

Н.М. Пегов, 15 октября 1941 года

Политбюро ЦК партии и Государственный Комитет Обороны, учитывая нависшую угрозу японского нападения, несмотря на тяжелейшее положение на советско-германском фронте, держали на Дальнем Востоке сильные кадровые части Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Хотел бы в этой связи рассказать об одном эпизоде. В октябре 1941 года меня, командующего Тихоокеанским флотом адмирала И.С. Юмашева, командующего Дальневосточной армией генерала И.Р. Апанасенко и члена военного совета Тихоокеанского флота СЕ. Захарова вызвали в Москву. Враг стоял у ворот столицы.

15 октября в 7 часов вечера в номере гостиницы «Москва», где мы разместились, зазвонил телефон. Беру трубку и узнаю голос Поскребышева: «Товарищ Сталин ждет вас». Мы быстро оделись и минут через двадцать были уже «на уголке» — так называли часть здания в Кремле, где размещался кабинет И.В. Сталина и его секретариат. Разделись внизу и поднялись на второй этаж, в приемную. Поскребышев сразу же провел нас в кабинет Сталина.

Сталин с трубкой в руке шел нам навстречу ровной, мягкой походкой. Поздоровавшись, он пригласил нас устраиваться за большим столом, сам, однако, за стол не сел.

Сталин подробно рассказал о положении на фронтах, особенно под Москвой. Немца в Москву не пустим, твердо сказал он, но выразил беспокойство, что в город где-нибудь могут прорваться несколько танков и вызвать панику. Производство противотанковых пушек налажено у нас плохо, заметил он, их не хватает, а немец давит на нашу оборону танками.

— Товарищ Апанасенко, — сказал Сталин, подойдя к генералу вплотную, — дайте нам 150 противотанковых пушек. Мы их вам вернем, промышленности дано задание срочно увеличить их производство.

Надо сказать, что еще до отъезда из Владивостока нами было получено и немедленно выполнено указание об отправке некоторых воинских частей и вооружения под Москву. Все мы тогда понимали, что судьба страны решалась на советско-германском фронте и все наши усилия должны быть направлены на разгром фашистских захватчиков. Поэтому совершенно неожиданно для всех нас прозвучал ответ Апанасенко:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, не могу.

Сталин отошел от генерала, молча походил по кабинету, затем снова стал рассказывать о мерах по укреплению обороны Москвы, о привлечении населения к строительству оборонительных сооружений и вновь сказал:

— Товарищ Апанасенко, дайте нам 150 противотанковых пушек. Мы вам вернем их, как только наладим производство.

Чем была вызвана такая форма обращения со стороны Сталина? Ведь он мог, не спрашивая Апанасенко, взять на Дальнем Востоке все, что считал необходимым для отпора гитлеровской Германии. Вопрос о переброске 150 противотанковых пушек с Дальнего Востока был, как выяснилось позже, решен до нашего прихода. Облекая уже принятое решение в такую форму, Сталин, видимо, хотел успокоить нас, не создавать

у нас впечатления, что в Москве недооценивают опасность нападения со стороны Японии.

На вторичное обращение Сталина Апанасенко ответил той же фразой:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, не могу.

Круто повернувшись, Сталин ушел в дальний угол кабинета.

Обстановка доброжелательности, в которой проходила беседа, исчезла. Сталин стал предельно лаконичен и, я бы сказал, жесток, задавая вопросы.

— Товарищ Юмашев, что будете делать, если японцы вступят в войну?

— Будем драться до конца, — ответил Юмашев.

— Ну и глупо. С сильным японским флотом вам ввязываться в драку не следует. Вам надо уходить на север, спасать флот, а японцев громить на подступах береговой крепостной артиллерией, укреплением которой вам надлежит заняться незамедлительно. И к партизанской войне, товарищ Пегов, краю надо быть готовым. Что делает крайком в этом направлении?

Я сказал, что у нас уже утверждены составы подпольных райкомов и горкомов. Заканчивается оборудование партизанских баз в тайге. Ничего нового мы здесь не стали изобретать, а обосновались на местах, где в свое время были базы С. Лазо.

— Когда вы собираетесь выехать во Владивосток? — спросил Сталин.

Я ответил, что можем выехать завтра.

— Поезд ждет вас на Казанском вокзале, можете отправляться сейчас же.

Кто-то из нас сказал, что заедем в гостиницу, заберем вещи и немедленно отправимся на вокзал.

— Ваши вещи уже в вагоне, — бросил Сталин. Затем, твердо чеканя слова, он сказал: — Вы должны сделать все, чтобы не дать Японии оснований для вступления в войну, для образования второго для нас фронта. Если же вы спровоцируете нам войну на Дальнем Востоке, мы будем судить вас по всей строгости военного времени. До свидания.

Перед партийной организацией Приморья, всеми тружениками края стояла задача — сделать все возможное как для оказания помощи действующим фронтам, так и для подготовки отпора реально нависшему вторжению японских войск, не дав при этом Японии ни малейшего повода для вступления в войну.

Н. М. Пегов. Близкое-далекое. Политиздат, М., 1982. С. 110—113.

И. Д. Папанин, 15 октября 1941 года

Я часто вспоминаю тот день, который определил мою судьбу в военные годы, день 15 октября 1941 года, когда меня неожиданно вызвали в Государственный Комитет Оборона.

Естественно, я волновался: зачем понадобился?

И. В. Сталин был за рабочим столом, сбоку от него сидели В.М. Молотов и А.И. Микоян — члены Государственного Комитета Оборона.

— Начальник Главсевморпути Папанин явился по вашему вызову, товарищ Сталин, — отрапортовал я, остановившись посреди кабинета.

Я имел тогда звание капитана первого ранга и ходил в военной форме.

— Садитесь.

Я сел в свободное кресло.

— Товарищ Папанин, — сказал председатель ГКО, — хочу сообщить вам о решении: посылаем вас в Архангельск как уполномоченного Государственного Комитета Оборона.

Я вопросительно посмотрел на Сталина. Он продолжал:

— Архангельский порт имеет сейчас и будет иметь в ближайшем будущем особое военное значение. Это на западе самый близкий к линии фронта свободный морской порт. Мурманск еще ближе, но он всего в 40 километрах от фронта, и вражеская авиация бомбит город регулярно. Мы заключили соглашение с Рузвельтом и Черчиллем. Через Атлантику идут в Архангельск корабли с грузами. Надо организовать их приемку, быструю разгрузку и немедленную отправку грузов на фронт. Это очень важно...

— Нынешнее руководство, — добавил А.И. Микоян, — к сожалению, не справляется со срочной разгрузкой судов. Первый караван — 7 кораблей союзников — разгружался очень долго. Вы организовывали зимние военные перевозки в Белом море в финскую кампанию. Поэтому вспомнили о вас.

— Надеемся на ваш практический опыт и энергию, — сказал в заключение председатель ГКО.

В первое мгновение это предложение сильно озадачило меня. Я спросил:

— А как же Главсевморпути? Ведь сейчас у нас самое напряженное время, завершается арктическая навигация.

— Назначая вас уполномоченным Комитета Оборона по перевозкам в Белом море, мы не снимаем с вас ответственности за работу в Арктике, — ответили мне.

— Сколько у вас заместителей и членов коллегии?

— Шесть, — ответил я.

— Вот и хорошо. Закрепите за каждым участок работы и строго спрашивайте с них, а сами сегодня же поезжайте в Архангельск. Подчиняться будете товарищу Микояну, а в особых случаях можете обращаться непосредственно ко мне.

— Дано распоряжение выделить вам служебный вагон и прицепить его к вечернему поезду, — добавил Анастас Иванович.

— Есть выехать сегодня вечером в Архангельск, — только и сказал я.

Сталин кивком дал понять, что разговор окончен.

Тут же в приемной мне вручили мандат, подписанный председателем ГКО.

И.Д. Папанин. Лед и пламень. Политиздат, М., 1984. С. 244—245.

И.Т. Пересыпкин, 15—21 октября 1941 года

15 октября, оказавшись в приемной И. В. Сталина, я встретился с группой секретарей областных комитетов партии, выходивших из его кабинета. Среди них было много знакомых и в их числе секретарь Горьковского обкома Родионов. Я обратился к нему:

— Зачем вас вызывали в Москву?

— Сталин приказал, — ответил он.

Мне показалось, что это самый подходящий момент для доклада Сталину о месте расположения запасного узла связи Ставки Верховного Главнокомандования .

— Прибыл для доклада о запасном узле связи Ставки, — доложил я.

Хотя я ожидал неприятного для себя разговора, все обошлось благополучно. Сталин, несмотря на очень сложную обстановку под Москвой, был спокоен. Он развернул на столе принесенную мной карту, спросил:

— Где вы предлагаете создать запасной узел связи Ставки?

— С точки зрения удобства организации и обеспечения связи, для этой цели наиболее подходящим местом является район Куйбышева, — ответил я.

— Нет, в Куйбышев мы не поедem. Там будет много иностранцев.

И. В. Сталин, по-видимому, имел в виду известное мне решение советского правительства об эвакуации в Куйбышев дипломатического корпуса, принятое утром этого дня.

Потом я предложил расположить узел связи в районе Казани, оговорившись, что оттуда организовать связь с фронтами и всей страной будет значительно труднее, чем из Куйбышева. Но и это предложение принято не было.

Сталин долго и внимательно смотрел на разложенную карту. Я стоял рядом и с нетерпением ждал его решения. Потом он посмотрел мне в глаза, как бы изучая, повернулся снова к столу и сказал:

— Давайте здесь... — И указательным пальцем показал на населенный пункт.

Это его решение было полной неожиданностью. Можно было предположить все что угодно, но что узел связи Ставки придется развертывать в этом пункте, я никогда не ожидал. Это было совсем не то, на что рассчитывали связисты. Мне было известно, что в районе этого пункта средства связи были развиты крайне слабо, он находился вдали от магистральных линий. Однако решение было принято и его надо было исполнять. <...>

Основой запасного узла связи Ставки послужили два поезда, принадлежавшие Наркомату обороны и Наркомату связи, ранее эвакуированным из Москвы на восток. Мы сумели перехватить их в пути и использовать для решения поставленной задачи. Недостающие телеграфно-телефонное оборудование, радиостанции, монтажные и линейные материалы в спешном порядке были направлены из московских складов и соседних областей. К монтажным и линейным работам на создаваемом узле связи были привлечены: личный состав обоих поездов связи, один из ремонтно-восстановительных батальонов связи, случайно оказавшийся в этом районе и работники местной конторы связи.

В результате героической работы всего личного состава, участвовавшего в строительно-монтажных работах, задание И.В. Сталина было выполнено за пять суток. К исходу 21 октября сорок первого года запасной узел связи Ставки Верховного Главнокомандования, получивший позывной — Виктория — что означает победа, в основном был смонтирован.

*И.Т. Пересыпкин. ...А в бою еще важней.
«Советская Россия», М., 1970. С. 95—97, 98.*

А. И. Шахурин, 15—16 октября 1941 года

<...> К середине октября 1941 года на московском направлении сложилась крайне серьезная обстановка. 15 октября в 11 часов утра находившихся в Москве наркомов вызвали в Кремль. Молотов, стоя, сказал, что все мы сегодня должны покинуть Москву и выехать в те места, куда перебазировются наши наркоматы, — в города Заволжья, Урала, Сибири. В Москве остаются лишь оперативные группы наркоматов по 20—30 человек. <...>

Вернувшись в наркомат, позвонил Сталину:

— Только что, как и другие наркомы, получил указание о выезде из Москвы. Но наши предприятия еще не закончили эвакуацию. Прошу разрешения остаться.

Сталин сказал:

— Хорошо, оставайтесь.

Остаток дня ушел на то, чтобы получить побольше вагонов. <...> Проверил, как обстоит дело с выездом из Москвы ученых и главных конструкторов авиационной промышленности. Им тоже приказано сегодня покинуть столицу. <...>

16 октября 1941 года. Первый звонок. Как ни странно, он не по авиационным делам. Валентина Степановна Гризодубова говорит, что в городе не ходят трамваи, не работает метро, закрыты булочные. Я знал Гризодубову как человека, которого касается все. Однако на этот раз, выслушав Валентину Степановну, спросил, почему она сообщает о неполадках в Москве мне, а не председателю Моссовета Пронину или секретарю Московского комитета партии Щербакову?

— Я звонила им обоим и еще Микояну, — отозвалась Гризодубова, — ни до кого не дозвонилась.

Пообещал Валентине Степановне переговорить с кем нужно, а у самого беспокойство: что делается на заводах? Решил сразу поехать на самолетный завод, где раньше работал парторгом ЦК. Сжалось сердце, когда увидел представшую картину. Вместо слаженного пульсирующего организма, каким всегда был завод, распахнутые ворота цехов, голые стены с вынутыми рамами и разобранными проемами, оставшиеся неубранными помосты, вскрытые полы на местах, где стояли станки. Щемящая сердце пустота. Лишь в механическом цехе несколько станков, а в цехе сборки последние самолеты на стапелях.

Рабочие подошли ко мне. У одной работницы слезы на глазах:

— Мы думали, все уехали, а нас оставили. А вы, оказывается здесь!

Говорю:

— Если вы имеете в виду правительство и наркомат, то никто не уехал. — Говорю громко, чтобы все слышали. — Все на месте. На своем посту каждый, а отправляем заводы туда, где они смогут выпускать для нашей армии современные боевые самолеты, чтобы мы могли дать сокрушительный отпор врагу. У вас пока организуем ремонт боевых машин, а дальше видно будет. Когда отгоним врага, снова будем на вашем заводе выпускать самолеты. Так что давайте ковать победу: те, кто уехал, — там, а вы — здесь.

Еду на другой завод. Мысленно отмечаю — Москва та и не та. Какой-то особый отпечаток лежал на ней в это утро. Гризодубова оказалась права: не работал городской транспорт, закрыты магазины. На запад идут только военные машины, на восток — гражданские, нагруженные до отказа людьми, узлами, чемоданами, запасными бидонами с бензином.

На этом заводе застал возбужденно беседующих рабочих. Спросил, в чем дело. Молчат. Потом один говорит:

— Вот директор уехал и забрал деньги. Не хватило выдать зарплату.

В те дни на эвакуируемых заводах всем работающим кроме уже заработанных денег выдавали еще и за две недели вперед. Спросил исполняющего обязанности директора, почему не хватило денег? Объясняет: не дали в отделении Госбанка, сказали — денег нет. Я успокоил рабочих, объяснил, что директор выехал по указанию наркомата на новое место базирования завода. Туда скоро уедете и все вы. А деньги выдадут сегодня или в крайнем случае завтра.

Только вернулся в наркомат — звонок: срочно вызывали в Кремль, на квартиру Сталина.

Кремль выглядел безлюдным. Передняя квартиры Сталина открыта. Вошел и оказался одним из первых, если не первым: вешалка была пуста. Разделся и прошелся по коридору в столовую. Одновременно из спальни появился Сталин. Поздоровался, закурил и начал молча ходить по комнате. В столовой мебель на своих местах: прямо перед входом — стол, налево — буфет, справа по стене — шкаф.

В этот момент в комнату вошли Молотов, Щербаков, Косыгин и другие. Сталин поздоровался, продолжая ходить

взад-вперед. Все стояли. Сесть никому он не предложил. Внезапно Сталин остановился и спросил:

— Как дела в Москве?

Все промолчали. Посмотрели друг на друга и промолчали. Не выдержав, я сказал:

— Был на заводах утром. На одном из них удивились, увидев меня: а мы, сказала одна работница, думали, что все уехали. На другом рабочие возмущались тем, что не всем выдали деньги: им сказали, что увез директор, а на самом деле не хватило в Госбанке дензнаков.

Сталин спросил у Молотова:

— А Зверев где?

Молотов ответил, что нарком финансов в Горьком. Сталин сказал:

— Нужно немедленно перебросить самолетом дензнаки.

Я продолжал.

— Трамваи не ходят, метро не работает, булочные и другие магазины закрыты.

Сталин обернулся к Щербакову:

— Почему? — И, не дождавшись ответа, начал ходить. Потом сказал: — Ну, это ничего. Я думал, будет хуже. — И, обратившись к Щербакову, добавил: — Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро. Открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения с тем составом врачей, которые остались в городе. Вам и Пронину надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта, столовых и других учреждений бытового обслуживания будет обеспечена.

Помолчав еще немного, Сталин поднял руку:

— Ну, все.

И мы разошлись, каждый по своим делам.

Забот и нерешенных вопросов у каждого было так много, что никого не удивило, что встреча оказалась столь короткой.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 126—129.

К. Ф. Телегин, 19 октября 1941 года

<...> поздно вечером 19 октября П.А. Артемьева и меня срочно вызвали в Кремль на заседание Государственного Комитета Обороны.

С немалым волнением вслед за П.А. Артемьевым я впервые переступил порог кабинета И.В. Сталина, впервые в жиз-

ни встретился с ним, членами Государственного Комитета Обороны.

Выслушав наши доклады о прибытии по вызову, Сталин сразу же задал вопрос:

— Какое, по вашему мнению, положение в Москве?

П.А. Артемьев четко доложил:

— Положение тревожное. Необходим более строгий порядок эвакуации. Паникеры будоражат население, это может дезорганизовать жизнь города.

— Что предлагаете?

— Военный совет считает необходимым ввести в Москве осадное положение.

Сталин задумчиво прошелся по кабинету, потом произнес, как о деле давно решенном:

— Правильно!

Тут же под его диктовку было записано постановление ГКО.

«Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручается командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову... Оборона города на его подступах возлагается на начальника гарнизона города Москвы т. Артемьева...

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...»

Слушая эти слова, я испытывал какое-то необычное напряжение. Не потому, что на Военный совет ложилась основная тяжесть осуществления всех мер, вытекающих из этого решения. Нет, ответственности мы не боялись и сами шли к ней, внося предложение на заседании ГКО. Взволновала меня сама обстановка, в которой все это происходило, и сам факт, что такое решение принято ГКО. Из этого состояния меня вывел вопрос Сталина, заданный членам ГКО:

— Есть ли возражения и замечания? Согласны ли с таким текстом?

Текст одобрили единодушно, и Сталин подписал его.

— Не позднее пяти часов утра поместить во всех газетах, объявить по радиотрансляционной сети, расклеить по городу и в пригородах, — отдал И. В. Сталин распоряжение вызванному секретарю.

Вышли мы с заседания ГКО глубоко взволнованные участием в решении столь важных вопросов, самой атмосферой заседания.

*К. Ф. Телегин. Войны неслучайные версты.
Воениздат, М., 1988. С. 79—80.*

А. М. Василевский, 19—28 октября 1941 года

19 октября ГКО постановил ввести с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах осадное положение. Жители Москвы сутками не выходили с заводов, не покидали строительства оборонительных рубежей. <...>

К концу октября советские воины остановили врага на рубеже Волжского водохранилища, восточнее Волоколамска и далее по линии рек Нара и Ока, а на юго-западных подступах к Москве — в районе Тулы, где 50-ю армию стойко поддерживали отряды тульских рабочих.

<...> Еще и еще раз хочу отметить, что советские воины выстояли, сдержали натиск превосходившего нас численностью и вооружением врага и что большую роль в этом сыграла твердость руководства со стороны Центрального Комитета партии и ГКО во главе с И.В. Сталиным. Они осуществляли неустанную деятельность по мобилизации и использованию сил страны.

Хочется сказать и о том, что в эти исключительно тяжелые дни правительство нашло возможным отметить работу нашей группы работников Генерального штаба, обслуживающих Ставку в оперативном отношении. В конце октября во время одного из телефонных разговоров И.В. Сталин спросил, не смог ли бы я написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов. Я ответил согласием и спросил, о присвоении какого звания и кому идет речь, совершенно, конечно, не подозревая, что будет названо мое имя. Услышав свою фамилию, я попросил освободить меня от выполнения этого поручения. Сталин, шутя, ответил:

— Ну хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдемся и без вас.

Поблагодарив за такую высокую оценку моей работы, я поинтересовался, можно ли отметить также и заслуги моих прямых помощников, не менее меня работающих в столь напряженное время. Сталин согласился с этим предложением и обязал меня сообщить А.Н. Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября 1941 года постановлением СНК СССР четверым из нашей оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: мне — генерал-лейтенанта, А.Г. Карпоносову, В.В. Курасову и Ф.И. Шевченко — генерал-майора.

Это внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души. Уже говорилось, что И.В. Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжелой обстановки. Это один из примеров противоречивости личности И.В. Сталина. Припоминаются и другие факты. В особо напряженные дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, что мы обязаны изыскивать для себя и для своих подчиненных как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчеркивал он, плодотворной работы получиться не может. В октябрьские дни битвы за Москву Сталин сам установил для меня отдых от 4 до 10 часов утра, и проверял, выполняется ли это требование. Случаи нарушения вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для меня разговоры. Разумеется, это не была мелкая опека, а вызывавшаяся обстановкой необходимость. Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле.

Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта, старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось «хорошо».

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 1.
Политиздат, М., 1988. С. 156—158.*

И.Д. Папанин, октябрь 1941 года

Не раз во время воздушных тревог я гасил свет в кабине-те и вместе с теми, кто в тот час находился рядом, выходил на балкон. Та картина и сейчас перед глазами: нигде ни огонька, только шарят по небу лучи прожекторов. <...>

Кто-то разнес слух о наших «стояниях» на балконе во время воздушных тревог.

Вскоре меня вызвали в Кремль отчитаться, как идет навигация. Заодно И.В. Сталин дал мне хорошую взбучку.

— Это что за мальчишество, — сердито сказал он, — подумаешь, храбрецы нашлись! Вас поставили во главе важного государственного дела, так и занимайтесь тем, что вам поручено. Риск допустим, когда этого требует необходимость!

Воспользовавшись моментом, я попросил отправить меня на фронт. Я воевал на Украине и в Крыму в Гражданскую войну и мог бы заняться организацией партизанских отрядов...

Сталин сердито прервал мои слова:

— Пошлем, куда надо и когда надо.

Свидетелем нашего разговора был Михаил Иванович Калинин. Он подал голос:

— А не послать ли нам Папанина в Ленинград?

— Нет, — ответил Сталин, — он в другом месте пригодится.

Сталин тут же дал указание подготовить для Главсевморпути специальные помещения в бомбоубежищах и оборудовать их средствами правительственной связи и всем необходимым для работы.

В тот же день я получил извещение, что в распоряжение оперативной группы Главсевморпути такие помещения выделены. Но своей подземной канцелярией пользовался редко: пока добежишь, думал я, по сигналу тревоги, прозвучит сигнал отбоя.

Второй нагоняй от Сталина я получил вскоре уже по более серьезному делу.

Государственный Комитет Обороны принял решение командировать в Вашингтон группу опытных советских летчиков для переговоров с правительством США о поставке Советскому Союзу военных самолетов. Делегацию возглавил Михаил Михайлович Громов. Правительство поручило Главсевморпути доставить группу Громова в США, был определен и маршрут: через Шпицберген. Мы обязаны были доставить группу по на-

значению как можно скорее и обеспечить безопасность перелета. <...>

Я срочно вызвал к себе Черевичного и рассказал о правительственном задании:

— Скажи мне, Иван Иванович, откровенно, если сомневаешься в успехе перелета, тогда не берись. Подберем другой экипаж.

— За кого вы меня считаете, Иван Дмитриевич? — даже обиделся Черевичный. — Задание сложное, но выполним!

— Тогда готовь машину к перелету. Особенно тщательно проработай маршрут.

Черевичный почесал затылок:

— Маршрут мне не по душе.

— Но ведь это самый короткий путь.

— Не всегда самый короткий путь есть и самый лучший.

Вот бы по нашей арктической трассе махнуть...

Мы подошли к карте. Действительно, наша воздушная трасса над морями Советской Арктики облетана, технически оснащена. Машина будет все время находиться в зоне работы наших радиостанций. Этот путь длиннее, зато надежнее и удобней. И я ответил Черевичному:

— Хорошо, согласен с тобой, лети по нашему маршруту. Только учти, если что случится, ни мне, ни тебе головы не сносить. И еще учти: никто не должен знать, каких пассажиров везешь и куда держишь путь. Документ оформим как на обычный служебный полет из Москвы на Чукотку. А там до Аляски рукой подать.

Иван Иванович ушел довольный. Я подумал, глядя ему вслед: не подведет.

Черевичный действительно блестяще довел свою машину до Аляски. Оттуда его пассажиры добрались до Вашингтона уже на самолете США.

Не успел я порадоваться успешному завершению дела, как раздался телефонный звонок.

— На каком основании вы нарушили постановление и изменили маршрут? — услышал я сердитый голос председателя ГКО.

Я объяснил, почему мы предпочли полет над Советской Арктикой, и добавил:

— Задание выполнено успешно и в срок, что от нас и требовалось...

— Это хорошо, но нельзя своевольничать. — Голос Сталина уже не был таким сердитым.

Очень скоро мы встретились с Черевичным в Архангельске и я от души поблагодарил летчика.

*И.Д. Папанин. Лед и пламень.
Политиздат, М., 1984. С. 241, 242, 243.*

С.М. Буденный, конец октября 1941 года

В конце октября я был на Западном фронте. Здесь шли тяжелые бои с наседающими гитлеровцами... Врагу дорогой ценой давалось малейшее продвижение вперед. И вот однажды на переднем крае обороны меня разыскал гонец из штаба. Он сообщил, что меня вызывает к телефону Москва. У аппарата был Председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин, он предложил мне срочно приехать в Москву, сказав, что мне предстоит выполнить важное поручение.

На другой день я был в Ставке. Поздоровавшись, Сталин сказал:

— Мы собираемся провести 7 ноября в Москве воинский парад. Что вы на это скажете? Парад мы проведем обязательно, — как бы рассуждая сам с собой, повторил Сталин. — Мы с вами, Семен Михайлович, разделим обязанности принимающего парад: вы объедете и поздравите войска, а я скажу небольшую речь. Согласны?

— Я буду рад выполнить это поручение.

— Хорошо. Подумайте с Артемьевым, какие нужно принять меры предосторожности против вражеских провокаций, особенно с воздуха, и сделайте все, чтобы это был настоящий большой парад войск Московского гарнизона.

...Начали готовиться. Были приняты такие меры, что исключалась возможность прорыва даже одиночных самолетов противника. Я поехал в Кузьминки к летчикам-истребителям, которые в те дни охраняли воздушные рубежи столицы. Сказать им о параде я прямо не мог. Это была государственная тайна. Обратился к собравшимся летчикам с просьбой:

— 7 Ноября — наш великий народный праздник. Нельзя допустить, чтобы в этот день фашистские самолеты сбросили на Москву бомбы.

— Не допустим к Москве! Если нужно, будем таранить, — заявили летчики.

— Можно ли об этом с уверенностью доложить правительству?

— Докладывайте, товарищ маршал, мы не подведем.

Солдаты слова. Кн.2. Политиздат, М., 1980 г. С. 189—190

Г. К. Жуков, 1 ноября 1941 года

1 ноября 1941 года я был вызван в Ставку.

И.В. Сталин сказал:

— Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

— В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 Ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И.В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков. (Речь И.В. Сталина на военном параде на Красной площади приводится в Приложении в конце книги).

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Кн. 2.
АПН, М., 1974. С. 27*

А. С. Чуянов, 2 ноября 1941 года

2 ноября в Сталинград приехал нарком танковой промышленности В.А. Малышев. Его волнует одно — ускорение производства и отгрузки танков, так необходимых для решающих

боев под Москвой. Я встретился с ним на Тракторном заводе, в кабинете директора.

Около 12 часов ночи раздался телефонный звонок. Вызвала Москва. Малышев взял трубку.

Звонил Сталин:

— Вы знаете что-либо о пушках, которые просит Чуянов?

— Нет, не знаю, — ответил Малышев. — Но здесь на заводе товарищ Чуянов, и я ему передаю трубку.

— О каких пушках идет речь? — спросил Сталин. — Артуправление не подтверждает наличие этих пушек в Сталинграде.

— Мы просим передать в распоряжение городского Комитета обороны 300 противотанковых пушек, завезенных к нам как эвакуированные в разобранном виде и частично некомплектных.

— А зачем вам негодные пушки?

— Мы хотим их скомплектовать, модернизировать и поставить на усиление оборонительных рубежей.

— А справитесь с этим?

— Справимся, товарищ Сталин. Мы уже разработали проекты модернизации и полагаем, что объединенными усилиями сталинградских заводов приспособим их для стрельбы по воздушным целям.

— Ваши заводы, конечно, справятся с работой по переделке этих пушек. Но какая необходимость противотанковую пушку переделывать на зенитную?

— У нас очень большая нехватка в зенитных средствах, а враг все чаще совершает налеты на промышленный район.

— Это дело мы поправим, зениток дадим больше, а пушки соберите и поставьте на оборону заводов. Поскольку артуправление не знает об этих пушках, разрешаем вам их полностью использовать для обороны города.

А дело было так. На эвакуационные базы Сталинграда поступили противотанковые пушки. Я написал об этом в ГКО и просил передать эти пушки нам. Сталин прочитал эту записку, и вот звонок. Конечно, я переживал, что в какой-то мере подвел артуправление НКВД. Да разве им в ту пору было до эвакуированных? А мы добрались и, думаю сделали полезное дело. Сталин, конечно, сделает кому следует нахлобучку... Но это для пользы дела — не разбрасываться же такими «кусочками» в столь тяжелое время.

А.С. Чуянов. На стремнине века. Политиздат, М., 1976. С. 85—86.

Г. К. Жуков, 2—5 ноября 1941 года

В начале ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор по телефону с Верховным.

— Как ведет себя противник? — спросил И.В. Сталин.

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление.

— Где же вы ожидаете главный удар?

— Из района Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

— Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером, — недовольно отрезал И.В. Сталин.

Минут через пятнадцать ко мне зашел Н.А. Булганин и с порога сказал:

— Ну и была мне сейчас головомойка!

— За что?

— Сталин сказал: «Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем!»

— Ну что же, садись, вызовем Василия Даниловича и предупредим Рокоссовского и Захаркина.

Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 28—29.*

А. И. Шахурин, 10—11 ноября 1941 года

В последних числах октября, поздно, мне позвонил Сталин и спросил:

— Как дела?

Я сказал, что московские и подмосковные заводы в основном эвакуированы, эвакуируются и другие предприятия, а многие уже разместились на новых местах. Попросил разрешения слетать в Куйбышев, посмотреть, каково положение там.

Сталин согласился:

— Летите, помогите разместить заводы. Ускорьте строительство. Очень нужны самолеты. <...>

В Москву я возвратился 10 ноября и сразу был принят Сталиным. Он выслушал меня не перебивая. Лишь когда речь зашла о директоре для моторных заводов спросил:

— Кого вы рекомендуете?

К этому времени решение о директоре уже созрело. Я назвал имя Баландина.

— Он же был вашим заместителем?

— Да. Но лучшего директора такого огромного завода не найти.

— А он действительно справится? — уточнил Сталин.

Я сказал, что Баландин считается у нас «эталонным» директором. Лучше его нет.

И это было так. Василий Петрович Баландин с моторами был связан, можно сказать, всю жизнь. Родившись в семье железнодорожного рабочего, он начал трудовую деятельность с 11 лет, пройдя большой путь от слесаря-сборщика до директора крупного завода, а затем и первого заместителя наркома авиационной промышленности. Он был им до прихода П.В. Дементьева. Талантливый инженер, возглавляя в свое время сбороч-

ный цех на моторостроительном заводе, В.П. Баландин вместе с другими специалистами задолго до войны внедрил конвейерную сборку моторов. Таких конвейеров не было тогда даже за рубежом, все сделали своими руками, по своим проектам. Директора завода Василия Петровича стали называть «эталонным» директором за то, что он не только умело руководил производством, но и оперативно улаживал все возникающие конфликты с конструкторами, военпредами и т.д. Это был самоотверженный, преданный делу работник, умевший опереться на партийный и заводской коллективы.

Сталин прошелся по кабинету. Воспользовавшись паузой, я напомнил, что Баландин уже около двух месяцев отстранен от должности. За время нашей совместной работы я никаких претензий к нему не имел, считал и считаю его честным коммунистом.

На другой день меня вызвали к Сталину вместе с Дементьевым и Яковлевым. Разговор опять зашел об этих заводах. Я снова сказал, что вопрос о директоре нужно решать как можно скорее. Вновь прозвучало имя Баландина. Дементьев и Яковлев поддержали меня.

— Ну хорошо, — согласился Сталин — подумаем.

Этот разговор произошел в 8 часов вечера, а около полуночи Василий Петрович уже входил в мой кабинет. Я был рад, что Сталин прислушался к нашему мнению, что, как известно, бывало не всегда. Причем на другой день он даже позвонил мне и сказал:

— Сделайте так, чтобы Баландин, во-первых, остался в должности заместителя наркома, чтобы у него не было никакой обиды.

Я позвонил Баландину и передал ему слова Сталина...

*А.И. Шахурин. Крылья победы.
Политиздат, М., 1985. С. 129, 137—138.*

Г. К. Жуков, 16—18 ноября 1941 года

Государственный Комитет Оборона, часть руководящего состава ЦК партии и Совнаркома по-прежнему оставались в Москве. Рабочие Москвы трудились по 12—18 часов в сутки, обеспечивая оборонявшие столицу войска оружием, боевой техникой, боеприпасами.

Однако угроза столице не миновала: враг хотя и медленно, но приближался к Москве.

Не помню точно какого числа — это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта — мне позвонил И.В. Сталин и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут в конце ноября. Танков дать пока не можем.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 31.*

Г.К. Жуков, 30 ноября 1941 года

Вечером 29 ноября, воспользовавшись слабой обороной моста через канал Москва — Волга в районе Яхромы, танковая часть противника захватила его и прорвалась за канал. Здесь она была остановлена подошедшими передовыми частями 1-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант В.И. Кузнецов, и после ожесточенного боя отброшена обратно за канал.

Состояние фронта было действительно чрезвычайно сложным. В результате иногда происходили события, которые можно было объяснить только величайшей напряженностью момента. Вот один пример:

К Верховному Главнокомандующему каким-то образом поступили сведения, что наши войска северо-западнее Нахабина оставили город Дедовск. Это было уже совсем близко от Москвы.

И. В. Сталин, естественно, был сильно обеспокоен таким сообщением: ведь еще 28 и 29 ноября 9-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А.П. Белобородов, не без успеха отражала неоднократные яростные атаки противника в районе Истры. Но прошли какие-то сутки, и, оказывается, Дедовск в руках у гитлеровцев... Верховный вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занял Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

И. В. Сталин не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу:

— Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск.

Я пытался возразить:

— Покидать штаб фронта в такой напряженной обстановке вряд ли осмотрительно.

— Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставайтесь на это время Соколовского.

Положив трубку, я сразу же связался с Рокоссовским и потребовал объяснить, почему в штабе фронта ничего не известно об оставлении Дедовска. И тут сразу же выяснилось, что город Дедовск противником не занят, а речь, видимо, идет о деревне Дедово. <...>

Я решил позвонить Верховному и объяснить, что произошло. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. И. В. Сталин окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К.К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный пункт был отбит у противника. Да еще приказал взять с собой командующего 5-й армией Л.А. Говорова.

— Он артиллерист, пусть поможет Рокоссовскому организовать артиллерийский огонь в интересах 16-й армии.

Возражать в подобной ситуации не имело смысла.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2.
АПН, М., 1974. С. 33—34.*

Н.Д. Яковлев, 25—30 ноября 1941 года

<...> глубокой осенью 1941 года, когда обстановка на фронтах была исключительно тяжелой, И.В. Сталин как-то не выдержал и предложил снять меня с занимаемого поста и даже отдать под суд...

А дело было так. Начальник ГлавПУРа Л.З. Мехлис имел поручение контролировать формирование новых стрелковых дивизий резерва Ставки. ГАУ уже разработало определенный план обеспечения этих соединений вооружениями и боеприпасами. И выполняло его в полном объеме, хотя нужды фронтов в ноябрьские дни 1941 года были очень острыми.

Один из экземпляров сводки об обеспеченности этих дивизий мы посылали и Мехлису. Однако он считал нужным систематически вызывать меня где-то в 24.00 к себе и там с пристрастием проверять цифры. При этом в моем присутствии то

и дело звонил командирам и комиссарам названных дивизий и справлялся у них о правильности поданных нами сведений. На это, как правило, уходило три-четыре часа.

А ведь в эти самые часы шла напряженная работа в наркоматах, в ГАУ, и мне надо было находиться там. А тут сиди и слушай, как тебя проверяют...

Появилась обида за недоверие ко мне, ответственному должностному лицу. Но больше всего — недовольство бесцельной тратой времени. И вот как-то находясь в кабинете начальника ГлавПУРа и слушая, как тот ведет бесконечные телефонные разговоры, я взорвался. Высказал Мехлису все, что думаю о процедуре этих унижительных проверок. Не скрыл, что меня подчас бесят его малоквалифицированные вопросы. И что под моим началом есть ГАУ, которое часами работает без своего начальника.

Вероятнее всего, Мехлис пожаловался Верховному. И вот однажды, когда Сталина так же довела обстановка, он (это было в конце ноября) вдруг резко сказал мне: «Вас надо судить за неуважение к старшим и за недостаток вооружения и боеприпасов!»

Я не особенно-то удивился этому. Ведь и в самом деле было очень трудное положение и Верховному, если подходить по-человечески, надо было на ком-то разрядиться. Но «неуважение к старшим...» — это уже от Мехлиса...

И я не выдержал. Довольно резко ответил, что являюсь всего лишь строевым артиллеристом, на должность начальника ГАУ не просился и будет лучше, если меня отпустят на фронт. Сталин еще суровее взглянул, сжал в кулак трубку. А затем коротко повторив: «Будем судить», отпустил меня.

От Верховного я вышел вконец расстроенным. Еще бы! Раз сам Сталин сказал: «Будем судить», то это... Так что готовься, Яковлев, к самому худшему.

Помог случай. Точнее очередные нападки на меня, как начальника ГАУ. На этот раз с фронта со стороны Г. К. Жукова. И случилось это буквально на следующий день после малопривлекательного обещания И. В. Сталина.

Поясню, что Г.К. Жуков в то время был уже командующим Западным фронтом. И, естественно, жил тогда только его интересами. А как бедствовал этот фронт с боеприпасами в тяжелые первые месяцы войны — известно. Это, к глубокому сожалению, было горькой правдой. И вот под впечатлением очередных трудностей Жуков и прислал на мое имя довольно резкую

телеграмму, в которой обвинял меня в мизерном обеспечении 82-мм и 120-мм минометов минами.

Раздражение командующего фронтом было понятным. Но Г.К. Жуков, однако, не знал, что по установленному порядку телеграммы с заявками на вооружение и боеприпасами одновременно с адресатом рассылались по разметке как Верховному, так и ряду членов ГКО.

И вот звонок Поскребышева. Еду в Кремль, готовый ко всему. Сталин, сухо поздоровавшись, спросил меня, знаком ли я с телеграммой Жукова. Я ответил утвердительно...

И случилось непредвиденное. Верховный вдруг взял со стола телеграмму и... разорвал ее. Немного помедлив, сказал, что комфронтом Жуков просто не понимает обстановку, сложившуюся с боеприпасами. А она сложная. Ноябрь — самый низкий месяц по производству...

Высказав это, И.В. Сталин заметно подобрел. И уже почти дружеским тоном начал говорить, что, мол, если и судить кого-либо, то нужно предать суду работавших в Москве до войны, а, дескать, Яковлев здесь ни при чем, он человек новый. В недостатках материальных средств тоже нечего искать виновного, так как в свое время мы не успели сделать всего в этом отношении. Сейчас же нужно ожидать повышения поставок, а не заниматься беспредметными упреками.

Так, образно выражаясь, был снят с моей души тяжелый камень. Ну, а что касается Западного фронта... Отлично понимая, что он прикрывает московское направление, ГАУ всегда отдавало ему предпочтение перед другими фронтами. Но, конечно, в пределах разумного.

*Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе.
«Высшая школа», М., 1982. С. 71—72.*

А.С. Яковлев, начало декабря 1941 года

В начале декабря я проводил совещание руководящих работников завода с участием секретаря обкома партии. Раздался телефонный звонок из Москвы. Я снял трубку и услышал голос Сталина:

— Здравствуйте! Как дела? Как работает завод? Как растет выпуск самолетов?

Коротко объяснил обстановку, рассказал, что первые дни здесь было трудновато, так как на завод эвакуированы четы-

ре предприятия, в результате образовалось четыре дирекции, и каждая из них не хотела расставаться со своим оборудованием, со своими рабочими. Не успел я еще сообщить о том, что удалось навести порядок, как Сталин удивленно сказал:

— Туда же назначен уполномоченный Государственного Комитета Обороны! Ведь это его задача решать все эти вопросы. Для этого он и послан туда. Кто там уполномоченный ГКО?

На это я ответил, не стесняясь присутствием генерала, что уполномоченный ГКО — человек без производственного опыта, плохой организатор, на заводах никогда не работал, ему очень трудно справиться с создавшимся положением. Тем не менее с помощью обкома партии мы все трудности постепенно разрешаем.

— Нам нужно не постепенно, — услышал я в телефонной трубке — Нам нужно немедленно! Имейте в виду, что нам сейчас очень нужны истребители. Это главная задача. От этого зависит положение на фронтах. Примите все меры к тому, чтобы как можно скорее перейти на увеличенный выпуск истребителей. Мы ждем от завода трех истребителей в сутки. Считайте это своей основной задачей. Помните, что истребители сейчас — это главное. Примите все меры, какие сочтете нужными. Действуйте решительно. Мы вам верим и во всем поддержим. Нам нужны истребители как воздух, как хлеб. Имейте в виду, мы вас туда послали не только как конструктора «яков», — вы заместитель наркома, не забывайте об этом. Мы требуем от вас истребителей!

Я заверил Сталина, что коллектив завода сделает все от него зависящее для всемерного увеличения выпуска истребителей. Каждый из нас не пожалеет никаких сил для того, чтобы оправдать доверие Центрального Комитета.

Прежде чем закончить разговор, Сталин коротко охарактеризовал обстановку на фронтах, положение с нашей авиацией и еще раз повторил:

— Давайте истребителей. Ждем от вас истребителей. Сейчас это главное.

Буквально на следующий день после этого разговора пришла телеграмма, в которой сообщалось, что уполномоченный ГКО освобождается от занимаемой должности и отзывается в Москву, а обязанности уполномоченного ГКО возлагаются на меня.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 244—245.

А. М. Василевский, 4 декабря 1941 года

Днем 4 декабря, будучи на очередном докладе в Кремле у Сталина, я получил указания в ночь на 5 декабря отправиться в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней. Когда я покидал Сталина, получил и другое его указание — вечером того же дня быть у него для участия в приеме председателя совета министров Польской Республики — генерала Вл. Сикорского, причем было приказано быть в парадной форме и при орденах. Вечером в назначенный час я явился в кабинет Сталина, где застал В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и некоторых других членов Политбюро. Взглянув на меня и заметив на моем парадном мундире орден Красной Звезды и медаль «XX лет РККА», И.В. Сталин спросил, почему я не надел остальные ордена. Я ответил:

— Не надел потому, что других нет.

На вопрос, за что и когда получил Красную Звезду, ответил, что в декабре 1939 года за добросовестную работу в Генштабе во время советско-финляндской войны. Сталин, как мне показалось, удивленно покачал головой. Затем я вместе с остальными направился в зал приема.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. I.
Политиздат, М., 1988. С. 164—165.*

Г. К. Жуков, 11 декабря 1941 года

11 декабря 1941 года гитлеровское правительство объявило войну США. Этим актом Гитлер, видимо, преследовал две цели. Во-первых, он хотел показать, что Германия, несмотря на потери, все еще настолько сильна, что способна вести войну не только с Советским Союзом и Англией, но и с США. Во-вторых, он хотел скорее толкнуть Японию против Соединенных Штатов, чтобы исключить участие США в войне против Германии в Европе. Когда И.В. Сталин узнал об этом, он рассмеялся:

— Интересно, какими силами и средствами гитлеровская Германия собирается воевать с США? Для такой войны она не имеет ни авиации дальнего действия, ни соответствующих морских сил.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 37.*

И. М. Майский, 16—18 декабря 1941 года

Переговоры начались на другой день после прибытия Идена в Москву, 16 декабря. Проходили они в Кремле. <...> СССР в них представляли Сталин и Молотов, присутствовал также я. На меня же были возложены обязанности переводчика. Англию представляли Иден и Кадоган, присутствовал также Криппс, который вел запись переговоров. Иногда появлялся генерал Ней.

Перед началом заседания Сталин вынул из кармана проект наших предложений и спросил меня:

— Как вы думаете, примут это англичане?

Я быстро пробежал несколько исписанных на машинке листов. Здесь были проекты двух договоров, которые СССР хотел бы заключить с Англией. Первый договор носил характер договора о взаимопомощи между обоими государствами как во время войны, так и после ее окончания; он должен быть заменить пакт взаимопомощи от 12 июня 1941 г., действие которого распространялось лишь на период войны. В основном он предусматривал восстановление Югославии, Австрии, Чехословакии и Греции в их довоенных границах, а также передачу Польше Восточной Пруссии и выделение Рейнской области из состава Пруссии. Договор далее признавал границу 1941 г. для СССР (т.е. с включением в СССР Эстонии, Латвии, Литвы, Западных Украины и Белоруссии) и право Англии иметь необходимые для ее безопасности базы во Франции, Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии.

Ознакомившись с документами, я ответил Сталину:

— Полагаю, что эти проекты будут служить основой для переговоров с англичанами. Вероятно, с их стороны будут возражения и поправки по некоторым пунктам, но договориться о соглашении не представляет особой трудности.

Выслушав наши предложения, Иден сказал, что в общем они кажутся ему приемлемыми, но, что он резервирует за собой право ввести в них известные изменения и модификации.

На этом же заседании состоялся общий обмен мнениями по вопросу о репарациях, о возможности создания после войны чего-либо вроде пакта военной взаимопомощи между всеми державами, стоящими на позиции мира, причем выяснилось, что и здесь вполне возможна договоренность между СССР и Англией. <...>

Когда после перерыва открылось второе заседание, Сталин достал из кармана небольшой листок бумаги и, обращаясь к Идену, сказал:

— Полагаю, вы не будете возражать, если к нашему соглашению о послевоенном устройстве мы приложим небольшой протокол.

О проекте протокола Сталин до заседания меня не предупредил. Я быстро пробежал глазами положенный на стол документ. Он был краток и предусматривал признание Англией советских границ 1941 г.

Мне было известно, что англичане не склонны принимать какие-либо решения о будущих границах впредь до окончания войны. Если бы речь шла только об англичанах, еще можно было бы надеяться как-либо их переубедить. Хуже было то, что Рузвельт взял с англичан твердое обещание не делать ничего подобного без предварительного соглашения с США. Американцы же тогда не признавали советских границ 1941 г., в частности, не признавали вступление прибалтийских государств в СССР. При таких условиях вся затея с протоколом была совершенно безнадежна. <...>

Как только Иден ознакомился с текстом протокола, он сразу же ответил, что британское правительство сейчас не может его подписать, и подробно мотивировал это, особенно подчеркивал позицию США в вопросе о границах.

Сталин стал возражать и пытался переубедить английского министра иностранных дел, но тщетно. Это сильно испортило атмосферу переговоров, и обе стороны ушли с заседания в плохом настроении.

18 декабря состоялось третье заседание, на котором продолжалась дискуссия по вопросу о договорах и протоколе. Англичане давали понять, что они готовы вести переговоры и надеются на возможность соглашения по проектам договоров, но по вопросу о протоколе никакого сдвига в их позиции не обнаружилось. В свою очередь, Сталин заявил, что без протокола договоры не могут быть подписаны. Создался тупик, из которого не было видно непосредственного выхода. Единственное, чего Сталину удалось добиться, это обещания Идена передать спорные вопросы на рассмотрение английского кабинета, а также правительств британских доминионов. Он не исключал и возможности консультации с правительством США.

После третьей встречи стало ясно, что соглашение в Москве не может состояться, однако ни СССР, ни Англии не имело смысла обнаруживать перед Гитлером и Муссолини нали-

чие существующих между ними разногласий. Было решено поэтому опубликовать о визите Идена такое коммюнике, которое не могло бы доставить никакого удовольствия врагу. Составление проекта коммюнике было поручено мне. Закончив работу, я показал свой проект Сталину. Он одобрил его.

Потом я показал проект Идену и получил его одобрение. Он даже прибавил:

— Коммюнике лучше, чем я надеялся.

Таким образом по вопросу о тексте коммюнике обе стороны были согласны.

*И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата.
Международные отношения, М., 1987. С. 623—625.*

И.М. Майский, 16—18 декабря 1941 года

Как-то в связи с подготовкой к очередной встрече обеих делегаций я оказался в кабинете Молотова, где находился также и Сталин. Молотов сидел за письменным столом, а Сталин расхаживал из конца в конец по кабинету и на ходу высказывал суждения и давал указания. Когда вся подготовительная работа была закончена, я обратился к Сталину и спросил:

— Можно ли считать, что основная линия стратегии в нашей войне и в войне 1812 года примерно одинакова, по крайней мере, если брать события нашей войны за первые полгода?

Сталин еще раз прошелся по кабинету и затем ответил:

— Не совсем. Отступление Кутузова было пассивным отступлением, до Бородина он нигде серьезного сопротивление Наполеону не оказывал. Наше отступление — это активная оборона, мы стараемся задержать врага на каждом возможном рубеже, нанести ему удар и путем таких многочисленных ударов измотать его. Общим между отступлениями было то, что они являлись не заранее запланированными, а вынужденными отступлениями.

*И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата.
Международные отношения, М., 1987. С. 632.*

И.М. Майский, 20 декабря 1941 года

<...> Сталин устроил в честь Идена большой обед в Кремлевском дворце. За длинным столом кроме английской делегации сидели члены Политбюро, наркомы, генералы. Пред-

седательское место занимал Сталин. Справа от Сталина сидел Иден, рядом с Иденом сидел я и являлся для них обоих переводчиком. Сталин произнес главный тост в честь британского министра иностранных дел. В конце обеда отвечал Иден тостом за хозяев.

В самом начале обеда произошел забавный инцидент. На столе перед Иденом в числе других вин стояла большая бутылка перцовки. Желтоватый цвет жидкости несколько напоминал шотландское виски. Иден заинтересовался этой бутылкой и спросил Сталина:

— Что это такое? Я до сих пор не видал такого русского напитка.

Сталин усмехнулся и с искринкой в глазах ответил:

— А это наше русское виски.

— Вот как? — живо откликнулся Иден. — Я хочу его попробовать.

— Пожалуйста.

Сталин взял бутылку, налил Идену бокал. Иден сделал большой глоток. Боже, что с ним случилось! Когда Иден несколько отдышался и пришел в себя, Сталин заметил:

— Такой напиток может пить только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать.

После обеда, как обычно на сталинских банкетах, в соседнем помещении был устроен кинопросмотр с перерывами, который затянулся до глубокой ночи.

Иден остался очень доволен вечером у Сталина. Он рассматривал его как симптом того, что выявившиеся во время переговоров разногласия не испортят дружескую атмосферу между обеими странами.

*И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата.
Международные отношения, М., 1987. С. 628—629.*

К.К. Рокоссовский, декабрь 1941 года

Мне запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г.К. Жуковым и И.В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову небольшую операцию, кажется в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

— Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своем:

— Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков твердо стоял на своем. Наконец Сталин сказал:

— Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

— У нас еще не такое бывает.

Он был прав тогда: одного желания мало для боевого успеха. Но во время боев под Москвой Георгий Константинович часто сам забывал об этом. <...>

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это:

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо.

*К.К. Рокоссовский. Солдатский долг.
Воениздат, М., 1972. С. 91—92.*

А.С. Яковлев, декабрь 1941 года

Выпуск самолетов в ноябре сократился более чем в три с половиной раза сравнительно с сентябрем.

Невероятно тяжелым был для нашего наркомата декабрь. План производства самолетов удалось выполнить меньше чем на 40 процентов, а моторов — 23,6 процента.

Сводка о выпуске машин ежедневно докладывалась Сталину, который лично распределял их по фронтам.

Неожиданно к Сталину поступили сигналы, что самолетов этих армия не получает. В Кремль срочно вызвали руководителей авиационной промышленности и Военно-Воздушных Сил.

Сталин спросил:

— Где же самолеты, о которых вы отчитываетесь по сводкам? Почему фронт их не получает? Надо создать комиссию из представителей военных и промышленности и проверить на месте, в чем дело.

Возглавить комиссию поручили генералу И.Ф. Петрову. Через несколько дней он доложил результаты обследования правительству.

Оказывается, в сводках числятся самолеты, собранные в цехах заводов и вывезенные на аэродром, но еще не облетанные. Чтобы выяснить и устранить возможные дефекты, на этих самолетах должны были проводиться испытательные полеты. Такая процедура, особенно в зимнее время, носила затяжной характер. Этим и объяснялось несоответствие количества самолетов, указанных в сводках нашего министерства, самолетам, сданным воинским частям.

Сталин сразу понял всю эту механику и предложил в сводках, представляемых правительству, указывать только самолеты с устраненными дефектами, облетанные и готовые к бою.

С тех пор самолеты сдаются не «по сборке», а «по бою».

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 247—248.

Н. Г. Кузнецов, 31 декабря 1941 года

Новый 1942 год я встретил в своей квартире на улице Се-
рафимовича. Прилетела из Куйбышева моя жена, и мы решили скромно отметить праздник. В последнюю минуту заехал ко-

мандующий ВВС Красной Армии П.Ф. Жигарев, наш старый знакомый.

— Позвоним товарищу Сталину! — предложил Павел Федорович.

— Позвоним.

Я набрал номер и не без волнения стал ждать ответа. Откликнулся знакомый бас Поскребышева.

— Можно товарища Сталина? — спросил я.

— Можно! — ответил Поскребышев.

И вскоре раздался знакомый голос И.В. Сталина:

— Слушаю.

— Примите, товарищ Сталин, наши поздравления и пожелания успехов, здоровья, — сказал я и добавил, что рядом со мной Жигарев.

— Спасибо! — услышал я в ответ.

Сталин поздравил нас с Новым годом.

Настроение у него в это время было хорошее. Фашисты были отброшены от Москвы. В заявлении специальному представителю президента США Г. Гопкинсу И.В. Сталин определил этот факт как начало коренного переворота в ходе войны.

*Н.Г. Кузнецов. На флотах боевая тревога.
Воениздат, М., 1971. С. 156.*

1942 год

В.Г. Грабин, 4—5 января 1942 года

Работа спорилась. Ничто не предвещало грозы, которая уже собиралась над нами.

В декабре 1941 года на завод приезжал Ворошилов. Целый день мы с ним ходили по цехам, не успели даже пообедать. Клименту Ефремовичу очень понравилось все, что он видел.

— Это вы здорово сделали, молодцы! — похваливал он. А 4 января меня вызвали на заседание ГКО. Вот и представился долгожданный случай, когда можно будет доложить И.В. Сталину о пушке ЗИС-3, а возможно и показать ее, подумал я. Нужно разрешение наркома Д.Ф. Устинова. Дмитрий Федорович незадолго до того был на заводе и ознакомился с состоянием производства. Он видел, что завод не только выполнит обещанное на декабрь пятикратное увеличение выпуска пушек, но

и перевыполнит. К тому же в сборочном цехе он наблюдал за сборкой ЗИС-3. Завод попросил наркома разрешить доставить пушки в Москву, и он незамедлительно разрешил. Ворошилов на заседании ГКО не присутствовал. Заседание Государственного Комитета Оборона сразу превратилось в резкий диалог между Сталиным и мною. Вся наша работа подверглась очень острой и несправедливой критике, а меня Сталин обвинил в том, что я оставляю страну без пушек. Я отстаивал позиции нашего коллектива до последнего.

Атмосферу этого заседания может вполне характеризовать лишь один эпизод. В очередной раз, когда я пытался возразить Сталину и защитить правильность выбранной нами позиции, обычная выдержка и хладнокровие изменили ему. Он схватил за спинку стул и грохнул ножками об пол. В его голосе были раздражение и гнев.

— У вас конструкторский зуд, вы все хотите менять и менять! — резко бросил он мне. — Работайте, как работали раньше!

Таким Сталина я никогда не видел — ни прежде, ни позже.

ГКО постановил: нашему заводу изготавливать пушки по-старому. В тяжелом и совершенно безнадежном настроении покинул я Кремль. Меня страшила не собственная моя судьба, которая могла обернуться трагически. Возвращение к старым чертежам и старой технологии неизбежно грозило не только резким снижением выпуска пушек, но и временным сокращением их производства вообще. Вот теперь-то страна действительно останется без пушек!

Ночь я провел без сна в бомбоубежище Наркомата вооружения. Выполнить приказ Сталина — беда. Но как не выполнить приказ самого Сталина?! Выхода не было.

Рано утром 5 января, совсем еще затемно, ко мне подошел офицер и предложил подняться наверх, к телефону. Я не пошел: если хотят арестовывать, пусть арестовывают здесь. Тяжелая апатия охватила меня, мне уже было все равно. А в том, что меня ждет, я почти не сомневался: мой спор со Сталиным носил — если не вникать в его суть — характер вызова, а квалифицировать его как саботаж или вредительство — за этим дело не станет.

Через некоторое время офицер появился снова.

— Вас просят к телефону, — повторил он и добавил: — С вами будет говорить товарищ Сталин.

Действительно, звонил Сталин. Он сказал:

— Вы правы...

Меня как жаром обдало.

— То, что вы сделали, сразу не понять и по достоинству не оценить. Больше того, поймут ли вас в ближайшее время? Ведь то, что вы сделали, это революция в технике. ЦК, ГКО и я высоко ценим ваши достижения, — продолжал Сталин. — Спокойно заканчивайте начатое дело.

Что же произошло? Ночью, после грозowego заседания ГКО, Сталин, по-видимому, созвонился или встретился с Ворошиловым, и тот рассказал ему о наших делах, обо всем, что видел собственными глазами. Но к этой мысли я пришел лишь впоследствии, сопоставив события. А тогда, слыша в телефонной трубке слова Сталина, я сообразил, что сейчас, именно сейчас тот самый подходящий момент, когда можно поднять вопрос о нашей «незаконнорожденной» — о ЗИС-3. Да, это был на редкость подходящий момент. И я подробно доложил о пушке, просил посмотреть ее.

Сталин хоть не сразу, но дал согласие.

ЗИС-3 и Ф-22 УСВ для сравнения были доставлены в Кремль. На осмотр пришли Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены ГКО в сопровождении маршалов, генералов, ответственных работников Наркомата обороны и Наркомата вооружения. Все были одеты тепло, кроме Сталина. Он вышел налегке — в фуражке, шинели и ботинках. А день был на редкость морозный. Меня это беспокоило: в трескучий мороз невозможно в такой легкой одежде внимательно ознакомиться с новой пушкой.

Докладывали о пушке все, кроме меня. Я лишь следил за тем, чтобы кто-нибудь что-либо не напутал. Время шло, а конца объяснениям не было видно. Но вот Сталин отошел от остальных и остановился у щита пушки. Я приблизился к нему, но не успел произнести ни слова, как он попросил Воронова поработать на механизмах наведения. Воронов взялся за рукоятки маховиков и начал усердно вращать ими. Верхушка его папахи виднелась над щитом. «Да, щит не для роста Воронова», — подумал я. В это время Сталин приподнял руку с вытянутыми пальцами, кроме большого и мизинца, которые были прижаты к ладони, и обратился ко мне:

— Товарищ Грабин, жизнь бойцов надо беречь. Увеличьте высоту щита.

Он не успел сказать, на сколько надо увеличить, как тут же нашелся «добрый советчик»:

— На сорок сантиметров.

— Да нет, всего лишь на три пальца, это Грабин и сам хорошо видит.

Закончив осмотр, который длился несколько часов — за это время все ознакомились не только с механизмами, но даже и с некоторыми деталями, — Сталин сказал:

— Эта пушка — шедевр в проектировании артиллерийских систем. Почему вы раньше не дали такую прекрасную пушку?

— Мы еще не были подготовлены, чтобы так решать конструктивные вопросы, — ответил я.

— Да, это правильно... Вашу пушку мы примем, пусть военные ее испытывают.

Многие из присутствовавших хорошо знали, что на фронте находится не меньше тысячи пушек ЗИС-3 и что армия оценивает их высоко, но об этом никто не сказал. Умолчал и я.

Конечно, оценка Сталина была мне приятна. Никто не поверил бы мне, если бы я написал, что остался к ней безразличен. Но при этом я радовался и за свой коллектив, которому привезу добрые вести.

В.Г. Грабин. Оружие победы. Политиздат, М., 1989. С. 537—539.

Г. К. Жуков, 5 января 1942 года

Вечером 5 января 1942 года, как член Ставки, я был вызван к Верховному Главнокомандующему для обсуждения проекта плана общего наступления Красной Армии.

После информации Б.М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И.В. Сталин сказал:

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствовавших, как мне помнится, против этого не возразил, и И.В. Сталин развивал свою мысль далее.

— Наша задача состоит в том, — рассуждал он, прохаживаясь по своему обыкновению вдоль кабинета, — чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

На словах «до весны» он сделал акцент, немного задержался и разъяснил:

— Когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...

Изложив свое понимание возможной перспективы войны, Верховный перешел к практическим действиям отдельных фронтов.

Замысел Верховного Главнокомандующего был таков. Учитывая успешный ход контрнаступления войск западного направления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах.

Главный удар планировалось нанести по группе армий «Центр». Ее разгром предполагалось осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска.

Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта ставилась задача разгромить группу армий «Север».

Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны были нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот — освободить Крым.

Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки.

Изложив этот проект, И.В. Сталин предложил высказаться присутствующим.

— На западном направлении, — доложил я, — где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным. Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление.

— Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов, — поддержал меня Н.А. Вознесенский.

— Я говорил с Тимошенко, — сказал И.В. Сталин, — он за то, чтобы действовать и на юго-западном направлении. Надо быстрее переламывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Кто еще хотел бы высказаться?

Ответа не последовало. Обсуждение предложений Верховного так и не состоялось.

Выйдя из кабинета, Б.М. Шапошников сказал:

— Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным.

— Тогда зачем же спрашивали наше мнение?

— Не знаю, не знаю, голубчик! — ответил Борис Михайлович Шапошников, тяжело вздохнув.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 47—48.*

А.И. Шахурин, 1942 год

Заместителем наркома Алексей Александрович был назначен в январе 1942 года в связи с отъездом В.П. Баландина на завод. Он пробыл на этой должности всю войну, но большую часть времени проводил на заводах, а не в наркомате, так как отвечал за серийное производство авиадвигателей. Знание и опыт Завитаева высоко ценились на местах, а его помощь всегда была полезной.

Доводилось мне бывать с Завитаевым у Сталина. Хотя разговоры подчас бывали острыми, Алексей Александрович вел себя с достоинством, выдержка никогда не изменяла ему. Помнится однажды Сталин упрекнул нас в том, что мы все еще мало производим моторов.

— Почему у автомобилистов получается столько двигателей, сколько им закажем, — говорил он, — а у вас нет?

— Но ведь там и двигатели другие, — возразил Завитаев, — точности другие, допуски другие, мощности другие. Если взять суммарную мощность наших двигателей, то она намного превзойдет автомобильные.

— А нам не нужна суммарная мощность. Нам нужно количество двигателей, — ответил Сталин.

— Будет и количество, — заверил Завитаев, — дайте срок.

Обещание это авиапромышленность выполнила. Двигателей мы выпускали все больше и больше, удовлетворив нужды самолетостроения полностью. И в этом — большая заслуга Алексея Александровича Завитаева.

Насколько остро в одно время стоял вопрос о выпуске моторов, можно судить по тому, что Сталин сам звонил на заводы, были случаи, когда просил, а не требовал, как обычно, увеличить выпуск хотя бы на один мотор, зная возможности того или иного завода.

Вспоминает директор завода М.С. Комаров:

«Я был в сборочном цехе, когда диспетчер сообщил мне, что нужно срочно позвонить А.Н. Поскребышеву. Вернувшись в кабинет, я набрал номер телефона, который дали мне. Поднял трубку Поскребышев и сказал: «С вами будет говорить товарищ Сталин, подождите у телефона, я доложу». Хотя я и ждал разговора, но голос Сталина прозвучал как-то неожиданно.

— Здравствуйте, товарищ Комаров, — сказал Сталин, — можете ли вы в ближайшее время увеличить суточный выпуск хотя бы на один мотор?

Я ответил:

— Трудно и даже вряд ли возможно.

Сталин отозвался:

— Подумайте. Нужно это сделать. Очень необходимы фронту штурмовики Ильюшина.

Под впечатлением разговора я пошел в цех коленчатых валов, где до недавнего времени работал начальником цеха. Выпуск моторов лимитировали коленчатые валы. «Узким местом» при их изготовлении была операция шлифовки центральных шеек. Операция тяжелая и сложная, выполняли ее высококвалифицированные рабочие, которых я хорошо знал. Обратился к шлифовальщикам Горбунову и Абрамову с просьбой увеличить обработку за смену (11 часов) хотя бы на полколенчатого вала.

— Мы бы это сделали, товарищ директор, — отозвался Горбунов, — но покормите нас хотя бы хорошими щами. Видите, как мы опухли, еле ноги таскаем.

Посоветовавшись с работниками ОРСа, я принял решение забить несколько свиней, имевшихся на откормочной базе комбината питания. По внутренним талонам организовали питание этих рабочих. Через неделю завод повысил сдачу моторов на один в сутки, а в последующем мы еще увеличили выпуск нужных фронту двигателей.

Надо только сказать, что расходовать мясо самостоятельно в то время мы не имели права, мясо распределялось централизованно. Нас ожидала крупная неприятность, но благодаря вмешательству наркома все обошлось благополучно».

Сталин звонил на этот завод еще не раз.

Однажды он спросил М. С. Комарова: что задерживает выпуск моторов?

— Песок, — ответил тот.

— Какой песок? — изумился Сталин.

— На заводе всего двухдневной запас песка, необходимого для формовки, и производство может остановиться.

— Почему ни к кому не обращаетесь?

— Обращался, но говорят, нет вагонов, чтобы завезти песок.

— Песок будет, — сказал Сталин и положил трубку.

К исходу следующего дня на завод подали эшелон песка, которого хватило надолго...

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 193—194.

А.С. Яковлев, январь 1942 года.

В начале 1942 года при пожаре в полете на Пе-2 погиб конструктор этого самолета В.М. Петляков. Мы предложили назначить на его место другого конструктора. Его вызвали к Сталину, но он отказался от назначения, не желая выезжать из Москвы на восток. Сталин остался крайне недоволен.

— Ну что ж, не хочет, уговаривать не будем, — сказал он.

Но запомнил это. До самой смерти Сталина конструктор этот не пользовался его расположением.

Мы предложили кандидатуру В.М. Мясищева. Тогда Сталин спросил:

— А как примут его конструкторы, коллектив? Признают ли?

— Признают, товарищ Сталин, потому что Мясищев из того же туполевского коллектива, как и Петляков.

Тут же вызвали Мясищева, который сразу согласился, поблагодарив за доверие.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 257.

Г.К. Жуков, 19 января 1942 года

19 января поступил приказ Верховного Главнокомандующего вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. Мы с В.Д. Соколовским обратились в Генштаб с просьбой оставить у нас первую ударную армию. Ответ был один — таков приказ Верховного.

Звоню лично И.В. Сталину. Объясняю, что вывод этой армии приведет к ослаблению ударной группировки.

В ответ слышу:

— Выводите без всяких разговоров! У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий.

Пробую возразить:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключающие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага.

Вместо ответа И.В. Сталин бросил трубку. Переговоры с Б.М. Шапошниковым по этому поводу также ни к чему не привели.

— Голубчик, — сказал Б. М. Шапошников, — ничего не могу сделать, это личное решение Верховного.

Пришлось растянуть на широком фронте 20-ю армию. Ослабленные войска правого крыла фронта, подойдя к Гжатску, были остановлены обороной противника и продвинуться дальше не смогли.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 52—53.*

А.С. Яковлев, январь — февраль 1942 года

В первой половине января 1942 года по телефону опять позвонил Сталин. Расспросив о ходе работ, он сообщил, что в Государственном Комитете Обороны решено перевести сибирский завод полностью на выпуск «яков», а производство истребителей ЛаГГ-3 передать другому предприятию. Заводу предлагалось немедленно свернуть все работы по «лаггам» и организовать поточное производство истребителей Як-7.

— «Яки» и «лагги» близки по своим летным качествам, но летчикам больше нравятся «яки», — сказал он. — «Яки» более маневренны и не страдают некоторыми дефектами, обнаруженными на фронте у самолета ЛаГГ-3. Документ по этому вопросу получите на днях, а сейчас немедленно приступайте к перестройке производства.

Откровенно говоря, я был очень смущен. Со стороны могло показаться, что я приехал сюда проталкивать свою маши-

ну и что это по моей инициативе снимают машину Лавочкина с производства. На самом же деле для меня самого перевод завода полностью на выпуск «яков» был совершенной неожиданностью.

Я тут же поделился своими сомнениями с секретарем обкома и с парторгом завода. Но когда о решении правительства коллектив узнал не с моих слов, а из полученной через день правительственной телеграммы, я успокоился.

20 февраля, когда выпуск истребителей «як» в результате героических усилий коллектива завода достиг трех в сутки, вновь был звонок от Сталина. Он знал положение с выпуском машин, так как ежедневно утром ему клали на стол сводку точной сдачи самолетов, танков, орудий и других видов вооружения. Сталин поблагодарил коллектив завода за выполнение поставленного перед ними задания.

— Ну, там дело теперь пошло, — сказал он мне. — Возвращайтесь, вы здесь нужны.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 245—246.

А.С. Яковлев, начало февраля 1942 года

При первой же встрече после моего возвращения в Москву из Сибири Сергей Владимирович Ильюшин рассказал, что в начале февраля Сталин вызвал его и наркома авиапромышленности к себе.

Только они вошли в кабинет, как Сталин с места обратился к Ильюшину:

— А ведь вы были правы.

— В чем, товарищ Сталин? — удивился Ильюшин.

— А как же, это мы вас сбили с толку. Вы сделали двухместный штурмовик Ил-2, а мы, не разобравшись как следует, по настоянию некоторых легкомысленных советчиков заставили переделать его в одноместный. Истребителей у нас мало, а одноместные штурмовики требуют прикрытия и несут большие потери. Вот несколько двухместных показали себя хорошо, они себя обороняют. Нужно немедленно вернуться к двухместной машине. Только с одним условием — чтобы их выпускалось не меньше.

— Трудновато будет, товарищ Сталин, — сказал Ильюшин.

— Делайте что хотите, но выполните это условие обязательно, — сказал Сталин. <...>

Сталин, поставив вопрос о возврате к двухместному варианту штурмовика, подчеркнул, что штурмовику вовсе не нужны большая скорость и большая высота полета. Наоборот, штурмовик наносит тем больший урон, чем ниже он летает.

Ильюшин попросил на размышления три дня.

Через три дня его опять вызвал Сталин. Ильюшин принес ему прямо в кабинет чертеж и доложил о том, что найдено весьма удачное решение — почти без всяких переделок и без потерь количественного выпуска машин на серийных заводах — можно восстановить вторую кабину стрелка-радиста и поставить пулемет для обстрела назад. Он обещал первую такую машину подготовить к 1 марта, а вторую — к 10 марта.

Сталин очень обрадовался. Тут же, еще до проверки в полете этой машины, было принято решение о запуске ее в серийное производство. С тех пор на протяжении всей войны штурмовики выпускались в двухместном варианте. Потери их в воздушных боях резко снизились.

За недооценку и просчеты по самолету Ил-2 Сталин упрекал некоторых авиаторов, критиковал их за отсутствие инициативы, свежих мыслей.

Он выговаривал им:

— А что с вас взять! Военные всего мира такие — держатся за рутину, за «проверенное», боятся нового.

— Знаете ли вы, — сказал он однажды, — что не кто иной, как руководители нашего военного ведомства, были против введения в армии автоматов и упорно держались за винтовку образца 1891 года? Вы не верите, улыбаетесь, а это факт, и мне пришлось перед войной упорно воевать с маршалом Куликом по этому вопросу. Так и в авиации — боятся нового. Чего стоит одна история со штурмовиком Ильюшина.

Между прочим, однажды Сталин сказал по адресу одного из руководителей ВВС:

— Увеличение числа звездочек на погонах ему ума не прибавило.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 253—254.

А. С. Яковлев, 3 марта 1942 года

3 марта 1942 года я возвратился в Москву и в тот же день был принят Сталиным. До Москвы я добирался поездом четверо суток.

Сталин стал расспрашивать о Сибири вообще, о заводе, спрашивал о том, как обстоит дело с питанием на заводах, о работе заводских ОРСов, а потом поинтересовался, на каких участках сибирской магистрали однопутная железная дорога, на каких — двухпутная.

— Мы не уделяли внимания строительству железных дорог, неправильно развивали железнодорожную сеть, — сказал он. — Нужно было строить дороги не только радиально от Москвы, но также концентрическими кругами, и, в частности, обязательно построить дорогу вдоль Волги. Это важная артерия. Сейчас, чтобы добраться из Казани в Саратов, едут через Москву или Челябинск. Приходится теперь, во время войны строить железную дорогу. Скоро будет сообщение Баку — Горький.

Сталин вспомнил, что ему пришлось побывать в Новосибирске лет 30—40 назад, когда он был сослан в Сибирь. В то время там было всего две-три улицы и исключительно деревянные постройки. На это я заметил, что сейчас Новосибирск — прекрасный современный город.

Сталин рассказал, как он бежал из ссылки в 40-градусный сибирский мороз.

— Сговорились с ямщиком, чтобы он меня тайно в самые морозы довез до Красноярска. Ехали только ночью. Расплачивался я с ним не деньгами, а водкой.

Я спросил, сколько же водки пришлось дать ямщику.

— Полтора аршина за прогон.

Я удивился:

— Что это за мера?

Оказывается, ямщик вез с условием, чтобы на каждом постоялом дворе делали остановку и пассажир выставлял на стол на полтора аршина шкаликов водки. Так они и ехали ночью, а днем спали, чтобы не попасться на глаза полиции.

Потом, естественно, разговор сосредоточился на выпуске истребителей сибирским заводом, о чем я подробно и доложил.

Сталин просил меня и впредь помогать заводу с тем, чтобы довести выпуск истребителей по крайней мере до десяти в сутки. Как увидим дальше, к концу 1942 года это задание было выполнено.

Сталин выглядел бодро, с большим теплом говорил он о защитниках столицы и о значении разгрома немцев под Москвой.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 250—251.

А. С. Яковлев, март 1942 года

10 марта была получена телеграмма, в которой говорилось, что накануне семь наших летчиков на истребителях Як-1 выиграли воздушное сражение в бою против 25 самолетов противника. <...>

В сообщении о подвиге впервые в печати указывалось, что наши летчики летали на «яках». До этого типы советских машин в печати не упоминались.

Этому предшествовал разговор в Государственном Комитете Обороны. Я высказал свое недоумение: противник наши самолеты знает по типам, называет их, а мы засекречиваем. <...>

<...> Не целесообразнее ли пропагандировать наше оружие, чтобы его знали, любили, чтобы в него верили?

Сталин спросил:

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю, чтобы газеты не скрывали от читателя нашу боевую технику, не обезличивали ее, а наоборот, пропагандировали. Удивляюсь, как газетчики до сих пор не поняли необходимости этого? Я разговаривал по этому вопросу с некоторыми редакторами газет, они сочувственно вздыхали, соглашались со мной, но оправдывались соображениями секретности...

— Какая там секретность! — махнул рукой Сталин.

— И я говорю, каким же секретом может быть наш самолет или танк, если он с первого дня войны воюет на фронтах, тем более что их на фронте тысячи? Зачем скрывать от своих то, что уже известно противнику?

Сталин заметил, что это верно, и добавил, видимо по адресу редакторов:

— Не думают сами, ждут команды.

Он спросил:

— Как будем называть наши самолеты?

Тут же было внесено предложение присвоить самолетам сокращенные имена конструкторов. Например, штурмовики Ильюшина — Ил, бомбардировщики Петлякова — Пе и т.д. В сочетании с цифрами, характеризующими порядковый номер конструкции. Например: Ил-2, Ил-4, Пе-2, Пе-8 и т.д.

Сталин одобрил это предложение, только заметил:

— Зачем же сокращать? Будем называть полными фамилиями конструкторов: «Ильюшин-2», «Петляков-8» и т.д. Пусть знают наших конструкторов!

После этого разговора все отечественные газеты стали называть наши боевые самолеты по именам их создателей-конструкторов.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 255—256.

А. М. Василевский, 25—31 марта 1942 года

Весной 1942 года наблюдалось некоторое затишье. Несмотря на это, мои посещения Ставки по-прежнему были ежедневными. Мы стремились, закрепив успехи, сохранить за собой стратегическую инициативу, а фашисты хотели во что бы то ни стало вырвать ее из наших рук.

Думая об этих днях, невольно вспоминаю такой эпизод. Во время очередного доклада Верховному Главнокомандующему в один из последних мартовских дней 1942 года, когда я остался один с ним в кабинете, он спросил:

— Вы возвратили семью из эвакуации, а где живет она?

— Мне предоставлена отличная квартира на улице Грановского, — ответил я.

— А где вы отдыхаете, когда имеется возможность? — продолжал Сталин.

— Там и отдыхаю, а чаще в Генштабе, в особняке Ставки, рядом с моим кабинетом имеется приличная комната отдыха, там и сплю.

— А у вас за городом дачи нет? — спросил И.В. Сталин.

— Последние два предвоенных года семья и я пользовались в летние месяцы дачей Наркомата обороны в Краскове, но мне из-за работы и тогда приходилось бывать там редко, так как далеко от Москвы, — ответил я.

Буквально через несколько дней я с женой Екатериной Васильевной получили предложение осмотреть дачу, а затем в тот же день получили ключи от дачи в Волынском, на берегу речки Сетунь, в 15 минутах езды на автомашине от Генштаба и Кремля и совсем вблизи от дачи И.В. Сталина. Хороший домик, окруженный зеленью, очень понравился мне, не говоря уже о жене и сыне. Но все же ездил я туда довольно редко: то находился на фронтах, то вынужден был спать по-прежнему в Генштабе.

Однако как-то в начале апреля, когда не было очень срочных дел, а на фронте было относительно спокойно, я решил отоспаться на даче и на ночь уехал туда. На следующее утро я

чуть задержался и не успел выехать, как раздался телефонный звонок:

— Вас ищет товарищ Сталин, — послышался голос А.Н. Поскребышева.

А вслед слышу голос И.В. Сталина:

— Товарищ Василевский, вы не успели обжиться на даче, а уже засиделись там. Боюсь, что вы и совсем переберетесь туда. — И добавил: — В часы сна можете спать на даче, а в рабочее время будьте в Генштабе.

Это было для меня уроком и, пока шла война, я редко бывал там; семья же пользовалась ею главным образом в период моего пребывания на фронте.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 1.
Политиздат, М., 1988. С. 201—202.*

А.С. Яковлев, май 1942 года

В мае 1942 года в Государственном Комитете Оборона состоялось обсуждение вопроса о путях повышения скорости наших истребителей.

В наркомате к этому времени был подготовлен проект решения Государственного Комитета Оборона о запуске в серию нового климовского двигателя М-107 вместо находившихся в серийном производстве М-105п.

Конечно, выпуск нового двигателя соблазнял. Моторостроители были решительными сторонниками замены М-105п на М-107. Но большую тревогу у Сталина вызывала предстоявшая серьезнейшая перестройка серийных заводов, выпускавших эти двигатели. Могло резко снизиться количество выпускаемых истребителей. <...>

Переход на М-107п представлялся мне равносильным полной катастрофе с выпуском истребителей, а также легкого бомбардировщика Пе-2. Поэтому я предложил другое решение: форсировать (увеличить мощность) двигатель М-105п за счет повышения наддува и некоторого снижения его высотности, и сказал, что нами совместно с ВВС это было уже надежно проверено в полете на «яке» и дало отличный результат. <...>

Сталин соединился по телефону с Климовым, находившимся тогда на одном из уральских заводов, производивших М-105п.

Климов настаивал на переходе на М-107, доказывал, что это радикальным образом решит вопрос повышения мощности двигателя для истребителей и легких бомбардировщиков, в то время как форсирование М-105п — паллиативное решение. Климов утверждал также, что из-за форсирования резко снизится ресурс М-105п.

Сталин его спросил:

— А на сколько снизится ресурс?

Климов ответил:

— У серийного двигателя 100-часовой ресурс, а форсированный может иметь не более 70 часов.

Однако Климову было предложено немедленно провести перегулировку одного из серийных двигателей М-105п и поставить его на стендовые испытания для определения ресурса. Испытания провести в течении недели. <...>

Двигатель М-105п установили на стенд для проверки его срока службы при работе в форсированном режиме. В Москве и в наркомате, и в ВВС, и в конструкторском бюро самолетостроителей — с волнением следили за поведением двигателя.

Вот прошло 70 часов — это был ресурс, о котором говорили мотористы. Они запросили разрешения ГКО снять со стенда форсированный двигатель, разобрать его и проверить износ деталей. Но Сталин согласия не дал. Было приказано гонять мотор до полной выработки его официального ресурса, т.е. до 100 часов.

Прошло 100 часов. С форсированным двигателем ничего не случилось. Мотористы прислали телеграмму с просьбой разрешить снять мотор со стенда и проверить состояние его рабочих частей. Они ссылались на то, что истек срок службы двигателя, установленный техническими условиями. На это Сталин заметил:

— Мы техническим условиям не присягали, а если они устарели, нужно их обновить.

Он решительно приказал продолжать испытания двигателя до разрушения.

Результат всей этой эпопеи был таков: форсированный двигатель М-105п разрушился лишь на 203-м часу работы, то есть проработал вдвое больше серийного. Он был принят в производство под маркой М-105 ПФ (М-105 пушечный, форсированный).

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 347, 348.

В течение мая и июня И.В. Сталин неоднократно обращался ко мне от имени Ставки ВГК с предложениями полностью принять на себя обязанности начальника Генерального штаба. Одна из бесед на эту тему, помню, велась в Ставке в присутствии командования юго-западного направления — С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущева и И.Х. Баграмяна при рассмотрении И.В. Сталиным их предложения о проведении Барвенковско-Харьковской операции. Воздушная тревога прервала нашу беседу, которая велась в кремлевском кабинете Сталина, и мы вынуждены были спуститься в убежище. Здесь Сталин после обсуждения основной темы сообщил, что Ставка занята сейчас в связи с серьезным заболеванием Б.М. Шапошникова подысканием кандидата на занимаемый им пост. Ставка считает, заявил он, что, по ее мнению, на эту должность подошел бы давно работающий в Генштабе Василевский, но он категорически отказывается от этого. Сталин спросил мнение по моей кандидатуре у присутствующих. Первым, насколько я помню, высказался И.Х. Баграмян, предложив назначить на эту должность С.К. Тимошенко, работавшего в Наркомате обороны и отлично знавшего роль и содержание работы Генерального штаба. С.К. Тимошенко, отклонив это предложение, в свою очередь рекомендовал на должность Ф.И. Голикова, как отличного, по его мнению, военачальника и политработника.

И.В. Сталин вновь остановился на моей кандидатуре. Я, как и всякий раз при подобных разговорах, просил этого не делать. Я отказывался от этого назначения потому, что искренне считал себя неподготовленным для этой роли, тем более в условиях сложной военной обстановки. Наблюдая в течении ряда лет за работой Б.М. Шапошникова и некоторых других военачальников, я отлично понимал, что подбор кандидата на должность начальника Генерального штаба является исключительно серьезной проблемой и что далеко не каждый, даже более подготовленный и опытный военачальник, чем я, может с ней справиться.

Я считал, что начальник советского Генштаба обязан обладать не только глубокими военными знаниями, боевым опытом, критическим умом, но и рядом других специфических качеств. Он должен быть военачальником, пользующим-

ся высоким авторитетом в Вооруженных Силах и стране, безусловно, с сильной волей и в то же время способным постоянно и во всех случаях проявлять выдержку, спокойствие и разумную гибкость в руководстве огромным и столь ответственным, разнохарактерным коллективом, каким является Генеральный штаб, и в то же время иметь и дипломатические способности.

Несмотря на все мои, казалось бы, столь настойчивые и убедительные просьбы, 26 июня 1942 года приказом Ставки я был утвержден в должности начальника Генерального штаба. В связи с этим назначением сохранился в памяти такой эпизод. В конце мая после того, как был объявлен приказ НКО об освобождении Б.М. Шапошникова по болезни от должности начальника Генштаба и о назначении его заместителем наркома обороны и приказ о временном возложении на меня обязанностей начальника Генштаба, при одном из моих докладов И.В. Сталину в присутствии некоторых из членов Политбюро, в том числе В.М. Молотова, И. В. Сталин неожиданно для меня спросил, знаю ли я работника Академии Генштаба генерал-майора Исаева. Я ответил, что знаю, но недостаточно. <...>

Выслушав мой ответ, И.В. Сталин передал мне письмо, адресованное Исаевым в ЦК ВКП(б), и попросил прочитать. В письме Исаев высказывал свое отношение к назначению А. Василевского. Писал он примерно следующее: он как честный коммунист обязан доложить о большой серьезной ошибке, допускаемой ЦК партии при решении этого важнейшего для Вооруженных Сил вопроса. Василевский, являясь примерным коммунистом, отлично подготовленным в области тактики и хорошим методистом, по своей оперативной подготовке и складу характера к должности начальника Генерального штаба ни в коей мере не подходит.

— Что вы скажете на это? — спросил меня И.В. Сталин.

Я ответил, что Исаев высказал Центральному Комитету истинную правду.

В этот период В.М. Молотов готовился к полету в Великобританию и США для серьезных переговоров с руководителями этих стран о дальнейшем ведении войны против гитлеровской Германии, и, в частности, о скорейшем открытии в Европе второго фронта. Сталин предложил взять в поездку в качестве своего военного помощника Исаева и поближе познакомиться с ним. За границей Исаев получил травму, если

не ошибаюсь, ноги и очутился в одном из госпиталей Великобритании.

После возвращения он снова стал преподавателем Академии Генштаба.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 1.
Политиздат, М., 1988. С. 214—216.*

К.А. Мерецков, 8 июня 1942 года

Меня вызывал Г.К. Жуков. Он сказал:

— Срочно приезжай, как есть!

— Сейчас возьму карту и приеду.

Я решил, что речь пойдет о предстоящей операции.

— Не нужно карты.

— Да в чем же тогда дело?

— Здесь узнаешь. Торопись!

<...> Оказывается, уже трижды звонил Сталин, требовал срочного прибытия Мерецкова. В чем дело, Жуков не знал.

Сел в автомашину в полевой форме, весь в окопной грязи. Не успел даже переодеться. Довольно скоро оказался в приемной Верховного Главнокомандующего. Его секретарь Поскребышев тоже не дал мне привести себя в порядок и сразу ввел в кабинет. Там в полном составе шло заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Я почувствовал себя довольно неловко, извинился за свой вид. Председательствующий дал мне пять минут. Я вышел в коридор, быстро почистил сапоги, снова вошел и сел за стол. Меня стали расспрашивать о делах на Западном фронте. Но это оказалось лишь предисловием, а главный разговор последовал позже.

Говорил Сталин:

— Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским. Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее. Вы, товарищ Мерецков, хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам вместе с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2 ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. Директиву о восстановлении Волховского фронта получите у

товарища Шапошникова. Вам надлежит по прибытии на место немедленно вступить в командование Волховским фронтом.

В тот же день мы покинули Москву и к вечеру были в Малой Вишере.

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 289—290.*

В.М. Березков, 12—13 августа 1942 года

Это была первая встреча главы Советского правительства с лидером Британской империи. Черчилль был явно взволнован. Его выдавала излишняя суетливость. Премьер уверял, что его радости по случаю прибытия в героическую Москву нет предела. Сталин, напротив, держался очень сдержанно.

Черчилль, начав беседу, поинтересовался положением на советско-германском фронте. Сталин сказал, что ситуация вокруг Москвы сравнительно нормальная. Но на южных фронтах дело обстоит сложнее. В направлении Баку и Севастополя нацисты наступают с большей силой, чем ожидалось. Им удалось кое-где прорвать линию фронта Красной Армии. Сталин заметил, что ему просто непонятно, как Гитлер сумел собрать в один кулак такое большое количество войск и танков.

— Думаю, — продолжал Сталин, — что Гитлер выкачал все, что возможно, из Европы. Но мы полны решимости удержать Сталинград. Красная Армия готовится предпринять серьезную атаку севернее Москвы, чтобы отвлечь нацистские силы с южных фронтов...

Черчилль заметно помрачнел. Получив информацию о сложном положении на советско-германском фронте, он должен был теперь обосновывать, почему обещание об открытии в 1942 году в Европе второго фронта не будет выполнено, почему вновь откладывается вторжение через Ла-Манш.

Черчилль начал издалека. Сначала принялся многословно рассказывать, как происходит концентрация значительных контингентов войск Англии и Соединенных Штатов, а также боеприпасов и вооружений на Британских островах. Затем стал говорить о возможности сосредоточения значительных германских войсковых соединений на Западе, из-за чего операция союзников в Нормандии связана, дескать, с большим риском. Наконец, он, как бы невзначай, сказал, что приготовления к высадке будут закончены в следующем году.

Сталин решительно возразил против такого плана. Он опроверг приведенные Черчиллем цифры относительно численности германских войск, якобы находившихся в Западной Европе. Глава Советского правительства утверждал, что в действительности этих войск значительно меньше, а те дивизии, что имеются, не в полном составе. Что же касается риска, о котором упомянул Черчилль, то, по мнению Сталина, любой человек, который не хочет рисковать, не может выиграть войну. Черчилль нехотя согласился с этим в принципе, но сказал, что бессмысленно жертвовать войсками, которые будут так необходимы к следующему лету.

Последовала острая дискуссия, в ходе которой Сталин подчеркивал, что никак не может принять заявление Черчилля, хотя понимает, что не в состоянии заставить британское правительство поступить по-иному. Он вновь сказал, что Советское правительство самым решительным образом несогласно с этим. В свою очередь Черчилль, стремясь отойти от этой неприятной темы, перевел разговор на другую проблему. Он принялся излагать план операции «Факел» — вторжения в Северную Африку, которое намечалось осуществить в октябре 1942 года. Черчилль высказывал мысль, что эта операция выведет Италию из войны.

Гарриман поддержал план Черчилля, добавив, что, насколько он знает, президент Рузвельт хочет предпринять операцию в Северной Африке возможно скорее.

Сталин терпеливо выслушал сообщения об операции в Северной Африке и задал ряд конкретных вопросов. <...>

Затем разговор снова вернулся к проблеме второго фронта в Западной Европе, причем Черчилль несколько раз подчеркивал важность операции в районе Балкан, которая станет, дескать, возможной после успешной высадки англо-американских войск в Северной Африке. Беседа закончилась поздно, но Черчилль так и не получил согласия советской стороны на изменение первоначально согласованного между тремя державами плана высадки западных союзников в Нормандии в 1942 году.

<...>

На следующий день <...> переговоры между главой Советского правительства и британским премьером возобновились. Сталин вновь упрекнул западные державы в том, что они не выполняют взятых на себя обязательств. Он напомнил, что всего лишь два месяца назад, когда Молотов был в Лондоне, там договорились об открытии второго фронта в 1942 году. <...>

<...> Сталин вручил Черчиллю меморандум, в котором подробно излагалась позиция Советского правительства. <...>

Ознакомившись с меморандумом, Черчилль, вопреки фактам, принялся уверять, что никакого определенного решения об открытии второго фронта в 1942 году якобы вообще не было. В конце концов он заявил, что ответит на этот меморандум в письменном виде.

Затем британский премьер стал распространяться о том, что планы высадки в Северной Африке — это, по его мнению, наилучшая возможность помочь Советскому Союзу. Обращаясь к Гарриману, Черчилль предложил ему высказать свое мнение.

Гарриман поддержал премьер-министра Англии и заявил, что принятое сейчас в Лондоне и Вашингтоне решение является результатом серьезного взвешивания всех обстоятельств.

— Хочу доложить, — сказал Гарриман, — что, по мнению президента Рузвельта, намеченное мероприятие отвечает интересам Советского Союза. К тому же эти действия обещают нам успех...

Все эти доводы не поколебали Сталина. Он повторил, что западные союзники пренебрегают необходимостью поддержать Советский Союз именно сейчас, когда это особенно важно.

Обращаясь к Черчиллю, он не без иронии сказал:

— Британская армия не должна так сильно бояться немцев...

Черчилль вспыхнул: он-де возмущен таким обвинением и может простить это только потому, что восхищается героической борьбой Красной Армии. Немного успокоившись, Черчилль добавил, что Сталин не должен упускать из виду существование такой водной преграды, как Ла-Манш. Затем Черчилль стал распространяться о том, что на протяжении первого периода войны, Англия, дескать, одна стояла против немецких армий, хотя, как известно, основная акция британской армии в то время заключалась в спешной эвакуации с Европейского континента через Дюнкерк. Далее Черчилль скороговоркой повторил все те же аргументы против вторжения во Францию в 1942 году, не давая переводчику возможности воспроизвести его слова по-русски. Когда, наконец, Черчилль сделал паузу и переводчик попытался изложить то, что он говорил, Сталин прервал его.

— Дело не в том, — сказал он, — какие слова произнес премьер-министр, а в том, что он продемонстрировал нам здесь свою решимость и боевой дух...

Это замечание несколько разрядило обстановку. Разговор перешел на другие темы. Сталин выразил беспокойство по поводу приостановки конвоев, идущих в Мурманск и Архангельск. Катастрофа с конвоем «PQ-17», сказал он, не должна привести к задержке поставок. Гарриман в принципе согласился с этим, но подчеркнул необходимость более широкого использования южного маршрута через Персидский залив и Трансиранскую железную дорогу, а также пути, ведущего из Аляски в Сибирь.

Черчилль снова поднял вопрос о посылке британских войск после осуществления операции «Факел», чтобы «помочь Красной Армии» несением гарнизонной службы на Кавказе. Сталин не проявил интереса к этому предложению.

В.М. Бережков. Страницы дипломатической истории. Международные отношения, М., 1984. С. 149—151, 153—155.

В.М. Бережков, 13 августа 1942 года

В 8 часов вечера Сталин, принимая гостей, собравшихся на обед в Екатерининском зале Кремлевского дворца, был в отличном настроении. Как будто и не было накануне неприятного разговора с Черчиллем и Гарриманом по поводу второго фронта. Но Черчилль в начале вечера был явно не в своей тарелке после резкого разговора со Сталиным, нервно дымил сигарой и часто прикладывался к коньяку.

Между Черчиллем и Сталиным вскоре завязался оживленный разговор — начиная от военной тактики и кончая проблемами послевоенного устройства. Время от времени к беседе подключался Гарриман. В частности, он поднял вопрос о возможности встречи между премьером Сталиным и президентом Рузвельтом, спросив, когда и где такая встреча могла бы состояться. Сталин заметил, что эта встреча имела бы очень важное значение, и предложил провести ее как-нибудь зимой, когда он не будет столь загружен делами фронта. Что касается места встречи, то назывались различные пункты — от Алеутских островов до Исландии.

<...>

К концу обеда Сталин стал произносить тосты в честь различных родов войск Красной Армии, подходя соответственно к каждому из маршалов и генералов, командующих этими войсками. Из иностранцев тоста Сталина удостоился только пре-

зидент Рузвельт, Черчилль был явно обижен, но молча проглотил эту пилюлю.

Кофе пили за маленьким столиком в комнате, примыкавшей к Екатерининскому залу. Сталин и Черчилль обменивались воспоминаниями о различных периодах советско-английских отношений. Заговорили, в частности, о поездке леди Астор в Москву в тридцатые годы. Сталин сказал, что леди Астор уверяла, будто Черчилль конченный человек, что он никогда не будет играть никакой роли на политической сцене. Но Сталин тогда был иного мнения. Он сказал леди Астор:

— Если произойдет война, Черчилль станет премьер-министром.

Черчилль поблагодарил Сталина за такую оценку его качеств политического деятеля.

— При этом, — заметил Черчилль, — я сам должен признать, что далеко не всегда относился дружелюбно к Советскому Союзу, особенно сразу же после Первой мировой войны.

Сталин примирительно сказал:

— Я это знаю. Уж в чем вам нельзя отказать, так это в последовательности в отношении вашей оппозиции к советскому строю.

— Можете ли вы простить мне все это? — спросил Черчилль.

Сталин немного помолчал, посмотрел на Черчилля, прищурился, и спокойно ответил:

— Не мое дело прощать, пусть вас прощает ваш бог. А в конце концов нас рассудит история. <...>

*В.М. Бережков. Страницы дипломатической истории.
Международные отношения, М., 1984. С. 155—156.*

А. Е. Голованов, 13 августа 1942 года

Сняв трубку, я услышал голос Сталина. Поинтересовавшись, как идут дела, он сказал:

— Приведите себя в порядок, наденьте все ваши ордена и через час приезжайте.

Раздались частые гудки. И прежде случалось, что Сталин, позвонив и поздоровавшись, давал те или иные указания, после чего клал трубку. Это было уже привычно. Верховный имел обыкновение без всяких предисловий сразу приступить к тому или иному вопросу. А вот указаний надеть ордена

и привести себя в порядок за год совместной работы я еще ни разу не получал.

Обычно я не носил никаких знаков отличия, и пришлось потрудиться, чтобы правильно прикрепить ордена на гимнастерке, почистить ее и пришить новый подворотничок.

Придя в назначенный час, я и вовсе был сбит с толку. Поскребышев направил меня в комнату, расположенную на одном этаже с Георгиевским залом. Там уже были К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, А.С. Щербаков и еще два-три человека.

Вошел Сталин, не один. Рядом с ним я увидел высокого полного человека, в котором узнал Черчилля, и какого-то военного, оказавшегося начальником английского имперского генерального штаба Аланом Бруком. После представления Черчиллю всех нас Сталин пригласил всех к столу.

Если не ошибаюсь, на этой встрече присутствовало человек десять, а может быть чуть больше. Стол был небольшим, но за ним уселись все.

Я увидел в руках у премьера бутылку армянского коньяка. Рассмотрев этикетку, он наполнил рюмку Сталина. В ответ Сталин налил тот же коньяк Черчиллю. Тосты следовали один за другим. Сталин и Черчилль пили вровень. Я уже слышал, что Черчилль способен поглощать большое количество горячительных напитков, но таких способностей за Сталиным не водилось. Что-то будет?

Почему, и сам не знаю, мною овладела тревога. За столом шла оживленная беседа, звучала русская и английская речь. Референт Павлов с такой легкостью и быстротой переводил разговор Сталина с Черчиллем, что казалось, они отлично понимают друг друга без переводчика. Я впервые увидел, что можно вести разговор на разных языках так, словно переводчика не существует.

Черчилль вытащил сигару такого размера, что подумалось, не изготавливают ли ему эти сигары на заказ. Речь Черчилля была невнятна, говорил он, словно набрав полон рот каши, однако Павлов ни разу не переспросил его, хотя беседа была весьма продолжительна.

В руках Павлова были записная книжка и карандаш: он, оказывается, одновременно стенографировал. Небольшого роста, белокурый молодой человек обладал поразительным мастерством переводчика.

Тосты продолжались. Черчилль на глазах пьянел, в поведении же Сталина ничто не менялось. Видимо, по молодости я

слишком откровенно проявлял интерес к состоянию двух политических деятелей: одного коммуниста, другого — капиталиста, и очень переживал, чем все это кончится...

Наконец Сталин вопросительно взглянул на меня и пожал плечами. Я понял, что совсем неприлично проявлять столь явное любопытство, и отвернулся. Но это продолжалось недолго, и я с тем же откровенным, присущим молодости любопытством стал смотреть на них.

Судя по всему, Черчилль начал говорить что-то лишнее, так как Брук, стараясь делать это как можно незаметнее, то и дело тянул Черчилля за рукав. Сталин же продолжал непринужденно вести, как видно, интересовавшую его беседу.

Встреча подошла к концу. Все встали. Распрощавшись, Черчилль покинул комнату, поддерживаемый под руки. Остальные тоже стали расходиться, а я стоял как замороженный и смотрел на Сталина. Конечно, он видел, что я все время наблюдал за ним. Подошел ко мне и сказал: «Не бойся, России не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал...» — И он твердой, неторопливой походкой вышел из комнаты.

*А.Е. Голованов. Он стоял во главе тяжелой войны.
Сборник «Полководцы». Роман-газета, М., 1995. С. 27—29.*

А.И. Шахурин, середина 1942 года

<...> Испытания показали, что Ту-2 превосходил все существовавшие в то время фронтовые бомбардировщики. Его скорость почти на 100 километров превышала скорость основного серийного немецкого бомбардировщика «Юнкерс-88». Самолет имел большой потолок и мог нести значительную бомбовую нагрузку. Однако массовый выпуск ТУ-2 начался фактически только в 1944 году.

Почему так случилось?

Ту-2 запускали в серию на одном из сибирских заводов, но дело не ладилось. Завод не был до конца построен, шло формирование коллектива, который состоял из рабочих и инженеров местного и эвакуированного заводов. А машина сложная. Наконец полк Ту-2 направили на Калининский фронт для войсковых испытаний. Командующим авиацией фронта был в то время бывший начальник летно-исследовательского института генерал М.М. Громов — человек, как уже говорилось, очень

основательный и неторопливый в выводах. Почти каждый день я звонил по телефону командиру дивизии, в которой испытывали Ту-2, узнавал об их участии в боях. Мне отвечали, что летчики отзываются о самолетах высоко, боевые и летные качества бомбардировщика хорошие, он не только метко поражает наземные цели, но и успешно сражается с истребителями противника.

А к Сталину никаких сообщений не поступало. То, что говорил я, его почему-то не убеждало. Положение на фронтах было в ту пору острым, а так как испытания затягивались, он стал настаивать на снятии Ту-2 с производства. Как мог, я доказывал, что этого делать не следует, надо, мол, дождаться официального отчета о фронтовых испытаниях самолета. А отчета, как на грех, все нет и нет. Сложившаяся ситуация очень раздражала Сталина. И однажды он очень сердито сказал:

— Почему не даете предложений о снятии самолета с производства? Нам очень нужны сейчас истребители.

Пришлось повторить, что машина хорошая, очень нужная фронту. Мы затратили большие усилия, чтобы оснастить ее и наладить производство. Сталин разговор продолжать не стал. А через два дня, вызвав меня к себе, сказал:

— Пишите: снять с производства самолет Ту-2. Обязать НКАП Шахурина и директора завода Соколова организовать на этом заводе производство истребителей.

Поразмыслив немного, Сталин спросил:

— Какие истребители там поставить?

Я ответил:

— Если вопрос решен окончательно, то на этом заводе лучше выпускать истребители Яковлева. Нам легче организовать их производство, так как сравнительно близко находится другой завод, который уже их делает. Он может помочь по-соседски.

— Когда начнете выпуск?

— Разрешите посоветоваться и завтра назвать срок?

— Хорошо, согласен!

Производство Ту-2 прекратили и начали готовиться к выпуску истребителей, как всегда, когда есть решение, в очень высоком темпе. А дней через двадцать приходит акт о фронтовых испытаниях туполевского бомбардировщика — объемистая прошнурованная книга с грифом «Совершенно секретно». Много подписей — летчиков, инженеров, командиров полка

и дивизии. А сверху: «Утверждаю. Генерал-майор авиации М. Громов». Оценка самолета очень высокая.

Примерно часов в пять-шесть вечера меня вызвали к Сталину.

Вхожу в кабинет. Сталин один. На длинном столе, покрытым синим сукном, лежит экземпляр акта испытаний Ту-2.

— Оказывается, хвалят машину. Вы читали?

— Да, читал. Зря сняли самолет с производства. И сколько я упреков от вас получил.

— И все-таки вы неправильно поступили, — вдруг сказал Сталин.

— В чем?

— Вы должны были жаловаться на меня в ЦК.

Сказал и пошел дальше по кабинету, попыхивая трубкой.

В ЦК на Сталина, как нетрудно догадаться, не жаловался никто.

После паузы я заметил:

— На месте эвакуированного завода сейчас восстанавливается завод по производству бомбардировщиков. Это предприятие, конечно, не такое крупное, как в Сибири, но наладить выпуск Ту-2 можно.

Сталин отозвался:

— Хорошо, готовьте решение.

Туполевский бомбардировщик начали выпускать. За годы войны удалось сделать около 800 машин.

А.И. Шахурин. Крылья победы. Политиздат, М., 1985. С. 237—239.

Д. Ф. Устинов, конец ноября 1942 года

В конце ноября 1942 года поздно ночью мне позвонил Сталин:

— Товарищ Устинов, как у вас обстоят дела с самоходной артиллерией?

— Идет доработка 76-мм самоходных орудий после испытаний в войсках.

— И каковы перспективы?

— Пока ничего утешительного, Необходимы серьезные изменения в конструкции.

— Плохо, товарищ Устинов. Время не ждет. Нам нужна самоходная артиллерия. Нужна безотлагательно. Это — оружие наступления. И если мы всерьез намерены наступать, нам надо иметь такое оружие. Иметь в достаточном количестве.

Сталин помолчал. Потом завершил разговор:

— Думаю, товарищ Устинов, следует на ближайшем заседании ГКО обсудить этот вопрос. Готовьтесь.

Заседание состоялось 2 декабря.

— Нам надо наладить производство самоходной артиллерии, — сказал Сталин. — Мы вынуждены торопиться с ее созданием по двум причинам. Во-первых, нашим войскам нужно подвижное и мощное оружие, способное в наступлении сопровождать танки и пехоту, уничтожать различные укрепления противника. Во-вторых, стало известно, что в Германии ведется работа над созданием тяжелых танков и штурмовых самоходных орудий. Значит, мы должны иметь достаточно мощное оружие против них. Послушаем товарищей Малышева и Устинова.

Сначала Вячеслав Александрович Малышев, а затем я доложили о состоянии работ по созданию самоходных артиллерийских установок. По нашим докладам ГКО принял решение, по которому наркоматы вооружения и танковой промышленности обязывались в кратчайший срок освоить производство новых систем самоходных артиллерийских установок (САУ) на базе имевшихся образцов танков и артиллерии.

Д. Ф. Устинов. Во имя победы. Воениздат, М., 1988. С. 181—182.

1943 год

Ф.Е. Боков, январь 1943 года

Однажды, в январе 1943 года, после доклада Верховному Главнокомандующему, я открыл папку, в которой обычно были всякие неоперативные документы, предложения о новых назначениях, перемещениях, ходатайствах о присвоении званий и список происшествий. О последних, если они не были из ряда вон выходящими, требующими немедленного решения, я старался докладывать только тогда, когда Верховный был не очень загружен.

И. В. Сталин посмотрел на папку и спросил:

— Что еще хотите доложить?

Я взял шифровку, положил ее на стол:

— Это представление командующего Южным фронтом генерала Еременко и члена военного совета Хрущева о снятии с должности командира 4-го гвардейского механизированно-

го корпуса генерала Танасчишина. Его обвиняют в превышении власти. Мне трижды звонили, прося доложить вам, генерал Еременко и дважды — генерал Хрущев.

— Это какой Танасчишин? — спросил И.В. Сталин. — В прошлом кавалерист?

— Да. Зовут его Трофим Иванович.

— Я его хорошо знаю. Боевой рубака... А как его корпус воюет?

— Очень хорошо. Под его командованием стал гвардейским.

— В чем же Танасчишина конкретно обвиняют?

Я доложил.

— Так... Личных мотивов у него не было. Болел, значит, за выполнение боевого задания, но переусердствовал... — заметил Верховный и поинтересовался: — А каково мнение Генштаба? Снимать его с корпуса или нет?

— Человек он действительно порывистый, горячий и поступил неправильно. Только генерал Танасчишин в корпусе на месте. Думается, достаточно ему на первый раз сделать строгое внушение...

И. В. Сталин на мгновение задумался, а потом, поднявшись сказал:

— Снимать не будем. Передайте Еременко и Хрущеву, что Сталин взял Танасчишина на поруки.

Вернувшись в Генштаб, я связался по телефону ВЧ с генералом А.И. Еременко, дословно передал ему слова Верховного и попросил его сообщить об этом решении Н.С. Хрущеву. Чувствовалось, что Андрей Иванович был растерян.

— Спасибо, что позвонили, — сказал он после небольшой паузы. — А члену военного совета, пожалуйста, сообщите об этом лично...

Я тут же соединился с Н.С. Хрущевым. Он выслушал меня и тихо спросил:

— Может быть, вы не так доложили?

— Я доложил товарищу Сталину вашу шифровку. Если вы не согласны, можете ему позвонить.

— Нет, этого я делать не буду. Что ж, на поруки, так на поруки.

На следующий день, при очередном моем докладе в ставке, Сталин с улыбкой спросил:

— Так говорили вы с Еременко и Хрущевым? Удовлетворили они мое ходатайство или нет?

Я ответил в тон Верховному:

— Все нормально. Ваше ходатайство удовлетворено, товарищ Сталин.

— Хорошо. Что ж, перейдем к рассмотрению положения на фронтах.

Я развернул на столе, обитым зеленым сукном, карту...

Ф.Е. Боков. Весна победы. Воениздат, М., 1980. С. 31—32.

Н. Д. Яковлев, 31 января 1943 года

Хорошо помню тот вечер в Ставке, когда пришло известие об окончательном разгроме группировки фашистских войск в районе Сталинграда. В кабинет И.В. Сталина вошел А.Н. Поскребышев и доложил, что через несколько минут будут передавать по радио приказ наркома обороны в связи с победой наших войск в Сталинграде.

В кабинете Сталина радиоприемника не было — он находился в кабинете Поскребышева. Поэтому Верховный предложил Г. К. Жукову и мне, оказавшемуся в тот час в Ставке, пройти туда и послушать Левитана...

Слушая торжественный голос известного всей стране диктора, передававшего приказ, я краем глаза наблюдал за Сталиным. Расправив плечи и став как будто выше ростом, он, попыхая трубкой, гордо поглядывал то на Жукова, то на меня, не скрывая своего удовлетворения и гордости за блестящий успех наших войск.

Но особенно он подтянулся и приосанился в тот момент, когда Левитан начал читать раздел приказа о пленении гитлеровских генералов. И первым в этом списке шел фельдмаршал Паулюс. Сталин даже хмыкнул многозначительно. Дескать, знай наших. Вон каких китов заставляем в плен сдаваться! Но то ли еще будет!

Да, это был великий праздник! И не только для нашего народа. Весь прогрессивный мир, до этого с тревогой следивший за событиями на советско-германском фронте, вздохнул с облегчением: на заснеженных полях России зарвавшимся фашистским маньякам, возомнившим себя властелинами мира, преподнесен еще один поучительный урок! Гитлеровская Германия оделась в траур...

Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе. Высшая школа, М., 1984. С. 103—104.

А.С. Яковлев, 11 февраля 1943 года

Вечером 11 февраля 1943 года нас с наркомом А.И. Шахуриным вызвали в Кремль по вопросу об истребителях сопровождения для бомбардировщиков Ил-4 и штурмовиков Ил-2.

<...>

Когда мы приехали, некоторые члены Политбюро, маршалы авиации Новиков и Голованов и несколько высших командиров-танкистов уже сидели за длинным столом в кабинете Сталина. По-видимому, до нас обсуждали какие-то дела с танкистами.

Как только мы вошли, разговор с танкистами был прерван, и Сталин поднял вопрос о возможности дневных бомбежек на самолетах Ил-4.

— Сейчас уже не 1941 год, когда у нас не хватало истребителей и Ил-4, вылетая днем без охраны, несли при этом большие потери, — сказал он. — Мы имеем теперь столько истребителей, что можем обеспечить сопровождение бомбардировщиков Ильюшина. Нас не удовлетворяет только ночная работа Ил-4, нам не хватает дневных бомбардировщиков. Необходимо Ил-4 использовать для дневной бомбардировки.

Затем он заговорил о штурмовиках, о более энергичной и смелой работе штурмовиков над полем боя.

— Нужно дать им более надежное прикрытие истребителями для того, чтобы уменьшить потери штурмовиков от истребительной авиации противника. Нужно, чтобы летчики-штурмовики смелее работали, не боялись вражеских истребителей!

Маршал Новиков высказал свою точку зрения и выразил пожелание, чтобы истребителей сопровождения было в пропорции 1:1,5, то есть на два штурмовика три истребителя.

Шахурин сразу возразил против предложения Новикова, говоря, что если принять пропорцию 1:1,5 да к этому прибавить еще необходимое количество самолетов для прикрытия дневных полетов Ил-4, у нас не хватит истребителей.

Завязалась горячая полемика между Новиковым и Шахуриным.

Дав им еще немного пошуметь, Сталин прекратил спор и сказал:

— По-видимому, дело не ясно, — надо точнее определить баланс истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков на ближайшее время, и после этого примем решение.

На этом же совещании он потребовал у маршала Голованова усиления бомбардировки района Керченского пролива. Голованов ответил, что база ночных бомбардировщиков находится на Каспийском побережье. Отдаленностью базы и объясняется недостаточная интенсивность ночных бомбардировок Керченского пролива.

Сталин удивился, почему так издалека приходится летать бомбить Керченский пролив. Оказалось, что авиация дальнего действия не успела подготовить аэродрома для своих самолетов на только что освобожденной территории Северного Кавказа и Кубани.

Вдруг зазвонил телефон. Сталин встал из-за большого стола, за которым сидел вместе со всеми, подошел к столу с телефонами и взял трубку. Он поздоровался и несколько раз, выслушивая сообщение одного из командующих фронтами, повторил:

— Да, да. Ну, это хорошо. — А потом говорит:— А наши ребята Курск взяли.

По видимому, его собеседник не расслышал и переспросил, тогда Сталин погромче:

— Наши ребята Курск заняли, Курск заняли. Всего хорошего!

И положил трубку.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 271—272.

А.С. Яковлев, 16 февраля 1943 года

16 февраля 1943 года вечером снова вызвали в Кремль. Ждать не пришлось: сразу пригласили в кабинет, где уже находились Молотов, Микоян, Щербаков.

Мы вошли в тот момент, когда Сталин, стоя, зачитывал сообщение Совинформбюро «В последний час» о взятии Харькова. Он редактировал текст сообщения, читая его вслух, и тут же вносил поправки толстым синим карандашом. Наконец, внося все исправления, прочел снова сообщение и сказал:

— Ну, так будет хорошо!

И передал окончательный текст Щербакову, который унес его для перепечатки и сообщения по радио.

После этого Сталин прочел вслух письмо конструктора Н.Н. Поликарпова, в котором тот докладывал о новом быстро-

ходном истребителе, проходившем заводские испытания и показавшем большую скорость.

Он спросил:

— Что знаете об этой машине?

Я отвечаю:

— Хорошая машина, скорость действительно большая.

Сталин сразу же:

— Вы бросьте свою корпоративную мораль. Не хотите обидеть конструктора — хорошо отзываетесь! Как беспристрастно?

Мы с наркомом постарались объективно оценить машину и дать ей возможно более исчерпывающую характеристику. Но, так как самолет прошел только часть заводских летных испытаний, дать окончательное заключение было невозможно.

Между прочим, Сталин заинтересовался дальностью полета этого истребителя, заметив, что одна скорость без необходимой дальности еще мало о чем говорит. Мы назвали цифру дальности.

— Проверено в полете?

— Нет, дальность еще не проверена в полете. Это расчетные данные.

— Я словам не верю. Сперва проверьте в полете дальность, а потом будем решать, как быть с этой машиной. Сейчас решать рано.

И отложил письмо Поликарпова в сторону.

Затем он задал вопрос о моторе М-82 — мощном двигателе воздушного охлаждения конструкции Швецова. Сталин и раньше неоднократно говорил, что нужно выпускать больше этих моторов, а теперь спросил, почему задерживается их освоение в серийном производстве. Серийный завод действительно испытывал большие трудности с освоением мотора М-82, и выпуск его сильно задерживался.

Нарком стал приводить ряд причин, объясняющих задержки.

Сталин вспылil:

— Почему вовремя не докладываете о своих затруднениях? Если не можете сами их ликвидировать или решить, нужно докладывать. Мы не отказываемся помочь, но своевременно докладывайте о затруднениях, если не можете сами справиться.

Нарком несколько раз пытался оправдаться:

— Товарищ Сталин...

Сталин не слушал и продолжал:

— А вы, вместо того чтобы вовремя доложить, скрываете затруднения, чем наносите большой вред делу...

Нарком опять:

— Товарищ Сталин...

Тогда Сталин вскипел:

— Какой я вам товарищ?! Я вам не товарищ, я что обещаю — делаю, а вы меня обманываете, значит, вы мне не товарищ! Давайте скорее моторы, тогда будем товарищами!

Последние слова были уже сказаны смягченным тоном.

— Будут моторы, — ответил нарком, обрадованный, что гроза миновала.

Нарком предложил на рассмотрение Государственного Комитета Обороны проект постановления об организации опытного завода и конструкторского бюро Героя Социалистического Труда конструктора-моториста Александра Александровича Микулина. Его конструкторское бюро работало при серийном моторостроительном заводе. Микулин просил, чтобы ему разрешили создать самостоятельную опытную базу. Там бы он был полным хозяином и перестал бы зависеть от серийного завода. <...>

Сталин взял в руки проект постановления и говорит:

— Дайте посмотреть, на слово не верю.

Бегло прочитал.

— Микулину можно организовать базу, Микулин дает хорошие вещи. А кто у него будет директором? Сам хочет быть директором?

— Нет, товарищ Сталин, Микулин хочет быть только главным конструктором, а директором просит утвердить другого.

— Кого?

— Он был во время Нью-йоркской выставки директором советского павильона.

— Как, этого пьяницу?

Нарком говорит:

— Он сейчас исправился, товарищ Сталин.

Через несколько дней постановление утвердили. Сталин оказался прав, через непродолжительное время нам пришлось, краснея за то, что мы недостаточно знаем людей, обратиться в ЦК с просьбой о снятии директора, так как он не справился с порученной ему ответственной работой.

Потом нарком поставил вопрос о запуске в серийное производство туполевского фронтового пикирующего бомбарди-

ровщика Ту-2, который успешно прошел государственные испытания.

— Пускать в серию новую машину сейчас, во время войны, — это авантюра, — сказал Сталин. — Вот через некоторое время подтянемся с количеством по другим самолетам, тогда и к этому вопросу вернемся.

Мы продолжали настаивать на необходимости запуска Ту-2, так как по своим боевым качествам он был выше Пе-2 и Ил-4. Но Сталин был непреклонен.

— В принципе я — за, но пока подождем.

(Действительно, к вопросу о производстве Ту-2 позже, когда наше военное положение стало еще лучше, вернулись, и в 1944 году самолеты Ту-2 начали появляться на фронте.)

Затем Сталин заговорил о выпуске истребителей Як-9 с тяжелыми пушками калибра 37 миллиметров. Эта машина в опытном экземпляре прошла государственные испытания. Сталин сильно ругал нас за то, что еще не налажен серийный выпуск машин. Он потребовал также выпуска самолета Як-9д с дальностью полета 1400 километров, который в опытном образце тоже прошел испытания. Об этом военные уже доложили правительству, но серийный выпуск машины задерживался. Нам предложили срочно представить проект решения Государственного Комитета Обороны о серийном выпуске в самые сжатые сроки истребителей Як-9т с 37 миллиметровыми пушками и истребителей Як-9д увеличенной дальности.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 273—275.

Ф. Е. Боков, 14—16 февраля 1943 года

<...> В начале 1943 года позвонил командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-полковник танковых войск Я.Н. Федоренко и сообщил, что с Южного фронта вызван командир 3-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров и что ему нужно устроить встречу с И.В. Сталиным, чтобы доложить соображения о совершенствовании применения танковых войск в наступательных операциях. Павла Алексеевича Ротмистрова я знал как опытного, прекрасно подготовленного генерала. Коль он добивался приема у Верховного Главнокомандующего, то, видимо, у него есть для этого веские основания. <...>

Вскоре пришел Ротмистров и состоялась интересная беседа. Его идея показалась мне заманчивой и важной. <...>

Наша беседа подходила к концу, когда позвонил Сталин. Он поинтересовался, нет ли новых сообщений с фронтов. Подробно доложив последнюю сводку и ответив на вопросы, я сказал:

— Товарищ Сталин, прибывший с фронта генерал Ротмистров убедительно просит, чтобы вы его приняли.

— По какому вопросу?

Я кратко изложил суть дела.

— Согласен, — ответил Сталин после небольшой паузы. — Считаю, что этот вопрос пора решать. Я его приму сразу после доклада о положении на фронтах. Пригласите его ко мне.

Вечером мы приехали в Кремль.

Пришлось несколько минут подождать в приемной, пока Сталин закончил беседу с конструкторами. Когда они вышли из кабинета, А.Н. Поскребышев пригласил меня войти. За длинным столом сидели В.М. Молотов, Г.М. Маленков и другие члены правительства. И.В. Сталин стоял у окна. После моего доклада о положении на фронтах он задал несколько вопросов и отдал распоряжения, которые предстояло оформить в виде директив действующим фронтам, потом подошел к П.А. Ротмистрову и с улыбкой сказал:

— Ну расскажите, как вы громили Манштейна? Ваши телеграммы о выходе корпуса к Дону читал. Знаем, что танкисты отличились в боях...

Подбодренный таким обращением, Ротмистров докладывал спокойно, содержательно и аргументированно. Он оперировал примерами из опыта боевых действий 3-го гвардейского танкового корпуса, анализировал тактику противника в применении танков. На встречу с Верховным Павел Алексеевич пришел подготовленным, разложил на большом столе несколько карт и схем. Все присутствовавшие заинтересованно слушали доклад о взаимодействии танкистов с общевойсковыми армиями, которые задержали, а потом отбросили назад войска Манштейна, рвавшиеся на выручку окруженной под Сталинградом группировке Паулюса.

Ответив на все вопросы Сталина, генерал Ротмистров очень коротко доложил о своем предложении: сформировать однородные по составу танковые объединения, не включая в них стрелковые дивизии, повысить подвижность артиллерии, тыла и штабов танковой армии. Обоснование этого предложения звучало убедительно. Хотя танковые армии смешанного

состава в ходе наступления зимой 1942/43 года действовали в основном успешно, но опыт показал, что для стремительных наступательных операций необходимо иметь высоко подвижные, обладающие большой ударной силой и огневой мощностью объединения, которые бы явились основным средством развития успеха и обеспечивали бы наилучшие условия массирования танков на важнейших направлениях в решающий момент.

Это предложение вызвало живое обсуждение в ставке. В.М. Молотов, обращаясь к Ротмистрову, сказал:

— Вы предлагаете пехоту заменить механизированными частями, а командующий танковой армией Романенко доволен стрелковыми дивизиями и просит добавить ему еще одно-два соединения. Так кто же из вас прав?

И. В. Сталин посмотрел на Молотова, хитровато улыбнулся и, промолчав, взглядом как бы предложил Павлу Алексеевичу ответить на вопрос. Ротмистров убежденно отстаивал свою точку зрения.

— Опыт прошедших операций показывает, что стрелковые дивизии при наступлении отстают от танковой армии на тридцать-сорок километров. Это вынуждает танковые корпуса отставать для блокирования противника и удержания захваченных рубежей до подхода пехоты. Кроме того, нарушается взаимодействие между танковыми корпусами и стрелковыми частями, затрудняется управление ушедшими вперед танками и отставшей пехотой. Командующий и штаб армии вынуждены раздваивать внимание из-за большой растяжки войск...

И. В. Сталин снова пристально посмотрел на Ротмистрова и улыбнулся. Мне показалось, что он доволен доводами генерала. А Павел Алексеевич продолжал:

— Я считаю, что в современную танковую армию необходимо дать несколько полков противотанковой артиллерии, а противотанковые ружья изъять...

В. М. Молотов снова не удержался и перебил:

— Почему? Противотанковые ружья успешно используются против танков и огневых точек противника. Кроме того, они хорошо поддерживают моральное состояние наших войск. Разве не так?

— Все это верно, — ответил генерал. — Но нам необходимо наряду с этим расстреливать и сжигать танки и самоходки противника с больших дистанций, а с этой задачей может успешно справиться только противотанковая артиллерия...

Дискуссия в Кремле продолжалась около двух часов. П.А. Ротмистров предложил включить в танковую армию два танковых и один механизированный корпус, артиллерийский противотанковый полк, зенитно-артиллерийские части и соответствующие части обслуживания.

И. В. Сталин активно участвовал в беседе. Ему явно нравилась настойчивость и убежденность П.А. Ротмистрова, обоснованность его ответов. Иногда Верховный возражал генералу, но не потому, что отрицал целесообразность предложенной структуры, а учитывая тогдашнюю нехватку автотранспорта, противотанковой и зенитной артиллерии. По всему чувствовалось, что доклад и само предложение П. А. Ротмистрова пришлось по душе Верховному Главнокомандующему.

Сталин отошел к своему небольшому столу, заглянул в синий блокнот. Этот блокнот я хорошо знал. В нем Верховный записывал для себя наличные резервы живой силы и техники. Кстати говоря, когда в начале войны с резервами дело обстояло скверно, а их требовали все фронты, эта «карманная бухгалтерия» И.В. Сталина была секретом даже для Генштаба. Генерал Н.Д. Яковлев, ведавший вопросами распределения вооружения, докладывал о готовой продукции лишь И.В. Сталину, и когда тот сообщал нам о наличии некоторых резервов, то предупреждал:

— Об этом знать должны только присутствующие, не то командующие фронтами одолеют просьбами. А резервы нам так нужны...

Сталин долго рассматривал записи в блокноте, задумался, потом произнес:

— А что, мысль здравая. Мы теперь танками побогаче, чем прежде. Их лобовая броня крепче, мощности и вооружение боевых машин не те, что в начале войны. Пожалуй, можно создать танковые армии. Только следует продумать их состав и организацию... — Внимательно посмотрев на Ротмистрова, Верховный спросил его: — А вы сможете возглавить первую из них? Потянете?

— Как прикажете.

— Вот это солдатский ответ.

Верховный отошел в глубь кабинета, а потом снова спросил:

— А все-таки потянете? Сил и знаний хватит?

Ротмистров промолчал, и Сталин ответил сам себе:

— Думаю, потянете.

Уже на следующий день, после моего очередного доклада о положении на фронтах, Верховный заметил:

— Мне, знаете ли, понравился Ротмистров. Его предложение мы, вероятно, примем. И пусть Ротмистров возглавит первую такую армию.

В последующие дни по указанию Ставки ВГК началась разработка проекта структуры однородных танковых армий. При его подготовке было выяснено мнение командующих всеми танковыми армиями. Большую работу по этому вопросу сделало управление бронетанковых и механизированных войск Красной Армии. После дополнительного обсуждения проект утвердили в конце января 1943 года. Оперативное решение этого сложного вопроса свидетельствовало о большом внимании ЦК партии, Ставки к предложениям из войск, о глубоком анализе развития форм и способов ведения боевых действий, что позволило с учетом экономических возможностей страны своевременно создать танковые армии нового типа. Первой по новым штатам была сформирована 5-я гвардейская танковая армия, которую возглавил генерал П.А. Ротмистров...

Ф.Е. Боков. Весна победы. Воениздат, М., 1980. С. 65—70.

П. А. Ротмистров, 14—16 февраля 1943 года

После беседы со мной генерал Я.Н. Федоренко сказал, чтобы я ехал в Генштаб, к Ф.Е. Бокову.

Федор Ефимович принял меня душевно, подробно информировал о существе дела, по которому я вызван с фронта.

— Вопрос о реорганизации созданных еще в прошлом году танковых армий смешанного состава, — говорил он, — уже давно назрел. Опыт показал, что управлять армией, имеющей в своем составе танковые, пехотные и кавалерийские соединения с различной степенью подвижности и маневренности, весьма сложно, особенно в наступлении. Вам, Павел Алексеевич, как теоретика и практику, видимо, это хорошо известно.

— Положим, Федор Ефимович, теоретиком в полном смысле этого слова я себя не считаю. А практика со всей очевидностью установила, что для развития успеха на большую глубину в крупных наступательных операциях войска фронта или фронтов должны иметь высокоподвижные, обладающие большой ударной силой и огневой мощью танковые соединения и объединения. Только они могут решать задачи такого

рода, обеспечить массирование танков на важнейших направлениях и в решающий момент.

— Яков Николаевич Федоренко сообщил мне, что вы просите организовать вам встречу с товарищем Сталиным. Это так? — спросил Ф.Е. Боков.

— Вообще-то с такой просьбой к генералу Федоренко я не обращался, а говорил ему лишь о готовности доложить Верховному свое мнение по обсуждаемому в Ставке вопросу...

Тут на столе у Федора Ефимовича зазвонил телефон.

— Слушает Боков, — поднял трубку генерал. — Здравствуйте, товарищ Сталин! Сию минуту... — Он торопливо раскрыл папку, доложил Верховному последнюю сводку с фронтов, затем, ответив на несколько вопросов Сталина, скосил взгляд на меня и сказал. — Прибыл с Южного фронта генерал Ротмистров. Прошу, товарищ Сталин, чтобы вы его приняли.

Лицо Бокова расплылось в широкой улыбке. Видимо Сталин сказал что-то шутливое.

— Слушаюсь! — погасив улыбку, коротко ответил генерал и положил трубку. Боков встал и, кивнув на телефонный аппарат, весело сказал: — Хорошее настроение у Верховного... Велел вас приглашать. Примет сразу же после моего доклада о положении на фронтах.

Он тут же позвонил секретарю И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву и заказал для меня пропуск.

Вечером мы прибыли в Кремль.

В приемной Верховного находился только Поскребышев. Поздоровавшись, он, обращаясь к Бокову, сказал, что И.В. Сталин беседует с группой конструкторов и просит немного подождать. Вскоре высокая дверь раскрылась, и из кабинета Сталина начали выходить конструкторы, перебрасываясь короткими фразами и угощая друг друга папиросами. Пригласили Ф.Е. Бокова, а я остался в приемной наедине с Поскребышевым, который, казалось, не замечал меня, сосредоточенно разбирая документы и отвечая на телефонные звонки. Присев по его приглашению на стул, я обдумывал, как более коротко и четко доложить Верховному свое мнение, зная, что он не любит пространных рассуждений.

И вот наконец Поскребышев предложил мне зайти в кабинет Верховного Главнокомандующего. За длинным столом сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б), Ставки и правительства. Почему-то в первое мгновение мой взгляд скользнул по лицу В.М. Молотова, поправлявшего пенсне.

Сталин, стоявший в глубине кабинета с неизменной трубкой в слегка согнутой руке, медленно двинулся мне навстречу. Я остановился и по-уставному доложил о прибытии по его приказанию.

— Я вам не приказывал, я вас приглашал, товарищ Ротмистров, — подал мне руку Сталин. — Рассказывайте, как громили Манштейна.

Меня это несколько смутило: ведь Верховному наверняка в подробностях было известно о боях с войсками противника, рвавшимися на выручку группировке Паулюса, окруженной под Сталинградом. Но коли он спрашивает, я начал рассказывать, анализируя эти бои, тактику действий 3-го гвардейского танкового корпуса в наступлении на Рычковский и Котельниково.

Сталин бесшумно прохаживался вдоль стола, изредка задавал мне короткие вопросы. Внимательно слушали меня и все присутствующие. Мне даже подумалось, что Верховный предложил рассказать про бои с Манштейном именно для них.

Как-то незаметно Сталин перевел разговор на танковые армии.

— Наши танковые войска, — сказал он, — научились успешно громить противника, наносить ему сокрушительные и глубокие удары. Однако почему вы считаете нецелесообразным иметь в танковой армии и пехотные соединения?

Верховный остановился и прищуренным взглядом пристально посмотрел мне в глаза. Я понял, что кто-то сообщил ему мое мнение.

— При наступлении стрелковые дивизии отстают от танковых корпусов. При этом нарушается взаимодействие между танковыми и стрелковыми частями, затрудняется управление ушедшими вперед танками и отставшей пехотой.

— И все же, — возразил Сталин, — как показали в общем смелые и решительные действия танкового корпуса генерала Баданова в районе Тацинской, танкистам без пехотинцев трудно удерживать объекты, захваченные в оперативной глубине.

— Да, — согласился я. — Пехота нужна, но моторизованная. Именно поэтому я считаю, что в основной состав танковой армии помимо танковых корпусов должны входить не стрелковые, а именно мотострелковые части.

— Вы предлагаете пехоту заменить механизированными частями, а командующий танковой армией Романенко доволен стрелковыми дивизиями и просит добавить ему еще од-

ну-две такие дивизии. Так кто же из вас прав? — спросил молчавший до этого В.М. Молотов.

— Я доложил свое мнение, — ответил я. — Считаю, что танковая армия должна быть танковой не по названию, а по составу. Наилучшим ее организационным построением было бы такое: два танковых и один механизированный корпус, а также несколько полков противотанковой артиллерии. Кроме того, следует обеспечить подвижность штабов и надежную связь между ними, частями и соединениями..

И. В. Сталин внимательно слушал меня, одобрительно кивал, и улыбаясь, посматривал на В.М. Молотова, который вновь перебил меня вопросом:

— Выходит вы не признаете противотанковые ружья, если, по существу, хотите их заменить противотанковой артиллерией. Но они ведь успешно используются против танков и огневых точек. Разве не так?

— Дело в том, товарищ Молотов, что противотанковые ружья были и остаются эффективным средством борьбы с танками противника в оборонительных операциях, когда огонь ведется из окопов с расстояния не более трехсот метров. А в маневренных условиях они не выдерживают единоборства с пушечным огнем вражеских танков, открываемом на дистанции пятисот метров и больше. Поэтому и желательно иметь в танковых и механизированных корпусах хотя бы по одной противотанковой бригаде.

Обсуждение вопроса продолжалось около двух часов. И.В. Сталина заинтересовали и высказанные мною взгляды на применение танковых армий в наступательных операциях. Они сводились к тому, что танковые армии следует использовать как средство командующего фронтом или даже ставки Верховного Главнокомандования для нанесения массированных ударов прежде всего по танковым группировкам противника на главных направлениях без указания им полос наступления, которые лишь сковывают маневр танков.

Чувствовалось, что Сталин хорошо понимает значение массированного применения танковых войск и не одного меня заслушивал по этому вопросу.

— Придет время, — сказал он, как бы вслух размышляя, — когда наша промышленность сможет дать Красной Армии значительное количество бронетанковой, авиационной и другой боевой техники. Мы скоро обрушим на врага мощные танковые и авиационные удары, будем беспощадно гнать и громить

немецко-фашистских захватчиков. — Сталин заглянул в лежащий на столе блокнот и снова двинулся по кабинету, продолжая рассуждать. — Уже сейчас у нас имеется возможность для формирования новых танковых армий. Вы могли бы возглавить одну из них, товарищ Ротмистров?

— Как прикажете, — быстро поднялся я со стула.

— Вот это солдатский ответ, — сказал Верховный и снова пристально посмотрев на меня, добавил, — думаю, потянете. Опыта и знаний у вас хватит.

У присутствующих, вероятно, были дела, требовавшие срочных решений Сталина, и, считая, что наш разговор затянулся, они начали проявлять нетерпение. Сталин уловил это и попрощался.

Через день я был вызван в Генштаб. Там уже находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковник Я.Н. Федоренко. Генерал Боков сообщил, что при его очередном докладе И.В. Сталину Верховный полностью одобрил высказанные мною предложения и подписал директиву о формировании 5-й гвардейской танковой армии, поручив Генштабу совместно с управлением Я.Н. Федоренко тщательно разработать проект структуры новых танковых армий.

Одновременно был подписан приказ о назначении командования 5-й гвардейской танковой армии. Командармом назначался я, моим первым заместителем И.А. Плиев, вторым генерал-майор К.Г. Труфанов, членом военного совета генерал-майор танковых войск П.Г. Гришин и начальником штаба армии полковник В.Н. Баскаков.

— А ты опять улизнал от меня, — лукаво посмеиваясь, сказал Я.Н. Федоренко. — Честно говоря, упрашивал я товарища Сталина назначить тебя моим заместителем. Но он ответил как отрезал: «Канцеляристов и так в Москве развелось много!»

*П.А. Ротмистров. Стальная гвардия.
Воениздат, М., 1984. С. 163—167.*

А.С. Яковлев, март 1943 года

В один из мартовских дней 1943 года вызвали в Кремль по вопросу о двигателях Климова ВК-107, а разговор опять зашел о дальности полетов истребителей. Мы доложили о том, что конструктор Лавочкин выпустил новую модификацию самолета

та Ла-5 с мотором М-71 — мощным двигателем воздушного охлаждения конструктора Швецова — и что самолет показал при этом хорошие летные качества.

Сталин обрадовался, стал подробно расспрашивать о данных машины, но заметил:

— Скажите Лавочкину, что дальность его самолета мала. Нам нужно, чтобы она была не меньше тысячи километров...

Тут же он перешел к сравнению наших истребителей с английским «Спитфайром» и американским «Эйробра». При этом он заметил, что фирменные данные зарубежных машин преувеличиваются. Когда он назвал данные самолета «Спитфайр», я, полагал, что он имеет в виду «Спитфайр» — разведчик, дальность которого превышала 2 тысячи километров, сказал, что этот самолет не имеет стрелкового оружия, он не истребитель, а разведчик.

На это Сталин возразил:

— Что вы ерунду говорите? Что я, ребенок, что ли? Я говорю об истребителе, а не о разведчике. «Спитфайр» имеет большую дальность, чем наши истребители, и нам нужно обязательно подтянуться в этом деле...

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 275—276.

Г.К. Жуков, 16 марта 1943 года

Совещание у Верховного Главнокомандующего закончилось после трех часов ночи. Все его участники разошлись, кто в ЦК, кто в СНК, кто в Госплан, с тем, чтобы изыскать ресурсы и срочно принять меры для улучшения работы промышленности.

После совещания И.В. Сталин подошел ко мне и спросил:

— Вы обедали?

— Нет.

— Ну тогда пойдемте ко мне да заодно и поговорим о положении в районе Харькова.

Во время обеда из Генштаба привезли карту с обстановкой на участках Юго-Западного и Воронежского фронтов. Направленец, ведущий обстановку по Воронежскому фронту, доложил, что там к 16 марта ситуация крайне ухудшилась. После того как бронетанковые и моторизованные части противника, наступавшие из района Краматорска, оттеснили части Юго-Западного фронта за реку Донец, создалось тяжелое положение юго-западнее Харькова.

Одновременно перешли в наступление части противника из района Полтавы и Краснограда. Н.Ф. Ватутин оттянул назад вырвавшиеся вперед части 3-й танковой и 69-й армии и организовал более плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Воронежский фронт, которым в то время командовал генерал-полковник Ф.И. Голиков, такой отвод войск не осуществил.

— Почему Генштаб не подсказал? — спросил Верховный.

— Мы советовали, — ответил направлонец.

— Генштаб должен был вмешаться в руководство фронтом, — настойчиво заметил И.В. Сталин. А затем, подумав немного, обратился ко мне: — Придется вам утром вылететь на фронт.

Тут же Верховный позвонил члену Военного совета Воронежского фронта Н. С.Хрущеву и резко отчитал его за неприятие военным советом мер против контрударных действий противника. Отпустив направленца, Верховный сказал:

— Все же надо закончить обед.

А было уже пять часов утра...

После обеда, вернее уже завтрака, я попросил разрешения поехать в Наркомат обороны, чтобы подготовиться к отлету на Воронежский фронт. В семь часов утра был на Центральном аэродроме и вылетел в штаб Воронежского фронта. Как только сел в самолет, сейчас же крепко заснул и проснулся лишь от толчка при посадке на аэродроме.

В тот же день позвонил по ВЧ И.В. Сталину и обрисовал обстановку. Она была хуже той, которую утром докладывал направлонец Генштаба.

После захвата Харькова части противника без особого сопротивления продвигались на белгородском направлении и заняли Казачью Лопань.

— Необходимо, — докладывал я Верховному, — срочно двинуть сюда все что можно из резерва Ставки, в противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на курском направлении.

Через час из разговора с А.М. Василевским я узнал, что Верховным принято решение и уже передано распоряжение о выдвижении в район Белгорода 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии. Танковая армия поступила в мой резерв.

18 марта Белгород был захвачен танковым корпусом СС. Однако дальше на север противник прорваться уже не мог.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 136—137.*

А.С. Яковлев, 20—30 апреля 1943 года

В конце апреля 1943 года я доложил в Государственный Комитет Обороны о том, что создан и испытан новый истребитель — Як-3, являющийся развитием самолета Як-1. Снизив вес машины на 300 килограммов против серийного Як-1, нам удалось при прежнем двигателе увеличить скорость на 70 километров в час, резко улучшить маневренность и усилить вооружение. Я подчеркнул, что истребитель Як-3 построен нашим ОКБ в инициативном порядке.

Сталин удивился:

— Не может быть! Как вам это удалось?

— Мы провели облегчение конструкции самолета Як-1, кроме того, уменьшили ему крыло, что, в свою очередь, дало большое облегчение, и в результате полетный вес Як-3 стал 2650 килограммов вместо 2950 килограммов у Як-1.

— А сколько весят «мессершмитт» и «фокке-вульф»?

— Теперешние «мессершмитты» весят более 3 тысяч килограммов, а «фокке-вульф» — около 4 тысяч килограммов.

— Значит, у Як-3 маневренность лучше, чем у немецких истребителей?

— Гораздо лучше.

Подумав немного, Сталин задал еще вопрос:

— А почему скорость увеличилась, — с мотором что-нибудь сделали?

Я ответил, что с мотором ничего не делали, мотор серийный, и рассказал, как мы улучшили аэродинамику самолета. Максимальная скорость Як-3 — 660 километров в час.

— А как технология?

— Технология в основном такая же, как при производстве Як-1.

— Ну, это хорошо. Проводите скорее государственные испытания и доложите, что получится. Желаю успеха.

Внедрение в серию Як-3 не вызвало затруднений. Освоение его шло параллельно с серийным выпуском Як-1 и не привело к снижению программы завода.

Скоро на фронт в больших количествах вместо Як-1 стали поступать Як-3.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1988. С. 292—293.

А.С. Яковлев, 3 июня 1943 года

3 июня 1943 года меня и заместителя наркома П.В. Дементьева, ведавшего вопросами серийного производства, вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. В кабинете кроме Сталина находились маршалы Василевский и Воронов. Мы сразу заметили на столе куски потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолета и поняли, в чем дело. Предстоял неприятный разговор.

Дело в том, что на выпущенных одним из восточных заводов истребителей Як-9 обшивка крыла стала растрескиваться и отставать. Произошло несколько случаев срыва полотна с крыльев самолета в полете. Причиной этому явилось плохое качество нитрокраски, поставляемой одним из уральских химических предприятий, где применили наспех проверенные заменители.

Краска была нестойкой, быстро подвергалась влиянию атмосферных условий, растрескивалась, и полотняная оклейка крыла отставала от фанеры. Мы уже знали об этом дефекте и всеми мерами стремились ликвидировать его. Сталин, указывая на куски негодной обшивки, лежавшие на столе, спросил:

— Вам об этом что-нибудь известно? — И зачитал донесение из воздушной армии, дислоцированной в районе Курска, присланное вместе с образцами негодной обшивки.

Мы сказали, что случаи срыва обшивки нам известны. Он перебил нас:

— Какие случаи? Вся истребительная авиация небоеспособна. Было до десяти случаев срыва обшивки в воздухе. Летчики боятся летать. Почему так получилось?!

Сталин взял куски полотна, лакокрасочное покрытие которого совершенно растрескалось и отваливалось кусками, показал нам и спросил:

— Что это такое?

Дементьев сказал, что мы о дефекте знаем и принимаем меры к тому, чтобы прекратить выпуск негодных самолетов и отремонтировать уже выпущенные машины. Дементьев обещал в кратчайший срок исправить положение и обеспечить боеспособность всех самолетов, выпущенных за последнее время.

Сталин с негодованием обратился к нам:

— Знаете ли вы, что это срывает важную операцию, которую нельзя проводить без участия истребителей?

Да, мы знали, что готовятся серьезные бои в районе Орел — Курск, и наше самочувствие в этот момент было ужасным.

— Почему же так получилось?! — продолжал все больше выходить из себя Сталин. — Почему выпустили несколько сот самолетов с дефектной обшивкой? Ведь вы же знаете, что истребители нам сейчас нужны как воздух! Как вы могли допустить такое положение и почему не приняли мер раньше?

Мы объяснили, что в момент изготовления самолетов этот дефект обнаружить на заводе было невозможно. Он обнаруживается лишь со временем, когда самолеты находятся не под крышей ангара, а на фронтовых аэродромах, под открытым небом — под воздействием дождя, солнечных лучей и других атмосферных условий. Выявить дефект на самом заводе трудно и потому, что самолеты сразу же из цеха отправлялись на фронт.

Никогда не приходилось видеть Сталина в таком негодовании.

— Значит, на заводе это не было известно?

— Да, это не было известно.

— Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

— Да, это так.

— Да знаете ли вы, что так мог поступить только самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, — выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на фронте оказались негодными! Враг не нанес бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!

Он несколько раз повторил, что самый коварный враг не смог бы нанести большего вреда.

— Вы знаете, что вывели из строя истребительную авиацию? Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы!

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно перебирал в руках кусок злополучной обшивки.

Несколько минут прошло в гробовом молчании. Наконец, Сталин, походив некоторое время в раздумье, успокоился и по-деловому спросил:

— Что будем делать?

Дементьев заявил, что мы немедленно исправим все самолеты.

— Что значит немедленно? Какой срок?

Дементьев задумался на какое-то мгновение, переглянувшись со мной:

— В течении двух недель.

— А не обманываете?

— Нет, товарищ Сталин, сделаем.

Я ушам своим не верил. Мне казалось, что на эту работу потребуется по крайней мере месяца два.

Сталин никак не рассчитывал, что так быстро можно исправить машины. Откровенно говоря, я тоже удивился и подумал: обещание Дементьева временно отведет грозу, а что будет потом?

Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод, почему в лабораторных условиях как следует не проверили качество лаков.

Тут же он дал указание отправить две комиссии для расследования: на Уральский завод лаков и красок и на серийный завод, производивший «яки».

После чего Сталин обратился ко мне:

— А ваше самолюбие не страдает? Как вы себя чувствуете? Над вами издеваются, гробят вашу машину, а вы чего смотрите?

— Товарищ Сталин, я себя чувствую отвратительно, так как отчетливо представляю, какой ущерб делу это принесло. Но вместе с Дементьевым обещаю, что мы примем самые энергичные меры, и в кратчайший срок дефект будет устранен.

Когда мы выходили из кабинета Сталина, я облегченно вздохнул, но вместе с тем не мог не сказать Дементьеву:

— Слушай, как за две недели можно выполнить такую работу?

— А ты чего хочешь, чтобы нас расстреляли сегодня? Пусть лучше расстреляют через две недели. Трудно, а сделать надо, — ответил Дементьев.

Вся тяжесть ликвидации последствий некачественной оклейки крыльев легла на Дементьева, и надо отдать ему должное — он проявил и энергию и инициативу. <...>

Проведенная работа оказалась ко времени. Буквально через два-три дня началось знаменитое сражение на Орловско-Курском направлении.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1988. С. 284—286.

А.С. Яковлев, 10 июня 1943 года

Сталин начал с того, что истребителей у нас с каждым днем выпускается все больше, поэтому нужно подумать о более эффективном их применении.

— Наша истребительная авиация, — сказал он, — разбросана по отдельным фронтам и не может быть использована концентрированно, как ударная сила, для решения самостоятельных задач, как, например, завоевание господства в воздухе на том или ином участке фронта. Пока что наши истребители в основном взаимодействуют с наземными войсками и самостоятельного значения не имеют. Силы истребительной авиации распылены. А что могут дать собранные в кулак и целеустремленно использованные истребители, показало кубанское воздушное сражение. Пока у нас не хватало истребителей, мы не могли думать на эту тему, а теперь можно поговорить.

Сталин предложил создать несколько специализированных истребительных корпусов, подчиненных главному командованию, с тем, чтобы использовать эти части для массированных ударов против вражеской авиации, для завоевания господства в воздухе на решающих участках фронта. Все присутствующие согласились с этим предложением.

После оживленного обсуждения были решены также вопросы о количестве формируемых корпусов, о вооружении их теми или иными типами истребителей и о распределении их на основных направлениях фронта.

Почти все кандидатуры командиров корпусов Сталин называл сам, и после короткого обсуждения их деловых характеристик они были утверждены.

В ходе беседы возник также вопрос о прикреплении отдельных руководителей ВВС к основным фронтам для руководства действиями нашей авиацией. Зашел разговор о генерале Худякове, который находился в то время на Западном фронте. Сталин хорошо о нем отозвался и заметил, что Худяков «засиделся» в генерал-лейтенантах, что надо ему присвоить звание генерал-полковника. Он поинтересовался также, какие награды имеет Худяков, удивился, что у него мало орденов, заметил, что он заслуживает награды и предложил наградить Худякова орденом Суворова II степени. Был решен вопрос о переводе генерала Худякова на белгородское направление, где предстояли серьезные операции.

На другой же день указы о присвоении С.А. Худякову воинского звания генерал-полковника и о награждении его орденом Суворова II степени были опубликованы в газетах.

При обсуждении других кандидатур состоялся такой любопытный разговор. Речь зашла о назначении командующего одной из воздушных армий. Оказалось, что Сталин лично не знал предложенного кандидата, и он поинтересовался:

— Ну а как он — справится? Что из себя представляет?

Заместитель главкома генерал Ворожейкин ответил:

— Да, он подходящий человек.

На это Сталин возразил:

— Что значит подходящий? Дело-то он знает?

Тогда Ворожейкин добавил еще несколько общих данных анкетного порядка.

— Я вас спрашиваю: он дело знает?

— Да, товарищ Сталин, он честный человек.

— Бросьте вы эти эпитеты: честный, подходящий. Мало что честный, одной честности недостаточно, дураки тоже честными бывают. Нам важно, чтобы он был не только честным, но чтобы дело знал.

Вслед за этим Сталин высказал несколько общих соображений об организационной работе в армии. Он говорил, что современная война требует от военных руководителей больших организаторских способностей, что крупный военачальник — генерал, командующий фронтом, армией, дивизией — это прежде всего организатор.

— Некоторые наши военные, — говорил Сталин, — любят кружки ставить на картах и передвигать флажки, отмечать продвижение войск, составлять оперативные планы, считая, что этим ограничивается деятельность военного руководителя. А грош цена этим оперативным планам, если не организованы люди и техника. Современный командир должен быть прежде всего организатором людей и боевой техники, и не только организатором, но и смелым новатором, применять новые методы тактики, знать новое оружие. А некоторые, как показал опыт, не любят нового, свежего, непроверенного и со времен Кира Персидского ходят по проторенной дорожке. Сейчас у такого командира ничего не получится. Так воевать сейчас нельзя.

Жизнь это подтвердила и многому научила.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 279—281.

Г.К. Жуков, 5 июля 1943 года

В третьем часу утра К.К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов и доложил, что захваченный пленный сапер 6-й пехотной дивизии сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось — 3 часа утра 5 июля.

К.К. Рокоссовский спросил меня:

— Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

— Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавайте приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Верховному и доложу о полученных данных и принятом решении.

Меня тут же соединили с Верховным. Он был в Ставке и только что кончил говорить с А.М. Василевским. Я доложил о полученных данных и принятом решении провести контрподготовку.

И.В. Сталин одобрил решение и приказал чаще его информировать.

— Буду в Ставке ждать развития событий, — сказал он.

Я почувствовал, что Верховный находится в напряженном состоянии. Да и все мы, несмотря на то, что удалось построить глубоко эшелонированную оборону и что в наших руках теперь находились мощные средства удара по немецким войскам, сильно волновались и были крайне возбуждены. Была глубокая ночь, но сон как рукой сняло.

Мы с К.К. Рокоссовским, как всегда в таких случаях, перебрались в штаб фронта. <...>

В 2 часа 30 минут, когда уже вовсю шла контрподготовка, позвонил Верховный.

— Ну как? Начали?

— Начали.

— Как ведет себя противник?

Я доложил, что противник пытался отвечать на нашу контрподготовку отдельными батареями, но достаточно быстро замолк.

— Хорошо, я еще позвоню.

Тогда трудно было сразу определить результаты нашей контрподготовки, но начатое противником в 5 часов 30 минут

недостаточно организованное и не везде одновременное наступление говорило о серьезных потерях, которое оно нанесло противнику.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 167—168, 169.*

П.К. Ротмистров, 6 июля 1943 года

...5 июля 1943 года начальник штаба Степного фронта генерал-лейтенант М.В. Захаров сообщил мне по телефону, что на Центральном и Воронежском фронтах завязались ожесточенные бои.

— В основной состав вашей армии дополнительно включается восемнадцатый танковый корпус генерала Б.С. Бахарава. Свяжитесь с ним. Приведите все войска армии в полную боевую готовность и ждите распоряжений! — потребовал он.

А на следующий день в армию прилетел командующий Степным фронтом генерал-полковник И.С. Конев. Он уже более подробно информировал меня о боевой обстановке.

— Наиболее мощный удар противник наносит на курском направлении из района Белгорода. В связи с этим, — сказал Иван Степанович, — Ставка приняла решение о передаче Воронежскому фронту вашей и пятой гвардейской армий. Вам надлежит в очень сжатые сроки сосредоточиться вот здесь. — Командующий очертил красным карандашом район юго-западнее Старого Оскола.

Примерно через час после того, как улетел И.С. Конев, позвонил по ВЧ И.В. Сталин.

— Вы получили директиву о переброске армии на Воронежский фронт? — спросил он.

— Нет, товарищ Иванов, но об этом я информирован товарищем Степиным.

— Как думаете осуществить передислокацию?

— Своим ходом.

— А вот товарищ Федоренко говорит, что при движении на такое большое расстояние танки выйдут из строя, и предлагает перебросить их по железной дороге.

— Этого делать нельзя, товарищ Иванов. Авиация противника может разбомбить эшелоны или железнодорожные мосты, тогда мы не скоро соберем армию. Кроме того, одна пехота, переброшенная автотранспортом в район сосредоточения, в случае встречи с танками врага окажется в тяжелом положении.

— Вы намерены совершать марш только ночами?

— Нет. Продолжительность ночи всего семь часов, и если двигаться только в темное время суток, мне придется на день заводить танковые колонны в леса, а к вечеру выводить их из лесов, которых, кстати сказать, на пути мало.

— Что вы предлагаете?

— Прошу разрешить двигать армию днем и ночью...

— Но ведь вас в светлое время будут бомбить, — перебил меня Сталин.

— Да, возможно. Поэтому прошу дать указание авиации надежно прикрыть армию с воздуха.

— Хорошо, — согласился Верховный. — Ваша просьба о прикрытии марша армии авиацией будет выполнена. Сообщите о начале марша командующим Степным и Воронежским фронтами.

Он пожелал успеха и положил трубку. <...>

*П.А. Ротмистров. Стальная гвардия.
Воениздат, М., 1984. С. 175—176.*

С.М. Штеменко, 24 июля 1943 года

С операцией «Кутузов» у меня связаны очень неприятные воспоминания личного плана. В один из дней ее, явившись вместе с А.И. Антоновым на обычный доклад в Ставку, я, как всегда, разложил на столе карты по каждому фронту в отдельности и одну сводную. Доклад несколько затянулся, но проходил в спокойной обстановке. Так как тут же следовало решить ряд вопросов по использованию танков, И.В. Сталин пригласил Я.Н. Федоренко. Тот вошел и, не дождавшись конца нашего доклада, стал раскладывать свои ведомости, справки, списки и другие документы поверх моих карт. Отвечая на вопросы Верховного Главнокомандующего, Яков Николаевич не всегда сразу находил нужные данные, перекладывал бумаги с места на место, выложил на стол и свой выдавший виды портфель, чего мы никогда не делали.

Когда с докладом по обстановке все было закончено, я сложил карты и, перед тем как покинуть кабинет Верховного, еще раз, по выработавшейся уже привычке, внимательно осмотрел стол. Там оставались только документы Федоренко.

В Генштабе, как всегда, меня дожидались начальники направлений и отделов. По приезде из Кремля я немедленно же

возвращал им все документы и давал короткие указания, что нужно сделать. На этот раз, однако, два начальника своих карт не получили — в моем портфеле их не оказалось, в том числе главной — сводной.

Первой мелькнула мысль о том, что карты случайно захватил Федоренко. Звоню по телефону. Выясняется, что из Кремля он уже возвратился, но с документами еще не разобрался.

— Анатолий Алексеевич, — обратился я к Грызлову. — Срочно выезжайте к Федоренко, вместе с ним осмотрите все его хозяйство вплоть до сейфа. Может быть, карты там.

Грызлов помчался, а я звоню Поскребышеву. Прошу посмотреть, не осталось ли чего-либо из наших документов в кабинете Верховного. Нет, говорит, стол там чистый, и все разошлись.

Грызлов тоже вернулся ни с чем: у Якова Николаевича карт наших не оказалось.

Доложил о пропаже Антонову. Тот посоветовал Верховному пока не докладывать, может быть, карты найдутся.

В тот же день вторично поехали в Ставку, и, как условились, о происшествии — ни слова. Сталин тоже ничего не сказал.

Вернулся в Генштаб. Тут — никаких перемен: карты как в воду канули. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений, что они у Сталина. Ведь, кроме Ставки, я никуда не отлучался.

Дольше молчать было нельзя. На следующий день во время очередного доклада у Верховного я улучил удобный момент и твердо заявил:

— Товарищ Сталин, сутки назад мною оставлены у вас две карты с обстановкой. Прошу вернуть их мне.

Тот сделал удивленный вид:

— Почему вы думаете, что они у меня? Ничего у меня нет.

— Не может этого быть, — настаивал я. — Мы нигде, кроме Ставки и Генштаба, не бываем. Деться картам некуда. У вас они.

Сталин ничего на это не ответил. Вышел из кабинета в комнату отдыха и возвратился с картами. Он нес их, держа за угол, в вытянутой руке и, встряхнув, бросил на стол.

— Нате, да впредь не оставляйте... Хорошо, что правду сказали...

Об этом случае никогда более ни в Ставке, ни в Генштабе никто не вспоминал. Да и надобности в этом не было. Он и без того послужил для меня предметным уроком на долгие годы.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 175—176.*

С.М. Штеменко, 5 августа 1943 года

5 августа, когда был взят Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов (о таких победах они всегда стремились докладывать ему непосредственно), генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

— Читаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда! А Сталин меж тем продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинять какую-то иллюминацию.

Так было принято решение отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего. Ответственность за это возлагалась на Генеральный штаб.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 383.*

А.М. Василевский, 17 августа 1943 года

Рано утром 17 августа, находясь на передовом КП 46-й армии, я получил от И.В. Сталина следующий документ:

«Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции 16 августа и о вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал вас как уполномоченного Ставки обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специаль-

ные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где вы состоите уполномоченным Ставки. И вот вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Последний раз предупреждаю вас, что в случае, если вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта... И. Сталин».

Эта телеграмма потрясла меня. За все годы своей военной службы я не получал ни одного даже мелкого замечания или упрека в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в том, что 16 августа, находясь в войсках армии В.В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение. На протяжении всей своей работы с И.В. Сталиным, особенно в период Великой Отечественной войны, я неизменно чувствовал его внимание, я бы даже сказал, чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные. Что же произошло? По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А.И. Антоновым. Чувствовалось, что тот был тоже взволнован происшедшим и стремился всячески успокоить меня. Он сказал, что мое донесение, за которое на меня обрушился Сталин, было Генштабом получено и доложено в Ставку. Однако то было уже после того, как мне направили послание Сталина. Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить его у себя. Доложил он мне также и то, что слабое развертывание наступления на Воронежском, Степном и Юго-Западном фронтах очень беспокоило Верховного. Не получив донесения, Сталин пытался связаться со мной по телефону, но и это не удалось сделать. И тогда он продиктовал Антонову процитированный выше документ.

Добавлю лишь, что Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки. Нам было разрешено передвигаться по своему усмотрению только в пределах фронтов, координировать действия которых мы были обязаны. Для выезда на другие нужна была специальная санкция Верховного. Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руково-

дства вооруженной борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление войсками в своих руках.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн.2.
Политиздат, М., 1988. С. 40—42.*

С.М. Штеменко, 22 августа 1943 года

<...> В итоге ожесточенных боев 17—20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможность выхода в тыл харьковской группировки противника ухудшилась.

Такой вывод сделал А.И. Антонов, докладывая обстановку Верховному Главнокомандующему в ночь на 22 августа.

— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал мне Сталин. — Копию пошлете товарищу Жукову.

Сам он тоже вооружился красным карандашом и, прохаживаясь вдоль стола, продиктовал первую фразу:

— «События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций».

За этим последовала пауза — Сталин собирался с мыслями. Потом, как говорится, на одном дыхании, был продиктован целый абзац:

— «Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам».

Верховный на минуту остановился, из-за моего плеча прочитал написанное. В конце фразы добавил собственноручно: «...и бить их по частям».

Затем диктовка продолжалась:

— «При таких обстоятельствах противнику удалось войти в тыл 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги; затем он ударил по открытому флангу соединений 6 гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка и, на-

конец, используя вашу беспечность, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток по тылам 27-й армии, 4 и 5 гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника».

Верховный опять остановился, прочитал написанное, зачеркнул слова «используя вашу беспечность» и затем продолжил:

— «Я еще раз вынужден указать вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни.

Это вы можете сделать, так как у вас есть достаточно средств. Прошу не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче — ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали несуществимыми».

По окончании последнего абзаца Сталин пробежал его глазами опять из-за моего плеча, усилил смысл написанного, вставив после «прошу не» слово «разбрасываться» и приказал вслух повторить окончательный текст.

— «Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата...» — прочел я.

Верховный утвердительно кивнул головой и подписал бумагу. Через несколько минут телеграмма пошла на фронт.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб во время войны.
Воениздат, М., 1968. С. 183—184.*

П. А. Ротмистров, начало октября 1943 года

В назначенное время И. В. Сталин принял меня в знакомом кремлевском кабинете. Хотя я лично встречался с ним уже третий раз, все же, как и раньше, испытывал заметное волнение, тем более, что впервые увидел его в форме с погонами маршала Советского Союза.

Выслушав мой доклад о прибытии, Верховный поздоровался и тут же в присутствии А.И. Антонова начал расспрашивать о боевых действиях 5-й гвардейской танковой армии в Курской битве.

— Значит, наши танковые армии новой организации оправдали себя? — почти вплотную приблизившись, спросил он и пытливо посмотрел мне в глаза.

Я, так же не отводя своего взгляда от лица Сталина, сказал, что, исходя из опыта боев 5-й гвардейской армии, убежден в правильности организационной структуры наших танковых армий, но считаю, что они нуждаются в более значительном усилении противотанковой и самоходной артиллерией, а также в надежном прикрытии с воздуха авиацией.

И вдруг, по-видимому, решив ограничиться уже услышанным, Сталин прервал меня вопросом:

— А как вы думаете, почему Красная армия в Курской битве не перешла в наступление первой?

Вопрос несколько озадачил меня.

Мне известно было, что летом 1943 года советские войска на Харьковском и Орловском направлениях готовились к наступлению и даже имели некоторое численное превосходство над противником в людях, орудиях, минометах, танках и САУ. Да и 5-я гвардейская танковая армия, заканчивая формирование, тоже готовилась главным образом к наступательным боям. Я считал, что противник просто упредил нас, первым предприняв наступательные действия.

Не успел я об этом сказать, как Верховный сам ответил на поставленный вопрос, объяснил причины, по которым Центральный и Воронежский фронты в начале курского сражения предпочли оборону наступлению.

— Потому, — сказал он, — что наша пехота с артиллерией наиболее сильны в обороне и наносят крупные потери врагу именно в оборонительных боях. В той ситуации, когда немцы имели почти такое же количество, как и у нас, танков, к тому же превосходили наши войска по тяжелым танкам, посылать в наступление пехоту было бы неоправданным риском, — Сталин говорил медленно и так же неторопливо прохаживался по кабинету. — Теперь мы видим, — заключил он, — что Ставка и Генеральный штаб были правы, принимая решение на оборону и отклоняя предложения о наступлении. Хорошо проведенной обороной мы создали выгодные условия для успешного наступления.

Сталин с едва уловимой усмешкой посмотрел на меня, видимо довольный своим объяснением. Затем поинтересовался, как показали себя в бою новые фашистские танки «тигр» и «пантера».

Я доложил, что с этими танками можно успешно бороться, если поставить на наши средние и тяжелые танки равноценную немецкой пушку.

— Что же, скоро будет и у наших танков такая пушка, — тихо, будто по секрету, сказал Верховный.

Раскурив свою трубку, он, как бы ориентируя на предстоящие задачи, с заметным подъемом заговорил о необходимости безостановочно гнать захватчиков с советской земли, не давать им передышки, не позволять им закрепляться на оборонительных рубежах.

— Для этого мы имеем все: и храбрых солдат, и опытных командиров, и мощную боевую технику, оснащение которой войск будет непрерывно возрастать. В наших руках, — с воодушевлением сказал Сталин, — наступательная инициатива, и врагу вырвать ее у нас больше не удастся.

Прощаясь, Верховный Главнокомандующий передал привет и благодарность танкистам, всем воинам 5-й гвардейской танковой армии и пожелал новых боевых успехов.

*П.А. Ротмистров. Стальная гвардия.
Воениздат, М., 1984. С. 236—237.*

В.М. Бережков, 25 октября 1943 года

Кабинет Сталина был обставлен по-деловому. Письменный стол с разноцветными телефонными аппаратами находился напротив входной двери. К нему примыкал маленький столик и два глубоких кресла, обтянутых темно-коричневой кожей. Вдоль стены, где был укреплен продолговатый ящик с вытягивающимися, подобно шторкам, картами, находился длинный стол для заседаний. За этим же столом Сталин обычно принимал иностранных собеседников. Над письменным столом висело увеличенное фото В.И. Ленина, читающего «Правду». На других стенах — портреты выдающихся русских полководцев: Суворова, Кутузова, Нахимова.

В кабинете, видимо, закончилось какое-то совещание — там было несколько членов Политбюро и группа незнакомых мне людей. Все они уже встали из-за стола, а Сталин прохажи-

вался по ковру. Обернувшись в мою сторону, он слегка кивнул и сказал находившимся в кабинете лицам:

— Американцы уже здесь, нам надо заканчивать, я вас не задерживаю...

Все, не мешкая разошлись, Остался только Молотов. У меня был заготовлен текст краткого сообщения для печати о встрече с Хэллом. Я показал его Сталину, Он быстро пробежал глазами несколько строк и сказал:

— После беседы покажите Молотову, он решит.

Подойдя к письменному столу и нажав кнопку звонка, добавил:

— Ну, пора...

Вошел дежурный.

— Зовите, — бросил Сталин.

<...>

Через несколько секунд в кабинет вошли Хэлл, Гарриман и Болен. Хэлл — сухой, высокий, с седой лысеющей головой — был одет в черный костюм. На белоснежной, туго накрахмаленной рубашке выделялся черный галстук в светлую полоску.

Сталин вышел навстречу Хэллу, протянул руку. Потом поздоровался с Гарриманом и Боленом. Взяв Хэлла под руку, подвел к столу. После взаимных приветствий все расселись. Сталин занял место на краю стола, но не с торца, а со стороны стены с картами, на втором стуле с края. Указав на стул напротив, он предложил его Хэллу. Молотов расположился с торца стола, как бы на председатelsком месте. Я — справа от Хэлла, а Болен и Гарриман — слева от государственного секретаря. Слева от Сталина стул так и остался пустым.

Обращаясь к Хэллу, Сталин еще раз приветствовал его по случаю приезда в Москву и спросил, как он перенес далекое путешествие.

— Вполне благополучно, вопреки моему ожиданию, — ответил Хэлл, слегка улыбаясь, и пояснил: — Я впервые в жизни воспользовался воздушным транспортом, к которому отношусь недоверчиво. Чтобы поменьше быть в воздухе, Атлантику пересек на крейсере. Тем временем персональный самолет президента «Священная корова», который господин Рузвельт любезно предоставил в мое распоряжение, перелетел из США в Северо-Западную Африку. Оттуда мы отправились по воздуху в Каир, Персидский залив и Тегеран...

Сначала разговор шел на отвлеченные темы — о погоде, о видах на урожай. Потом Хэлл принялся делиться своими мос-

ковскими впечатлениями. Выразив удовлетворение по поводу пребывания в советской столице, он сказал, что его давнишняя мечта посетить Советский Союз наконец сбылась, Хэлл добавил, что побывал на многих международных конференциях, но впервые в жизни он встретил такое гостеприимство и внимание, как здесь.

— Я не ожидал услышать от вас так много хвалебных слов, — ответил Сталин, улыбаясь. — Ну, что же, давайте теперь перейдем к делу.

Хэлл согласился и сказал, что, по его мнению, одной из самых важных функций настоящей конференции в Москве является подготовка встречи между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Эту встречу, добавил он, будет приветствовать американский народ, так же как и народы всех стран, участвующих в войне против фашизма. Затем Хэлл вручил Сталину послание президента Рузвельта относительно места встречи.

Прочтя русский перевод послания, Сталин передал его Молотову и заметил, что, прежде чем дать ответ, необходимо проконсультироваться с коллегами. Молотов также пробежал послание и сказал, что в настоящее время на фронте происходят крупные военные операции и все высокопоставленные гражданские и военные деятели Советского правительства единогласно придерживаются мнения, что Сталин не может сейчас вообще выезжать из страны. Во всяком случае, он должен отправиться лишь в такое место, где будет обеспечен ежедневный контакт с Москвой.

Сталин кивнул в знак согласия и сказал, что, учитывая все это, быть может, следовало бы немного отложить встречу руководителей трех держав хотя бы до весны будущего года, когда, по его мнению, город Фербенкс на Аляске мог бы оказаться подходящим местом.

— И президент, и я сам, — возразил Хэлл, глубоко убеждены, что именно сейчас самое подходящее время для встречи. Этого требует вся международная обстановка. Если такая встреча сейчас не состоится, то это вызовет глубокое разочарование среди народов союзных стран. Зато в результате такой встречи было бы достигнуто единство трех великих держав, что способствовало бы их сотрудничеству в войне и развитию их отношений в послевоенный период.

— Если мы будем ждать до конца войны, — продолжал Хэлл, — и только тогда сформулируем и согласуем основы послевоенной международной программы, то народы во всех де-

мократических странах разбредутся в разные стороны, разногласия их усилятся, и этим воспользуются различные элементы и отдельные представители общественных групп, так же как и некоторые личности. В таких условиях, во всяком случае для Соединенных Штатов, будет очень трудно проводить соответствующую послевоенную программу и сплотить и объединить силы, которые требуются для ее поддержания. Сейчас положение совершенно другое, и если теперь кто-либо даже из довольно высокопоставленных деятелей Соединенных Штатов заявит, что он против разработки послевоенной программы, то он сразу же себя дискредитирует и будет выброшен за борт.

Хэлл добавил, что, хотя он и президент Рузвельт считают такую встречу важной, они, конечно, понимают, что приоритет должен быть отдан задачам ведения войны. Поэтому он, Хэлл, с удовлетворением воспринял готовность Сталина изучить этот вопрос. Он надеется, что удастся найти подходящее решение. В связи с этим, подчеркнул Хэлл, он считает особенно важным, чтобы в итоге Московской конференции была подписана Декларация четырех.

Сталин сказал, что он подумает об этом. Что касается встречи трех лидеров, то он понимает ее необходимость. Однако положение осложняется тем, что в настоящее время Красная Армия проводит важные военные операции, и летняя компания на советско-германском фронте постепенно переходит в зимнюю компанию.

— Сейчас, — добавил Сталин, — представляется весьма редкая возможность, появившаяся, пожалуй, впервые за 50 лет, нанести серьезное поражение германским армиям. Немцы располагают незначительными резервами, в то время как Красная Армия имеет достаточно резервов для операций на протяжении целого года. Понятно, что Советский Союз не может каждые десять лет вести войну с немцами. Поэтому чрезвычайно важно воспользоваться открывающимися сейчас возможностями и преимуществами и решить кардинально эту задачу — избавиться на длительное время от германской угрозы. Что касается встречи трех, то необходимо все как следует взвесить и переговорить с коллегами.

Хэлл ответил, что с пониманием относится к соображениям советской стороны, но вместе с тем хотел бы, чтобы была найдена возможность для встречи трех лидеров.

— Информация, которой мы располагаем, — добавил Хэлл, — свидетельствует о том, что все правительства и народы

союзных стран с нетерпением ожидают этой встречи, надеясь, что она принесет более тесное сотрудничество между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами.

Сталин согласился с этим и заметил, что в принципе он вовсе не против такой встречи.

— У меня, однако, складывается впечатление, — возразил Хэлл, — что вы, господин председатель, скорее думаете о близких планах, нежели о более отдаленном будущем, для которого встреча трех имеет первостепенное значение.

Сталин ответил, что с его стороны тут не проявляется ни упрямства, ни заботы о престиже. Просто он не понимает, почему президент не может приехать, например, в Тегеран, поближе к советской территории? Почему задержка на два дня в доставке президенту важных американских государственных бумаг считается жизненно важным делом, в то время как не хотят понять, что любой неверный шаг в военных операциях будет не просто грамматической ошибкой, которую легко позднее исправить, а может обойтись в десятки тысяч жизней? Вот почему его так заботит надежная связь с Москвой.

Хэлл заметил, что если встреча будет проведена в Басре, то американцы обеспечат надежную связь. Посол Гарриман сразу же подхватил эту мысль и сказал, что там главы государств будут находиться в полной безопасности, так как каждый сможет жить в своем городке в холмистой местности на окраине Басры и будут охраняться войсками своей национальности.

— Таким образом, — заключил Гарриман, — будет обеспечена полная безопасность.

Сталин на это возразил, что он обеспокоен вовсе не вопросами обеспечения охраны и безопасности, а тем, что ему надо быть поближе к советско-германскому фронту.

Встреча продолжалась уже почти час. Хэлл, посмотрев на часы, сказал, что, будучи всегда исправным учеником, он видит, что пора уже «идти в школу» на Спиридоньевку. Сталин улыбнулся этой шутке и пожелал участникам конференции удачи.

Все встали, Хэлл обошел стол, приблизился к Сталину, пожал ему руку, произнеся по-русски:

— До свидания...

Сталин ответил, что весьма удовлетворен встречей с государственным секретарем Соединенных Штатов.

*В.М. Бережков. Страницы дипломатической истории.
Международные отношения, М., 1984. С. 191—195.*

В.М. Березков, 30 октября 1943 года

Вечером 30 октября в Екатерининском зале Кремля И.В. Сталин давал обед по случаю завершения работы Московской конференции трех министров иностранных дел. Гостей было много. Среди приглашенных находились участники переговоров, члены Политбюро и Государственного Комитета Оборона, министры.

<...>

Настроение у всех было приподнятое. К тому времени уже явно обозначился поворот в войне в пользу антигитлеровской коалиции, позади были многие успешные сражения, блестящие операции Красной Армии, убедительные победы советского оружия. Под Сталинградом, а затем и на всем Южном фронте гитлеровские войска потерпели сокрушительное поражение. Советские войска выиграли труднейшую битву на Курской дуге. Красная Армия форсировала Днепр и продолжала стремительное наступление на запад. Англо-американские войска развивали наступление на Апеннинском полуострове. Крупнейший союзник гитлеровской Германии — Италия — был, по существу, выведен из войны...

Среди присутствовавших в Екатерининском зале военных выделялись представители блестящей плеяды молодых талантливых советских полководцев, показавших преимущества нашей стратегии и тактики над гитлеровской. <...> Смотреть на этих прославленных командиров было одно удовольствие: энергичные, решительные, подтянутые и корректные, в красивой парадной форме, они как бы олицетворяли собой цвет Красной Армии, настойчиво и целеустремленно шагавшей к победе.

Самый большой стол тянулся вдоль стены, обтянутой зелеными муаровыми обоями. В центре сидел И.В. Сталин, справа от него — Корделл Хэлл, слева — посол США в Москве Аверелл Гарриман. Справа от Хэлла было мое место как переводчика. Напротив нас в таком же порядке по обе стороны от В.М. Молотова расположились Антони Иден, посол Великобритании в Москве Арчибальд Кларк Керр и Павлов в качестве переводчика. Дальше места заняли члены Политбюро и руководители английской и американской военных миссий. За другими столами попеременно с советскими министрами, маршалами и генералами, руководящими работниками Совнаркома,

Наркоминдела и Наркомвнешторга сидели гости: члены делегаций США и Англии на Московской конференции, дипломаты, аккредитованные в Москве, а также советские и иностранные журналисты.

Едва все расселись, как Сталин поднялся, держа рюмку в руке. Молотов, заметив это, постучал ножом по стоявшей перед ним бутылке, призывая всех к вниманию. Микрофонов тогда на столе не было. Сталин говорил негромко, в зале сразу же воцарилась такая тишина, что каждое его слово было отчетливо слышно даже в самом отдаленном уголке зала. И.В. Сталин поздравил участников конференции с успешным завершением работы. Он выразил уверенность, что принятые только что решения будут способствовать сокращению сроков войны против гитлеровской Германии и ее сателлитов в Европе.

— Отныне, — продолжал Сталин, — сотрудничество трех великих держав будет еще более тесным, атмосфера доверия, в которой проходила работа конференции, будет сопутствовать дальнейшим совместным шагам антигитлеровской коалиции во имя победы над общим врагом. Что касается Советского Союза, то я могу заверить, что он честно выполнит свои обязательства. За нашу победу, друзья!

Сталин высоко поднял рюмку, окинул всех веселым взглядом, чокнулся с Хэллом, приветливо кивнул Идену. Все встали, присоединяясь к произнесенному тосту.

Вслед за Сталиным попросил слово Корделл Хэлл. Он передал всем собравшимся привет от президента Рузвельта и заверил, что его правительство сделает все возможное, чтобы успешно выполнить решения, о которых достигнута договоренность на конференции в Москве. В заключение он также выразил уверенность, что совместными усилиями объединенных народов враг будет повержен. Затем выступали Энтони Иден, Молотов, послы Гарриман и Керр, руководители английской и американской военных миссий.

В перерывах между тостами Сталин и Хэлл оживленно переговаривались. Разговор в основном вращался вокруг работы конференции и положения на фронтах. Хэлл оживленно рассказывал о трудностях, с которыми сталкиваются англо-американские войска в Северной Италии, об упорном сопротивлении немцев. Сталин, в свою очередь, кратко изложил обстановку на советско-германском фронте. Он сказал, что в ближайшее время основные операции будут развиваться на Украине и, надо полагать, скоро удастся освободить Киев. Хэлл воспринял это с

большим интересом и сказал, что он незамедлительно сообщит президенту Рузвельту о планах Красной Армии.

Как бы отвечая в частном порядке на первый тост Сталина, государственный секретарь сказал:

— Успех Московской конференции я должен приписать прежде всего Вам, маршал Сталин. Этот успех достигнут потому, что ваша страна, ваш народ сделали решающий шаг к участию совместно с Великобританией и Соединенными Штатами во всемирной программе будущего, основанной на взаимном сотрудничестве...

Сталин улыбнулся и ответил, что он целиком выступает за широкую программу международного сотрудничества, военного, политического и экономического, — в интересах мира.

Собеседники немного помолчали, занятые каждый своими мыслями. Тут я заметил, что Сталин наклонился в мою сторону за спиной Хэлла и манит меня пальцем. Я перегнулся поближе, и он чуть слышно произнес:

— Слушайте меня внимательно. Переведите Хэлли дословно следующее: Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете. И вы сами говорите потише, чтобы никто не слышал. Поняли?

— Понял, товарищ Сталин, — ответил я шепотом.

Пока я переводил слова Сталина, стараясь с предельной точностью воспроизвести их на английском языке, Сталин глядел в упор на Хэлла и время от времени кивал головой в подтверждение.

Видно было, что Хэлл чрезмерно взволнован тем, что услышал. Американцы давно ждали этого момента. Теперь правительство США получило от главы Советского правительства официальное заявление по столь важному для Вашингтона вопросу, конечно, в строго конфиденциальном порядке.

Месяц спустя Сталин сказал об этом уже в более широкой аудитории на конференции в Тегеране при встрече руководителей трех великих держав. Затем он повторил данное им обязательство на Ялтинской конференции в феврале 1945 года. Но на обеде в Кремле 30 октября 1943 г. впервые было сделано заявление о решении советской стороны вступить в войну про-

тив Японии после победы над Германией. Это сообщение прямо-таки преобразило Хэлла.

<...>

Услышав за обеденным столом в Екатерининском зале Кремля заявление Сталина, Хэлл с трудом сдерживал волнение.

Пергаментный цвет его худощавого лица покрылся розовыми пятнами, свидетельствовавшими о глубоком волнении.

— Передайте маршалу Сталину, — сказал он, обращаясь ко мне и понизив голос, — что правительство США искренне благодарно за это сообщение. Я лично высоко ценю оказанное мне доверие и прошу верить, что мы сохраним это важное решение в строгой тайне. Я, разумеется, сразу же передам о нем президенту Рузвельту. Американский народ всегда будет с благодарностью помнить о готовности Советского Союза помочь ему в тяжелой борьбе. Мы особенно признательны за эту готовность Советского правительства, хорошо зная, какие огромные усилия прилагает Красная Армия во имя победы союзников в Европе. Еще раз благодарю вас, маршал Сталин, и в вашем лице всех ваших коллег...

В ответ Сталин кивнул, но ничего не сказал.

Потом речь зашла о предвоенной политике западных держав, в частности о политике американского правительства. Сталин заметил, что изоляционистская позиция чуть было не разорила Соединенные Штаты и могла бы нанести серьезный ущерб и Советскому Союзу. Затем Сталин стал развивать мысль о необходимости сотрудничества и кооперации между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Хэлл согласился, сказав, что это замечательная идея и что оба народа — советский и американский — очень похожи друг на друга и имеют много общего.

— Каждый из них, — сказал Хэлл, — великий народ, и поэтому важно позаботиться о развитии тесного взаимопонимания, доверия и дружбы, основанных на духе сотрудничества...

Обед продолжался. И.В. Сталин стал поднимать тосты за военачальников, за работников Генерального штаба, за отдельные рода войск. Каждый раз, произнеся краткую речь, он выходил из-за стола и направлялся к названному им маршалу или генералу, чокался с ним, держа рюмку в правой руке, а левой касался плеча удостоившегося тоста. Иногда по пути он задерживался у английских или американских гостей и приветствовал их. Я, следуя за ним, переводил возникавшие краткие беседы.

Так продолжалось до начала первого ночи. Затем в соседнем зале был сервирован кофе. Сталин, Молотов, Хэлл, Иден и переводчики сели за отдельный столик.

В саркастических тонах Сталин опроверг циркулировавшие в некоторых странах слухи о том, что будто Советский Союз и гитлеровская Германия могут заключить сепаратный мир. Хэлл сказал, что все, кто хоть немного знает советский народ и историю взаимоотношений с гитлеровской Германией, убеждены, что советские люди никогда не заключат сепаратного мира. Однако Иден насупился и промолчал.

Сталин, бросив быстрый взгляд на британского министра иностранных дел, заметил, что ему очень приятна такая уверенность Хэлла, и еще раз повторил, что распространение подобных слухов — величайшая глупость.

Думаю, Сталин специально выбрал данный момент, чтобы коснуться слухов о сепаратных переговорах с гитлеровской Германией. Ведь тогда вновь появились сведения о контактах между гитлеровскими эмиссарами и представителями Англии и США в ряде нейтральных стран. В частности, оживленные переговоры с нацистскими агентами вел в Женеве резидент разведки США Аллен Даллес. Заговорив об этих слухах, Сталин, видимо, хотел прощупать Хэлла и Идена, а возможно, и получить от них определенное заявление на этот счет. Но ни тот, ни другой не развивали эту тему, сделав вид, что не понимают намека.

Затем все перешли в кинозал для просмотра фильма «Волочаевские дни». Эта советская картина об освобождении Сибири и Приморья от японских интервентов. <...> И, разумеется, не случайно именно этот фильм Сталин выбрал для показа. Содержание фильма как бы подкрепляло слова, только что сказанные Сталиным государственному секретарю США относительно готовности Советского Союза присоединиться к борьбе союзников против Японии после разгрома гитлеровской Германии.

На демонстрации фильма присутствовали только члены Политбюро, главы английской и американской делегаций, послы США и Англии.

По ходу картины Сталин несколько раз обращался к Хэллу, комментируя различные эпизоды и вспоминая о том периоде борьбы советского народа против японских оккупантов. После одного из эпизодов Хэлл, наклонившись к Сталину, взволнованно произнес:

— Теперь я вижу, маршал Сталин, что и у вас есть свой счет к японцам и вы, конечно, его им предъявите. Я вас хорошо понимаю и уверен в вашем успехе! — Он протянул Сталину свою худощавую старческую руку.

Сталин пожал ее и спокойно сказал:

— Вы правы, мы не забыли о том, что творили японские милитаристы на нашей земле...

После просмотра Сталин проводил государственного секретаря до широкой мраморной лестницы, спускавшейся в вестибюль Большого Кремлевского дворца. Здесь они постояли некоторое время, обмениваясь пожеланиями на будущее. Сталин дважды пожал руку Хэллу, подчеркивая, что остался доволен этой встречей.

*В.М. Бережков. Страницы дипломатической истории.
Международные отношения, М., 1984. С. 204—209.*

С.М. Штеменко, ноябрь 1943 года

И.В. Сталин очень пристально следил тогда за событиями на подступах к Прибалтике. Антонову и мне чаще обычного приходилось ездить к нему с докладом на «ближнюю дачу». Однажды мы попали туда как раз в обеденное время (обедал Сталин в 9—10 часов вечера, а иногда и позже). Верховный быстро решил все вопросы и пригласил нас в свою столовую. Такое случалось не раз, и память моя зафиксировала некоторые любопытные детали.

Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись и приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчин и других закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем шей... — И сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения. Наливали себе, кто

что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый так же сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки. В первый раз мы с Антоновым не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого, кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин, а остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы.

Позже, уже в бытность мою начальником Генерального штаба, мне приходилось бывать за обеденным столом у Сталина не только в Москве, а и на юге, куда мы вызывались с докладами во время его отдыха. Неофициальный застольный ритуал оставался там точно таким же.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 267—268.*

С.М. Штеменко, 16 ноября 1943 года

16 ноября 1943 года командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник И.Х. Баграмян по приказу И.В. Сталина был вызван в Москву. Явившись к А.И. Антонову, Иван Христоворович, конечно, поинтересовался причиной вызова.

— «Хозяин» не любит наперед докладывать свои мысли, поедем в Ставку — узнаешь, — ответил ему Алексей Иннокентьевич.

На следующую ночь в урочный час доклада обстановки на фронтах Верховному Главнокомандующему мы втроем — Антонов, Баграмян и я — поехали в Ставку.

В то время советские войска вели широкое наступление на всем фронте от Финского залива до Черного моря. В Прибалтике, однако, успехи достигались медленно, противник, ожесточенно сопротивляясь, сумел создать там равновесие сил.

И.В. Сталин был один и в хорошем настроении.

— Что нового? — спросил он Антонова.

— По сравнению с дневным докладом существенных изменений в обстановке не произошло, — доложил Алексей Иннокентьевич.

И. В. Сталин кивнул и обратился к Баграмяну.

— На прибалтийских фронтах дела у нас идут неважно, — сказал он, — наступление там затормозилось. Нельзя наступать везде, как иногда думают некоторые.

После небольшой паузы он продолжал:

— Поэтому мы предпринимаем сейчас ряд мер, чтобы выправить положение. Усиливаем 1-й Прибалтийский фронт за счет соседа справа (2-го Прибалтийского. — *С.Ш.*). Но этого, очевидно, мало. Ваша армия сильна и неплохо зарекомендовала себя. Думаем и ее отдать Еременко...

Он опять помолчал и только затем, обращаясь к Ивану Христофоровичу, закончил мысль:

— А вас хотим назначить командующим фронтом вместо него. Как вы на это смотрите?

Иван Христофорович немного растерялся и, чуть помедлив, промолвил:

— Благодарю за доверие, товарищ Сталин, постараюсь его оправдать.

— Ну, вот и хорошо. А на армию вместо вас поставим тоже опытного командующего — Чибисова. — И, не торопясь, Сталин подошел к столу набивать трубку.

— А зовут его Никандр, что значит «герой-победитель», — воспользовавшись паузой, сказал А.И. Антонов о Чибисове.

Попыхтев несколько раз трубкой, пока табак разгорелся, И.В. Сталин обернулся к молчавшему Баграмяну.

— Что же вы молчите? — сказал он. — Или имеете что против Чибисова?

И. Х. Баграмян еще более смутился, но потом ответил:

— Нет, товарищ Сталин, что вы, ничего не имею... Это опытный командир. Когда он был генерал-лейтенантом, я был всего-навсего полковником. А теперь Чибисов уже генерал-полковник и Герой Советского Союза. Я буду с ним чувствовать как-то неудобно... Нельзя ли командармом назначить кого-нибудь другого, ну, например, генерал-лейтенанта Галицкого?

И.В. Сталин внимательно посмотрел на И.Х. Баграмяна.

— Будь по-вашему... Подготовьте директиву о назначении Баграмяна и Галицкого, — коротко бросил он нам и, подойдя к торцу стола, нажал кнопку.

Вошел А.Н. Поскребышев.

— Подготовьте постановление Совнаркома о присвоении звания генерала армии Баграмяну, — сказал ему Сталин.

Поскребышев сделал заметку в блокноте, но не ушел, зная манеру Сталина отдавать распоряжения не спеша. И.В. Сталин опять помолчал и снова отправился к письменному столу, чтобы разжечь потухшую трубку.

— А Штеменко не легче будет работать, если мы ему присвоим звание генерал-полковника? — раскурив трубку, спросил он Антонова.

— Конечно легче, товарищ Сталин, — ответил тот, — ведь ему приходится иметь дело даже с маршалами и он часто бывает на фронтах.

— По-моему, надо еще Говорову присвоить звание генерала армии. Ему в Ленинграде тоже нелегко.

Мы промолчали.

— Подготовьте постановление на всех троих, — сказал Верховный Главнокомандующий Поскребышеву.

Тот кивнул и теперь уже исчез за дверью.

— Поздравляю вас! — обращаясь ко мне и Баграмяну, продолжал И.В. Сталин. — Ну а теперь — до свидания: у нас сейчас заседание ГКО.

По приезде в Генштаб зашли к Антонову.

— Давайте по этому случаю поужинаем вместе, — предложил он нам.

Мы прошли в комнату за кабинетом, где Алексей Иннокентьевич обычно отдыхал. Он тут же снял погоны генерала армии со своего второго кителя, висевшего в шкафу, и вручил их Ивану Христофоровичу, а Баграмян снял свои погоны и дал их мне. Облачившись в кителя, мы сели ужинать.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 152—154.*

С.М. Штеменко, 24—27 ноября 1943 года.

Поезд тронулся. В вагоне появился комендант и сообщил, что едем мы маршрутом на Сталинград. Договорились с ним быстро: в 9 часов 40 минут будет Мичуринск, там следует остановиться на полчаса и немедленно подключить линию телефона ВЧ.

— Все будет сделано, — заверил комендант и удалился. <...> Захватив портфель, я перешел в салон, где стоял телефон ВЧ. Разостлал на столе карты. По прибытии в Мичуринск сразу же соединился с А.А. Грызловым. Он, как всегда, был наго-

тове. Получив от него все необходимые данные, нанес обстановку на карты.

Около 10 часов в салон зашел Климент Ефремович. <...>

В 11 часов начальник охраны Сталина генерал-лейтенант Власик пригласил Ворошилова в салон Верховного Главнокомандующего. Я остался у себя, предупредив Власика, что готов доложить обстановку. Минут через пять за мной пришли.

Кроме Сталина и Ворошилова в салоне находился Молотов. Верховный спросил, есть ли что нового на фронте. Нового было немного, и меня вскоре отпустили.

Вечером собирал обстановку уже в Сталинграде. Затем приготовился к «выгрузке» — сложил карты в портфель и ждал только команды. Однако ее не последовало, из поезда никто не выходил, и через полчаса мы поехали дальше.

Когда меня вновь потребовали к Сталину, я застал у него тех же лиц. Все сидели за накрытым к обеду столом.

Обстановку я докладывал по «миллионке». Затем передал Верховному несколько просьб и предложений с фронтов, полученных через А.И. Антонова. Сталин разрешил все просьбы, утвердил предложения и пригласил меня обедать.

Обедали часа полтора. Разговор все время шел о какой-то предстоящей конференции с участием Рузвельта и Черчилля. Мне о ней ничего не было известно.

Минула ночь. Настал новый день. Заведенный порядок оставался неизменным. Три раза ходил на доклад в вагон Сталина. Проехали Кизляр, Махачкалу. К вечеру прибыли в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра за мной заехали и мы отправились на аэродром.

На летном поле стояло несколько самолетов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС А.А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А.Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В.Г. Грачева. В 8 часов на аэродром прибыл И. В. Сталин. Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлено два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, второй — полковник Грачев. Через полчаса пойдут еще две машины с группой сотрудников МИДа.

А.А. Новиков пригласил Верховного Главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось, принял это предложение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

— Генерал-полковники редко водят самолеты, — сказал Сталин, — мы лучше полетим с полковником.

И повернул в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

— Штеменко тоже полетит с нами, в пути доложит обстановку, — сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу.

Я не заставил себя ждать. Во втором самолете полетели А.Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана.

Только на аэродроме мне стало известно, что летим мы в Тегеран. Сопровождали нас три девятки истребителей: две — по бокам, одна впереди и выше.

Я доложил о положении на фронтах. <...>

Тегеран появился примерно через три часа. <...>

К самолету подкатил автомобиль. В него сели Сталин и другие члены правительства. Автомобиль резко набрал скорость. За ним устремилась первая машина с охраной. Я поехал во второй машине.

Скоро мы были в нашем посольстве.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 191—194.*

В.М. Березков, 28 ноября 1943 года

Перед встречей Сталина с Рузвельтом я старался быть как можно более собранным. Чтобы переводить Сталина, требовалось большое напряжение всех сил. Он говорил тихо с акцентом, а о том, чтобы переспросить, нечего было и думать. Приходилось мобилизовывать все свое внимание, чтобы мгновенно уловить сказанное и тут же воспроизвести на английском языке. К тому же надо было записывать все сказанное во время переговоров. Спасало лишь то, что Сталин говорил размеренно, делая после каждой фразы паузу для перевода.

<...>

На беседе, о которой идет речь, кроме Сталина, Рузвельта и меня, переводчика, никто не присутствовал. Рузвельт предупредил, что будет один, без Чарльза Болен, который обычно выполнял роль переводчика американской делегации. Видимо Рузвельт решил не брать никого с собой, чтобы атмосфера беседы была более доверительной. Мне предстояло переводить всю беседу одному.

Когда я вошел в комнату, примыкавшую к залу пленарных заседаний конференции, там уже находился Сталин в маршальской форме. Поздоровавшись, я подошел к низенькому столику, вокруг которого стояли диван и кресла, и положил там блокнот и карандаш. Сталин медленно прошелся по комнате, вынул из коробки с надписью «Герцеговина Флор» папиросу, закурил. Прищурившись, посмотрел на меня, спросил:

— Не очень устали с дороги? Готовы переводить? Беседа будет ответственной.

— Готов, товарищ Сталин. За ночь в Баку хорошо отдохнул. Чувствую себя нормально.

Сталин подошел к столику, положил на него коробку с папиросами. Зажег спичку и раскурил потухшую папиросу. Затем, медленным жестом погасив спичку, указал на диван и сказал:

— Здесь, с краю, сяду я. Рузвельта привезут в коляске, пусть он расположится слева от кресла, где будете сидеть вы.

— Ясно, — ответил я.

Сталин снова стал прохаживаться по комнате, погружившись в размышления. Через несколько минут дверь открылась и слуга-филиппинец вкатил коляску, в которой тяжело опираясь на подлокотники, сидел улыбающийся Рузвельт.

— Хэлло, маршал Сталин! — бодро произнес он, протягивая руку. — Я, кажется, немного опоздал, прошу прощения.

— Нет, вы как раз вовремя, — возразил Сталин. — Это я пришел раньше. Мой долг хозяина к этому обязывает, все-таки вы у нас в гостях, можно сказать, на советской территории.

— Я протестую, — рассмеялся Рузвельт. — Мы ведь твердо условились встретиться на нейтральной территории. К тому же тут моя резиденция. Это вы мой гость.

— Не будем спорить, лучше скажите, хорошо ли вы здесь устроились, господин президент. Может быть, что требуется?

— Нет, благодарю, все в порядке. Я чувствую себя как дома.

— Значит, вам здесь нравится?

— Очень вам благодарен за то, что предоставили мне этот дом.

— Прошу вас поближе к столу, — пригласил Сталин.

Слуга-филиппинец подкатил коляску в указанное место, развернул ее, затянул тормоз на колесе и вышел из комнаты. Сталин предложил Рузвельту папиросу, но тот, поблагодарив, отказался, вынул свой портсигар, вставил длинными тонкими пальцами сигарету в изящный мундштук и закурил.

— Привык к своим, — сказал Рузвельт, обезоруживающе улыбнулся и, как бы извиняясь, пожал плечами. — А где же ваша знаменитая трубка, маршал Сталин, та трубка, которой вы, как говорят, выкуриваете своих врагов?

Сталин хитро улыбнулся, прищурился.

— Я, кажется, уже почти всех их выкурил. Но говоря серьезно, врачи советуют мне поменьше пользоваться трубкой. Я все же ее захватил сюда и, чтобы доставить вам удовольствие, возьму с собой ее в следующий раз.

— Надо слушаться врачей, — серьезно сказал Рузвельт, — мне тоже приходится это делать...

— У вас есть предложения по вопросу повестки дня сегодняшней беседы? — перешел Сталин на деловой тон.

— Не думаю, что нам следует сейчас четко очерчивать круг вопросов, которые мы могли бы обсудить. Просто можно было бы ограничиться обменом мнениями относительно нынешней обстановки и перспектив на будущее. Мне было бы также интересно получить от вас информацию о положении на вашем фронте.

— Готов принять ваше предложение, — сказал Сталин. Он размеренным движением взял коробку «Герцеговины Флор», раскрыл ее, долго выбирал папиросу, как будто они чем-то отличались друг от друга, закурил. Затем, неторопливо произнося слова, продолжал. — Что касается положения у нас на фронте, то основное, пожалуй, в том, что в последнее время наши войска оставили Житомир — важный железнодорожный узел.

— А какая погода на фронте? — поинтересовался Рузвельт.

— Погода благоприятная только на Украине, а на остальных участках фронта — грязь и почва еще не замерзла.

— Я хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30—40 германских дивизий, — сочувственно сказал Рузвельт.

— Если это возможно сделать, то было бы хорошо.

— Это один из вопросов, по которому я намерен дать свои разъяснения в течение ближайших дней здесь же, в Тегеране. Сложность в том, что перед американцами стоит задача снабжения войск численностью в два миллиона человек, причем находятся они на расстоянии трех тысяч миль от Американского континента.

— Тут нужен хороший транспорт, и я вполне понимаю ваши трудности.

— Думаю, что мы эту проблему решим, так как суда в Соединенных Штатах строятся удовлетворительным темпом.

В ходе беседы Сталин и Рузвельт коснулись многих вопросов и проблем. Рузвельт, в частности, в общих чертах развивал мысль о послевоенном сотрудничестве между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Сталин приветствовал эту идею и отметил, что после окончания войны Советский Союз будет представлять собой большой рынок для Соединенных Штатов. Рузвельт с интересом воспринял это заявление и подчеркнул, что американцам после войны потребуется большое количество сырья, и поэтому он думает, что между нашими странами будут существовать тесные торговые связи, Сталин заметил, что если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье.

Далее речь зашла о будущем Франции. Рузвельт заявил, что де Голль ему не нравится, в то время как генерала Жиро он считает симпатичным человеком и хорошим генералом. Рузвельт сообщил также, что американцы вооружают 11 французских дивизий, и коснулся в этой связи положения во Франции и настроений различных слоев населения этой страны.

— Французы, — заметил Рузвельт, — хороший народ, но им нужны абсолютно новые руководители не старше 40 лет, которые не занимали никаких постов в прежнем французском правительстве.

Сталин высказал мнение, что на такие изменения потребуется много времени. Что же касается некоторых нынешних руководящих слоев во Франции, продолжал он, то они, видимо думают, что союзники преподнесут им Францию в готовом виде, и не хотят воевать на стороне союзников, а предпочитают сотрудничать с немцами. При это французский народ не спрашивают.

Рузвельт заметил, что, по мнению Черчилля, Франция полностью возродится и скоро станет великой державой.

— Но я не разделяю этого мнения, — продолжал Рузвельт. — Думаю, что пройдет много лет, прежде чем это случится. Если французы полагают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой...

За этими замечаниями американского президента скрывались серьезные разногласия между Соединенными Штатами и

Англией по вопросу о том, кто должен осуществлять власть на освобожденной территории Северной Африки, а потом, после высадки в Нормандии, и в самой Франции. Как выяснилось впоследствии, Соединенные Штаты, осуществившие высадку в Северной Африке, рассчитывали установить свое военное и политическое господство не только над этой территорией, но и над всем французским движением Сопротивления, с тем чтобы в дальнейшем получить точку опоры на Европейском континенте — во Франции. В Северной Африке Вашингтон делал ставку на сотрудничавшего ранее с немцами адмирала Дарлана в противовес генералу де Голлю, который находился тогда в Лондоне и возглавлял Национальный комитет «Сражающейся Франции».

<...>

В конце концов Вашингтону все же пришлось пойти на примирение с генералом де Голлем, который получил возможность отправиться во Францию вскоре после высадки союзников в Нормандии. Но характер отношений, который складывался тогда между американцами и де Голлем, несомненно сыграл свою роль и в будущем.

В ходе этой беседы Рузвельта со Сталиным выявился различный подход Соединенных Штатов и Англии также и в отношении будущего колониальных владений. Рузвельт много говорил о необходимости нового подхода к проблеме колониальных и зависимых стран после войны. Может быть, он искренне думал о возможности предоставления им постепенно самоуправления и в конечном счете независимости — тема, к которой американский президент вновь и вновь возвращался в дни Тегеранской конференции. Но, выступая таким образом, вольно или невольно он отражал интересы тех кругов США, которые под прикрытием разговоров о пересмотре статуса колониальных владений европейских капиталистических держав готовили почву для проникновения США в колониальные страны.

<...> Касаясь будущего Индокитая, Рузвельт сказал, что можно было бы назначить трех-четырёх попечителей и через 30—40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. То же самое, заметил он, верно в отношении других колоний.

— Черчилль, — продолжал президент, — не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип

придется применить и к английским колониям. Когда наш государственный секретарь Хэлл был в Москве, он имел при себе составленный мною документ о создании международной комиссии по колониям. Эта комиссия должна была бы инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможного его улучшения. Вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности...

Сталин поддержал идею создания такой комиссии и заметил, что к ней можно было бы обращаться с жалобами, просьбами и т.д. Рузвельт был явно доволен реакцией советской стороны, но не скрывал своего беспокойства по поводу возможного отношения Черчилля. Он даже предупредил Сталина, что в разговоре с британским премьером лучше не касаться Индии, так как, насколько ему, Рузвельту, известно, у Черчилля нет сейчас никаких мыслей в отношении Индии. Черчилль намерен вообще отложить этот вопрос до окончания войны.

— Индия — это больное место Черчилля, — заметил Сталин.

— Это верно, — согласился Рузвельт. — Однако Англии так или иначе придется что-то предпринять в Индии. Я надеюсь как-нибудь переговорить с вами подробнее об Индии, имея при этом в виду, что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше разрешить этот вопрос, чем люди, имеющие непосредственное отношение к данному вопросу...

На этот зондаж Сталин реагировал осторожно. Он лишь назвал замечания президента интересными.

Рузвельт взглянул на часы. До официального открытия конференции, назначенного на 16 часов, оставалось мало времени.

— Думаю, нам пора заканчивать, — сказал Рузвельт. — Надо еще немного отдохнуть и собраться с мыслями перед пленарным заседанием. Мне кажется, у нас состоялся очень полезный обмен мнениями, и вообще мне было очень приятно познакомиться и откровенно побеседовать с вами.

— Мне тоже было очень приятно, — ответил Сталин и, поднявшись, слегка поклонился Рузвельту.

Я вышел в соседнюю комнату позвать слугу президента. Он тут же явился и, взявшись за ручку, приделанную к спинке кресла-коляски, увез Рузвельта в его апартаменты. Сталин прошел в соседнюю комнату, где его ждали Молотов и Ворошилов.

*В.М. Бережков. Страницы дипломатической истории.
Международные отношения, М., 1984. С. 233—238.*

А.Е. Голованов, 5—6 декабря 1943 года.

По возвращении с Тегеранской конференции, 5 или 6 декабря, позвонил Сталин и попросил приехать к нему на дачу. Явившись туда, я увидел, что он ходит в накинутой на плечи шинели. Был он один. Поздоровавшись, Верховный сказал, что, видимо простудился, и высказал опасение, как бы не заболеть воспалением легких, чего он особенно опасался, ибо всегда тяжело переносил это заболевание. Походив немного, он неожиданно заговорил о себе.

— Я знаю, — начал он, — что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. — И, походив немного, продолжал. — Но я уверен, что ветер истории все это развеет.

Нужно сказать прямо, я был удивлен таким высказыванием. В то время мне, да я думаю, не только мне, а всем не представлялось вероятным, что кто-либо может сказать о Сталине плохое. Во время войны все связывалось с его именем, и это имело явно видимые основания. Гитлеровские армии были разбиты под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Мы одерживали победы одну за другой, монолитность армии и народа была очевидна и стремление стереть врага с лица земли было единодушно. Четко и бесперебойно работала вся машина государства, а при персимфансе — то есть игре оркестра без дирижера, а в понятии управления государством без твердого руководства, эта государственная машина так работать, естественно, не могла бы. Четкая же работа этой машины также всегда связывалась с его именем.

Походив еще немного, он продолжал:

— Вот все хорошее народ связывает с именем Сталина, угнетенные народы видят в этом имени светоч свободы, возможность порвать вековые цепи рабства. Конечно, только хороших людей на свете не бывает, о таких волшебниках говорят только в сказках. В жизни любой самый хороший человек обязательно имеет недостатки, и у Сталина их достаточно. Однако, если есть вера у людей, что, скажем, Сталин может их вызволить из неволи и рабства, такую веру нужно поддерживать, ибо она даст силу народам активно бороться за свое будущее.

А.Е. Голованов. Он стоял во главе тяжелейшей мировой войны. Сборник «Полководцы». Роман-газета, М., 1995. С. 30—31.

А.С. Яковлев, декабрь 1943 года.

В октябре 1943 года были получены хорошие результаты при испытании истребителя Як-3 новым мотором Климова ВК-107. Этот самолет, являющийся дальнейшей модификацией «яка», показал исключительную по тому времени скорость — свыше 700 километров в час. 12 ноября мы с наркомом послали Сталину донесение об этом, и я с нетерпением ожидал, как он прореагирует.

Однако время идет, а на наше послание — никакого ответа. Проходит неделя, другая, третья — ничего!

28 ноября — 1 декабря состоялась Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — Сталина, Рузвельта, Черчилля. После возвращения Сталина из Тегерана я решил напомнить ему о нашей машине. Мы изготовили на заводе изящную модель самолета, и я послал ее с запиской:

«Товарищ Сталин, посылаю вам модель новейшей модификации самолета «як», являющегося самым быстроходным истребителем в мире. Летчиком Федрови на нем была достигнута скорость свыше 700 километров в час. Конструктор Яковлев».

Через день меня и наркома вызвали к Сталину. У него в это время были Молотов, Щербаков, командующий Волховским фронтом Мерецков и член Военного совета Штыков. Видимо, на этом фронте предстояло оживление. Действительно, через несколько дней начался разгром врага под Ленинградом.

Я впервые увидел Сталина в маршальском мундире.

Смотрю: на письменном столе рядом с чкаловским самолетом «Сталинский маршрут» стоит модель «яка» и под ней моя записка.

Сталин закончил разговор с присутствующими и обратился к нам. Он спросил о 107-м моторе конструктора Климова, поинтересовался возможностью его серийного производства.

Нарком положительно оценил мотор и попросил разрешения на запуск его в серию, предложил рассмотреть и подписать подготовленный проект постановления. Сталин взял с письменного стола модель Як-3, поставил ее на большой стол и спросил:

— А это верно? Какая скорость? Это хорошо! Как насчет серии?

Мы ответили, что в серии сейчас идет самолет Як-3 со 105-м мотором. Если новая машина со 107-м мотором пройдет

государственные испытания, ее можно будет запустить в серийное производство на смену прежней машине.

— А сейчас что пойдет со 107-м мотором?

— Сейчас пойдет Як-9.

— Какие у него данные?

Мы назвали.

— Ну, хорошо!

Сталин прошелся несколько раз молча вдоль кабинета, подошел ко мне, дотронулся до погона:

— Вы что генерал-майором ходите?

Я растерялся, молчу, а он вдруг:

— Пора в генерал-лейтенанты переходить.

И сразу перешел к вопросу о 82-м моторе конструктора Швецова, ругал нас, что мы плохо разворачиваем его серийное производство. Мы начали было что-то мямлить в свое оправдание, а потом, воспользовавшись небольшим перерывом, когда Сталин стал раскуривать свою трубку, нарком обратился:

— Разрешите идти, товарищ Сталин?

Путь из Кремля в наркомат занял каких-нибудь 15 минут. Не успел я подняться в свой кабинет, как слышу: по радио Левитан передает постановление Совнаркома о присвоении мне звания генерал-лейтенанта.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1988. С. 293—294.

Н.Д. Яковлев, 1943 год

Обычно И.В. Сталин вызывал нужных ему лиц через А.Н. Поскребышева, которому о цели вызова, как правило, не говорил. И Александр Николаевич передавал по телефону одно лишь слово: «Приезжайте». Переспрашивать в таких случаях не полагалось, а спешить было надо, так как при длительной задержке мог последовать вопрос «Где были?» или «Почему так долго не приезжали?» Отвечать нужно было честно, иначе беды не оберешься.

Как-то в 1943 году К.Е. Ворошилов уговорил меня посетить с ним ЦАГИ. Я там никогда не был. Поехали. В институте оказалось много интересного, и мы пробыли там часов до четырнадцати. Потом Ворошилов предложил еще заехать к нему на квартиру в Кремль пообедать.

Часов около восемнадцати почувствовал какое-то странное беспокойство и поехал к себе в ГАУ. Дорогой ругал себя за

то, что не догадался от Ворошилова позвонить в управление и сообщить, где находится.

У подъезда ГАУ меня действительно ждал дежурный адъютант, и, волнуясь, доложил, что уже три раза звонил Поскребышев. Так вот оно, предчувствие!

Звоню Александру Николаевичу. Тот сердито бросил: «Приезжайте, не мог найти». Приехал. Сталин тоже строго отчитал меня за то, что заставил ждать сорок минут. Спросил: «Где были?» Ответил. И опять получил нагоняй за поездку в ЦАГИ. Мотивировка: «Что, у вас своих дел не хватает, что вы ездите в другие институты?»

А бывали случаи, когда Сталин, наоборот, вдруг спрашивал: «А не оторвал ли я вас от срочного дела или отдыха?»

Но вернемся к моему вызову. Поясню, что начальник ГАУ нес ответственность перед Ставкой за должное обеспечение армии вооружением и боеприпасами. Вот Верховный Главнокомандующий и счел необходимым разъяснить мне ее объем. Прохаживаясь по кабинету, он неторопливо говорил примерно следующее:

— У нас в армии много чинов. А вы, военные, привыкли и обязаны подчиняться старшим по званию. Как бы не получилось так, что все, что у вас есть, растащат по частям. Поэтому впредь отпуск вооружения и боеприпасов производить только с моего ведома! — при этом Сталин, медленно поводя пальцем в воздухе, добавил: — Вы отвечаете перед нами за то, чтобы вооружение, поставляемое в войска, было по своим характеристикам не хуже, а лучше, чем у врага. Вы — заказчик. Кроме того, у вас есть квалифицированные военные инженеры, испытательные полигоны. Испытывайте, дорабатывайте. Но давайте лучшее! Конечно, наркомы и конструкторы тоже отвечают за качество. Это само собой. Но окончательное заключение все же ваше, ГАУ.

— Вы отвечаете за выполнение промышленностью планов поставок, — продолжал далее И.В. Сталин. — Для этого у вас есть грамотная военная приемка. Следовательно, если в промышленности появились признаки невыполнения утвержденного правительством плана, а вы вовремя через наркомов не приняли должных мер (а в случае, если и приняли, но это не помогло, а вы своевременно не обратились к правительству), значит, именно вы будете виноваты в срыве плана! Наркомы и директора заводов, конечно, тоже ответят. Но в первую очередь — вы, ГАУ, потому что оказались безвольным заказчиком.

Вы также отвечаете за правильность составления предложений по распределению фронтам вооружения и боеприпасов, за своевременную, после утверждения мною плана, их доставку. Перевозки осуществляет НКПС и тыл Красной Армии. Но вы должны это постоянно контролировать и вовремя принимать меры к доставке фронтам транспортов в срок.

И хотя все эти разъяснения Сталина были адресованы в общем-то мне, начальнику ГАУ, но в кабинете также находились и члены Политбюро. И я понял (думаю, что не ошибся), что Верховный в первую очередь говорил это им, членам ГКО.

Ну а я после таких указаний И.В. Сталина почувствовал себя куда свободнее во взаимоотношениях с любыми инстанциями. Ведь члены ГКО тоже знали об упомянутых указаниях Верховного, поэтому, если возникала необходимость, принимали меня при первой возможности и помогали всем, чем могли. Во-первых, всем начальникам арсеналов, баз и складов было приказано ничьих указаний об отпуске вооружения и боеприпасов, кроме распоряжений ГАУ, не выполнять. И когда в октябре 1941 года один очень ответственный товарищ из московской организации ВКП(б) все же настоял на выдаче с завода экспериментального автомата, ГКО тотчас же объявил ему выговор. И заставил вернуть автомат на завод. С тех пор больше уже никто не пытался действовать в обход ГАУ.

Планы месячного распределения я докладывал лично Верховному Главнокомандующему. Особых поправок, как правило, им не вносилось, так как план предварительно согласовывался с Генштабом. И при наличии каких-либо расхождений Генштабу все же приходилось считаться с имеющимися ресурсами. Так что обычно он соглашался с предложениями ГАУ.

По отдельным же заявкам фронтов мною представлялась И.В. Сталину докладная записка, которая чаще всего утверждалась им без поправок. Хочу заранее сказать, что за все время войны не было такого случая, чтобы Верховный остался неудовлетворенным представлениями ГАУ.

*Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе.
Высшая школа, М., 1984. С. 68—71.*

Д.А. Журавлев, 1943 год

Вопросы противовоздушной обороны столицы в годы войны, и особенно в первый ее период, были столь важны и актуальны, что решением их занимались непосредственно Цен-

тральный Комитет партии, правительство, Государственный Комитет Обороны. Генералу М.С. Громадину и мне приходилось постоянно выполнять различные распоряжения руководителей партии и правительства, отданные непосредственно или через начальника Генерального штаба. Чаще всего это были распоряжения И.В. Сталина. Я ежедневно информировал его о результатах боевой работы наших войск, нередко обращался с различными вопросами.

Докладывая однажды Верховному Главнокомандующему о наших предложениях по поводу размещения салютных батарей, я сослался на законы физики. Сталин слушал, как всегда, внимательно, не перебивая. А потом привычным жестом коснулся усов и, улыбнувшись, сказал:

— А физику-то вы, товарищ Журавлев, помните плохо.

Сталин терпеть не мог, если ему отвечали с показной уверенностью, но без знания дела. Обмануть его мнимой эрудицией было трудно.

Мне приходилось присутствовать на ряде совещаний в кабинете Верховного Главнокомандующего. Были они и многолюдными и узкими, с участием двух-трех человек. Каждый раз я убеждался, насколько глубоко Сталин вникал в вопросы, которые ему приходилось решать. В некоторых случаях он не только высказывал свое мнение и окончательное решение принимал лишь после специальных консультаций. Но не редко И. В. Сталин сразу же принимал определенное решение.

В Англии во время войны были сконструированы реактивные установки для борьбы с воздушным противником — нечто среднее между пушками и реактивными минометами. Англичане сформировали батареи из установок двух калибров — 57 и 76,2-мм. Предназначались они для борьбы с низколетящими воздушными целями.

Тогда казалось, что новое боевое средство вызовет чуть ли не революцию в развитии техники противовоздушной обороны. У всех нас перед глазами было быстрое и успешное внедрение в боевую практику реактивного оружия — «катюш» в наземных войсках.

Во время одной из встреч с Верховным Главнокомандующим я рассказал ему об английской новинке и высказал мысль, что, может и нам следовало бы заняться разработкой зенитных реактивных установок. Сталин внимательно выслушал меня, подробно расспросил о конструкции и тактико-технических данных нового оружия. А потом, подумав, сказал:

— Нет, сейчас мы пока не можем работать над реактивными установками для ПВО.

Вскоре и сами англичане отказались от производства своего нового оружия: оно не оправдало себя.

*Д.А. Журавлев. Огневой щит Москвы.
Воениздат, М., 1972. С. 184—185.*

1944 год

Н.Д. Яковлев, 1 января 1944 года

А теперь расскажу об одном довольно неприятном случае, происшедшем только потому, что я отступил от той требовательности, которая вообще-то всегда была присуща ГАУ и исходила из твердых указаний на этот счет правительства и лично И.В. Сталина.

Для начала поясню, что все образцы танкового вооружения — орудия, пулеметы, оптические приборы — испытывались представителями Арткома ГАУ и танкистами совместно с представителями наркоматов вооружения и танковой промышленности. И лишь после успешного прохождения таких испытаний принимались на вооружение, а следовательно, и в валовое производство. За соответствие этих образцов всем тактико-техническим требованиям отвечало ГАУ.

В 1943 году исходя из опыта битвы на Курской дуге стало ясно, что наш превосходный танк Т-34, равного которому по своим боевым данным не было ни у врагов, ни у союзников все же нуждается в более мощной, чем 76-мм, пушке. К декабрю этого же года В.Г. Грабиным было отработано и изготовлено новое, 85-мм, танковое орудие с начальной скоростью полета снаряда 800 м/с, в связи с чем увеличивалась дальность прямого выстрела и повышалась бронепробиваемость этого снаряда.

Сталин очень торопил нас с новым заказом. И вот 29 декабря 1943 года вместе с наркома Д.Ф. Устиновым, В.А. Малышевым, Б.Л. Ванниковым и командующим бронетанковыми войсками Я.Н. Федоренко я вылетел на испытательный полигон ГАУ. Здесь должны были проводиться испытания танка Т-34 уже с 85-мм пушкой.

К нашему приезду из этого орудия было уже сделано почти все то количество выстрелов, которое требовалось по суще-

ствовавшей программе. В том числе и так называемых усиленных. Результаты были вполне удовлетворительные. Поэтому, побыв полдня на полигоне, мы всей группой отправились на завод, получивший заказ на новую пушку. Нужно было ускорить дело, мобилизовать дирекцию завода да и весь коллектив на то, чтобы с 1 февраля 1944 года танки Т-34 поступали бы уже в войска с 85-мм орудием.

По возвращению в Москву вооруженцы из группы П.И. Кирпичникова совместно с представителями заинтересованных ведомств подготовили проект постановления ГКО о производстве 85-мм пушек, о поставке их танковым заводам и о валовом выпуске Т-34 с этим орудием с 1 февраля 1944 года.

И поздно вечером 31 декабря 1943 года этот проект лежал у одного из членов ГКО, который с нетерпением ожидал, когда же этот документ подпишу я.

Присутствующие горячо ратовали за немедленное представление проекта на утверждение И.В. Сталину и упрекали меня в нерешительности. А я действительно колебался. Ведь знал же, что из пушки осталось еще отстрелять несколько десятков выстрелов (чтобы полностью закончить программу испытаний), а это... Поэтому, не имея окончательного заключения полигона, воздерживался от подписи.

Но в конце концов, поддавшись уговорам, а может быть, и пребывая в предновогоднем настроении, я все же подписал проект. И в час ночи 1 января 1944 года было уже получено постановление ГКО, утвержденное Сталиным.

А утром...

Часов в девять мне неожиданно позвонили с полигона и сообщили, что после окончания испытания по одному из узлов противооткатных устройств орудия получены неудовлетворительные результаты. А это означает, что пушка считается не выдержавшей испытаний и подлежит отправке на доработку.

Вот это сюрприз так сюрприз!

Немедленно еду в Наркомат вооружения. Здесь уже собрались все, кто имел хотя бы какое-то отношение к созданию и испытаниям новой пушки. В том числе и ее конструктор В.Г. Грабин.

Тут же с его помощью и при участии достаточно компетентных инженеров был проанализирован выявленный при испытаниях дефект, найден путь к его устранению. Руководство завода, с которым связались по телефону, заверило, что спра-

ваться с доделкой в срок. Появилась уверенность, что все обойдется по-хорошему: пушку в январе доиспытают, а с 1 февраля 1944 года танки Т-34 пойдут в войска уже с нею. Словом, так, как и было условленно постановлением ГКО.

Но тем не менее этот малоприятный факт утаивать от И.В. Сталина было нельзя. И где-то около двух часов дня я все-таки позвонил ему и доложил о происшедшем.

Сталин молча выслушал доклад и, ничего не ответив, положил трубку. А уже вечером в своем кабинете, медленно, сурово, погрозил пальцем. Потом негромко сказал:

— Это вам урок на будущее, товарищ Яковлев...

Я, покраснев, постарался заверить Верховного, что, по нашему твердому убеждению, все теперь будет в порядке и постановление ГКО мы не сорвем.

На этом, к счастью, тот инцидент и закончился. <...> Уже на четвертый день была готова в высшей степени сложная деталь пушки — стальная люлька. <...>

Последующие испытания 85-мм танковая пушка выдержала успешно.

*Н.Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе.
Высшая школа, М., 1984. С. 122—124.*

А.С. Яковлев, январь 1944 года

Как ни странно, по-настоящему стали думать у нас о пассажирских самолетах в разгар войны. <...>

По этому поводу в один из январских вечеров 1944 года нас с наркомом вызывали в Кремль. Был поставлен вопрос о пассажирском экспрессе, способном перевозить 10—12 пассажиров на расстояние 4—5 тысяч километров без посадки.

Сталин спросил, нельзя ли для этого приспособить какой-нибудь из имеющихся бомбардировочных самолетов.

Трудно было сразу сказать, можно ли в фюзеляже бомбардировщика разместить 12 пассажиров и обеспечить им комфорт, необходимый для полета в течении 10—15 часов. Поэтому мы просили дать время на размышление.

Мы доложили о работе Ильюшина над Ил-12. Создание Ил-12 было одобрено, но все же Сталин просил подумать о возможности использования ермолаевского бомбардировщика Ер-2.

Как известно, вскоре самолет Ил-12 пошел в массовое производство, но уже не с дизелями, а с двумя двигателями воздушного охлаждения АШ-82.

Что касается переделки Ер-2 в пассажирский самолет, то это оказалось нецелесообразным.

В результате в первые послевоенные годы, начиная с 1947 года, на гражданских авиалиниях СССР курсировали двухмоторные поршневые самолеты Ил-12, а в последующем — модификации этого самолета Ил-14. Для своего времени это были отличные машины, весьма экономичные и в высокой степени безопасные в полете.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 416.

И. С. Конев, 12—18 февраля 1944 года

<...> 12 февраля 1944 года около 12 часов меня по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий.

Сталин, рассерженный, сказал, что вот мы огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника, а в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим, и спросил: «Что вы знаете об обстановке на фронте у соседа?»

По интонации его голоса, резкости, с которой он разговаривал, я понял, что Верховный Главнокомандующий встревожен, и, как видно, причина этого — чей-то не совсем точный доклад.

Я доложил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно. Сталин спросил:

— Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

Я ответил:

— Да, по своей, товарищ Сталин.

Сталин сказал:

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Действительно, через 10—15 минут Сталин позвонил вновь:

— Нельзя ли все войска, действующие против окруженной группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта (27-ю армию), подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окруженной группировки?

Такого предложения я не ожидал, но ответил без паузы:

— Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, т.е. с противоположной стороны по отношению наших войск, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи ее со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь; пока в коридоре идет бой, прямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окруженного противника, тогда как на ее правом фланге также создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лысянки.

На это Сталин сказал, что Ставка обяжет штаб 1-го Украинского фронта передавать все мои приказы и распоряжения 27-й армии и оставит ее на снабжении в 1-м Украинском фронте. Я ответил, что в такой динамичной обстановке эта форма управления не обеспечит надежность и быстроту передачи распоряжений. А сейчас требуется личное общение и связь на коротке.

Все распоряжения будут идти с опозданием. Я попросил не передавать армию в состав нашего фронта.

— Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим, — закончил разговор Сталин. <...>

12 февраля в 16 часов я получил по ВЧ важное решение Ставки, которым на меня возлагалась ответственность за разгром окруженной группировки. <...>

После моего короткого доклада по телефону в Ставку о завершении сражения под Корсунь-Шевченковским И.В. Сталин сказал:

— Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Я на это мог только ответить:

— Благодарю, товарищ Сталин.

Далее Сталин продолжал:

— Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображения ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на этот счет?

Я ответил, что отношусь к этому положительно, и доложил:

— Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

Сталин сказал:

— Я — за. И думаю, что мы еще присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Как известно, Указы Верховного Совета не заставили себя ждать.

*И. С. Конев. Записки командующего фронтом.
Наука, М., 1985. С. 108—109, 110, 128.*

К. А. Мерецков, середина февраля 1944 года

В середине февраля 1944 года меня срочно вызвали в Ставку, причина вызова оказалась для меня неожиданной: Волховский фронт ликвидировался, его войска передавались Ленинградскому фронту, а я назначался командующим Карельским фронтом. Эта перемена меня не очень-то обрадовала. Я уже давно просился на западное направление. А теперь, когда наши войска стояли у границ Белоруссии, территория которой мне была хорошо знакома еще по довоенной службе, перевод на север казался мне нежелательным. Так я и сказал в Ставке. Но И. В. Сталин ответил примерно следующее: «Вы хорошо знаете и северное направление. К тому же приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Вам и карты в руки, тем более, что еще в 1939—1940 годах, во время советско-финляндской войны, вы командовали армией на Выборгском направлении и прорывали линию Маннергейма. Назначать же на Карельский фронт другого человека, совсем не знающего особенностей этого театра военных действий и не имеющего опыта ведения боев в условиях Карелии и Заполярья, в настоящее время нецелесообразно, так как это связано с за-

тяжкой организации разгрома врага. Всякому другому командующему пришлось бы переучиваться, на что ушло бы много времени. А его-то у нас как раз и нет».

Против таких доводов возражать было трудно.

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 365—366.*

С.М. Штеменко, 25—31 марта 1944 года

В конце марта 1944 г., когда Генштаб развернул работу над планами операций на северном фланге советско-германского фронта, в Москве стояли погожие весенние дни. Для нас же генштабистов, время было, прямо скажу, горячим. Тогда 1-й и 2-й Украинские фронты громили группы армий противника «Северная Украина» и «Юг» на правом берегу Днестра, гнали их за Прут и Серет. 3-й Украинский фронт нацелился на Одессу. Работы, понятно, было по горло, и нам не удавалось даже вдохнуть живительный воздух весны полной грудью. Я был счастливее моих товарищей, поскольку каждый день с А.И. Антоновым совершал недолгие поездки на автомашине в Кремль да более продолжительные — на «ближнюю» дачу к И.В. Сталину в Кунцево.

Выезжать к Верховному Главнокомандующему мне приходилось иногда и в одиночку, поскольку И.В. Сталин нередко интересовался состоянием работы над той или иной операцией или требовалось срочно заменить карты, которые лежали у него на столе. Вот так было и в конце марта. А.И. Антонов передал мне приказание И.В. Сталина через три часа прибыть на «ближнюю». «Хозяин» хочет еще раз посмотреть карты с замыслом операций на северном фланге, — добавил он, — свезите их ему». Я собрал нужные материалы, внимательно посмотрел их и к назначенному времени отправился в Кунцево. По пути продумал еще раз сообщения Генштаба, которые Верховный Главнокомандующий в основном уже одобрил.

...Неширокая асфальтированная дорога к даче, отделившись влево от забитого повозками и автомашинами Минского шоссе, бежит зигзагами сначала по опушке, затем по тихому смешанному лесу и заканчивается у зеленого деревянного забора с широкими, тоже деревянными воротами. Сразу за ними опять лес. Справа могучие сосны. Слева хоровод тонких бело-

ствольных березок, за ними снова сосны. Кое-где хмуроватыми пятнами маячат ели. На извилистой лесной дороге от ворот участка ко входу в здание дачи обычно не замечалось никакой охраны. Не видно ее и у дачи. Охрана была у ворот, а в лесу, окружающем дачу, несла она свою службу искусно и незаметно.

Въехав на территорию дачи, я невольно залюбовался спокойной красотой подмосковной природы. Но дорога была короткой, очарование длилось недолго.

Невысокая двухэтажная дача с двускатной крышей за лесом почти неприметна. Она тоже зеленая и возникает сразу, как только автомашина круто вывертывает из царства деревьев на круг у главного входа в дом. Летом здесь бьет фонтан в небольшом каменном бассейне. А кругом опять сосны стеной...

Я высадился и с пузатым от карт портфелем в руках направился в дом. Начальник охраны встретился на пороге и, зная меня в лицо, пригласил раздеться и проходить.

...Переступив порог, посетитель попадал через небольшой тамбур в прихожую. Здесь он мог раздеться, привести себя в порядок и подготовиться, если нужно, к предстоящей беседе. Справа вдоль стены — незатейливая деревянная вешалка персон на двадцать с надежными никелированными крючками. К услугам посетителей высокое зеркало и набор щеток для одежды и обуви. На полу во всю прихожую шерстяной ковер с хитрым разноцветным узором. Однако первое, что бросалось в глаза каждому, кто приходил сюда, это две большие карты на стене: одна — с линией фронта и вторая — с условными обозначениями великих строек социализма. Из прихожей без доклада направлялись к И.В. Сталину.

Во внутренние помещения дачи отсюда можно было попасть через три двери. Прямо — в столовую и через нее налево в спальню И.В. Сталина. Направо — в неширокий длинный коридор, где по правую руку располагались две жилые комнаты, одна из них служила в прошлом детской и потом была приспособлена под кабинет. Вторая тех же размеров и формы, но потемнее, предназначалась для гостей. По другую сторону коридора находилась длинная открытая веранда. Никакой мебели на веранде не имелось, кроме передвижной вешалки для посетителей, которую переносили в прихожую, если не хватало той, что была там, да стоял широкий и низкий диван.

Работал И.В. Сталин, как правило, в одной большой и светлой комнате слева от прихожей. Здесь был большой широ-

кий стол, где хорошо размещались военные карты, стоял такой же, как и в других помещениях, диван.

Вдоль короткой стены дачи была крытая веранда с большим ковром на полу и широким диваном того же серо-зеленого, приятного для глаз цвета. В углу веранды слева от входа стояла железная лопата с отполированной руками деревянной ручкой и хранился в большом шкафу прочий садовый и огородный инвентарь И.В. Сталина. Он любил ухаживать за розами, яблоками, посаженными по берегу пруда, развел небольшой лимонарий и даже выращивал... арбузы.

Местом торжеств и приемов являлся большой зал — столовая. Сюда попадали сразу из прихожей. Украшений тут не было. Только справа в проемах между окнами висели два больших портрета — В.И. Ленина и А.М. Горького.

Посередине зала почти на три четверти его длины стоял широкий полированный стол. У входа — небольшой салонный рояль красного дерева. В 1945 г. рядом с роялем поставили уже известный читателю подарок американцев — автоматический проигрыватель грампластинок. Обстановка зала дополнялась двумя диванами — небольшим с зеркальной спинкой и большим, того самого типа и цвета, которые стояли, пожалуй, во всех жилых и нежилых помещениях. На этом диване в столовой И. В. Сталин и скончался 5 марта 1953 г.

Второй этаж дачи хозяин посещал редко. Там были две большие светлые комнаты. Первая из них служила гостиной и приемной, вторая — спальней. В этих комнатах в августе 1942 г. останавливался У. Черчилль, когда в первый раз посетил Москву. В своих мемуарах он называет эту дачу государственной дачей №7 и вспоминает о своем пребывании здесь с удовольствием.

Имелась на даче и большая кухня. О ней, может быть, не следовало и говорить, если бы она тоже не отражала быта и привычек хозяина дачи. На кухне кроме обычной плиты, где готовились простые, здоровые блюда, имелась специальная шашлычная печь. И — самое примечательное — за деревянной перегородкой была большая русская печь, в которой пекли хлеб. Кроме того, по рассказам работавших здесь людей, когда уж очень донимал его радикулит, Сталин приходил сюда, раздевался, клал на горячие кирпичи широкую доску и, кряхтя, залезал на нее «лечиться».

...Прихожая была пуста. Стояла глубокая тишина. Я открыл дверь в столовую. Никого... Потолкался на месте, кашля-

нул в кулак, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома. Опять никого... Вот тебе и вызов на доклад! Не было еще случая, чтобы И. В. Сталин не принимал человека, если вызывал к себе.

Неожиданно открылась дверь направо, ведшая в коридор, и появилась фигура в овчинном тулупе до пят с высоко поднятым воротником. Из-под полы тулупа виднелись поднятые вверх носы больших черных валенок, подшитых толстым войлоком.

Фигура, от которой исходил крепкий запах леса, похлопала рукавом тулупа и сказала голосом И. В. Сталина: «Сейчас, товарищ Штеменко, пройдите в кабинет. Я буду через минуту...»

Теперь все стало ясно: Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде, он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп. Оказывается, я попал как раз в такое время.

Вскоре Верховный Главнокомандующий в привычном сером костюме военного покроя, в мягких сапогах и неизменной трубкой уже слушал мой доклад. Просмотрев карты, он задал несколько вопросов относительно условий маневра войсками и материальными средствами на северном фланге советско-германского фронта. Я ответил, не забывая, что И.В. Сталин хорошо знает театр еще со времен советско-финской войны. Верховный Главнокомандующий не перебивал, а потом, прохаживаясь по кабинету, стал рассуждать о последовательности операций советских войск. Я записывал в рабочую тетрадь смысл его рассуждений, который сводился к тому, что если Ленинградскому фронту предстояло провести несколько одновременных операций на Карельском перешейке, то Карельскому фронту на огромных просторах Севера придется проводить две такие операции, причем последовательно: сперва — против финнов, потом — против немецко-фашистских войск.

И. В. Сталин подошел к камину, подбросил несколько поленьев в уже угасавшее пламя. Затем он сказал, что нам, однако, нельзя ни в коем случае ослаблять северный участок Карельского фронта против 20-й Лапландской армии немцев. Нужно держать там наши войска в полной готовности к немедленно удару, не давая врагу возможности сманеврировать чем-либо на юг. Теперь, на данной стадии войны, советское Верховное Главнокомандование может себе позволить такое резервирование сил. Мы в состоянии накопить войска и материальные

средства, необходимые для успеха намеченной операции против финнов, другими путями, тем более, что в условиях бездорожья на северной местности любой маневр является далеко не простым делом. К тому же финны уже не те, что ранее: они подорваны во всех отношениях и ищут мира.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 382—386.*

Г.К. Жуков, 22 апреля 1944 года

Когда вошел в кабинет Верховного, там уже были А.И. Антонов, командующий бронетанковыми войсками маршал Я.Н. Федоренко и командующий ВВС генерал-полковник А.А. Новиков, а также заместитель председателя СНК В.А. Малышев.

Поздоровавшись, Верховный спросил, был ли я у Николая Михайловича Шверника.

Я ответил, что нет.

— Надо зайти и получить орден «Победа».

Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за высокую награду.

— Ну, с чего начнем? — обратился И.В. Сталин к А.И. Антонову.

— Разрешите мне коротко доложить о положении дел на фронтах на 12.00 сегодняшнего дня.

После краткого обзора по всем стратегическим направлениям он высказал соображения Генерального штаба о возможных действиях немецких войск в летней кампании 1944 года. О характере действия наших войск на этот период А.И. Антонов ничего не сказал. Я понял, что Алексей Иннокентьевич решил их изложить тогда, когда ему это предложит сделать Верховный.

Обращаясь к командующему ВВС А.А. Новикову, И.В. Сталин спросил о состоянии воздушных сил, поинтересовался, хватит ли самолетов, полученных от промышленности, чтобы доукомплектовать воздушные армии фронтов и авиацию дальнего действия. После ответов А.А. Новикова, которые были весьма оптимистичны, Верховный предложил маршалу Я.Н. Федоренко доложить о состоянии бронетанковых войск и возможностях их укомплектования к началу летней кампании.

Чувствовалось, что И.В. Сталин заранее знал цифры, которые докладывались ему, но он, видимо, хотел, чтобы те, кто

непосредственно занимаются этими вопросами, сами проинформировали присутствовавших, прежде чем мы выскажем свои соображения. К такому своеобразному приему в ходе обсуждения вопросов у Верховного мы уже привыкли.

Затем И. В. Сталин не спеша набил свою трубку, раскурил ее и, так же не спеша затянувшись, разом выпустил дым.

— Ну, а теперь слушаем Жукова, — сказал он, подойдя к карте, по которой докладывал А.И. Антонов.

Я тоже не спеша развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошел к моей карте и стал внимательно ее рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А.И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! — усмехнулся И.В. Сталин. — Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали, наконец, воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И.В. Сталин к А.И. Антонову.

— Согласен, — ответил тот.

Я не заметил, когда Верховный нажал кнопку звонка к А.Н. Поскребышеву. Тот вошел и остановился в ожидании.

— Соедини с Василевским, — сказал И.В. Сталин.

Через несколько минут А.Н. Поскребышев доложил, что А.М. Василевский у аппарата.

— Здравствуйте, — начал И.В. Сталин. — У меня находятся Жуков и Антонов. Вы не могли бы прилететь посоветоваться о плане на лето?.. А что у вас под Севастополем?.. Ну, хорошо, оставайтесь, тогда пришлите лично мне свои предложения на летний период.

Положив трубку, Верховный сказал:

— Через 8—10 дней Василевский обещает покончить с крымской группировкой противника. А не лучше ли начать наши операции с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с центрального направления?

А.И. Антонов заметил, что в таком случае противник легко может осуществлять маневрирование между соседними фронтами. Лучше начать с севера, а затем провести операцию против группы армий «Центр», чтобы освободить Белоруссию.

— Посмотрим, что предложит Василевский, — сказал Верховный. — Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действии фронтов в ближайшее время... — И, обращаясь ко мне, продолжал: — Займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Когда будете готовы, обсудим еще раз.

Через два-три дня Верховный снова вызвал нас с А.И. Антоновым. После обсуждения плана было решено: первую наступательную операцию провести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении.

После дополнительной работы с Генштабом 28 апреля я возвратился на 1-й Украинский фронт. В начале мая, когда освобождение Крыма подходило к концу, я послал Верховному предложение передать командование 1-м Украинским фронтом И.С. Коневу, чтобы я мог без задержки выехать в Ставку и начать подготовку к операции по освобождению Белоруссии.

Верховный согласился, но предупредил, что 1-й Украинский фронт остается у меня подопечным.

— Вслед за белорусской операцией будете проводить операцию на участке 1-го Украинского фронта, — сказал он.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 239—242.*

А.М. Василевский, март — апрель 1944 года

В течение марта и апреля замысел летней компании неоднократно обсуждался и уточнялся у Верховного Главнокомандующего.

Г.К. Жукова и меня несколько раз вызывали в Москву. Много раз Верховный Главнокомандующий говорил с нами об отдельных деталях и по телефону. При этом Сталин нередко ссылался на свои переговоры по этим вопросам с командую-

щими войсками фронтов, особенно с К.К. Рокоссовским. Когда шли операции по освобождению правобережной Украины и Крыма, Сталин напоминал мне о необходимости во что бы то ни стало закончить их в апреле, чтобы в мае полностью переключиться на подготовку белорусской операции. В начале апреля в одном из разговоров он сообщил мне, что склонен, вопреки возражениям командующего Ленинградским фронтом Л.А. Говорова, снова разделить этот фронт на два, оставить за Ленинградским фронтом к югу от Финского залива нарвское направление (примерно до Гдова), а южнее, на псковско-валгском направлении, создать 3-й Прибалтийский фронт, передав ему из Ленинградского 3 армии. Тогда же он поставил мне и другой вопрос, который обсуждался в Ставке, — о разделении Западного фронта, о чем я уже говорил выше. Словом, Верховный постоянно обращал наше внимание на подготовку этой операции. Заранее был решен вопрос и о назначении командующих Белорусскими фронтами.

Помню, Сталин спросил меня, кого бы я мог рекомендовать на должность командующего 3-м Белорусским фронтом. Я сказал, что по всем вопросам, связанным с белорусской операцией, мы неоднократно говорили с Антоновым. В качестве командующего 3-м Белорусским я порекомендовал кандидатуру генерал-полковника И.Д. Черняховского. Помню и другую беседу того времени. 4-й Украинский фронт готовился тогда к штурму Сапун-горы и взятию Севастополя. Сталин поинтересовался, какие войска того фронта можно будет взять после освобождения Севастополя на усиление фронтов белорусского направления. По нашему с А.И. Антоновым мнению, фронтовое управление и 2 армии (2-ю гвардейскую и 51-ю) можно было вывести в резерв Ставки, причем обязательно на территорию Белоруссии. Из них одну разместить восточнее Витебска, для усиления правого крыла создаваемой там группировки.

Сталин не возражал и приказал мне еще раз обсудить эти вопросы с Антоновым, после чего окончательно согласовать со Ставкой предложения Генерального штаба. Попросив также сообщить свои предложения о начальниках штабов, создаваемых на белорусском направлении фронтов, и наметить из состава войск 4-го Украинского фронта известный мне и наиболее опытный высший командный состав, который полезно будет использовать при проведении белорусской операции.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 2.
Политиздат, М., 1988. С. 120—122.*

К.К. Рокоссовский, 22—23 мая 1944 года

Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днестре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. Воениздат, М., 1972. С. 257.

А.М. Василевский, 30—31 мая 1944 года

Утверждая 30 мая план белорусской операции, Сталин, как это было уже не раз, заявил, что ближайшая задача Ставки — помочь командованию и войскам фронтов лучше подготовиться и провести задуманную операцию, а ГКО и Генштаб обязаны принять меры к тому, чтобы своевременно и полностью обеспечить войска всем необходимым. Он предложил направить Г.К. Жукова и меня в Белоруссию в качестве представителей Ставки и спросил, на какие фронты мы хотели бы поехать. Мы оба ответили, что готовы работать там, где будет указано. Было принято решение послать Жукова для координации действий 1-го и 2-го Белорусских, а меня — 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, я и Антонов отработали в Ставке частные директивы фронтам белорусского направления, указания немедленно приступить к подготовке операции «Багратион» и конкретные задачи на первый этап ее проведения. 31 мая директивы за подписью Сталина и Жукова были направлены фронтам. Г.К. Жуков подписал распоряжение За-

харову и Рокоссовскому определить срок готовности и начало наступления. Аналогичное распоряжение за моей подписью посылалось Баграмяну и Черняховскому.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 2.
Политиздат, М., 1988. С. 124—125.*

С.М. Штеменко, 1—5 июня 1944 года

<...> В начале июня в Генеральном штабе рассматривался план Свирско-Петрозаводской операции Карельского фронта. Нужно было разрушить узел, который приковал к себе значительные силы наших войск. Решение этой задачи ускоряло выход из войны Финляндии и, несомненно, способствовало успеху наших войск в Прибалтике. <...>

Командующий Карельским фронтом К.А. Мерецков очень хотел при докладе плана операции в Ставке наглядно показать И.В. Сталину, какой сильный укрепленный район противника придется сокрушить. С этой целью он привез в Москву искусно выполненный макет местности и панорамные аэрофотоснимки. Так, думалось Кириллу Афанасьевичу, легче будет объяснить, какие тяжелые предстоят бои, и выпросить у Верховного дополнительные силы, побольше материальных средств.

Мы, хорошо уже изучившие характер И.В. Сталина, пытались убедить Мерецкова, что тащить эти материалы в Кремль не следует: Верховный не любил лишних атрибутов и терпеть не мог прогнозов за противника. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Т.Ф. Штыков был на нашей стороне. Однако командующий не согласился.

В Ставке Кирилл Афанасьевич усугубил эту ошибку: свой макет и фотографии он стал демонстрировать до изложения сути плана операции. И.В. Сталин слушал его, прохаживаясь, по обыкновению вдоль стола. Потом вдруг остановился и резко прервал Мерецкова:

— Что вы нас пугаете своими игрушками? Противник, по-видимому, загипнотизировал вас своей обороной... У меня возникает сомнение, можете ли вы после этого выполнять поставленную задачу.

И тут Мерецков подлил масла в огонь: отложив «игрушки» в сторону, он сразу же стал просить тяжелые танковые полки и артиллерию прорыва. Это уже совсем взвинтило Сталина. Последовала новая резкая реплика:

— Думаете, напугали и мы откроем вам кошель?.. А мы не из пугливых.

Верховный не дал командующему закончить доклад и приказал Генеральному штабу еще раз разобраться с планом предстоящей операции и определить необходимые для нее силы и средства. На другой день этот же план докладывался вторично, но уже в обычном порядке. Сталин не перебивал, почти не делал замечаний и даже дал некоторые дополнительные средства для прорыва обороны противника. А когда мы уходили из его кабинета, напутствовал Мерецкова такими словами:

— Желаю вам удачи! Сами напугайте противника, а не поддавайтесь ему...

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб во время войны.
Воениздат, М., 1968. С. 280-281.*

А.М. Василевский, 17—18 июня 1944 года

<...> В разговоре по телефону И.В. Сталин спросил меня, как он часто это делал, не смогу ли я без особого ущерба для выполняемого задания прибыть на два-три дня в Москву. Я согласился и уже днем был в столице, а вечером 17 июня вместе с А.И. Антоновым встретился с И.В. Сталиным. Как выяснилось, основным вопросом, ради которого меня вызвали в Ставку, явились события на Севере. Войска Ленинградского фронта после ожесточенных боев на Карельском перешейке, нанеся серьезное поражение финским войскам, готовились к штурму последнего оборонительного рубежа. <...>

Связавшись по телефону с командующим Ленинградским фронтом Л.А. Говоровым, И.В. Сталин заслушал его детальный доклад о ходе событий и подготовке к штурму и дал ему ряд советов и указаний. Удовлетворенный заверениями Говорова в том, что задача ускорить наступление будет решена его войсками в течение ближайшей недели, он пожелал Леониду Александровичу успехов. <...>

В тот же вечер в Ставке был рассмотрен вопрос о проведении Карельским фронтом, с участием Онежской и Ладожской военных флотилий Свирско-Петрозаводской операции в Южной Карелии, Сталин по телефону заслушал доклад командующего фронтом К.А. Мерецкова о готовности войск и подчеркнул, что благодаря успешным действиям Ленинградского фронта у Карельского фронта создались благоприятные усло-

вия для выполнения задачи и потребовал начать операцию не позже 21 июня.

Затем он попросил Антонова доложить о последних событиях в Нормандии. <...>

После обмена мнениями Верховный назначил мне на следующий вечер встречу для доклада по всем имеющимся у меня вопросам в связи с Белорусской операцией.

Заслушав мой краткий доклад о ходе подготовки 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов к выполнению поставленных перед ними задач, Сталин остался доволен и особенно остановился на использовании 5-й гвардейской танковой армии на фронте у Черняховского. Я сообщил, что на оршанско-борисовском направлении против 11-й гвардейской армии оборона врага в инженерном отношении развита гораздо сильнее, чем на участке 5-й армии, да и группировка войск противника там значительно плотнее. Поэтому оршанское направление для ввода танковой армии в прорыв на борисовском направлении я считал менее перспективным, чем богушевско-борисовское. Договорились, что временно основным направлением ввода танковой армии в прорыв будем считать оршанско-борисовское, как кратчайшее и по характеру местности наиболее удобное для маневра. Окончательное же решение отложили до первых дней операции. Поэтому условились, что 5-я гвардейская танковая армия пока останется в резерве Ставки, а в нужный момент я как представитель Ставки дам указание передать ее фронту. При этом Ставкой предусматривалось, что во всех случаях основная задача танковой армии — быстрый выход на реку Березину, захват переправ и освобождение города Борисова. Как всегда, Верховный Главнокомандующий особенно интересовался настроением, подготовленностью и материальным обеспечением войск, а также работой командно-политического и прежде всего руководящего состава фронтов.

В дни моего пребывания в Москве Г.К. Жуков попросил у Ставки разрешения начать операцию 1-го Белорусского фронта не 23, а 24 июня. Сталин спросил о моем мнении. Посоветовавшись по телефону с И.Д. Черняховским и И.Х. Баграмяном, я сказал, что считаю такое предложение для фронтов нашего направления целесообразным, поскольку оно позволяет в ночь на 23 июня, перед началом операции 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, использовать здесь авиацию дальнего действия, направленную к Рокоссовскому. Сталин согласился с этим и добавил, что мы с Черняховским упускаем из виду еще

одну выгодную для нас деталь: 3-й Белорусский фронт выиграет в этом случае лишние сутки. Он обещал сообщить мне окончательное решение после разговора с Жуковым. <...>

20 июня я вернулся на КП Черняховского.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 2.
Политиздат, М., 1988. С. 135, 136—137.*

С.М. Штеменко, 18 июня 1944 года

<...> Вечером 18 июня при докладе положения на фронтах И.В. Сталин заметил, что время наступления войск Мерецкова приблизилось. Он велел А.И. Антонову еще раз обратить внимание Военного совета Карельского фронта на необходимость сохранить в неприкосновенности силы и средства против 20-й Лапландской армии. Алексей Иннокентьевич в 18.45 направил на Карельский фронт особую телеграмму. В ней говорилось: «Верховный Главнокомандующий приказал напомнить вам его требование не ослаблять правого крыла и центра фронта и без разрешения Ставки не снимать оттуда дополнительно никаких сил и средств помимо разрешенных ранее Ставкой к переброске».

Как мне известно, И.В. Сталин интересовался этим вопросом также на следующий день, когда уже завязались бои за Выборг. Он мысленно видел всю совокупность действий: и переброску сил противника на Карельский перешеек, и ослабление финских войск вследствие этого перед Карельским фронтом, и выход последнего на фланги главной группировки финнов, и вытекающие отсюда операции по окончательному разгрому финской армии, а затем и немецко-фашистских войск, попадающих в положение полуизоляции.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.2.
Воениздат, М., 1974. С. 390.*

С.М. Штеменко, июнь 1944 года

С Верховным мы имели принципиальную договоренность буквально по всем деталям благодарственного приказа. И все-таки из-за спешки при подготовке текста оплошности иногда случались. Помню, в частности, такой случай. Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населен-

ного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал «шапку» приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилии командиров, затем по радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. «Шапку» занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные, я опять пошел в машбюро, продиктовал недостающую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читали с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным неповторимым голосом Ю.Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст!

В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил «шапку», заголовок написал сокращенно — «КомЛУ Ф», упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развешивали заголовки. Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безымянный приказ?.. Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать все заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти.

Я собрал карты со стола, вышел и стал ждать А.И. Антонова.

— Плохо дело, — сказал Алексей Иннокентьевич, выйдя из кабинета.

Так как до меня сменилось уже пять начальников Оперативного управления, я знал, чем это пахнет. <...>

Два дня я не ездил в Ставку, и по утрам Верховный не звонил мне, как обычно. Все вопросы, касающиеся Генштаба, он решал теперь только с Антоновым.

На третий день, когда А.И. Антонов поехал с очередным докладом в Ставку, поступило сообщение об освобождении войсками 2-го Украинского фронта какого-то крупного населенного пункта. Мы, как обычно, спешно подготовили «шапку» благодарственного приказа. Я позвонил Поскребышеву и попросил доложить ее Антонову. И почти тотчас же мне позвонил Алексей Иннокентьевич:

— Приезжайте с приказом сами...

Через несколько минут я входил в кабинет Верховного.

— Читайте, — приказал он. — Фамилию не пропустили?

Я прочитал и получил разрешение передавать приказ в эфир. С той поры опять все пошло по-прежнему.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 389—391.*

С.М. Штеменко, 8 июля 1944 года

6 июля Верховный Главнокомандующий отдал 3-му Прибалтийскому фронту директиву на предстоящую операцию. А примерно через два дня после этого, при очередном нашем докладе в Ставке, мы услышали от Сталина следующее:

— Никто ни разу не был у Масленникова. Командующий этот молодой. Штаб там тоже молод, и, значит, опыта у них пока недостаточно. Надо было посмотреть на месте, как идут дела, помочь им спланировать и подготовить операцию по

овладению Псковом и Островом. Я думаю, пусть туда поедет Штеменко. Справиться? — повернулся Верховный ко мне.

— Постараюсь, товарищ Сталин.

— Возьмите с собой опытных артиллериста и авиатора. Танков у этого фронта мало, танкист не потребуется.

С минуту подумав, Сталин добавил:

— Хорошо, если бы с вами поехали Яковлев и Ворожейкин.

Так получил я благословение на первую самостоятельную поездку в качестве представителя Ставки.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 282.*

Г.К. Жуков, 7—9 июля 1944 года

7 июля, когда заканчивалась ликвидация главных сил окруженной группировки противника восточнее и юго-восточнее Минска, а передовые эшелоны 1-го Белорусского, 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов уже продвинулись от меридиана Минска далеко на запад и вели бои в районе Вильнюс — Барановичи — Пинск, мне позвонил И.В. Сталин и приказал прилететь в Ставку. <...>

Перед тем как встретиться с Верховным, мне хотелось глубже уяснить обстановку последних дней.

А.И. Антонов, как всегда, собранно и со знанием дела доложил анализ обстановки и мнение Генерального штаба о развитии событий на ближайший период. Слушая его, я испытал большое чувство удовлетворения: как вырос Генеральный штаб и его руководящий состав в своей оперативно-стратегической квалификации!

Около 13 часов А.И. Антонову позвонил Верховный и спросил, где я. Уточнив ряд вопросов, он приказал А.И. Антонову и мне через час быть у него на даче. Ровно в 14 часов мы прибыли. И.В. Сталин был в хорошем расположении духа, шутил.

Во время нашего разговора по ВЧ позвонил А.М. Василевский и доложил Верховному о последних событиях на участках 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Доклад А.М. Василевского, видимо, был благоприятным, и Верховный еще больше повеселел.

— Я еще не завтракал, — сказал он, — пойдемте в столовую, там и поговорим.

Мы с А.И. Антоновым хотя и позавтракали, но не отказались от приглашения.

За завтраком речь шла о возможностях Германии вести войну на два фронта — против Советского Союза и экспедиционных сил союзников, высадившихся в Нормандии, а также о роли и задачах советских войск на завершающем этапе войны.

По тому, как сжато и четко высказывал И.В. Сталин свои мысли, было видно, что он глубоко продумал все эти вопросы. Хотя Верховный справедливо считал, что у нас хватит сил самим добить фашистскую Германию, он искренне приветствовал открытие второго фронта в Европе. Ведь это ускоряло окончание войны, что было так необходимо для советского народа, крайне измученного войной и лишениями.

В том, что Германия окончательно проиграла войну, ни у кого не было сомнений. Вопрос этот был решен на полях сражений советско-германского фронта еще в 1943 — начале 1944 года. Сейчас речь шла о том, как скоро и с какими военнополитическими результатами она будет завершена.

Приехали В.М. Молотов и другие члены Государственного Комитета Обороны.

Обсуждая возможность Германии продолжать вооруженную борьбу, все мы сошлись на том, что она уже истощена и в людских и материальных ресурсах, тогда как Советский Союз в связи с освобождением Украины, Белоруссии, Литвы и других районов получит значительное пополнение за счет партизанских частей, за счет людей, оставшихся на оккупированной территории. А открытие второго фронта заставит, наконец, Германию несколько усилить свои силы на Западе.

Возникал вопрос: на что могло надеяться гитлеровское руководство в данной ситуации?

На этот вопрос Верховный ответил так:

— На то же, на что надеется азартный игрок, ставя на карту последнюю монету. Вся надежда гитлеровцев была на англичан и американцев. Гитлер, решаясь на войну с Советским Союзом, считал империалистические круги Великобритании и США своими идейными единомышленниками. И не без основания: они сделали все, чтобы направить военные действия вермахта против Советского Союза.

— Гитлер, вероятно, сделает попытку пойти любой ценой на сепаратное соглашение с американскими и английскими правительственными кругами, — добавил В.М. Молотов.

— Это верно, — сказал И.В. Сталин, — но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли всякое доверие своего народа, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства.

Затем Верховный спросил меня:

— Могут ли наши войска начать освобождение Польши и безостановочно дойти до Вислы и на каком участке можно будет ввести в дело 1-ю Польскую армию, которая уже приобрела все необходимые боевые качества?

— Наши войска не только могут дойти до Вислы, — доложил я, — но и должны захватить хорошие плацдармы на ней, чтобы обеспечить дальнейшие наступательные операции на берлинском стратегическом направлении. Что касается 1-й Польской армии, то ее надо нацелить на Варшаву.

А.И. Антонов целиком поддержал меня. Он доложил Верховному о том, что немецкое командование перебросило большую группу войск, в том числе бронетанковые соединения, для закрытия бреши, образовавшейся в результате действий наших западных фронтов. Поэтому оно серьезно ослабило свою группировку на участке 1-го Украинского фронта.

Затем Алексей Иннокентьевич доложил о ходе сосредоточения материальных запасов и пополнения на 1-м Украинском фронте и левом крыле 1-го Белорусского фронта, которые согласно ранее утвержденному плану готовились к переходу в наступление.

— Вам придется теперь взять на себя координацию действий и 1-го Украинского фронта, — сказал мне Верховный. — Главное свое внимание обратите на левое крыло 1-го Белорусского фронта и 1-й Украинский фронт. Общий план и задачи 1-го Украинского фронта вам известны. План Ставки изменениям не подвергся, а с деталями его ознакомьтесь в Генштабе.

Потом началось обсуждение возможностей войск, координируемых А.М. Василевским.

Я сказал Верховному, что было бы правильнее, если бы мы значительно усилили группу фронтов А.М. Василевского и 2-й Белорусский фронт и поставили задачу А.М. Василевскому отсечь немецкую группу армии «Север» и захватить Восточную Пруссию.

— Вы что, сговорились с Василевским? — спросил Верховный. — Он тоже просит усилить его.

— Нет, не сговорились. Но если он так думает, то думает правильно.

— Немцы будут до последнего драться за Восточную Пруссию. Мы можем там застрять. Надо в первую очередь освободить Львовскую область и восточную часть Польши. Завтра вы встретитесь у меня с Берутом, Осубко-Моравским и Роля-Жимерским. Они представляют Польский комитет национально-го освобождения. В двадцатых числах они собираются обратиться к польскому народу с манифестом. В качестве нашего представителя к полякам мы пошлем Булганина, а членом Военного совета у Рокоссовского оставим Телегина. <...>

9 июля Верховный еще раз рассмотрел план Ковельской наступательной операции 1-го Белорусского фронта. Он предусматривал:

- разгром ковельско-люблинской группировки;
- овладение Брестом во взаимодействии с войсками правого крыла фронта;
- выход широким фронтом на Вислу с захватом плацдарма на ее западном берегу.

10 июля я уже был опять в войсках <...>

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 259—262.*

С.М. Штеменко, 25—31 августа 1944 года

...Конец августа 1944 г. был на редкость погожим. И.В. Сталин, как и мы уставший от невероятного напряжения военных будней, предпочитал работать на даче. Там мы представляли доклады об обстановке и документы на подпись. Там собирались и члены правительства.

Хозяин дачи в короткие минуты отдыха был очень приветлив и любил показывать присутствующим дачный участок. Однажды И.В. Сталин, показывая на небольшой пригорок, свободный от деревьев, сказал, что здесь после войны будут расти арбузы. Мы с Антоновым переглянулись: дескать, Кунцево — не Кубань... Но вскоре после войны нам напомнили об арбузах. После авиационного парада в Тушино, который после неоднократных переносов из-за непогоды наконец состоялся, И.В. Сталин пригласил членов Политбюро ВКП(б) и руководства Военного министерства (тогда оно именовалось так) к себе на обед. Столы были накрыты на «ближней» даче в березовой аллее. По-

года была превосходная, настроение у всех отличное. После обеда И.В. Сталин повел нас к небольшой горке, на которой действительно росло несколько десятков арбузов! Сталин неторопливо выбрал довольно крупный арбуз, понес его на стол и одним движением длинного ножа ловко рассек пополам. Арбуз оказался на диво красным и довольно сладким. Оставалось только удивляться, как в открытом грунте в условиях Подмосковья могли созреть такие арбузы...

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 393.*

С.М. Штеменко, 10—12 сентября 1944 года

После разгрома противника, окруженного под Яссами и Кишиневом, Генштаб пустил в ход свою синюю папку, где находились обычно дела не столь спешные, но, как и другие, важные, в том числе представления к наградам и воинским званиям. Блестящая победа, одержанная 2-м и 3-м Украинскими фронтами, давала к тому повод. При рассмотрении этого вопроса И.В. Сталин сказал, что Р.Я. Малиновский и Ф.И. Толбухин достойны высшего воинского звания — Маршал Советского Союза.

— К тому же при восстановлении государственной границы СССР командующим фронтами это звание нужно присваивать, — добавил Верховный Главнокомандующий. Он был очень доволен успехами фронтов.

Предложение его приняли, и 10 сентября 1944 г. Р.Я. Малиновскому, а 12 сентября Ф.И. Толбухину присвоили маршальские звания.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 151—152.*

С.М. Штеменко, 9—10 октября 1944 года

В середине октября в Москву прибыли Черчилль и Иден, а также их политические и военные советники. Они вели переговоры с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, А.И. Антоновым. В отдельных заседаниях довелось участвовать и мне вместе с другими генералами Генштаба и сотрудниками Наркоминдела.

Доклад о положении на фронтах был поручен А.И. Антонову и готовился, как обычно, в оперативном управлении Ген-

штаба. Кроме обзора операций на советско-германском фронте в нем рассматривались трудности проведения наступательных действий и говорилось о планах советского командования на будущее.

Накануне первого дня переговоров Верховный Главнокомандующий потребовал доклад на просмотр. «Пусть Штеменко привезет его», — было сказано А.И. Антонову, и я отправился на «ближнюю» дачу. Путь не был длинным, и вскоре машина уже шла по зигзагообразной знакомой мне дороге.

И.В. Сталин был один. Не задавая никаких вопросов, он поздоровался, взял у меня доклад и отправился в кабинет. Набил трубку, раскурил и, не торопясь, уселся за стол. Пробежал глазами несколько страниц.

Текст был рассчитан всего на 25—30 минут с учетом, что Антонову придется не только читать его, но и показывать что-то на карте.

Я сидел неподалеку в полной готовности, но Сталин, слегка посапывая и побряхтывая, правил доклад, не задавая никаких вопросов.

Дело подходило уже к концу, когда Верховный Главнокомандующий, уткнув красный карандаш в строку, заметил:

— В этом месте, товарищ Штеменко, мы посильнее, чем было в проекте доклада, запишем относительно наших планов. Скажем, что будем стремиться скорее выйти к границам гитлеровской Германии, а для этого предварительно разобьем Венгрию. Здесь, в Венгрии, и будет наш главный интерес. Это вам как оператору знать нужно.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 250.*

Ю. Палецкис, 10 октября 1944 года

Вечером 10 октября первому секретарю ЦК ВКП(б) Литвы А. Снечкусу из Кремля позвонил И.В. Сталин.

— Как на литовском языке называется Мемель? — спросил он.

— Это город Клайпеда, — ответил Снечкус.

— Так вот, готовьтесь поднять над Клайпедой литовское знамя, с чем вас и поздравляю, — сказал Сталин.

Снечкус немедленно созвал членов бюро ЦК и сообщил это радостное известие. Слова Сталина о литовском флаге

можно было понять символически. Это означало, что Клайпеда и Клайпедовская область будут опять включены в состав Литвы.

Ю. Палецкис. В двух мирах. Политиздат, М., 1974. С. 442—443.

С.М. Штеменко, 11 октября 1944 года

Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада в Ставке, мы получили от Верховного задание подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке.

— Скоро, видимо, потребуются, — заключил Сталин этот короткий и как бы мимолетный разговор.

Такие расчеты в начале октября были сделаны, а в середине того же месяца Сталин впервые воспользовался ими при переговорах с Черчиллем и Иденом, прибывшими в Москву.

Мне лично в тот раз довелось видеть премьер-министра Великобритании лишь однажды. Случилось это вечером, когда мы с генералом А.И. Антоновым явились на обычный доклад в Ставку. Еще в приемной нас предупредили, что у Сталина Черчилль и что Верховный распорядился, чтобы мы заходили, как только прибудем.

Черчилль со Сталиным сидели в креслах друг против друга и оба нещадно дымили: один — толстой сигарой, другой — неизменной трубкой. За письменным столом расположился переводчик.

Сталин представил нас и сказал, что господин Черчилль хочет послушать доклад об обстановке на фронтах. Антонов сделал такой доклад, но с некоторыми отступлениями от порядка, принятого в Ставке. В данном случае фронты представлялись последовательно с севера на юг и обстановка на них излагалась по так называемому сокращенному варианту.

Черчилль подошел к столу, внимательно посмотрел разложенные на нем карты и задал только один вопрос: сколько войск у немцев против Эйзенхауэра. Алексей Иннокентьевич ответил.

После этого нас отпустили, но мы остались в соседней комнате в надежде, что Черчилль скоро уедет и нам удастся доложить на подпись Верховному некоторые неотложные документы. Минут через двадцать такая возможность действительно представилась.

Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте военным. — Затем, обращаясь к нам, добавил: — Попробуйте, наверное, это неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 334—335.*

Г.К. Жуков, 10—12 ноября 1944 года

Позвонив Верховному и доложив обстановку, я просил его разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта, поскольку они были бесперспективны, и дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение.

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте, — ответил Верховный. — До свидания.

Во второй половине следующего дня мы с К.К. Рокоссовским были в Ставке.

Кроме Верховного, там находились А.И. Антонов, В.М. Молотов и Г.М. Маленков.

Поздоровавшись, И.В. Сталин сказал:

— Ну, докладывайте.

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, И.В. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К.К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-то недоволен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В.М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил И.В. Сталин, обращаясь к К.К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К.К. Рокоссовский.

— Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь — Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении.

— Идите и еще раз проверьте ваши предложения, — оставил меня И.В. Сталин.

Мы с К.К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного:

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

С К.К. Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а К.К. Рокоссовский — готовиться к отлету в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— 1-й Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал И.В. Сталин. — Я сейчас поговорю с Рокоссовским.

Объявив Константину Константиновичу о своем решении, И.В. Сталин предложил ему перейти на 2-й Белорусский фронт.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 280—282.*

К.К. Рокоссовский, 12 ноября 1944 года

Уже был вечер. Только мы собирались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что, не подумав, я тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г.К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная. По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителей из числа наиболее способных и достойных генералов. Жуков таким и является. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт

возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

— Вот за это благодарю.

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения.

*К.К. Рокоссовский. Солдатский долг.
Воениздат, М., 1972. С. 293—294.*

И.С. Конев, 26—30 ноября 1944 года

Двенадцатого января 1945 года войска 1-го Украинского фронта, которыми мне выпала честь командовать, приступили к проведению Висло-Одерской стратегической наступательной операции. <...>

Я назвал 12 января, день начала операции, но, чтобы рассказать об этой операции действительно с самого начала, придется вернуться на полтора месяца назад — к концу ноября 1944 года.

Тогда меня вызвали в Москву с планом операции, разработанным командованием фронта. Я доложил его в Ставке Верховного Главнокомандования И.В. Сталину в присутствии членов Государственного Комитета Обороны.

Я хорошо помню, как обстоятельно И.В. Сталин изучал этот план. Особенно внимательно он рассматривал на карте Силезский промышленный район. Здесь было огромное скопление предприятий, шахт с мощным оборудованием, расположенным на земле, различного вида промышленных построек. Все это, вместе взятое, представляло очень большое препятствие для маневренных действий войск при наступлении.

Даже на карте масштабы Силезского района и его мощь выглядели внушительно. Сталин, как я прекрасно понял, подчеркивая это обстоятельство, показал пальцем на карту, обвел этот район и сказал:

— Золото.

Сказано это было так, что, в сущности, не требовало дальнейших комментариев.

Для меня, как командующего фронтом, уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать по-особому.

Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала, тем более что после освобождения эти исконно польские земли должны отойти Польше. И поэтому по нашему плану удары войск шли в обход этого района, севернее и южнее его. Однако не скрою, когда Сталин так веско, значительно сказал: «Золото», я подумал, что следует еще более внимательно и глубоко изучить все возможности не только освобождения, но и спасения Домбровско-Силезского промышленного района.

*И. С. Конев. Записки командующего фронтом.
Наука, М., 1985. С. 307—308.*

С.М. Штеменко, 1—5 декабря 1944 года

Метод разработки уставов с привлечением опытных командиров из войск и специалистов, которые давали весьма ценные рекомендации, прочно укоренился и применяется по сей день. Хотя и не все уставы рассматривали в Ставке, но докладывали о них обязательно.

В этой связи позволю себе рассказать читателям об одном поучительном эпизоде. Как-то в начале декабря 1944 года при очередном докладе обстановки Верховный Главнокомандующий спросил, как работает новое управление по изучению опыта войны. А.И. Антонов доложил, что работает, дескать, нормально, люди стараются и часто бывают на фронтах, сборники мы вам представляем.

— А по-моему, — заметил И.В. Сталин, — работает оно плохо, а вы за ними не следите. Известно ли Генштабу и управлению, что в этом году изданы два артиллерийских устава — и оба с серьезными нарушениями установленных правил и порядка в этом деле?

Мы с Антоновым переглянулись. Я ничего не знал и решил молчать. Антонов тоже замаялся. Тогда Верховный Главнокомандующий, не дожидаясь ответа, потребовал тщательно разобратся, все проверить и через два дня ему доложить.

Оказалось, что без ведома Ставки командующим артиллерией Красной Армии Главным маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым были разработаны и представлены на утверждение два устава: 29 мая 1944 г. — Боевой устав зенитной артиллерии, а 18 октября того же года — Боевой устав артиллерии Красной Армии. Оба устава были утверждены Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым.

В назначенный день наш доклад по обстановке на фронтах и по «делу об уставах» начался сразу после заседания Политбюро. И.В. Сталин долго ходил по кабинету и, обращаясь к членам Политбюро, сказал:

— Надо по этому случаю издать приказ. Генштабу, наверное, неудобно писать про двух больших начальников, поэтому мы сами напишем.

— 29 мая 1944 года, — начал диктовать И.В. Сталин, — Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой устав зенитной артиллерии Красной Армии (две части).

Затем, посмотрев в уставы, лежавшие у него на столе, продолжил:

— 18 октября 1944 года, также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования, тов. Вороновым был внесен на утверждение маршала Жукова Боевой устав артиллерии Красной Армии.

Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Немного помедлив, Сталин продолжал:

— Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьезные проблемы, они не учитывают ряда новых систем орудий и не увязаны с планом принятия уставов артиллерии Красной Армии.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий обычно пояснял причину, которая вызывает необходимость того или иного приказа. Так он поступил и сейчас:

— Народный комиссариат обороны исходит из того, что устав — это не приказ, имеющий силу на короткий срок. Устав — это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением устава тщательная его провер-

ка с вызовом товарищей с фронта. В таком порядке был утвержден Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении на утверждение и этих уставов, чтобы не допустить ошибок и чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефектных уставов. Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем...

Теперь наступила очередь заключительной части приказа. Все присутствующие внимательно слушали. И.В. Сталин ровно произнес:

— В связи с этим... — И затем, чуть помедлив, словно подчеркивая смысл, продиктовал: — Первое. Отменяю, — опять посмотрел в уставы, где были проставлены номера приказов, — приказы № 76 и 77 от 29 мая 1944 года и 209 от 18 октября 1944 года заместителя наркома обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого устава зенитной артиллерии и Боевого устава артиллерии Красной Армии.

Второе. Ставлю на вид Главному маршалу артиллерии товарищу Воронову несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии.

Третье. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов.

Приказываю:

Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии:

а) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава зенитной артиллерии;

б) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава артиллерии. Заместителю народного комиссара обороны СССР товарищу Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение.

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтами (округами), армиями, начальникам главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата обороны СССР...

Мы, да и все другие, кого это касалось, запомнили этот урок навсегда.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб во время войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 18—21.*

А.С. Яковлев, 9 декабря 1944 года

В этот вечер здесь собрались человек пятьдесят: советские дипломаты, министры, генералы и адмиралы в парадной форме, американский посол Гарриман, английский поверенный в делах Бальфур. Через некоторое время вошли руководители советского правительства во главе со Сталиным. Последними прибыли глава французского правительства генерал де Голль, министр иностранных дел Жорж Бидо и сопровождающие их лица.

Генерал де Голль очень высокий, медлительный в движениях. Удлиненное лицо. Просто, скромно одет. С учтивой улыбкой он подошел к Сталину и дружески с ним поздоровался. С появлением де Голля всех пригласили к столу. Провозглашались тосты в честь французских гостей. Встречные тосты в честь хозяев. <...>

После обеда собравшиеся перешли в соседний, зеркальный зал — гостиную, где был сервирован кофе, а затем в кинозал. Сначала был показан кинофильм «Если завтра война», потом мультипликация Диснея и затем «Волга-Волга».

Сталин сидел рядом с Гарриманом. Во время показа фильма «Волга-Волга» оба весело смеялись. Сталин особенно подтрунивал над Гарриманом, когда под куплеты: «Америка России подарила пароход, у него колеса сзади и ужасно тихий ход» — пароход «Севрюга» стал разваливаться.

Прежде чем разойтись, был предложен тост за французских летчиков. Командир полка «Нормандия» подполковник Пуяд был среди приглашенных. Сталин спросил его мнение о «яках». Пуяд ответил, что французские летчики летали на американских истребителях, на английских «спитфайрах», но предпочитают на Як-3.

Выпили за Як-3, за советских летчиков, за победу.

Вскоре после этого я был награжден орденом Почетного легиона.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 312—313.

С.М. Штеменко, 31 декабря 1944 года.

В канун Нового, 1945 года, за несколько часов до полуночи, А.И. Антонов объявил:

— Только что звонил Поскребышев и передал, чтобы мы приехали на «Ближнюю» к половине двенадцатого без карт и документов.

На мой вопрос, что бы это значило, Алексей Иннокентьевич ответил шутливо:

— Может быть, нас приглашают встретить Новый год? Не плохо бы...

Через несколько минут последовал звонок от командующего бронетанковыми и механизированными войсками Я.Н. Федоренко. Он, в свою очередь, спросил, не знаем ли мы, зачем его вызывают на «Ближнюю», причем тоже налегке.

Я сказал, что сами ломаем голову относительно странного приглашения.

В 23 часа вдвоем с Антоновым, как обычно, на его машине мы выехали, продолжая теряться в догадках о цели вызова. Ежедневные наши поездки на доклад к Верховному были, как правило, более поздними, а на праздники нас никогда не приглашали. За годы войны мы и слово-то это забыли.

На даче у Сталина мы застали еще нескольких военных — А.А. Новикова, Н.Н. Воронова, Я.Н. Федоренко, А.В. Хрулева. Потом подъехал СМ. Буденный. Как выяснилось, нас действительно пригласили на встречу Нового года, о чем свидетельствовал уже накрытый стол.

За несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б.Л. Ванникова и В.А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна-единственная женщина — жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Сталин занял свое обычное место в торце стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было, и каждый брал себе в тарелку то, что ему хотелось. С ударом часов Верховный Главнокомандующий произнес краткое слово в честь советского народа, сделавшего все возможное для разгрома гитлеровской армии и приблизившего час нашей победы. Он провозгласил здравницу в честь Советских Вооруженных Сил и поздравил нас всех:

— С Новым годом, товарищи!

Мы взаимно поздравили друг друга и выпили за победоносное окончание войны в наступающем 1945 году. Некоторая скованность, чувствовавшаяся вначале, вскоре исчезла. Разговор стал общим. Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с одним из гостей. Остальные не преминули

воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С.М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул меха. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К.Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопок пластинок «Барыню». С. М. Буденный не устал — пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи песен в исполнении ансамбля профессора А.В. Александрова. Эти песни все мы знали и дружно стали подпевать.

Возвращались из Кунцева уже около трех часов ночи. Первая за время войны встреча Нового года не в служебной обстановке порождала раздумья. По всему чувствовался недалекий конец войны. Дышалось уже легче, хотя мы-то знали, что в самое ближайшее время начнется новое грандиозное наступление, впереди еще не одно тяжелое сражение.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 301—303.*

1945 год

И.М. Майский, 10 февраля 1945 года

На заседании 10 февраля подводились итоги проделанной работы, а также утверждались подготовленные совещанием министров иностранных дел решения. Дошла очередь и до вопроса о репарациях. И тут произошло следующее.

Черчилль с плохо скрытым раздражением стал возражать против упоминания в Протоколе по германским репарациям каких-либо цифр, определяющих размер репараций. Сталин вскипел, поднялся из-за стола и, обращаясь к Черчиллю, воскликнул:

— Если англичане не хотят, чтобы Советский Союз вообще получил репарации, пусть они прямо это скажут!

Черчилль тоже вскочил и заявил:

— Ничего подобного!.. Мы только против упоминания на этой стадии каких-либо определенных цифр. Пусть цифры устанавливает Межсоюзная репарационная комиссия.

Было совершенно очевидно, что Черчилль боится слишком большого ослабления Германии путем репараций, ибо мыслит ее как будущий противовес возросшему могуществу СССР и рассчитывает, что, чем более неопределенны будут рекомендации Крымской конференции, тем легче Англия в дальнейшем сможет с помощью различных трюков и ухищрений свести на нет значение репараций.

Рузвельт в нерешительности смотрел на Сталина и Черчилля.

Реплика Черчилля возмутила Сталина, и в крайнем раздражении он заявил:

— Предлагаю принять решение: Германия обязана платить в натуре за причиненные ею союзным нациям потери; Московская репарационная комиссия определит размеры репараций. Мы выдвинем свои цифры, а вы, — обращаясь к Черчиллю, — свои...

Черчилль удовлетворенно буркнул:

— Так-то лучше...

Теперь из опубликованных после войны материалов, я знаю, что как раз в этот момент Гопкинс послал Рузвельту через стол записку:

«Русские так много уступили на этой конференции, что нам не следовало бы их обижать. Пусть англичане, если хотят, остаются несогласными и продолжают в Москве не соглашаться. Скажите просто, что весь вопрос передается репарационной комиссии вместе с протоколами, из которых будет ясно, что англичане не хотят упоминания 10 млрд.»

Тогда я не знал этого, но с удовлетворением констатировал, что выражение нерешительности вдруг исчезло с лица Рузвельта и он твердо предложил то, что как сейчас я знаю, рекомендовал Гопкинс. Конференция приняла предложение президента.

Было решено, что к концу завтрака, когда главы будут пить кофе, Молотов предложит им подписать протокол. Сталин подпишет, Рузвельт также подпишет, — Черчиллю будет неудобно не подписать...

В страшном напряжении мы ждали в кулуарах. Спустя несколько минут Молотов с довольным видом вышел из комнаты «Большой тройки». Протокол о репарациях был подписан Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем.

*И.М. Майский Воспоминания советского дипломата.
Международные отношения, М., 1987. С. 761—762.*

А.М. Василевский, 18 февраля 1945 г.

В ночь на 18 февраля Верховный Главнокомандующий после моего сообщения о положении дел в Восточной Пруссии порекомендовал мне выехать туда для помощи войскам и командованию, подчеркнув, что быстрейшая ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы нам за счет войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, во-первых, усилить основное, берлинское направление, и, во-вторых, освободить необходимую часть войск для подготовки к переброске на Дальний Восток. Он посоветовал мне заранее наметить для этой цели две-три лучшие армии и предупредил, что через два-три месяца после капитуляции Германии я могу быть послан для руководства боевыми действиями на Дальнем Востоке. (Забегая вперед, скажу, что действительно, две из трех общевойсковых армий, направленных в мае — июне 1945 года с запада на восток (5-я и 39-я), были взяты из состава войск, действовавших в Восточной Пруссии.)

Приняв рекомендацию отправиться на работу в Восточную Пруссию, я попросил освободить меня от должности начальника Генерального штаба, мотивируя это тем, что сейчас большую часть времени я стал находиться непосредственно на фронте, выполняя задания Сталина, а в Москве бываю лишь по вызовам. Я предложил утвердить в этой должности фактически исполнявшего ее А.И. Антонова, оставив за мной лишь должность заместителя наркома обороны. Помню, Сталин, с удивлением спросил:

— А разве вас не обидит такое решение?

Услышав мой ответ, он обратился к находившемуся здесь же Антонову и поинтересовался, как он относится к моему предложению. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделяет его. Сталин обещал подумать, а пока подписал директиву Ставки, согласно которой я, как ее представитель, обязан был

взять на себя с 22 февраля руководство боевыми действиями 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. В заключение Сталин спросил, когда я смогу отправиться на фронт. Я назвал следующий день. Верховный разрешил мне два дня побыть с семьей, сходить в театр, а 19-го вечером накануне отъезда зайти к нему.

Разговор происходил ночью. А днем 18 февраля пришло известие, что в районе города Мельзак смертельно ранен И.Д. Черняховский. <...>

Я узнал о смерти Ивана Даниловича, находясь в Большом театре. Во время спектакля ко мне тихо подошел мой адъютант П.Г. Копылов и сказал, что меня просит к телефону Верховный Главнокомандующий. Он-то и сообщил мне эту горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить меня во главе 3-го Белорусского фронта. <...>

Вечером 19 февраля перед отъездом на фронт я был у Верховного Главнокомандующего. Он дал мне ряд советов и указаний, касающихся предстоящей работы. Прощаясь, пожелал мне и войскам победы и успехов. В приемной А.Н. Поскребышев вручил мне два пакета. В одном из них лежал приказ Сталина от 18 февраля. В нем говорилось:

«1. Ввиду смерти командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии Черняховского И.Д., последовавшей от тяжелого ранения, назначить командующим войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского А.М....»

Во втором пакете я обнаружил документ, который был для меня неожиданным, — постановление ГКО о том, что во изменение постановления ГКО от 10 июня 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных сил утверждается в следующем составе: Верховный Главнокомандующий и нарком обороны Маршал Советского Союза Сталин И.В., заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Жуков Г.Н., заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Василевский А.М., заместитель наркома обороны генерал армии Булганин И.А., Начальник Генерального штаба генерал армии Антонов А.И., главком Военно-Морского Флота адмирал флота Кузнецов Н.Г.. Недоумевая, я спросил Поскребышева, чем вызвано это постановление? Ведь на протяжении почти всей войны я, будучи заместителем наркома обороны и начальником Генерального штаба, членом Ставки официально не состо-

ял. Не были членами Ставки ни один из командующих фронтами, за исключением Г.К. Жукова. Поскребышев, улыбнувшись, ответил, что он знает об этом ровно столько же, сколько и я.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 2.
Политиздат, М., 1988. С. 182—185.*

Г.К. Жуков, 7—8 марта 1945 г.

В ходе Восточно-Померанской операции, кажется 7 или 8 марта, мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего.

Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав мое сообщение, Верховный сказал:

— Идемте, разомнемся немного, а то я что-то закис.

Во всем обличье, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И.В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941—1942 годов.

Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье.

Во время прогулки И.В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом он сказал:

— Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить. На обратном пути я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

— Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде.

Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

— Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие... Такие испытания смогли стойко перенести только советские люди, закаленные в борьбе, сильные духом, воспитанные Коммунистической партией.

И. В. Сталин рассказал мне о Ялтинской конференции. Я понял, что он остался доволен ее результатами. Он очень хорошо отзывался о Рузвельте. И.В. Сталин сказал, что он по-прежнему добивался от союзников перехода их войск в наступление, чтобы скорее добить фашистскую Германию. Наши войска в период Крымской конференции находились на Одере, вели напряженные сражения в Восточной Пруссии, в Прибалтике, в Венгрии и других районах. Верховный настаивал на наступлении союзных войск, которые находились в 500 километрах от Берлина. Соглашение было достигнуто и с этого времени значительно улучшилась координация действий сторон.

Верховный подробно рассказал о соглашениях с союзниками по управлению Германией после ее капитуляции, о «контрольном механизме в Германии», о том, на какие оккупационные зоны будет разделена территория Германии, а также до какой линии должны продвигаться войска союзников и советские войска.

Деталей организации «контрольного механизма в Германии» и верховной власти в Германии он не касался. Об этом я был проинформирован значительно позже.

Относительно будущих государственных границ Польши на западе была достигнута полная договоренность — эти границы должны были проходить по Одеру и Нейсе (Западной). Но возникли большие разногласия о составе будущего польского правительства.

— Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам, а мы этого допустить не можем, — сказал Сталин. — Мы хотим раз и навсегда, иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ.

Несколько позже он заметил:

— Черчилль изо всех сил подталкивает Миколайчика, который более четырех лет отсиживался в Англии. Поляки не примут Миколайчика. Они уже сделали свой выбор...

Вошел А.Н. Поскребышев и подал И.В. Сталину какие-то документы. Быстро пробежав их, Верховный сказал мне:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же. <...>

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 315—317.*

С.М. Штеменко, 9 марта 1945 года

9 марта Ф.И. Толбухин по телефону обратился в Ставку за разрешением использовать в оборонительных целях 9-ю гвардейскую армию, только что переданную в состав его фронта. Он спрашивал также, не стоит ли его войскам и, в крайнем случае, штабу отойти на левый берег Дуная, чтобы не потерять управления.

Мы с А.И. Антоновым были в это время в кабинете Верховного Главнокомандующего.

И.В. Сталин выслушал соображения командующего 3-м Украинским фронтом, немного помедлил и ровным голосом сказал примерно следующее:

— Товарищ Толбухин, если вы думаете затянуть войну еще на пять-шесть месяцев, то, конечно, отводите свои войска за Дунай. Там, безусловно, будет потише. Но я сомневаюсь, что вы так думаете. Поэтому обороняться следует на правом берегу и вам со штабом надо быть именно там. Уверен, что войска с честью выполнят свои нелегкие задачи. Нужно только хорошо ими руководить.

Затем он высказал мысль о необходимости выбить танки врага еще в ходе оборонительного сражения, сказал, что нельзя давать время противнику закрепиться на достигнутых им рубежах и организовать прочную оборону.

— Следовательно, — рассуждал вслух Верховный Главнокомандующий, — переходить в наступление надо немедленно после того, как враг будет остановлен и полностью разгромить его. Для этого нужны значительные свежие силы. Они у нас есть — это армия Глаголева. Поблизости находится также 6-я гвардейская танковая армия генерала Кравченко. Пока она подчинена Малиновскому, но, если потребуется, ее можно передать ваше-

му фронту. Сделайте отсюда нужные выводы. — Посмотрев на Антонова, он добавил: — Генштаб на моей стороне.

Ф.И. Толбухин сказал, что приказание понял, и положил трубку.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 274—275.*

Г.К. Жуков, 29 марта 1945 года

29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы, в основном, заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Главнокомандующего детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И.В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении. Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И.В. Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском направлении.

По нашим данным, немцы имели здесь четыре армии, в составе которых было не меньше 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Впоследствии было установлено, что на берлинском направлении находилось не менее миллиона человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300

боевых самолетов, а в самом Берлине, кроме того, еще формировался двухсоттысячный гарнизон.

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил И. В. Сталин.

Я доложил:

— 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал И. В. Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда.

Затем он подошел к письменному столу, перелистал какие-то бумаги и достал письмо.

— Вот, прочтите.

Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нем сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях.

В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но все же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну, что вы об этом скажете? — спросил И. В. Сталин и, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит Ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все.

Вновь подойдя к письменному столу, он позвонил А. И. Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А. И. Антонов был в кабинете Верховного.

— Как идут дела у Рокоссовского?

А. И. Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А. М. Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте. И. В. Сталин молча дал ему прочитать письмо, которое только что показал мне. А. И. Антонов сказал: — Это

еще одно доказательство закулисных махинаций, которые ведутся между гитлеровцами и английскими правительственными кругами.

Обратившись к А. И. Антонову, Верховный сказал:

— Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом. <...>

1 апреля 1945 года в ставке Верховного Главнокомандования был заслушан доклад А.И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем — мой доклад о плане наступления войск 1-го Белорусского фронта и доклад И.С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта.

Верховный не согласился со всей разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба. Он заштриховал границу от Нейсе до Потсдама и прочертил линию только до Люббена (60 километров юго-восточнее Берлина).

Тут же указал маршалу И.С. Коневу:

— В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 322—325*

С.М. Штеменко, 1 апреля 1945 года

<...> как только обнаружили первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г.К. Жукова и И.С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день 1 апреля 1945 года план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в

кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и все закончить в течение 12—15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя.

Начальник Генштаба счел необходимым еще раз обратить внимание Верховного Главнокомандующего на разграничительную линию между фронтами. Было подчеркнуто, что она фактически исключает непосредственное участие в боях за Берлин войск 1-го Украинского фронта, а это может отрицательно сказаться на сроках выполнения задач.

Маршал Конев высказался в этом же духе. Он доказывал целесообразность нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Сталин пошел на компромисс: он не только не отказался от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И.С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел ее до населенного пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин, — заявил он потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возмущал и маршал Конев. Его это тоже устраивало.

В тот же день И.В. Сталин подписал директиву командующему войсками 1-го Белорусского фронта об операции по овладению Берлином и выходе до конца месяца на Эльбу.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 329—330*

И.С. Конев, 1—2 апреля 1945 г.

Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И.В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерально-

го штаба А.И. Антонов и начальник оперативного управления С.М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться Сталин задал вопрос:

— Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

— Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу, захватить его раньше Красной Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. <...>

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

— Вон какой вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

— Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе подготовить свои планы и, по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе

на фронты с уже утвержденными планами на руках. — Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено.

Мы работали немногим более суток. <...>

2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами.

Начальник Генерального штаба А.И. Антонов доложил общий план Берлинской операции. После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Сталин не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта; по нему тоже не было особых замечаний.

Очень внимательно обсудили и сроки начала операции.

Я, со своей стороны, предлагал срок максимально жесткий для нашего фронта, с учетом того, что нам предстояло совершить большие перегруппировки.

Сталин согласился с этим сроком. Выдвигая свои предложения, я просил Ставку выделить 1-му Украинскому фронту дополнительно резервы для развития операции в глубину. Сталин ответил утвердительно и сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счет прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Тут же прикинули, смогут ли армии перейти в распоряжение 1-го Украинского фронта к тому сроку, на который мы установили начало операции. Выходило, что прибыть к тому сроку они не смогут: железные дороги не успеют перевезти.

Тогда я выдвинул предложение начать операцию до подхода этих двух армий имеющимися во фронте наличными силами.

Это предложение было принято, и окончательным сроком, согласованным между командующими и утвержденным Ставкой, было установлено 16 апреля.

После утверждения планов зачитали проекты директив Ставки обоим фронтам; проекты были выработаны с нашим участием.

*И.С. Конев. Записки командующего фронтом.
Наука, М., 1985. С. 369—372*

И.С. Конев, 17 апреля 1945 года

Я поговорил со штабом фронта, выслушал доклад нескольких командующих армиями, еще раз переговорил с танкистами (они сообщили, что успешно продвигаются на запад от Шпрее) и, представив картину всего происходящего, позвонил по ВЧ в Ставку. Доложил И.В. Сталину о ходе наступления фронта, о переправе через Шпрее, о том, что танковые армии начали отрываться от общевойсковых и выдвигаться глубоко вперед в северо-западном направлении. <...>

Когда я уже заканчивал доклад, Сталин вдруг прервал меня и сказал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил свое мнение:

— Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществленный нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен-городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского генерального штаба.

— Вы по какой карте докладываете? — спросил Сталин.

— По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

— Очень хорошо. Вы знаете, что в Цоссене ставка гитлеровского генерального штаба?

— Да, знаю.

— Очень хорошо, — повторил он. — Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился. <...>

Как только Сталин положил трубку, я сразу же позвонил по ВЧ командармам обеих танковых армий и дал им указания, связанные с поворотом обеих армий на Берлин.

*И. С. Конев. Записки командующего фронтом.
Наука, М., 1985. С. 393—394, 395.*

Г.К. Жуков, 1 мая 1945 года

В 3 часа 50 минут 1 мая на командный пункт 8-й гвардейской армии был доставлен начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс. Он заявил, что уполномочен установить непосредственный контакт с Верховным Главнокомандующим Красной Армии для проведения переговоров о перемирии.

В 4 часа генерал В.И. Чуйков доложил мне по телефону, что генерал Кребс сообщил ему о самоубийстве Гитлера. По словам Кребса, это произошло 30 апреля в 15 часов 50 минут. Василий Иванович тут же зачитал мне содержание письма Геббельса к Советскому Верховному Главнокомандованию. В нем говорилось:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства. Завещание было подписано Гитлером и скреплено свидетелями. (Оно датировалось 4 часами 30 апреля 1945 года.)

Ввиду важности сообщения я немедленно направил своего заместителя, генерала-армии В.Д. Соколовского на командный пункт В.И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом. В.Д. Соколовский должен был потребовать от Кребса безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Тут же соединившись с Москвой, я позвонил И.В. Сталину. Он был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Очень скоро И.В. Сталин подошел к телефону. Я доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии.

И.В. Сталин ответил:

— Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

— Передайте Соколовскому, — сказал Верховный, — никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 362—363.*

Г.К. Жуков, 7 мая 1945 года

7 мая мне в Берлин позвонил Верховный Главнокомандующий и сообщил:

— Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны, — продолжал он, — на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск.

Я не согласился и с тем, — продолжал И.В. Сталин, — что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра же к вам прибудет Вышинский в качестве вашего помощника по политической части.

Рано утром 8 мая в Берлин прилетел А.Я. Вышинский. Он привез всю нужную документацию по капитуляции Германии и сообщил состав представителей от Верховного командования союзных войск.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 369.*

С.М. Штеменко, 15—16 мая 1945

9 мая было объявлено всенародным праздником — Днем Победы. Приказ на победный салют мы написали с утра. Вопреки обыкновению, на этот раз для передачи его по радио Ю.Б. Левитан был вызван в Ставку. Отсюда же, из Кремля, в 21 час И.В. Сталин обратился к советскому народу с краткой речью.

<...>

Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный Главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

— Нужно подготовиться и провести особый парад, — сказал он. — Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также по русскому обычаю отметить победу за столом, устроить в Кремле торжественный обед. Пригласим на него командующих войсками фронтов и других военных по предложению Генштаба. Обед не будем откладывать; чтоб его подготовить, хватит дней десять-двенадцать.

На другой день в Генштабе закипела работа. Были созданы две группы: одна вместе с Главным политическим управлением готовила списки лиц, приглашаемых на торжественный обед, а вторая всецело занялась парадом. <...>

Всего на парад предстояло вывести десять сводных фронтовых полков и один сводный полк Военно-Морского Флота при 360 знаменах. Помимо этого, к участию в параде предлагалось привлечь военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Знамя Победы, реявшее на куполе рейхстага в Берлине, по нашим соображениям, следовало поставить во главе парадного шествия, и чтобы несли и сопровождали его те, чьими руками оно было водружено над столицей гитлеровской Германии, — М.В. Кантария, М.А. Егоров, И.Я. Сьянов, К.Я. Самсонов и С.А. Неустров.

24 мая, как раз в день торжественного обеда, мы доложили все это Сталину. Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился.

— Парад провести ровно через месяц — 24 июня, — распорядился Верховный и далее продолжил примерно так: — Война

еще не кончилась, а Генштаб уже на мирный лад перестроился. Потрудитесь управиться в указанное время. И вот что еще — на парад надо вынести гитлеровские знамена и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать... А кто будет командовать парадом и принимать его?

Мы промолчали, зная наверняка, что он уже решил этот вопрос и спрашивает нас так, для проформы. К тому времени мы уже до тонкостей изучили порядки в Ставке и редко ошибались в своих предположениях. Не ошиблись и на этот раз.

После небольшой паузы Верховный объявил:

— Принимать парад будет Жуков, а командовать — Рокоссовский...

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.
Воениздат, М., 1968. С. 393, 394, 395—396.*

Г.К. Жуков, 15—16 мая, 18—19 июня 1945 г.

В середине мая 1945 года Верховный приказал мне прибыть в Москву. Цели вызова я не знал, а спрашивать было неудобно. <...>

В кабинете были, кроме членов Государственного Комитета Обороны, нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов, А.И. Антонов, начальник тыла Красной Армии А.В. Хрулев, несколько генералов, ведавших в Генеральном штабе организационными вопросами.

Алексей Иннокентьевич докладывал расчеты Генштаба по переброске войск и материальных средств на Дальний Восток и сосредоточении их по будущим фронтам. По наметкам Генштаба определялось, что на всю подготовку к боевым действиям с Японией потребуется около трех месяцев.

Затем И. В. Сталин спросил:

— Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев — солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Эту идею все горячо поддерживали, тут же внося ряд практических предложений. Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый из нас считал, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий.

Тут же А.И. Антонову было дано задание подготовить все расчеты по параду и проект директивы. На другой день все документы были доложены И.В. Сталину и утверждены им. <...>

В конце мая и начале июня шла усиленная подготовка к параду. В десятых числах июня весь состав участников уже был одет в новую парадную форму и приступил к тренировке.

12 июня Михаил Иванович Калинин вручил мне третью Золотую Звезду Героя Советского Союза. Точно не помню, кажется, 18—19 июня меня вызвал на дачу к себе Верховный.

Он спросил не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился.

— Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам.

И.В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе. <...>

22 июня в газетах был опубликован следующий приказ Верховного Главнокомандующего:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы...

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому.

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза И. Сталин

Москва, 22 июня 1945 года».

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 392, 393—394, 395.*

Г.К. Жуков, 20—25 мая 1945 года

В мае 1945 года, примерно в двадцатых числах, поздно вечером мне позвонил А.Н. Поскребышев и передал, чтобы я приехал в Кремль.

В кабинете Верховного, кроме него, находились В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов.

После взаимных приветствий И.В. Сталин сказал:

— В то время как мы всех солдат и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагеря для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск.

— Я думаю, — продолжал Верховный, — англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы использовать позже. А это прямое нарушение договоренности между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск.

Обращаясь к В.М. Молотову, И.В. Сталин сказал:

— Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Деница, немецких генералов, офицеров.

— Советская делегация завтра выезжает во Фленсбург, — ответил В.М. Молотов.

— Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкнется с Трумэном, — заметил И.В. Сталин.

— Американские войска до сих пор находятся в Тюрингии и, как видимо, пока не собираются уходить в свою зону оккупации, — сказал я. — По имеющимся у нас сведениям, американцы охотятся за новейшими патентами, разыскивают и отправляют в Америку крупных немецких ученых. Такую же политику они проводят и в других европейских странах. По этому поводу я уже писал Эйзенхауэру и просил его ускорить отвод американских войск из Тюрингии. Он ответил мне, что собирается в ближайшие дни приехать в Берлин, чтобы установить личный контакт со мной и обсудить все вопросы. Думаю, что следует потребовать от Эйзенхауэра немедленного выполнения договоренности о расположении войск в предназначенных зонах оккупации. В противном случае нам следует воздержаться от допуска военного персонала союзников в зоне большого Берлина.

— Правильно, — одобрил И.В. Сталин. — Теперь послушайте, зачем я вас вызвал. Военные миссии союзников сообщили, что в начале июня в Берлин прибудет Эйзенхауэр,

Монтгомери и Делатр де Тассиньи для подписания декларации о взятии Советским Союзом, США, Англией и Францией верховной власти по управлению Германией на период ее оккупации. Вот текст, прочтите, — сказал И.В. Сталин, передавая мне сложенный лист бумаги.

Там было сказано:

«Правительство Советского Союза, США, Англии и Франции берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагает германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство и власти.»<...>

Я вернул Верховному документ.

— В этой связи, — продолжал И. В. Сталин, — возникает вопрос об учреждении Контрольного совета по управлению Германией, куда войдут представители всех четырех стран. Мы решили поручить вам должность Главного начальствующего по управлению Германией от Советского Союза. Помимо штаба Главкома, нужно создать советскую военную администрацию. Вам нужно иметь заместителя по военной администрации. Кого вы хотите иметь своим заместителем?

Я назвал генерала В.Д. Соколовского. И.В. Сталин согласился. Затем он ознакомил меня с основными вопросами организации контрольного совета по Германии:

— В Контрольный совет, кроме вас, назначаются: от США — генерал армии Эйзенхауэр, от Англии — фельдмаршал Монтгомери, от Франции — генерал Делатр де Тассиньи. У каждого из вас будет политический советник. У вас будет Вышинский, первый заместитель наркома иностранных дел, у Эйзенхауэра — Роберт Мэрфи, у Монтгомери — Стронг. Кто будет от Франции, пока не известно.

Все постановления Контрольного совета действительны при единогласном решении вопроса. Вероятно, по ряду вопросов вам придется действовать одному против трех.

Зажигая трубку, он добавил, улыбаясь:

— Ну, да нам не привыкать драться одним... Главнейшей целью Контрольного совета, — продолжал И.В. Сталин, — должно явиться быстрое налаживание мирной жизни германского народа, полное уничтожение фашизма и организация работы местных властей. В состав местных органов власти в Германии следует отбирать трудящихся, из тех, кто ненавидит фашизм. Нашу страну фашисты разорили и разграбили, по-

этому вам и вашим помощникам нужно серьезно поработать над тем, чтобы быстрее осуществить договор с союзниками о демонтаже некоторых военно-промышленных предприятий в счет репараций.

Получив эти указания, я вскоре отправился в Берлин.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 399—401*

Н.М. Хлебников, 24 июня 1945 г.

<...> 24 июня мы, участники парада, были приглашены в Кремль на прием к руководителям партии и правительства. Прием прошел в исключительно сердечной обстановке. Особенно запомнились мне два момента.

Мы, старые соратники по 1-му Прибалтийскому и 3-му Белорусскому фронтам, сидели рядом за праздничным столом. Были провозглашены тосты за советский народ и его славные Вооруженные Силы, за партию и правительство, за Верховного Главнокомандующего, за командующих фронтами и армиями. В тосте за командующего и командармов 1-го Прибалтийского фронта командующий 51-й армией генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер был назван генерал-полковником. Иван Христофорович Баграмян объяснил нам, что это не ошибка. Когда во время парада он представлял Верховному Главнокомандующему своих командармов — генерал-полковников И.М. Чистякова, А.П. Белобородова, П.Г. Чанчибадзе и генерал-лейтенанта Я.Г. Крейзера, Сталин спросил:

— Почему товарищ Крейзер до сих пор генерал-лейтенант? Его армия хорошо воевала — и на юге, и у вас, в Первом Прибалтийском фронте.

Иван Христофорович охарактеризовал Крейзера как одного из достойнейших командармов, напомнил о стойкости армии в жестоких боях под Шяуляем, о ее блестящем прорыве к Балтийскому побережью. Иосиф Виссарионович молча выслушал Баграмяна, и в тот же день Якову Григорьевичу Крейзеру было присвоено звание генерал-полковник.

На приеме был произнесен тост за советских артиллеристов, за командующих артиллерией фронтов. Мы подошли к столу, где сидели руководители партии и правительства, представились по очереди Верховному Главнокомандующему. Признаюсь, я очень волновался.

— Здравствуйте, товарищ Хлебников, — просто и сердечно сказал Сталин. — Позвольте лично поздравить вас с победой. Что вам налить?

Неожиданно для себя я ответил:

— Водочки, товарищ Сталин!

Он улыбнулся:

— Водочки-то у меня нет. Только вино. Придется одолжить у Михаила Ивановича Калинина. — И, оборотившись, к сидящему рядом Калинину, сказал: — Налей, пожалуйста, артиллеристу, Михаил Иванович.

Михаил Иванович налил мне бокал, а Иосиф Виссарионович продолжал:

— Как это ваши молодцы-артиллеристы ее пьют... Чиста, говорят, как слеза божьей матери, крепка, как Советская власть, — так ведь?

— Вы и это знаете, товарищ Сталин?

Он кивнул:

— Знаю. Положено знать. Молодцы они, наши солдаты, — негромко добавил он. — Твердый народ. Давайте выпьем за них, за ваших артиллеристов, и за ваше здоровье!

Я был растроган. В знаменательный день на торжественном приеме Верховный Главнокомандующий мыслью и словом опять и опять обращался к рядовым солдатам.

*Хлебников Н.М. ...Под грохот сотен батарей.
Воениздат, М., 1979. С. 374—375.*

Ю. Палецкис, июнь 1945 года

Приехав в Москву в июне 1945 года, я пошел в Большой театр послушать оперу. Вдруг появляется товарищ в военной форме.

— Вас просят немедленно прибыть в Кремль, — сказал он.

У подъезда ждала машина. Через несколько минут мы вместе с этим военным уже входили в подъезд одного из дворцов Кремля. В небольшом зале за общим столом ужинала группа людей. Среди них Сталин, Молотов и некоторые другие члены Политбюро, а также Берут, Осубка-Моравский, несколько незнакомых мне лиц. Ужин подходил к концу. Пригласили в соседнюю комнату, где мы за отдельными столиками пили кофе. За нашим столиком оказался очень разговорчивый профессор из Кракова.

— Здесь происходит что-то вроде сватовства, — сказал профессор. — Посмотрим, удастся ли соединить огонь и воду.

Оказалось, что цель этой встречи — объединение двух противоположных лагерей. Среди присутствующих находился С. Миколайчик — бывший премьер-министр польского правительства в эмиграции, который собирался войти в состав правительства Народной Польши в качестве заместителя премьер-министра.

Вскоре ко мне подошел Молотов.

— Возьмите, пожалуйста, рюмку, вас просит товарищ Сталин, — сказал он.

С рюмкой ликера направился к Сталину.

— Я провозглашаю тост за Народную Польшу, — сказал Сталин, чокаясь с Берутом, Осубка-Моравским и Миколайчиком, — и за ее соседей: Советскую Россию, Советскую Украину, Советскую Белоруссию и Советскую Литву! — И он чокнулся с нами, представителями этих республик.

Между Советским Союзом и возрожденной Польшей установились новые отношения взаимного доверия, дружбы и сотрудничества.

Ю. Палецкис. В двух мирах. Политиздат, М., 1974. С. 459—460.

Г.К. Жуков, 16 июля 1945 года.

Москва санкционировала наше предложение о подготовке конференции в районе Потсдама. Дали свое согласие на проведение конференции в этом районе англичане и американцы.

<...>

В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцы выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичане для У.Черчилля — розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. <...>

16 июля специальным поездом должны были прибыть И.В. Сталин, В.М.Молотов и сопровождающие их лица.

Накануне мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого вы считаете нужным.

Все мы прибыли на вокзал примерно за полчаса до прихода поезда. Здесь были А.Я. Вышинский, А.И. Антонов, Н.Г. Кузнецов, К.Ф. Телегин, В.Д. Соколовский, М.С. Калинин и другие ответственные лица.

Я встретил И.В. Сталина около вагона. Он был в хорошем расположении духа, подошел к группе встречавших и поздоровался коротким поднятием руки. Окинув взглядом привокзальную площадь, медленно сел в машину, а затем, вновь открыв дверцу, пригласил меня сесть рядом. В пути он интересовался, все ли подготовлено к открытию конференции. И.В. Сталин обошел отведенную ему виллу и спросил, кому она принадлежала раньше. Ему ответили, что это вилла генерала Людендорфа. И.В. Сталин не любил излишеств в обстановке. После обхода помещений он попросил убрать лишнюю мебель. Потом он поинтересовался, где будут находиться я, начальник Генерального штаба А.И. Антонов и другие военные, прибывшие из Москвы.

— Здесь же, в Бабельсберге, — ответил я.

После завтрака я доложил основные вопросы по группе советских оккупационных войск в Германии и рассказал об очередном заседании Контрольного совета, где по-прежнему наибольшие трудности мы испытывали при согласовании проблем с английской стороной.

В тот же день прибыли правительственные делегации Англии во главе с премьер-министром У.Черчиллем и США во главе с президентом Г. Трумэном. Сразу же состоялись встречи министров иностранных дел, а премьер-министр У. Черчилль и президент Г. Трумэн нанесли визит И.В. Сталину. На другой день И.В. Сталин нанес им ответные визиты. Потсдамская конференция была не только очередной встречей руководителей трех великих держав, но и торжеством политики, увенчавшейся полным разгромом фашистской Германии и безоговорочной капитуляцией.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 410, 411—412.*

Г.К. Жуков, 24 июля 1945 года

Не помню точно какого числа, в ходе конференции после одного из заседаний глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомной.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждали, что, вероятно, И.В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают.

И.В. Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 418.*

Г.К. Жуков, 25—26 июня 1945 г.

Как и главнокомандующие американскими и английскими войсками, я тоже не являлся официальным членом делегации, однако мне приходилось присутствовать при рассмотрении вопросов, обсуждавшихся на Потсдамской конференции.

Должен сказать, что И. В. Сталин был крайне щепетил в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу. Особенно острые разногласия у него бывали с У. Черчиллем как в ходе заседаний, так и в частных беседах. Следует подчеркнуть, что У. Черчилль с большим уважением относился к И.В. Сталину и, как мне показалось, опасался вступать с ним в острые дискуссии. И.В. Сталин в спорах с У.Черчиллем был всегда предельно конкретен и логичен.

Незадолго до своего отъезда из Потсдама У. Черчилль устроил прием у себя на вилле. От Советского Союза были приглашены И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.И. Антонов и я. От США — президент Г. Трумэн, государственный секретарь по иностранным делам Джемс Бирнс, начальник генерального штаба генерал армии Маршалл. От англичан были фельдмаршал Александер, начальник генерального штаба фельдмаршал Алан Брук и другие. <...>

Во время приема первое слово взял президент США Г. Трумэн. Отметив выдающийся вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии, Г. Трумэн предложил первый тост за Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза И.В. Сталина.

В свою очередь, И.В. Сталин предложил тост за У. Черчилля, который в тяжелые для Англии военные годы взял на свои плечи руководство борьбой с гитлеровской Германией и успешно справился со своими большими задачами.

Совершенно неожиданно У. Черчилль предложил тост за меня. Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря У. Черчилля за проявленную ко мне «любезность», я машинально назвал его «товарищ». Тут же заметил недоуменный взгляд В.М. Молотова и несколько смутился. Однако быстро справился и, импровизируя, предложил тост за «товарищей по оружию», наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся.

На другой день, когда я был у И.В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел «товарища» в лице У. Черчилля.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 418—420.*

А.М. Василевский, 29 сентября 1945 г.

29 сентября я прибыл в Москву и вечером был принят И.В. Сталиным в его кремлевском кабинете в присутствии большинства членов Политбюро. Из военных присутствовал при этом прибывший со мною в Кремль А.И. Антонов. И.В. Сталин и члены Политбюро задали мне ряд вопросов, относящихся к нашей Дальневосточной кампании, к характеристике боеспособности японских войск и оценке японского командования, а также об отношениях к нам китайского населения и о положении в Китае в целом.

Затем И.В. Сталин, говоря о переходе страны и ее Вооруженных Сил к мирным условиям, подчеркнул, что выработка более приемлемых и правильных направлений дальнейшего строительства, организации и развития Вооруженных Сил, расстановка руководящих кадров является для ЦК партии и

правительства одной из важнейших задач. Поинтересовался при этом И.В. Сталин и моим настроением, планами на дальнейшее. Я ответил, что готов работать там, где укажет партия. Сталин порекомендовал мне прежде всего как следует отдохнуть с семьей в одном из санаториев, а по возвращении будет решен вопрос о моей работе. После этого он поздравил меня с наступающим 50-летием и тепло распрощался со мной.

На следующий день рано утром я взял «Правду» и с большим волнением и глубочайшей благодарностью прочитал на первой странице газеты приветствие в мой адрес ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров и Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем награждении четвертым орденом Ленина.

*А.М. Василевский. Дело всей жизни. Кн. 2.
Политиздат, М., 1988. С. 271—272.*

Часть IV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

(1946—1953 гг.)

1946 год

Ф.Е. Боков, 25—30 января — 2 февраля 1946 года

20—21 декабря 1945 года в Берлине состоялась совместная конференция представителей ЦК КПГ и ЦП СДПГ, которая приняла решение о слиянии двух партий и обсудила программные вопросы единой политической организации. <...>

О том, как отнеслась наша партия и Советское правительство к объединению КПГ и СДПГ, мне живо напомнила одна из моих записей того периода.

В конце января у меня состоялась встреча с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом. Они сообщили, что решение совместной конференции получает повсеместное одобрение обеих партий как в Восточной, так и в Западной Германии. <...>

Наша беседа, откровенная и сердечная затрагивала и многие другие важные вопросы. Так, Ульбрихт просил помочь сырьем из СССР для пуска на полную мощность предприятий легкой промышленности, что необходимо для лучшего снабжения граждан, а также выделить значительные денежные средства для выдачи сбережений мелким немецким вкладчикам.

Шла речь и о других потребностях населения, удовлетворить которые, как считали Пик и Ульбрихт, требовалось безотлагательно.

Некоторые вопросы Военный совет мог решить самостоятельно и быстро, а по другим требовалось получить указания от Совнаркома СССР. Я пообещал посоветоваться с Главным начальствующим, уточнить наши возможности, но предупредил, что для этого потребуется время. Тогда Вильгельм Пик спросил:

— Возможно ли, чтобы один из нас был принят высшим руководством Советского Союза по этим вопросам ?

Я переговорил с маршалом Жуковым. Георгий Константинович порекомендовал мне позвонить И.В. Сталину. В тот же день я связался с Москвой. Председатель Совнаркома беседовал со мной по ВЧ несколько минут.

— Что заботит Пика и Ульбрихта? — спросил он. — О чем они собираются говорить и какой помощи от нас ждут?

Выслушав мою информацию, Сталин сказал:

— Вопрос об объединении Коммунистической и Социал-демократической партий — внутреннее дело немецкого народа. Что же касается других вопросов, то... — После небольшой паузы он твердо добавил: — Хорошо, мы примем руководителей КПГ в ближайшие дни. Так и передайте им. О дате и времени вам сообщит Поскребышев...

Я попросил разрешения направить с ними в качестве переводчика референта Военного совета майора Н.Н. Волкова. Сталин согласился и тут же спросил:

— А как у вас дела? Какие проблемы теперь решаете?

Не знаю, как получилось, но я сперва ответил, а потом спохватился:

Сталину такие вольности могут не понравиться.

— У нас говорят: осуществляем четыре «Д».

— Как-как? — оживленно переспросил Сталин. — Что там еще за «Д»?

— Денацификация, демилитаризация, декартелизация и демократизация.

Сталин неожиданно рассмеялся.

— Хорошо, — одобрил он. — Но между прочим, не забывайте и о других буквах алфавита. В частности, следует поддерживать инициативу немцев о национализации промышленных предприятий виновников войны и тех, кто на ней наживался. Нужно под корень подрубить экономическую основу власти германского крупного капитала... До свидания!

Вскоре последовал звонок из Москвы. А.Н. Поскребышев сообщил, что прием назначен на вечер 2 февраля. 1 февраля Вальтер Ульбрихт с товарищами вылетел в Москву.

О том, как прошел прием в Кремле, рассказали маршалу Г.К. Жукову и мне заведующий агитпропом ЦК КПГ Ф. Эльснер, сопровождавший В. Ульбрихта, и майор Н.Н. Волков.

И. В. Сталин принял немецких коммунистов в назначенное время. На беседе присутствовали В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. А. Жуков. После обмена приветствиями Сталин спросил В. Ульбрихта:

— Значит, объединяться хотите? Дело хорошее...

Ульбрихт рассказал о подготовке к съезду партий, о подъеме внутрипартийной работы, росте рядов коммунистов, о новом названии объединенной партии. Потом он проинформировал о том, что ЦК КПП внес предложение о проведении в Восточной Германии всенародного опроса о национализации крупных предприятий.

И. В. Сталин одобрительно отнесся к этой инициативе компартии Германии и сказал:

— Это будет хороший прецедент и для западных зон.

Когда взаимная информация закончилась, В. Ульбрихт поставил перед руководителями нашей партии вопрос о целесообразности выплаты мелким вкладчикам их сбережений, которые они вложили еще в гитлеровские банки. После короткого обмена мнениями вопрос был решен положительно. Затем пошел разговор о расширении полиграфической базы. Сталин дал согласие выделить две типографии для немецких издательств и порекомендовал печатать больше трудов Маркса, Энгельса, Меринга и других. Во время встречи Председатель Совнаркома подробно расспрашивал немецких товарищей о положении с кадрами на местах, о настроениях молодежи, крестьян, женщин, а потом, вдруг задал вопрос:

— Действительно ли убит Тельман?

Получив утвердительный ответ, он произнес:

— Тельмана очень жаль... Моего сына тоже убили в плену...

Сталин тепло попрощался с гостями.

Встреча в Кремле произвела на немецких товарищей большое впечатление.

Ф.Е. Боков. Весна Победы. Воениздат, М., 1980. С. 430—433.

Н.Г. Кузнецов, январь 1946 г.

Мне хочется еще вспомнить, как в начале 1946 года произошло разделение Балтийского флота на два: восьмой и четвертый.

В конце января И.В. Сталин приказал мне позвонить ему по телефону.

— Мне кажется, Балтийский флот надо разделить на два флота, — неожиданно начал он.

Я попросил два-три дня, чтобы обдумать это предложение. Он согласился. Посоветовавшись со своими помощни-

ками, я доложил И.В. Сталину мнение моряков: Балтийский морской театр по своим размерам не велик, поэтому на нем целесообразно иметь одного оперативного начальника; базируясь в Рижском заливе, наши корабли совершенно свободно могут действовать как в Южной части Балтики, так и в Финском заливе.

И. В. Сталин ничего не ответил, но я понял, что он остался недоволен моим ответом. Неделью-две спустя по указанию Сталина в Наркомате ВМФ было созвано специальное совещание, на которое прибыли А.И. Микоян, А. А. Жданов. Голоса разделились.

В конце совещания я заверил Микояна и Жданова, что наилучшим образом выполним то приказание, которое получил, но считал бы необходимым еще раз лично доложить И.В. Сталину о нецелесообразности разделения Балтийского флота. На том и разошлись.

На следующий день меня и моих заместителей, И.С. Исакова, Г.И. Левченко и С.Г. Кучерова вызвали в кабинет Сталина. Едва мы вошли, я понял: быть грозе. Сталин нервно мерил шагами кабинет. Не спросив нашего мнения, не выслушав никого из нас, начал раздраженно:

— За кого вы нас принимаете?..

На меня обрушился далеко не вежливый разнос. Я не выдержал:

— Если непригоден, то прошу меня снять...

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Сталин остановился, посмотрел в мою сторону и раздельно произнес:

— Когда надо будет, уберем.

Балтийский флот разделили на два. Лишь в 1956 году удалось исправить эту ошибку.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 307—308.

Н.Г. Кузнецов, январь 1946 года

<...> Беспорядок или, наоборот, высокая дисциплина личного состава на одном крейсере снижает или повышает боеспособность всего соединения. А о значении четкой организации центрального аппарата Вооруженных сил и говорить нечего. Но, к сожалению, иногда у нас не придавалось этому вопросу должного внимания. Приведу хотя бы несколько примеров.

В начале 1946 года на одном из совещаний, где речь шла совсем о других делах, Сталин вдруг обратился к присутствующим:

— Не следует ли нам упразднить Наркомат Военно-Морского Флота?

Вопрос был поставлен неожиданно, никто не осмелился сразу высказать свое мнение. Поручили Генеральному штабу продумать его и доложить свои соображения правительству. Я тоже попросил какой-то срок, чтобы обсудить этот вопрос в своем наркомате и прежде всего в Главном морском штабе.

Основываясь на опыте Отечественной войны, мы составили доклад. Исходили из убеждения, что современные операции действительно требуют совместного участия различных видов и родов Вооруженных Сил и управления ими из одного центра. Мы считали, что вопрос поставлен правильно и объединения наркоматов обороны и военно-морского флота целесообразно. Но каждый вид вооруженных сил должен иметь и достаточную самостоятельность. Поэтому, доказывали мы, разумно оставить бывшему наркому ВМС, как бы он ни назывался в дальнейшем, широкие права, в том числе и право обращаться как в правительство, так и в другие наркоматы. В Генштабе, как в высшем и едином оперативном органе, надо сосредоточить лишь все оперативные проблемы, планирование развития боевых сил и средств на случай возможной войны.

Этот доклад был направлен Председателю Совнаркома И.В. Сталину, но нигде не обсуждался. Вскоре меня вызвали в Наркомат обороны, и я узнал, что решение уже состоялось. 25 февраля 1946 года вышел Указ «Об упразднении Наркомата ВМФ». Так и было сказано — упразднить...

А четыре года спустя Наркомат Военно-Морского Флота был создан вновь. Многим это показалось непонятным. Опыт прошедшей войны показал, что в стране должен быть единый орган руководства Вооруженными Силами.

На Западе, в частности в Америке, тогда настойчиво искали новую, более совершенную форму военной организации, причем считалось бесспорным: должен быть один руководящий орган. А мы организовав такое ведомство раньше, чем США, вдруг от него отказались. Разделив Министерство обороны на два наркомата в 1950 году, мы, по существу, сделали шаг назад.

Н.Г. Кузнецов. Накануне. Воениздат, М., 1969. С. 305—306.

Г.К. Жуков, 25—31 марта 1946 года

В конце марта 1946 года, когда я вернулся после сессии Верховного Совета снова в Берлин, мне передали, чтобы я позвонил И. В. Сталину.

— Правительство США отозвало из Германии Эйзенхауэра, оставив вместо него генерала Клея. Английское правительство отозвало Монтгомери. Не следует ли вам также вернуться в Москву?

— Согласен. Что касается моего преемника, предлагаю назначить Главкомом и Главнокомандующим в советской зоне оккупации в Германии генерала армии Соколовского. Он лучше других знаком с работой Контрольного совета и хорошо знает войска.

— Хорошо, мы здесь подумаем. Ждите указаний.

Прошло два-три дня. Поздно вечером мне позвонил И.В. Сталин. Справившись, не разбудил ли меня своим звонком, сказал:

— Политбюро согласно назначить вместо вас Соколовского. После очередного совещания Контрольного совета выезжайте в Москву. Приказ о назначении Соколовского поступает через несколько дней. Еще один вопрос, — продолжал И.В. Сталин. — Мы решили ликвидировать должность первого заместителя наркома обороны, а вместо него занять заместителя по общим вопросам. На эту должность будет назначен Булганин. Начальником генерального штаба назначается Василевский. Главкомом Военно-Морских Сил думаем назначить Кузнецова. Какую вы хотели бы занимать должность?

— Буду работать на любом посту, который Центральный Комитет сочтет для меня более целесообразным.

— По-моему, вам следует заняться сухопутными войсками. Мы думаем, во главе их надо иметь Главнокомандующего. Не возражаете?

— Согласен. — ответил я.

— Хорошо, вернетесь в Москву и вместе с Булганиным и Василевским поработайте над функциональными обязанностями и правами руководящего состава Наркомата обороны.

В апреле 1946 года я вернулся в Советский Союз.

*Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2.
АПН, М., 1974. С. 439—440.*

Н.С. Патолитчев, март — май 1946 года

В марте 1946 года состоялся Пленум Центрального Комитета. Еще до Пленума в качестве секретаря Центрального комитета был утвержден Алексей Александрович Кузнецов, работавший секретарем Ленинградского горкома партии в годы войны.

В числе других вопросов Пленум рассмотрел и утвердил новый состав Оргбюро ЦК (этот орган ЦК существовал с 1919 по 1952 год). Как исполнительный орган он осуществлял руководство организационно-партийной работой партии. А послевоенные условия требовали, безусловно, перестройки всей партийной работы применительно к новым условиям. В состав Оргбюро было избрано 15 человек, и среди них несколько секретарей обкомов — М.И. Родионов (Горький), М.А. Суслов (Ставрополь) и автор этих строк. Уже после Пленума некоторые товарищи говорили мне: «Можешь прощаться с Челябинском». Так оно и получилось. Меня утвердили заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК КПСС.

Работа в аппарате ЦК, да еще во главе столь ответственного отдела, требовала глубоких знаний, большого опыта. Опыт работы в Центральном Комитете у меня был мал (около года в качестве инструктора). Правда, более семи лет я работал секретарем обкомов партии.

4 мая 1946 года вечером позвонил А.Н.Поскребышев.

— Срочно приезжай в Кремль на квартиру к товарищу Сталину, — сказал и положил трубку.

По какому вопросу вызывает Сталин, мне не было сказано. Звонок был неожиданным. Мне не раз приходилось до этого встречаться со Сталиным. Но на квартиру к нему я шел впервые, и, конечно, очень волновался.

И вот кремлевская квартира Сталина. В прихожей мы задержались. Поскребышев похлопал меня по плечу — не робей, мол, — и оставил меня одного. Оглядываюсь. Справа вешалка и на ней — одна-единственная шинель — Сталина. Невольно пришли строчки из книги Анри Барбюса: «В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка». Но одно дело прочесть — и совсем другое — увидеть. И вот я в этой прихожей. Что же дальше? Сказать, что я очень волновался — значит почти ничего не сказать.

Открываю дверь. В комнате у стола стоит Сталин, а за столом два секретаря ЦК — Андрей Александрович Жданов и Алексей Александрович Кузнецов. Поздоровавшись, Сталин предложил сесть. А сам, как всегда, продолжал стоять и ходить. По выражению лиц Жданова и Кузнецова вижу, что обстановка спокойная. Постепенно улеглось и мое волнение.

Сталин сразу обращается ко мне:

— Скажите, — он всем говорит «вы», — ведь вы заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК? Вот и расскажите, как Центральный Комитет руководит местными партийными организациями.

Я не сразу уловил, что Сталин хочет узнать. Сталин понял это. Повторил:

— Расскажите, как сейчас работают партийные организации на местах и как аппарат ЦК руководит ими.

Вопрос сам по себе был прост. Но ответить на него мне было чрезвычайно трудно.

— Товарищ Сталин, я работаю заведующим Организационно-инструкторским отделом ЦК не более одного месяца, — сказал я. Поэтому как заведующий отделом ЦК ничего, видимо, полезного и существенного сказать вам не смогу. Я понимаю важность вопроса о руководстве местными партийными организациями и, если вы мне позволите, отвечу вам не как заведующий отделом ЦК, а как бывший первый секретарь обкома партии.

Сталин согласился и даже одобрил такой подход и стал внимательно слушать. Я рассказал ему о многих эпизодах и делах из жизни Челябинской партийной организации, уже знакомых читателям книги. Сказал, что некоторые важные вопросы, в том числе и такие, как изменение нами плана строительства на Магнитогорском комбинате, утвержденного ГКО, и работа над танком ИС, были неизвестны аппарату ЦК.

Оказалось, что Сталин знал историю рождения танка ИС. Он продолжал внимательно слушать. Одобренный его вниманием, я сказал, что практика ослабления контроля за местными партийными организациями продолжается и в мирное время. Это было не только мое мнение, мы об этом говорили с другими секретарями обкомов.

А.А. Жданов и А.А. Кузнецов почему-то не принимали никакого участия в нашей беседе. То ли они уже знали, о чем будет идти речь, то ли из каких-то еще соображений. И Сталин не вовлекал их в беседу.

Он задал мне много вопросов о работе партийных организаций. Не торопил с ответом. Остановится, спросит, затем опять продолжает медленно ходить. Так продолжалось довольно долго. Я впервые такое продолжительное время наблюдал за Сталиным. Груз, лежавший на его плечах всю войну, дал о себе знать. Движения Сталина были более медленными, левая рука несколько согнута, казалось, что он стал ниже ростом. Слушал не перебивая, ни разу не возразил. Говорил неторопливо, четко. Когда хотел что-нибудь подчеркнуть, останавливался.

Когда я ответил на его последний вопрос, он после некоторого молчания остановился, посмотрел на нас на всех по очереди и сказал:

— Надо восстановить права ЦК контролировать деятельность партийных организаций.

Это заявление, сделанное Сталиным со свойственной ему категоричностью, было для нас неожиданным.

Вот, оказывается, какое решение вынашивал Сталин. Я не помню этой формулировки в каких-либо документах. Разумеется, речь шла не о восстановлении, а об усилении контроля со стороны ЦК.

Затем, обращаясь ко мне, он сказал:

— Давайте подумаем, как перестроить работу аппарата ЦК? Какие новые организационные формы должны быть введены в структуре ЦК, чтобы успешно осуществлять наши задачи.

И через несколько минут добавил:

— Давайте создадим специальное управление в ЦК и назовем его Управлением по проверке партийных органов.

Мы согласились. Предложение было, конечно, разумным. Считая вопрос решенным, Сталин добавил:

— А вас назначим начальником этого управления.

Я не успел что-либо сказать, как он задал вопрос:

— Сколько вам нужно заместителей и кого вы хотели бы иметь в качестве заместителей?

— Хорошо бы иметь трех заместителей, товарищ Сталин, — ответил я.

— Кого?

Я назвал С. Д. Игнатьева, В. М. Андрианова и Г.А. Боркова. Сталин согласился, но добавил:

— А порядок такой — Андрианов, Игнатьев, Борков.

Это означало, что первым заместителем будет Андрианов. Вскоре заместителем стал и Николай Михайлович Пегов. Беседа продолжалась.

Сталин рассуждал:

— А из кого должен состоять аппарат управления по проверке партийных органов? Кто и как должен проверять партийные организации? Ведь каждый из этих работников должен уметь и контролировать партийные организации и активно помогать им в работе, хорошо представлять в местных партийных организациях ЦК нашей партии.

— Как будут называться эти работники ЦК? — спросил я.

— Может быть, назовем их агентами ЦК? — спросил Сталин.

Товарищеский, деловой характер беседы позволил мне высказать сомнение в таком наименовании.

— Мы, молодые коммунисты, — сказал я, — изучая историю нашей партии с большим уважением относились к агентам «Искры». Но сейчас, в наше время, слово «агент» приобрело несколько иное значение. И вряд ли будет хорошо звучать, если ответственных работников будем называть агентами.

Сталин согласился.

— Так, может быть, назовем их уполномоченными ЦК?

Но и это название показалось мне неудачным. Сталин снова согласился с моими доводами.

— Давайте назовем их инспекторами ЦК.

Это было сказано твердо, окончательно.

Но беседа на этом не завершилась. Сталин продолжал обсуждать вопросы партийной работы.

— Назначим инспекторами ЦК лучших секретарей областных и краевых комитетов, — продолжал Сталин. — Они хорошо поработали во время войны.

При этом назвал С.Д. Игнатьева, Г.А. Боркова, Н.М. Пегова, В.Г. Жаворонкова, Н.И. Гусарова, СБ. Зодиончикова, Г.А. Денисова, В.Д. Никитина.

Сталин ходил по комнате, говорил негромко, будто думал вслух.

— Теперь новые задачи, 1946 год — первый послевоенный. Утверждена новая пятилетка. Начинается новый этап советского строительства. А это все опытные и авторитетные секретари. Они хорошо будут представлять Центральный Комитет. Что надо исправлять в партийной и хозяйственной работе местных партийных организаций, они хорошо знают. А мы им поможем.

Сталин говорил просто и убедительно. Мне было приятно слышать о его уважительном отношении к секретарям обкомов, моим товарищам.

«Чем же закончится беседа?» — думал я.

Сталин продолжал ходить. Потом, остановившись напротив меня, спросил:

— Сколько вам лет?

— Тридцать семь.

Сталин внимательно всматривался.

— С какого года в партии?

— С 1928-го.

Сталин опять пошел и снова остановился:

— А что, если мы утвердим вас секретарем ЦК? — Посмотрел на меня и снова пошел.

Когда он повернулся к нам спиной, я оглянулся на Жданова и Кузнецова. Жданов, улыбаясь, развел руками, как бы говоря: «Сам решай, сам отвечай».

Поравнявшись со мной, Сталин сказал:

— Ну скажите же что-нибудь!

— Товарищ Сталин, решайте, как вы считаете нужным, — был мой ответ.

После этого Сталин подошел к телефону, набрал номер, и, видимо, Поскребышеву, сказал:

— Запишите второй пункт проекта решения ЦК — утвердить секретарем ЦК товарища Патоличева.

Каким был первый пункт, я не знал. Это стало известно несколько позднее. Он гласил, что Г.М. Маленков освобождается от обязанностей секретаря ЦК.

На другой день решение ЦК было принято.

Наша беседа подходила к концу. Это было для меня большим испытанием. Сталин, видимо, меня изучал.

— Ну что же, — обращаясь к нам, спросил Сталин, — может быть, мы поужинаем?

Андрей Александрович сказал:

— Времени — час ночи.

Алексей Александрович Кузнецов, улыбаясь, как бы в шутку заметил:

— Но ведь завтра воскресенье, товарищ Сталин.

Сталин все понял. Он нажал на электрическую кнопку. Вошел какой-то мужчина.

— Давайте ужин, — сказал Сталин.

Он посадил меня рядом с собой. Ужин был очень скромным, правда, с вином.

Сталин пил только красное. Потом я много раз убеждался, что все разговоры о том, что Сталин много пил, были, конечно, злым наговором.

Время прошло довольно быстро. Уже светало, когда Сталин попрощался с нами, надел свою шинель и, сказав, что поехал на дачу, ушел.

Я был глубоко взволнован всем происшедшим. Думал ли я, идя в Кремль, что эта встреча кончится таким крутым поворотом в моей судьбе. Со дня моего утверждения заведующим отделом ЦК прошло не более двух месяцев — вдруг секретарь Центрального Комитета партии!

И теперь, идя по московским улицам, я мысленно снова проходил по дорогам своей жизни. От проселочных дорог моего моему сердцу Золина, приведших меня в рабочий коллектив, до этой ответственной дороги.

Вспоминал дорогих мне людей. Они, впереди идущие, вели по дорогам жизни меня, сельского паренька, ставшего рабочим, комсомольским вожаком, партийным руководителем. Глубокое волнение, признательность и благодарность партии за доверие охватили все мое существо.

*Н.С. Патоличев. Испытание на зрелость.
Политиздат, М., 1977. С. 279—284.*

А.С. Яковлев, 8 июля 1946 года

Когда Сталин вызывал меня в Кремль для участия в обсуждении авиационных вопросов — касались ли они работы в авиапромышленности или моей конструкторской деятельности, шла ли речь о боевом применении самолетов на фронте или о перспективах развития авиации после войны, — я всегда являлся к нему хотя и с волнением, но без боязни. В ходе совещаний и в личной беседе свободно высказывал свое мнение. Я разговаривал с ним на авиационные темы легко, не испытывая напряжения.

Я чувствовал его неизменное доверие.

Вообще говоря, принимая во внимание его болезненную подозрительность и быструю перемену отношения к людям, такое постоянство многих удивляло.

Летом 1946 года в связи с большой занятостью в конструкторском бюро я решил просить об освобождении меня от обязанностей заместителя министра (к этому времени наркоматы уже были преобразованы в министерства) авиационной промышленности. На это требовалось согласие Сталина. Я волновался, не зная, как он отнесется к моей просьбе.

8 июля 1946 года нас с министром Михаилом Васильевичем Хруничевым вызвал Сталин. Хруничев доложил о доводке серийных истребителей Ла-7, Як-3, Як-9. Их выпуск после окончания войны был существенно сокращен, но работа над ними еще продолжалась.

Сталин поинтересовался, как обстоят дела с бомбардировщиком Ту-2.

— Не снять ли его с производства? Подумайте и дайте предложения, — сказал он.

Потом он задал несколько вопросов о производстве истребителей:

— Где будем делать реактивные истребители? Целесообразно ли сейчас одновременно производить Як-3 и Як-9, может быть, оставить один Як-9, а завод, выпускающий Як-3, освоить под реактивные истребители? Какие еще у вас дела? — спросил Сталин.

Хруничев доложил, что прошло уже больше пяти месяцев, как было принято решение правительства о строительстве в одной из областей новой научно-исследовательской базы, а дело движется плохо, не дают ни материалов, ни рабочих. Местные органы не только не помогают, но еще и мешают. «Даже людей, посланных министерством, вернуть не можем», — пожаловался Хруничев.

— Как так? — спросил Сталин.

— Да вот секретарь обкома задержал на месте временно посланных туда наших строителей, считает, что на восстановительные работы они нужней.

Сталин рассердился.

— Кто может мешать? Вы безрукие люди, у вас есть решение правительства, вы его не выполняете, да еще и секретаря обкома боитесь. Почему раньше не доложили?

Сталин приказал Поскребышеву соединить его по телефону с секретарем обкома.

— Ну, еще что?

Хруничев поддержал мою просьбу об освобождении меня от должности заместителя министра авиационной промышленности.

— Почему? — удивился Сталин, обращаясь ко мне.

Я сказал, что работаю в наркомате уже длительное время, что пока шла война и сразу же после ее окончания ставить вопрос об уходе не считал возможным. Но теперь, когда определены основы послевоенной перестройки нашей авиации на базе реактивных самолетов, прошу удовлетворить мою просьбу.

бу. Очень трудно совмещать конструкторскую и министерскую работу, и если я дальше останусь в министерстве, то неизбежно отстану как конструктор. Очень прошу не понять мою просьбу как дезертирство и освободить от работы в министерстве. Это будет только полезно для дела. Ведь я конструктор.

— Насчет того, что вы конструктор, у меня сомнений нет, — заметил Сталин и, подумав немного, сказал: — Пожалуй, вы правы. Прежде всего вы конструктор, и лишаться вас как конструктора было бы неразумно. Сколько лет вы работаете в министерстве?

— Да уже больше шести лет.

— Ну как, хватит с него? — обратился он к Хруничеву. — А кем заменить?

Я назвал Сергея Николаевича Шишкина, который был в министерстве моим заместителем и начальником ЦАГИ.

— Это крупный ученый и хороший организатор.

— Ученый — это хорошо. Есть люди, которые много знают, но не организаторы, не умеют приложить свои знания и организовать людей. А если умный и организатор — это очень хорошо. А вы как думаете? — обратился Сталин к Хруничеву.

Хруничев присоединился к характеристике, данной мною Шишкину, но высказал опасение, что Шишкин будет сопротивляться такому назначению.

— Почему?

— Это будет помехой его работе в ЦАГИ.

Но Сталин сказал:

— Какая же помеха? Наоборот, это будет хорошо.

На следующий день я получил подписанные Сталиным два документа. Один о присвоении мне звания генерал-полковника, другой — постановление Совета Министров следующего содержания:

«Совет Министров Союза ССР постановляет:

Удовлетворить просьбу товарища Яковлева А.С. об освобождении его от должности Заместителя министра авиационной промышленности по общим вопросам, в связи с большой его конструкторской работой по созданию новых самолетов.

За шестилетнюю руководящую работу в Министерстве авиационной промышленности наряду с личной конструкторской работой объявить т. Яковлеву А.С. благодарность.

Председатель Совета Министров Союза ССР И. Сталин

Управляющий делами Совета Министров Союза ССР Я. Чадаев».

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 385—387.

Н.С. Патоличев, 1946 год

<...> В 1946 году как-то вечером мы с Кузнецовым были в кабинете Жданова. Вдруг звонок. У телефона — Сталин. Узнав от Жданова, кто у него в кабинете, он обращается к секретарям ЦК: «Назовите мне самого лучшего коммуниста». Вопрос был совершенно неожиданным и необычным. Все замялись. Сталин любил иногда задавать вопросы, которые ставили собеседников в трудное положение. Помню, Жданов смотрит на нас, а мы на него. Потом догадались спросить Сталина, для каких же все-таки целей требуется «самый лучший коммунист». Сталин сказал, что надо подобрать работника для руководства торговлей в стране.

Помню, мы долго тогда перебирали руководящие кадры. И вот все единодушно остановились на В.Г. Жаворонкове. Доводы были предельно убедительны.

Впоследствии, как известно, долгие годы В.Г. Жаворонков возглавлял этот трудный участок государственной работы. Многие годы я знаю этого скромного человека. Рад, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

*Н.С. Патоличев. Испытание на зрелость.
Политиздат, М., 1977. С. 140*

А.С. Яковлев, конец августа 1946 года

На генеральной репетиции полет Як-15 всем понравился. Дня за два до воздушного парада Хруничев собрал у себя конструкторов. Тут были Туполев, Ильюшин, Микоян, Лавочкин и я. Нужно было обсудить некоторые окончательные детали полета самолетов на параде.

В разгар совещания раздался звонок кремлевского телефона.

По тому, как сразу изменилось выражение лица Михаила Васильевича, мы поняли, с кем будет разговор.

— Слушаю, товарищ Сталин. Да, вот собрал конструкторов, уточняем некоторые детали парада. Да, все здесь, и он тоже.

И Хруничев передал мне трубку:

— Хочет с тобой говорить.

Я услышал знакомый голос.

— Здравствуйте, как дела, как реактивные самолеты?

— Все в порядке, товарищ Сталин, самолеты Як-15 и МиГ-9 подготовлены к параду.

— У вас лично нет никаких сомнений, уверены ли вы в успехе?

— Не беспокойтесь, нет никаких сомнений.

— Если нет полной гарантии безопасности, лучше отставить реактивные.

— Все будет в порядке, мы в этом уверены.

— Ну, желаю успеха.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1987. С. 366—367

С.М. Штеменко, 1946 год

Как и в годы войны, И.В. Сталин почти не оставлял себе свободного времени. Он жил, чтобы работать, и не изменял привычке заниматься обычно до 3—4 часов утра, а то и позднее, а с 10 опять принимался за дело. Такого порядка он заставлял придерживаться и всех других людей, имевших к нему отношение, в том числе Генштаб.

Нам часто доводилось ездить в Кремль и на «ближнюю» дачу с докладами по различным вопросам обороны страны. Могу сказать, что часов отдыха у Сталина было очень мало. Не много их было и после войны.

И.В. Сталин, кроме праздничных концертов и спектаклей, которые обычно устраивались после торжественных собраний, нигде не бывал. Домашним его «театром» были музыкальные радиопередачи и прослушивание грамзаписи. Большую часть новых пластинок, которые ему доставляли, он предварительно проигрывал сам и тут же давал им оценку. На каждой пластинке появлялись соответствующие подписи «хор.», «снос», «плох.», «дрянь». В тумбочке и на столике возле стоявшего в столовой тумбообразного громоздкого автоматического проигрывателя, подаренного И.В. Сталину американцами в 1945 году, оставались только пластинки с первыми двумя надписями. Остальные убирались.

Кроме проигрывателя имелся патефон отечественного производства с ручным заводом. Хозяин сам переносил его куда надо.

Нам, кроме того, была известна его любовь к городкам. Для игры в городки разбивались на партии по 4—5 человек в каждой, конечно, из числа желающих. Остальные шумно «болели». Играли, как правило, 10 фигур. Начинали с «пушки».

Над неудачниками подтрунивали, иной раз в озорных выражениях, чего не пропускал и Сталин. Сам он играл неважно, но с азартом. После каждого попадания был очень доволен и говорил: «Вот так мы им!»

А когда промахивался, начинал искать по карманам спички и разжигать трубку или усиленно сосать ее.

На даче не было ни парка, ни сада, ни «культурных» подстриженных кустов или деревьев. И.В. Сталин любил природу естественную, не тронутую рукой человека. Вокруг дома буйно рос хвойный и лиственный лес — везде густой, не знающий топора.

Невдалеке от дома стояло несколько пустотелых стволов без ветвей, в которых были устроены гнезда для птиц и белок. Это было настоящее птичье царство. Перед дупляным городком — столики для подкормки. Сталин почти ежедневно приходил сюда и кормил пернатых питомцев.

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 39—40.*

1947—1953 годы

С.М. Штеменко, январь 1947 года

Вскоре после войны было решено пригласить в нашу страну с официальным визитом фельдмаршала Монтгомери. <...> Время визита, по обыкновению, долго согласовывали и наконец договорились на январь 1947 года.

Уже в день прибытия фельдмаршала он должен был нанести официальный визит начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому. Было решено преподнести Монтгомери в это время русский сувенир. Долго ломали голову, что именно подарить высокому гостю, но ничто из обычных национальных памятных подарков вроде бы не подходило. К тому же тогда никаких специальных сувениров не делали. Наконец, кто-то подал мысль сшить ему русскую, военного покроя бекешу на беличьем меху и генеральскую папаху из серого каракуля. <...>

Наконец фельдмаршал прибыл и проследовал в кабинет, где были А.М. Василевский, А.И. Антонов, Н.В. Славин и автор этих строк, который должен был сопровождать Монтгоме-

ри при посещении им Академии Генерального штаба. После взаимных приветствий состоялась беседа. <...>

Но вот А.М. Василевский с приличествующим случаю коротким словом вручил бекешу и папаху. Монтгомери подарок очень понравился. Он долго разглядывал его, спросил, точно ли это настоящая белка и какова стоимость меха. Ответить о цене никто не мог, поэтому мне пришлось тут же выйти и по телефону навести справки. Затем Монтгомери решил надеть бекешу и папаху. Когда он облачился, оказалось, что папаха была впору, а бекеша слишком длинна. Полученные нами, как принято говорить, «достоверные данные», необходимые для портного, резко разошлись с действительностью. Не отличавшийся богатырским сложением английский фельдмаршал утонул в бекеше. А.М. Василевский успокоил:

— Дело поправимое. Завтра к утру бекеша будет доставлена вам в надлежащем виде.

Однако это не устраивало фельдмаршала, и он попросил, чтобы бекешу укоротили здесь же, при нем, он подождет. Все недоуменно переглянулись.

— Сергей Матвеевич, распорядитесь насчет портного, — сказал Александр Михайлович, обращаясь ко мне.

Я вышел. Минут через сорок привезли портного с машинкой. Была произведена примерка, и портной в приемной начальника Генштаба сел за работу.

<...> Наконец портной работу закончил, сделали еще одну примерку — бекеша была теперь впору. Довольный, не снимая ее, Монтгомери покинул Генштаб. <...>

Накануне отъезда фельдмаршала И. В. Сталин дал обед в честь Монтгомери. На обед приглашалось человек двадцать. К назначенному сроку мы — военные и представители МИДа собрались в Большом Кремлевском дворце. До начала обеда оставалось пять минут, а Монтгомери все не было. Дозвонились до резиденции: говорят — выехал. Тут же открывается дверь, и в приемный зал входит Монтгомери, одетый в бекешу и папаху.

— В чем дело? — бросились мы к сопровождавшим его советским офицерам, — Почему не раздели где положено?

— Категорически отказался, — был ответ.

Фельдмаршал, заметив замешательство и недоумение на лицах присутствующих, сказал:

— Хочу, чтобы меня увидел Генералиссимус Сталин в русской форме.

В это же время вошел И.В. Сталин и члены правительства. Монтгомери объяснил ему, в чем дело. Сталин посмеялся, сфотографировался вместе с ним, потом Монти (как его называли англичане) тут же разделся, и начался обед.

На следующий день мы провожали Монтгомери с Центрального аэродрома. Он приехал в той же бекеше и папаше, принял рапорт начальника почетного караула и улетел, не расставаясь с нашим подарком...

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 36—38.*

К.М. Симонов, 13 мая 1947 года

Тринадцатого мая Фадеев, Горбатов и я были вызваны к шести часам вечера в Кремль к Сталину. Без пяти шесть мы собрались у него в приемной в очень теплый майский день, от накалившего солнцем окна в приемной было даже жарко. Посредине приемной стоял большой стол с разложенной на нем иностранной прессой — еженедельниками и газетами. Я так волновался, что пил воду.

В три или четыре минуты седьмого в приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и вошли в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись нам навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался, поздравил нас с Фадеевым с приездом, очевидно, из Англии, откуда мы не так давно вернулись, пробыв там около месяца в составе нашей парламентской делегации.

После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола, Молотов и Жданов сели напротив нас, но не совсем напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину.

Все это, конечно, не столь существенно, но мне хочется запомнить эту встречу во всех подробностях.

Перед Ждановым лежала докладная красная папка, а перед Сталиным — тонкая папка, которую он сразу открыл. В ней лежали наши письма по писательским делам. Он вслух прочел заголовок: «В Совет Министров СССР» — и добавил что-то, что я не расслышал, что-то вроде того, что вот получили от вас письмо, давайте поговорим.

Разговор начался с вопроса о гонораре.

— Вот вы ставите вопрос о пересмотре гонораров, — сказал Сталин. — Его уже рассматривали.

— Да, но решили неправильно, — сказал Фадеев и стал объяснять, что в сложившихся при нынешней системе гонораров условиях писатели за свои хорошие книги, которые переиздаются и переиздаются, вскоре перестают что-либо получать. С этого Фадеев перешел к вопросу о несоответствии в оплате малых и массовых тиражей, за которые тоже платят совершенно недостаточно. В заключение Фадеев еще раз повторил, что вопрос о гонорарах был решен неверно.

Выслушав его, Сталин сказал:

— Мы положительно смотрим на пересмотр этого вопроса. Когда мы устанавливали эти гонорары, мы хотели избежать такого явления, при котором писатель напишет одно хорошее произведение, а потом живет на него и ничего не делает. А то написали по хорошему произведению, настроили себе дач и перестали работать. Нам денег не жалко, — добавил он, улыбнувшись, — но надо, чтобы этого не было. В литературе установить четыре категории оценок, разряды. Первая категория — за отличное произведение, вторая — за хорошее, и третья, и четвертая категории — установить шкалу, как вы думаете?

Мы ответили, что это будет правильно.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — я думаю, что этот вопрос нельзя решать письмом или решением, а надо сначала поработать над ним, надо комиссию создать. Товарищ Жданов, — повернулся он к Жданову, — какое у вас предложение по составу комиссии?

— Я бы вошел в комиссию, — сказал Жданов.

Сталин засмеялся, сказал:

— Очень скромное с вашей стороны предложение.

Все расхохотались.

После этого Сталин сказал, что следовало бы включить в комиссию присутствующих здесь писателей.

— Зверева как министра финансов, — сказал Фадеев.

— Ну что же, — сказал Сталин, — он человек опытный. Если вы хотите, — Сталин подчеркнул слово «вы», — мож-

но включить Зверева. И вот еще кого, — добавил он, — Мехлиса, — добавил и испытующе посмотрел на нас. — Только он всех вас там сразу же разгонит, а?

Все снова рассмеялись.

— Он все же как-никак старый литератор, — сказал Жданов. <...>

<...> забегу вперед и скажу, что, когда впоследствии дважды или трижды собиралась комиссия, созданная в тот день, то Мехлис обманул действительно существовавшие у нас на его счет опасения, связанные с хорошо известной нам жесткостью его характера. По всем гонорарным вопросам он поддержал предложения писателей, а когда финансисты выдвинули проект — начиная с такого-то уровня годового заработка, выше него — взимать с писателей пятьдесят один процент подоходного налога, — Мехлис буквально вскипел:

— Надо все-таки думать, прежде чем предлагать такие вещи. Вы что, хотите обложить литературу как частную торговлю? Или собираетесь рассматривать отдельно взятого писателя как кустаря без мотора? Вы что, собираетесь бороться с писателями, как с частным сектором, во имя какой-то другой формы организации литературы — писания книг не в одиночку, не у себя за столом?

Тирада Мехлиса на этой комиссии была из тех, что хорошо и надолго запоминается. Этой желчной тирадой он сразу обрушил всю ту налоговую надстройку, которую предлагалось возвести над литературой. Ни к литературе, ни к писателям, насколько я успел заметить, Мехлис пристрастия не питал, но он был политик и считал литературу частью идеологии, а писателей — советскими служащими, а не кустарями одиночками. <...>

— Итак, кого же в комиссию? — спросил Сталин.

Жданов перечислил всех, кого намеревались включить в комиссию.

— Хорошо, — сказал Сталин, — Теперь второй вопрос: вы просите штат увеличить. Надо будет увеличить им штат.

Жданов возразил, что предлагаемые Союзом писателей штаты все-таки раздуты. Сто двадцать два человека вместо семидесяти.

— У них новый объем работы, — сказал Сталин, — надо увеличить им штаты.

Жданов повторил, что проектируемые Союзом штаты нужно все-таки срезать.

— Нужно все-таки увеличить, — сказал Сталин, — Есть отрасли новые, где не только увеличивать приходится, но созда-

вать штаты. А есть отрасли, где штаты разбухли, их нужно срезать. Надо увеличить им штаты.

На этом вопрос о штатах закончился.

Следующий вопрос касался писательских жилищных дел.

Фадеев стал объяснять, как плохо складывается сейчас жилищное положение у писателей и как они нуждаются в этом смысле в помощи, тем более что жилье писателя — это, в сущности, его рабочее место.

Сталин внимательно выслушал все объяснения Фадеева и сказал, чтобы в комиссию включили Председателя Моссовета и разобрались с этим вопросом. Потом, помолчав, спросил:

— Ну, у вас, кажется, все?

До этого момента наша встреча со Сталиным длилась так недолго, что мне вдруг стало страшно жаль: вот сейчас все это оборвется, кончится, да, собственно говоря, кончилось.

— Если у вас все, тогда у меня есть к вам вопрос. Какие темы сейчас разрабатывают писатели?

Фадеев ответил, что для писателей по-прежнему центральной темой остается война, а современная жизнь, в том числе производство, промышленность, пока находит еще куда меньше отражения в литературе, причем, когда находит, то чаще всего у писателей-среднячков.

— Правда, — сказал Фадеев, — мы посылали некоторых писателей в творческие командировки, послали около ста человек, но по большей части это тоже писатели-средняки.

— А почему не едут крупные писатели? — спросил Сталин. — Не хотят?

— Трудно их раскачать, — сказал Фадеев.

— Не хотят ехать, — сказал Сталин. — А как вы считаете, есть смысл в таких командировках?

Мы ответили, что смысл в командировках есть. Доказывая это, Фадеев сослался на первые пятилетки, на «Гидроцентральный» Шагинян, на «Время, вперед!» Катаева и на несколько других книг.

— А вот Толстой не ездил в командировки, — сказал Сталин.

Фадеев возразил, что Толстой писал как раз о той среде, в которой он жил, будучи в Ясной Поляне.

— Я считал, что когда серьезный писатель серьезно работает, он сам поедет, если ему нужно, — сказал Сталин. — Как, Шолохов не ездит в командировки? — помолчав, спросил он.

— Он все время в командировке, — сказал о Шолохове Фадеев.

- И не хочет оттуда уезжать? — спросил Сталин.
— Нет, — сказал Фадеев, — не хочет переезжать в город.
— Боится города, — сказал Сталин.

Наступило молчание. Перед этим, рассказывая о командировках, Фадеев привел несколько примеров того, как трудно посылать в командировки крупных писателей. Среди других упомянул имя Катаева. Очевидно, вспомнив это, Сталин вдруг спросил:

- А что Катаев, не хочет ездить?

Фадеев ответил, что Катаев работает сейчас над романом, который будет продолжением его книги «Белеет парус одинокий», и что новая работа Катаева тоже связана с Одессой, с коренной темой Катаева.

- Так он над серьезной темой работает? — спросил Сталин.

- Над серьезной, над коренной для него, — подтвердили мы.

Опять наступило молчание.

— А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не сто процентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами... — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — за-сранцами... — Усмехнулся и снова стал серьезным.

<...>

— Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет снимать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали.

Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает, — и он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал. — Вот взять такого человека, не последний человек, — еще раз подчеркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов.

<...>

Сталин повторил то, с чего начал:

— Надо уничтожить дух самоуничижения. — И добавил: — Надо на эту тему написать произведение. Роман.

Я сказал, что это скорее тема для пьесы. <...>

— Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких людей, как тут, — сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, — отношению простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь сидит, она прививалась очень долго, со времен Петра, и сидит в людях до сих пор.

— Бытие новое, а сознание старое, — сказал Жданов.

— Сознание, — усмехнулся Сталин, — Оно всегда отстает. Поздно приходит сознание, — и снова вернулся к тому же, о чем уже говорил. — Надо над этой темой работать. <...>

<...>

— Мы здесь думаем, — сказал он, — что Союз писателей мог бы начать выпускать совсем другую «Литературную газету», чем он сейчас выпускает. Союз писателей мог бы выпускать своими силами такую газету, которая остро, более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы международной жизни, а если понадобится, то и внутренней жизни. Все наши газеты — так или иначе официальные газеты, а «Литературная газета» — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. «Литературная газета» как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это «Литературную газету», но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело.

<...>

— Вы должны понять, что мы не всегда можем официально высказаться о том, о чем хотелось бы сказать, такие случаи бывают в политике, и «Литературная газета» должна нам помогать в этих случаях. И вообще, не должна слишком оглядываться, не должна консультировать свои статьи по международным вопросам с Министерством иностранных дел, Министерство иностранных дел не должно читать эти статьи. Министерство иностранных дел занимается своими делами, «Литературная газета» — своими делами. Сколько у вас сейчас выпускают экземпляров газеты?

Фадеев ответил, что тираж газеты что-то около пятидесяти тысяч.

— Надо сделать его в десять раз больше. Сколько вы раз в месяц выпускаете газету?

— Четыре раза, раз в неделю, — ответил Фадеев.

— Надо будет новую «Литературную газету» выпускать два раза в неделю, чтобы ее читали не раз, а два раза в неделю, и в десять раз больше людей. Как ваше мнение, сможете вы в Союзе писателей выпускать такую газету?

Мы ответили, что, наверное, сможем.

— А когда можете начать это делать?

Не помню, кто из нас, может быть даже и я, вспомнив о том, как я впопыхах принимал журнал, ответил, что выпуск такой, совершенно новой газеты потребует, наверное, нескольких месяцев подготовки и ее, очевидно, можно будет начать выпускать где-то с первого сентября, с начала осени.

— Правильно, — сказал Сталин, — подготовка, конечно, нужна. Слишком торопиться не надо. А то, что вам надо для того, чтобы выпустить такую газету, вы должны попросить, а мы вам должны помочь. И мы еще подумаем, когда вы начнете выпускать газету и справитесь с этим, мы, может быть, предложим вам, чтобы вы создали свое собственное, неофициальное телеграфное агентство для получения неофициальной информации.

<...> Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, молчал, думал, прохаживался. Видимо, вопрос был продуман им заранее, но какие-то подробности, повороты приходили в голову сейчас, по ходу разговора. Мне, например, показалось, что идея создания телеграфного агентства возникла вдруг и именно здесь после какой-то долгой паузы, во время которой он размышлял над этим, и он высказал ее с удовольствием, был доволен ею.

<...>

Закончил свой разговор о «Литгазете» Сталин тем, что сказал, что, очевидно, нам для новой газеты придется подумать и о новых людях, о новых работниках, о новой редколлегии, быть может, и о новом редакторе, но обо всем этом предстоит подумать нам самим, это уж наше дело.

Так — не по идее Союза писателей, как это чаще всего принято считать, а по идее Сталина — через несколько месяцев начала выходить совсем другая, чем раньше, «Литературная газета», правда без своего неофициального телеграфного агентства. АПН, начальная идея создания которого была высказана тогда, тринадцатого мая 1947 года, было создано через много лет после этого и уже после смерти Сталина.

*К.М. Симонов. Глазами человека моего поколения.
АПН, М., 1989. С. 124—136.*

А.Г. Зверев, декабрь 1943 года, декабрь 1947 года

Война наносит ущерб троякого рода. Одни ее последствия можно изжить сравнительно быстро, восстановив, например, разрушенную дорогу или дом. Другие ликвидируются гораздо медленнее, и, чтобы избавиться от них, требуется длительное время. Третьи вообще вечны, как, скажем, человеческие жертвы, сгоревшее великое произведение искусства, не имевшее копий и эскизов. Возможная расшатанность товарно-денежных отношений относится к последствиям второго рода. Нельзя сразу поставить под контроль вышедшую из-под него денежную массу.

Что же нас прежде всего волновало с точки зрения финансов? Во первых, взносы и платежи населения по налогам и займам, сложившиеся во время войны, были чрезмерно высокими. Во-вторых, выросшее денежное обращение вело к обесцениванию рубля. <...>

Уже в ходе войны исподволь мы начали готовиться к послевоенной денежной реформе. Помню, как-то в конце 1943 года, часов в пять утра на дачу позвонил И.В. Сталин. Вечером я вернулся из Казахстана. Глава правительства извинился за поздний (правильнее было бы сказать — ранний) звонок и добавил, что речь идет о чрезвычайно важном деле. Вопросы, который последовал, я никак не ожидал. Сталин поинтересовался, что думает Наркомат финансов по поводу послевоенной денежной реформы.

Я ответил, что уже размышлял об этом, но пока своими мыслями ни с кем не делился.

— А со мной можете поделиться?

— Конечно, товарищ Сталин.

— Я вас слушаю.

Последовал 40-минутный телефонный разговор. Я высказал две основные идеи: неизбежную частичную тяжесть от реформы, возникающую при обмене денег, переложить преимущественно на плечи тех, кто создал запасы денег спекулятивным путем; выпуская в обращение новые деньги, не торопиться и придерживать определенную сумму, чтобы первоначально ощущался некоторый их недостаток, а у государства были созданы эмиссионные резервы. Сталин слушал меня, а затем высказал свои соображения о социальных и хозяйственных основах будущего мероприятия. Мне стало ясно, что он не впервые думает о реформе. В конце разговора он предложил мне приехать на следующий день в ГКО.

На сей раз беседа была долгой. Очень тщательно рассматривалось каждое предложение. Так, например, были подробно проанализированы перспективы перехода производства на мирный лад.

В войну значительная масса товаров поступает не к гражданскому населению, а в армию, розничный товарооборот не обеспечивает имеющегося спроса, и деньги либо остаются на руках, либо перемещаются в карманы обладателей деревенской продукции или, что еще хуже, к спекулянтам, которые пользуются трудным моментом. Так или иначе, деньги минуют государственную казну. Нормальное денежное обращение нарушается. Для своевременной выдачи трудящимся зарплаты, обеспечения военных расходов и т.п. государство вынуждено прибегать всякий раз к эмиссии. Возникает излишек денег. <...>

Затем мы обсудили вопросы о том, как определить, у каких категорий населения оседает излишек денег? Чему равен размер государственного долга? Кто является кредитором по этому долгу? Сколько понадобится времени для напечатания новых денег? Год? Больше? Техника этого дела весьма сложна. Сталин дал мне несколько указаний общего характера, которые следовало понимать как директивы. Можно было отступить от них в деталях, если того требовали особенности финансовой системы, но принципы должны были сохраняться неукоснительно. Вот в чем состояли эти принципы: чтобы финансовая база СССР была не менее прочна, чем до войны; не-

избежный рост общих расходов и ежегодное увеличение бюджета в целом потребуют от системы финансов способность на протяжении ряда лет приспосабливаться к меняющимся условиям; трудности восстановления народного хозяйства потребуют от граждан СССР дополнительных жертв, но они должны быть уверены, что эти жертвы — последние.

Сталин специально, причем трижды, оговорил требование соблюдать абсолютную секретность при подготовке реформы. Он редко повторял сказанное им. Отсюда видно, какое значение он придавал полному сохранению тайны. Действительно, малейшая утечка информации привела бы к развязыванию стихии, которая запутала бы и без того сложные проблемы. Еще хуже, если о замысле узнает враг и попытается использовать будущую ситуацию в своих целях. На этом этапе подготовки реформы из всех сотрудников Наркомата финансов знал о ней я один. Сам я вел и всю предварительную работу, включая сложнейшие подсчеты. О ходе работы я регулярно сообщал Сталину. Знал ли об упомянутом замысле в тот момент еще кто-нибудь, мне неизвестно.

Примерно через год я доложил примерный план мероприятия на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). По окончании заседания решение письменно не оформлялось, чтобы даже в архиве Генерального секретаря партии до поры до времени не оставалось лишних бумаг об этом важном деле. Начался второй этап подготовки реформы. Мне разрешили использовать трех специалистов.

Еще через год, когда Сталин уехал в отпуск, он сообщил мне оттуда, что просит представить ему мой доклад о будущей реформе. Я отправил ему доклад на 12 машинописных страницах. Это был уже третий этап подготовки мероприятия. Ознакомившись с материалом, глава правительства предложил мне расширить его, дав некоторые объяснения, до 90—100 страниц и через две недели снова представить ему. Отложив все другие дела в сторону, я взялся за выполнение этого сложного задания.

Еще ранее передо мной возник вопрос, нельзя ли реформу использовать попутно для упорядочивания системы цен. И вставил в новый текст особый раздел об упорядочивании финансов тяжелой промышленности. Наряду с другими мерами для этой цели предлагалось включить в условия денежной реформы дополнительные элементы деноминации: снизить доход граждан и, соответственно, чтобы они не пострадали —

цены на товары народного потребления и тарифы за транспортные и иные услуги в 5 раз.

Сделал это я по собственной инициативе, за что и получил соответствующий нагоняй. Когда Сталин позвонил мне с юга, меня в Министерстве финансов не было, весь день просидел в различных служебных комиссиях, переезжал из одного здания в другое. Наконец, меня разыскали на заседании в Комитете государственного контроля. Слышу по телефону возмущенный голос Сталина: почему я вставил в текст вопрос, который ранее не был оговорен и который к денежной реформе не имеет прямого отношения? Положение у меня, как говорится, «хуже губернаторского». Рядом сидят люди, которые пока не имеют право знать об этом деле. А я по причине секретности материала не могу ничего сказать по существу. Сталин спрашивает, а я вынужден отделяться в ответ общими словами и односложными репликами. Возмущенный моим косноязычием, Сталин делает мне серьезный упрек, заметив невзначай, что печатать такой реферат вряд ли целесообразно (раньше было такое намерение).

Еще через некоторое время Сталин снова вызвал меня. Состоялось длительное обсуждение того же текста, причем никаких отрицательных замечаний по поводу дополнительного раздела уже не было сделано. Мы обсуждали детали реформы вплоть до организационно-подготовительных мер: темы агитационных плакатов и пропагандистских лекций, необходимость тотчас начинать с художником из Гознака подбор рисунков на денежных купюрах и т.п. Наконец, Сталина заговорил о вписанном мною разделе и предложил решить эту проблему несколько позднее. Я получил разрешение привлечь к делу еще 15 человек (14 — из Министерства финансов, одного из Госбанка СССР), но с условием, что никто из них не будет знать о плане в целом, а получит представление только о своем узком задании. На этом этапе окончательно договорились, что отмена карточной системы снабжения совпадет с обменом старых денег на новые и переходом к единым государственным розничным ценам на товары. Мне было поручено подготовить первый проект соответствующего постановления и проект обращения к советским гражданам. В них следовало сообщить о порядке обмена денег; порядке переоценки вкладов в Госбанке и сберкассах; о конверсии предыдущих займов; соблюдении интересов трудящихся; о стремлении ударить рублем по нечестным элементам; об основах отмены карточной системы.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР было опубликовано через год после этого. С 16 декабря 1947 года выпустили в обращение новые деньги и стали обменивать на них денежную наличность, за исключением разменной монеты, в течение недели (в отдаленных районах в течение двух недель) по соотношению 1 за 10. Вклады и текущие счета в сберкассах переоценивались по соотношению 1 за 1 (до 3000 рублей), 1 за 2 (от 3 тысяч до 10 тысяч рублей), 1 за 3 (свыше 10 тысяч рублей), 4 за 5 (для кооперативов и колхозов). Все обычные старые облигации, кроме займа 1947 года, обменивались на облигации нового займа по 1 за 3 прежних, а 3-процентные выигрышные облигации — из расчета 1 за 5. Налоги, долги, финансовые обязательства оставались неизменными. Снижались государственные цены на хлеб, муку, крупу, макароны, пиво; не менялись государственные цены на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль, картофель, овощи, водку, вино, табак и спички; устанавливались новые цены на молоко, яйца, чай, фрукты, ткани, обувь, одежду и трикотажные изделия (ниже коммерческих в 3,2 раза).

Документы о реформе, разработанные заранее, своевременно разослали на места, в адреса учреждений органов государственной безопасности специальными пакетами с надписью: «Вскрыть только по получении особого указания». В одном из документов, лежащих в пакете, говорилось: «Немедленно доставить первому секретарю областного комитета партии». У отдельных местных сотрудников любопытство перетянуло служебный долг. Пакеты были вскрыты раньше времени. Кое-где пошли слухи о предстоящей реформе. За это нарушение государственной дисциплины виновные понесли серьезное наказание. Их неправильное поведение не помешало мероприятию в целом.

*А.Г. Зверев. Записки министра.
Политиздат, М., 1973. С. 231—235.*

К.М. Симонов, 31 марта 1948 года

К Сталину в этот раз был вызван Фадеев и редакторы толстых журналов — Панферов, Вишневский, я и Друзин. В ходе обсуждения выдвинутых на премии вещей Сталин заговорил о том, что количество премий — элемент формальный и если появилось достойных премий произведений больше, чем установлено премий, то можно число премий и увеличить. Это и

было тут же практически сделано, в том числе за счет введения не существовавших ранее премий третьей степени.

Свою мысль о том, что формальные соображения не должны быть решающими, Сталин несколько раз повторял и потом, в ходе заседания, и вообще в том, как он вел обсуждение, совершенно ясно проявилась тенденция — расширить и круг обсуждавшихся произведений, и круг обсуждаемых авторов, и если окажется достаточное количество заслуживающих внимания вещей, то премировать их пошире. Думаю, что, наверное, в связи с расширением этого круга и были впервые на такое заседание вызваны редакторы всех толстых журналов.

При обсуждении ряда вещей Сталин высказывал соображения, имеющие для нас общелитературное значение. Когда обсуждали «Бурю» Эренбурга, один из присутствовавших (докладывавший от комиссии ЦК по премиям в области литературы и искусства Д.Т. Шепилов. — К.С.), объясняя, почему комиссия предложила изменить решение Комитета и дать роману премию не первой, а второй степени, стал говорить о недостатках «Бури», считая главным недостатком книги то, что французы изображены в ней лучше русских.

Сталин возразил:

— А разве это так? Разве французы изображены в романе лучше русских? Верно ли?

Тут он остановился, ожидая, когда выскажутся другие присутствовавшие на заседании. Мнения говоривших, расходясь друг с другом в других пунктах, в большинстве случаев совпали в том, что русские выведены в романе сильно и что, когда изображается заграница, Франция, то там показаны и любовь французских партизан и коммунистов к Советскому Союзу, показана и роль побед Советского Союза и в сознании этих людей, и в их работе, а также в образе Медведя показана активная роль русских советских людей, попавших в условия борьбы с фашистами в рядах французского Сопротивления. Подождав, пока все выскажутся, Сталин, в общем, поддержал эти соображения, сказав:

— Нет, по-моему, тоже неверно было бы сказать, что французы изображены в романе Эренбурга сильнее русских. — Потом, помолчав, задумчиво добавил: — Может быть, Эренбург лучше знает Францию, это может быть. У него есть, конечно, недостатки, он пишет неровно, иногда торопится, но «Буря» — большая вещь. А люди, что ж, люди у него показаны средние. Есть писатели, которые не показывают больших людей, пока-

зывают средних, рядовых людей. К таким писателям принадлежит Эренбург... — Сталин помолчал и снова добавил: — У него хорошо показано в романе, как люди с недостатками, люди мелкие, порой даже дурные люди в ходе войны нашли себя, изменились, стали другими. И хорошо, что это показано. <...>.

В связи с Эренбургом заговорив о писателях, изображающих рядовых людей, Сталин вспомнил Горького. Вспомнил его вообще и роман «Мать» в частности:

— Вот «Мать» Горького. В ней не изображено ни одного крупного человека, все — рядовые люди.

Еще более подробный разговор, чем о «Буре», возник, когда стали обсуждать роман Веры Пановой «Кружилиха». Фадеев, объясняя причины, по которым на Комитете по Сталинским премиям отвели этот первоначально выдвинутый на премию роман, стал говорить о присущем автору объективизме в изображении действующих лиц и о том, что этот объективизм подвергался критике в печати.

Вишневский, защищая роман, долго говорил, что критика просто-напросто набросилась на эту вещь, только и делали, что ругали ее.

— По-моему, и хвалили! — возразил Сталин. — Я читал и положительные статьи.

(Скажу в скобках, что по всем вопросам литературы, даже самым незначительным, Сталин проявлял совершенно потрясшую меня осведомленность.)

— Что это — плохо? — возразив Вишневскому, спросил Сталин у Фадеева. — Объективистский подход?

Фадеев сказал, что объективистский подход, по его мнению, это безусловно плохо.

— А скажите, — спросил Сталин — вот «Городок Окуров», как вы его оцениваете?

Фадеев сказал, что в «Городке Окурове» за всем происходящим там стоит Горький с его субъективными взглядами. И в общем-то ясно, кому он отдает свои симпатии и кому — свои антипатии...

— Но, — добавил Фадеев, — мне лично кажется, что в этой вещи слишком многое изображено слишком черными красками и авторская тенденция Горького, его субъективный взгляд не везде достаточно прощупываются.

— Ну, а в «Деле Артамоновых» как? На чьей стороне там Горький? Ясно вам?

Фадеев сказал, что ему ясно, на чьей стороне там Горький.

Сталин немножко развел в стороны руки, усмехнулся и по-лувопросил, обращаясь и ко всем, и ни к кому в особенности:

— Ясно? — И перед тем, как вернуться к обсуждению «Кружилихи», сделал руками неопределенно насмешливый жест, который, как мне показалось, означал: «А мне, например, не так уж ясно, на чьей стороне Горький в «Деле Артамоновых».

Кто-то из присутствующих стал критиковать «Кружилиху» за то, как выведен в ней предзавкома Уздечкин.

— Ну что ж, — сказал Сталин. — Уздечкины у нас еще есть.

Жданов подал реплику, что Уздечкин — один из тех, в ком особенно явен разлад между бытием и сознанием.

— Один из многих и многих, — сказал Сталин. — Вот все критикуют Панову за то, что у людей в ее романе нет единства между личным и общественным, критикуют за этот конфликт. А разве это так просто в жизни решается, так просто сочетается? Бывает, что и не сочетается, — Сталин помолчал и ставя точку в споре о «Кружилихе», сказал про Панову: — Люди у нее показаны правдиво.

Потом перешли к обсуждению других произведений. Вдруг в ходе этого обсуждения Сталин спросил:

— А вот последние рассказы Полевого — как они, по вашему мнению?

Ему ответили на это, что рассказы Полевого неплохи, но значительно слабее, чем его же «Повесть о настоящем человеке».

— Да, вот послушайте, — сказал Сталин, — что это такое? Почему под этим рассказом стоит «литературная редактора Лукина»? Редакция должна редактировать рукописи авторов... Это ее обязанность. Зачем специально ставить «литературная редакция Лукина»?

Панферов в ответ на это стал объяснять, что во всех изданиях книжного типа всегда ставится, кто редактор книги. А когда вещь печатается в журнале — кто именно ее редактировал, — обычно не ставится, а если при публикации указывается ее литературный редактор, то это имеет особый смысл, как форма благодарности за большую редакторскую работу.

Сталин не согласился.

— В каждом журнале есть редакция. Если у автора большие недостатки и если он молод, редакция обязана помогать ему, обязана редактировать его произведения. Это и так ее обязанность, — жестко подчеркнул Сталин, — зачем же эти слова «литературная редактора»? Вот, например, в третьем номере «Знамени» напечатано: «Записки Покрышкина при участии

Денисова». Тоже литературная редакция Денисова и благодарность за помощь Денисову?

Вишневский стал объяснять Сталину, как родилась эта книга, что Покрышкин хотел рассказать эпизоды из своей жизни, но что книгу от начала и до конца написал полковник Денисов, и они вместе избрали наиболее деликатную форму: Покрышкин благодарит Денисова за помощь.

— Если написал Денисов, — сказал Сталин, — так пусть и будет написано: Денисов о Покрышкине. <...>

После разговора, связанного с рассказами Полевого, зашла речь о книге Василия Смирнова «Сыновья». Фадеев характеризовал ее и объяснил, почему она была отведена на комитете, — в связи с ее не особенно актуальной сейчас тематикой, изображением деревни начала этого века.

Сталин сказал задумчиво:

— Да, он хорошо пишет, способный человек... — Потом помолчал и добавил полуутвердительно: — Но нужна ли эта книга нам сейчас?!

Панферов заговорил о книгах Бабаевского и Семушкина, настаивая на том, что их можно было бы включить в список премированных произведений, сделав исключение, премировав только первые, вышедшие части романов и таким образом поощрив молодых авторов.

Сталин не согласился.

— Молодой автор, — сказал он. — Что значит молодой автор? Зачем такой аргумент? Вопрос в том, какая книга — хорошая ли книга? А что же — молодой автор?

Эти его слова не были отрицательной оценкой названных Панферовым книг. Наоборот, об этих книгах он отозвался, в общем положительно. А его замечание — что значит молодой автор? — носило в данном случае принципиальный характер.

<...> Сталин имел обыкновение — я видел это на нескольких заседаниях, не только на том, о котором сейчас пишу, — брать с собой на заседание небольшую пачку книг и журналов. Она лежала слева от него под рукой, что там было, оставалось неизвестным до поры до времени, но пачка эта не только внушала присутствующим интерес, но и вызывала известную тревогу — что там могло быть. А были там вышедшие книгами и напечатанные в журналах литературные произведения, не входившие ни в какие списки, представленные на премию Комитетом. То, о чем шла, точнее, могла пойти речь на заседании в связи с представлениями Комитета по Сталинским премиям,

Сталин, как правило, читал. Не могу утверждать, что он всегда все читал. Могу допустить, что он какие-то произведения и не читал, хотя это на моей памяти ни разу прямо не обнаружилось. Все, что во время заседания попадало в поле зрения общего внимания, в том числе все, по поводу чего были расхождения в Союзе писателей, в Комитете, в комиссии ЦК, — давать, не давать премию, перенести с первой степени на вторую или наоборот, — все, что в какой-то мере было спорно и вызывало разногласия, он читал. И я всякий раз, присутствуя на этих заседаниях, убеждался в этом.

*К.М. Симонов. Глазами человека моего поколения.
АПН, М., 1989. С. 161—168.*

С.М. Штеменко, июль — август 1949 год

Уже после войны, в один из летних дней 1949 года, на «ближней» даче у Сталина должен был обсуждаться вопрос укрепления противовоздушной обороны страны. Министр — А.М.Василевский — был в отпуске, и на заседание поехали В.Д.Соколовский, который оставался за министра, и автор этих строк, бывший тогда начальником Генерального штаба.

Когда мы приехали, И.В. Сталин и члены Политбюро на открытом балконе дачи вели разговор о строительстве новых заводов тяжелой промышленности за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, о проблеме рабочей силы в связи с этим.

В ходе разговора И.В. Сталин вдруг спросил:

— А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили ее капитулировать?

Я был готов к докладу по ПВО, мысли мои вертелись вокруг этого вопроса. К тому же не вполне было ясно, в каком направлении шла беседа до нашего прибытия. Поэтому, встав, я несколько помедлил с ответом. И.В. Сталин тоже встал, пыхтя трубкой, подошел ко мне и сказал:

— Мы слушаем.

Оправившись от неожиданности, я подумал, что лучше всего изложить Сталину его собственную речь перед избирателями, произнесенную накануне выборов в Верховный Совет СССР от 9 февраля 1946 года. В памяти были свежи и другие предвыборные выступления членов Политбюро, которые все мы в Генштабе внимательно изучали.

Чувствуя на себе взгляд присутствующих, я сформулировал положение о том, что война показала жизнеспособность общественного и государственного строя СССР и его большую устойчивость. Наш общественный строй был прочен потому именно, что являлся подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его великой поддержкой... Никто меня не перебивал, но, признаюсь, чувствовал себя не очень хорошо: казалось, что изрекаю давно известные истины и лишь занимаю время. Но все сохраняли серьезность, тоже, видимо, продумывая поставленный мне вопрос. И я уже более уверенно сказал о сплочении народа вокруг Коммунистической партии, о ее руководстве, о том, что советская основа общества укрепила узы дружбы между народами многонационального Советского Союза. Говорил о промышленной базе, созданной во время пятилеток, о колхозном хозяйстве, о том, что социализм создал необходимые материальные возможности для отпора сильному врагу. В заключение сказал об армии, о высоком искусстве советских военачальников и полководцев.

Терпеливо выслушав меня до конца, И.В. Сталин заметил:

— Все, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объема вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

— Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

— А какой это будет процент к численности населения?

Быстро прикинув в уме численность населения перед войной — 194 млн., я ответил: около 6 процентов.

— Правильно. Но это опять-таки не все. Нужно учесть и наши потери в вооруженных силах, потому что убитые и погибшие от ран люди тоже входили в численность армии...

Учили и это.

— А теперь, — продолжал Сталин, — давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали — оказалось — более 16 процентов.

— Такой высокий процент мобилизации — это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм. Скорее, последнее, — заключил Сталин. — Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать на-

род и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение, — продолжал Сталин, шагая по балкону. — Подрыв жизнеспособности страны в Первой и Второй мировых войнах был одной из причин краха... А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в Первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал ее, нашел нужное место и сказал:

— Вот, девятнадцать с половиной процента населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу, и снова, обратившись ко мне, сказал примерно следующее:

— Второе, о чем вы упомянули немножко однобоко, это о наших замечательных кадрах руководителей. Нужно сказать, что они у нас были не только на фронте, но и в тылу. Нельзя забывать, что объективные возможности составляют лишь предпосылки победы. Они очень важны, но сами по себе не могут обеспечить разгром врага, если их не привести в действие и не использовать организованно. Роль организатора и руководителя принадлежит партии, только ей. Война — суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одаренный человек покажет себя в войне за несколько месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами.

И он начал на память перечислять фамилии командующих фронтами, армиями, партизанских вожakov.

— А в тылу? Разве смогли бы сделать другие руководители то, что сделали большевики? Вырвать из-под носа неприятеля целые фабрики, заводы, перевезти их на голые места в Поволжье, за Урал, в Сибирь и в невероятно тяжелых условиях в короткое время наладить производство и давать все необходимое фронту! У нас выдвинулись свои генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сель-

ского хозяйства. Наконец, есть полководцы науки. О них тоже нельзя не сказать...

Не торопясь, без запинки он стал называть фамилии ученых, деятелей промышленности, сельского хозяйства. Потом, помолчав некоторое время, добавил:

— На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в Германию и превращенных, по существу, в рабов. И все-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг. Такой был итог работы коммунистов по строительству Советского государства и воспитанию нового человека... Вот вам и еще одна причина нашей победы!..

*С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2.
Воениздат, М., 1974. С. 504—508.*

А.С. Яковлев, июнь 1951 года

В 1951 году в серийном производстве и на вооружении Военно-Воздушных Сил находился истребитель МиГ-15 — основной реактивный стреловидный истребитель нашей армии. Это была хорошая машина.

Мы тогда разработали несколько вариантов новых стреловидных истребителей, но все наши предложения встречали возражения Сталина:

— У нас есть хороший МиГ-15, и нет смысла на ближайшее время создавать новые истребители, лучше идти по пути модернизации «мига»... <...>

<...> Микулин выдвинул идею, что реактивный двигатель малой размерности будет наиболее эффективным с точки зрения экономики, надежности и в других отношениях. Я его поддержал, и Микулин начал работать над легким малогабаритным реактивным двигателем с тягой 2000 килограммов. Я решил разработать под такой двигатель самолет, который наряду с прочими хорошими летно-практическими данными обладал бы большой продолжительностью и дальностью полета — качествами, которые не имели другие реактивные самолеты того времени, как у нас, так и за границей. <...> Нам же с двумя двигателями Микулина, названными впоследствии РД-5, удалось спроектировать самолет, который имел продолжительность и дальность полета в два раза больше, чем у «мигов». Экипаж этого самолета состоял из двух человек, и машина несла на себе

мощное вооружение — две пушки калибра 37 миллиметров с большим запасом снарядов.

Для того времени это была в подлинном смысле слова новаторская машина. Я решил с предложением по этому самолету не выступать через обычные инстанции — министерство, ВВС, а написать непосредственно Сталину. <...>

Спустя три-четыре дня после отправки письма меня вызвал министр авиационной промышленности М.В. Хруничев. <...>

— Только что звонил Сталин. Он получил и прочитал твое письмо. Сказал, что предложение очень интересное. Он удивлен тем, что ты обещаешь истребитель с такой дальностью и продолжительностью полета. Просил также проработать возможность использования твоего самолета в качестве барражирующего всепогодного перехватчика и обещал твое предложение поддержать. Сказал, чтобы ты работал над этой идеей, а через несколько дней он тебя примет.

И действительно, Сталин через два дня вызвал Хруничева, Артема Микояна и меня. В кабинете у Сталина были Булганин, Берия, Маленков. Сталин взял со стола мое письмо и прочитал его вслух.

— Так что же? — сказал он. — Значит, и с реактивным двигателем можно сделать истребитель с большой дальностью полета? Это очень важно. За счет чего вы это получите?

Я объяснил, что это предложение могло быть сделано только в результате нашей совместной работы с Микулиным, двигатель которого в сочетании с некоторыми конструктивными особенностями самолета позволял найти такое удачное решение. Сталин, в принципе, полностью одобрил предложение, но сказал, что такой самолет нужно выпустить в варианте барражирующего истребителя-перехватчика.

— Нам нужен такой перехватчик, который мог бы длительное время находиться в воздухе и разыскать противника не только днем, но и ночью, и в плохую погоду. Мы такие истребители заказывали Микояну и Лавочкину, но что-то не получилось, да и продолжительность полета у них меньше, чем вы предлагаете. <...>

Я ответил, что Михаил Васильевич уже передал мне поручение и что мы работали в этом направлении и, по-видимому, затруднений не возникнет. Особенно, если принять во внимание, что двигатели на моем самолете расположены под крыльями и, таким образом, в носу фюзеляжа много места для разме-

щения мощного радиолокатора, который к тому времени был создан нашими радиолокационщиками.

Тут же у Сталина возникла мысль: нельзя ли эту машину использовать в качестве скоростного разведчика. Я не возражал против этого.

Договорившись в принципе о положительном решении всех этих вопросов, Сталин в заключение сказал, что получено предложение и от Артема Микояна, который хочет с теми же двигателями Микулина сделать вариант дальнего истребителя на базе серийного самолета МиГ-17.

— Ну что ж. Перехватчик у нас будет, скоростной разведчик тоже, — это сделает Яковлев, а Микояну дадим задание на дальний истребитель, — закончил Сталин.

Нечего говорить о том, каким счастливым вернулся я к себе в конструкторское бюро. <...>

30 июля в том же составе мы опять собрались у Сталина для рассмотрения и утверждения проекта постановления о постройке двигателя АМ-5 конструкции Микулина, двухместного реактивного барражирующего всепогодного и ночного перехватчика Як-25, модификации этого же самолета в качестве разведчика Як-25р, а также истребителя, послужившего основой известного истребителя МиГ-19.

Проект постановления был послан Сталину заблаговременно. Он уже был с ним знаком, и почти не высказав никаких замечаний, заявил, что у него возражений нет.

В этот момент Берия раскрыл свою папку и вытащил оттуда какой-то документ.

— Товарищ Сталин, — сказал он, — а вот тут есть еще предложение конструктора Лавочкина.

— Какое предложение? — раздраженно спросил Сталин. — Мне ничего не известно о предложении Лавочкина.

На это Берия ответил умышленно равнодушным тоном, желая подчеркнуть свою объективность:

— Да вот он давно прислал... Какой-то необыкновенный перехватчик. И оборудован для ночных и для слепых полетов. Тут вот на трех страницах... И он стал читать: — «Радиолокатор, радиостанция, радиокompас, система слепой посадки» и т.д. и т.д. Целый список. Он предлагает построить эту машину на базе истребителя Ла-200.

Все перечисленные Берия приборы являются обязательной принадлежностью любого перехватчика, в том числе и предложенного мной. Но Берия понадобилось разыграть всю

эту сцену и произвести впечатление на Сталина длинным списком аппаратуры только для того, чтобы сорвать мое предложение, оттянуть принятие решения, — короче говоря, подставить ножку.

Сталин вспылil.

— Почему не доложили? — спросил он Хруничева.

Хруничев в начале растерялся, но потом ответил, что самолет Ла-200 уже однажды был забракован как явно неудачный, и поэтому никакой базой для нового самолета он служить не может. А вся перечисленная аппаратура имеется на пережатчике Як-25.

Сталин ничего не хотел слушать, он только повторял все больше накаляясь:

— Почему не доложили? Почему не доложили?

Наконец Михаилу Васильевичу удалось разъяснить, что предложение Лавочкина рассматривалось в министерстве, и оно не получило одобрения. Впоследствии Лавочкину удалось добиться разрешения на проведение этой работы, но машина у него так и не получилась.

Я очень перетрусил и за свое дело и, главным образом, за Михаила Васильевича. В то время ничего не было страшнее, чем стать обманщиком в глазах Сталина. А он, не унимаясь, продолжал допрашивать Хруничева:

— Почему не доложили?

Как будто тот умышленно скрыл предложение Лавочкина. В конце концов Сталин понял, в чем дело, и сказал:

— Принятое решение оставим без изменения, а предложение Лавочкина можно рассмотреть отдельно.

Представленный проект постановления уже был принят, но, подписывая его, Сталин вдруг обратился ко мне:

— А почему здесь в конце записано — разрешить вам при постройке самолета сверхурочные и аккордные работы, выделить суммы для премирования? Почему вам такие преимущества? Вы знаете, что говорят о вас за вашей спиной? Мне говорили, что вы рвач.

— Вас неправильно информировали, — ответил я.

— Как это неправильно? — опять вскипел Сталин.

— Да ведь и премиальные, и сверхурочные, и аккордные имеются в распоряжении всех конструкторов: и Туполева, и Ильюшина, и Лавочкина, и Микояна. Это не является исключением из правила. Наоборот, исключением из правила являет-

ся то, что наш конструкторский коллектив за последние два года этого не имел, в то время как все остальные имели и имеют.

— Как так? — удивленно спросил Сталин.

Министр Хруничев подтвердил, что это действительно так. Тогда Сталин, все еще раздраженный, обращается ко мне:

— Я хочу, чтобы вы знали, что говорят за вашей спиной.

— Спасибо, что вы мне сказали. Какие же ко мне претензии?

— Мне рассказывали, что вы, пользуясь положением заместителя министра, создали себе самый большой завод.

— Это клевета, у меня самый маленький завод.

Сталин обратился к Хруничеву:

— Так ли это?

Хруничев вынул из кармана справочную книжечку, постоянно находящуюся при нем, где были записаны все необходимые данные о производственных площадях различных заводов, о количестве оборудования, рабочей силы и т.д. и сказал:

— Это верно, товарищ Сталин, у Яковлева самый маленький завод.

— Говорят, что вы натаскали себе много станков?

— Тоже неверно. У меня станков меньше, чем у любого другого конструктора, — ответил я.

Опять Хруничев подтвердил то, что я сказал правду. Михаил Васильевич назвал количество станков в нашем ОКБ, а для сравнения — опытно-конструкторских бюро Туполева, Мякояна, Ильюшина и др.

— Говорят, что вы нахватили лабораторного оборудования, какого нет у других?

— Это тоже неверно. У меня нет ничего такого, чего бы не было у других.

И опять Хруничев подтвердил правильность моих слов.

— Как же так? — сказал, постепенно успокаиваясь, Сталин — У меня была совсем другая информация. Странно...

— Это необъективная, вымышленная информация для того, чтобы подорвать доверие ко мне. Между прочим, я предполагал возможность таких обвинений и поэтому не делал ничего, что позволило бы бросить мне хотя бы один из тех упреков, которые вы мне сделали.

— И премий не получали за последние годы?

— Совершенно точно, не получали.

— Ничего не понимаю, — удивился Сталин и, к изумлению присутствующих, обращаясь к Хруничеву и Булганину,

сказал: — Ну, если так, то надо ему создать условия не хуже других. Он много сделал для нашей авиации и еще сделает. Сделаете? — уже с улыбкой обратился он ко мне.

Из Кремля я проехал в министерство вместе с М.В. Хруничевым. Он крепко пожал мне руку и сказал:

— Я бесконечно рад за тебя, теперь давай хорошую машину — и все будет в порядке.

А.С. Яковлев. Цель жизни. Политиздат, М., 1988. С. 391—396.

В.И. Чуйков, лето 1952 года

<...> почти через десять лет после окончания Сталинградской битвы, летом 1952 года, мне довелось обменяться мнениями о тех событиях со Сталиным.

Было это так.

Я отдыхал в Сочи. После обеда раздался телефонный звонок.

— Это вы, товарищ Чуйков?

— Да, это я. С кем имею честь разговаривать?

— Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным.

От неожиданности я растерялся. Вскоре услышал негромкий и спокойный голос со знакомым каждому грузинским акцентом. Сталин спросил:

— Как отдыхаете, товарищ Чуйков, как себя чувствуете?

— Отдыхаю хорошо, чувствую себя прекрасно, — ответил я.

— Вы могли бы приехать ко мне? — спросил Сталин.

— Как прикажете, товарищ Сталин! Я готов приехать в любую минуту.

— Сейчас за вами придет машина. Приезжайте! Только не понимайте это как приказ!

На сборы у меня ушло не более десяти минут. Подошла машина. Ехали мы недолго. Сталин встретил меня у подъезда. Я вышел из машины и, подойдя к Сталину, отрапортовал:

— Товарищ Сталин, по вашему приказанию прибыл!

Он мягко отвел мою руку от козырька и сказал:

— Зачем же так официально?! Давайте проще!

— Хорошо, товарищ Сталин. Но это у меня по привычке. Сталин улыбался в усы.

— Если по привычке, то я тут ни при чем!

Мы прошли в большую комнату, в бильярдную. Сталин начал меня расспрашивать о положении в Германской Демократической Республике. В ту пору я был Главнокомандующим Группой советских войск и председателем Советской контрольной комиссии в Германии.

Ужин был собран на открытой веранде. Непринужденная обстановка за столом располагала к откровенности. Я спокойно отвечал на все вопросы, которые возникали у Сталина. Он вспомнил о Сталинградской битве и вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, как вы думаете, можно ли было нам в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Майнштейна и там ее захлопнуть вместе с Паулюсом?

Мне приходилось думать о такой возможности в дни Сталинградского сражения. Мы не могли не принимать в расчет возможности прорыва войск Майнштейна к Паулюсу, т.е. возможности деблокировки окруженных частей. Скажем прямо, полной уверенности у нас, сталинградцев, в том, что танковый клин Гота не протаранит фронт внешнего обвода нашего окружения, не было. Могла позже пробиться к Сталинграду группа армий «Дон». Не исключено, что, деблокировав армию Паулюса, противник не дал бы нам возможности захлопнуть за ним дверь.

Одно мы тогда знали четко, что собственно окружение, полное окружение не так часто бывало и не так часто повторяется в военной истории. Мы отчетливо тогда понимали, что рисковать — выпускать из Сталинграда немецкую армию — мы не могли.

Могло ли случиться так, что, прорвавшись в Сталинград, Майнштейн мог влить окруженным силы и надежду на спасение, на выход вместе с деблокирующей группировкой из окружения? Это сковало бы еще надолго наши силы вокруг Сталинграда. Уничтожение такой крупной группировки отчаявшихся людей дело нелегкое и затяжное.

В духе этих размышлений я и ответил Сталину.

Сталин вздохнул и задумался. Тихо проговорил:

— Это было очень рискованно. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!

Он встал. Прошелся по веранде, остановился. Раскуривая трубку, вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, что такое окруженный противник?

Слишком уж нарочито простым показался мне вопрос. Я искал за ним какой-то скрытый смысл, но Сталин не ждал моего ответа. Он сам отвечал, развивая свою мысль:

— Если окружен трус и паникер — он тут же бросит оружие, даже не удостоверившись, есть ли выход из окружения. Если окружен отчаявшийся враг — он будет отбиваться до последнего. История войн знает очень мало примеров полного окружения противника. Многие полководцы пытались провести полное окружение противника. Почему же это им не удавалось? Им это не удавалось потому же, почему Кутузову не удалось окружить Наполеона. Царь Александр требовал от Кутузова, чтобы он окружил, отрезал французские войска. Кутузов этого сделать не мог только потому, что бегство французов было стремительнее движения за ними Кутузова. Мне во время войны после Сталинграда не раз представлялись проекты окружения немецких войск. На меня, наверное, даже обижались, когда я отклонял такие проекты. Товарищи, предлагавшие операции по окружению противника, часто не принимали в расчет такие моменты. Первое. Немецкое командование после Сталинграда не желало ждать, когда мы ударим по флангам той или иной группировки, сведем кольцо окружения, и торопливо выводило войска из-под опасности окружения, очищая при этом нашу территорию. Второе. Памятуя о Сталинграде, немецкие солдаты не желали попадать в окружение. Если солдат не захочет попасть в окружение, он всегда сумеет вырваться из любого котла или заблаговременно отступить. Лишь только намечалось окружение, немецкие солдаты покидали позиции и отступали, опять же очищая нашу территорию. Это совпадало с нашей главной задачей — изгнать врага с нашей земли.

Разговор наш закончился в первом часу ночи. Сталин проводил меня до выхода. Мы распрощались...

*Чуйков. От Сталинграда до Берлина.
Советская Россия, М., 1985. С. 337—340*

А.Г. Зверев, 1—2 марта 1953 года

Перестройка хозяйства на мирный лад в основном завершилась в 1946 году. В 1948 году объем промышленного производства в стране превзошел довоенный уровень. Таким образом, на восстановление промышленности потребовалось около двух с половиной лет. Героический труд рабочих, неутомимая деятель-

ность партии обеспечили выполнение первой послевоенной пятилетки в промышленности за четыре года и три месяца.

Однако успехи вовсе не означали, что путь, по которому шла страна, был легким. На фоне впечатляющих успехов промышленности было особенно заметно отставание сельского хозяйства. Восстановить его было сложнее, чем промышленность. Трудности в сельском хозяйстве в значительной степени объяснялись серьезными упущениями в руководстве им, нарушением принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах своего труда.

Из встреч со Сталиным, из бесед с ним, из его высказываний я составил вполне определенное представление, что он не был уверен в правильности всех применявшихся нами методов руководства сельским хозяйством; но тем не менее верную оценку сложившемуся положению Сталин не дал. Это проявилось и в последней его крупной работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 год). В ней, на мой взгляд, наряду с правильными мыслями и меткими наблюдениями содержатся и ошибочные положения. Одним из них был вывод о необходимости в ближайшее время перейти от использования на селе преимущественно колхозно-кооперативной формы собственности к опоре на государственную, то есть всенародную форму собственности. Между тем колхоз как одна из форм социалистического хозяйства пока что отвечает задачам дальнейшего развития сельскохозяйственного производства.

Я не собираюсь говорить о проблемах колхозно-совхозного строительства, ибо моя область — финансы. Этого аспекта проблемы я и коснусь, причем в его самой злободневной для тех лет части: вопроса о сельских налогах. <...>

<...> Налоги применяют и для поощрения коллективных форм развития. Им присущ возвратный характер: полученные средства опять используются в интересах трудящихся. <...>

Расскажу, в частности, о сельскохозяйственном налоге. История эта уходит еще в довоенные годы. Когда разрабатывался закон об этом налоге, Сталин чрезвычайно настороженно отнесся к предложению Наркомата финансов увеличить его (мы мотивировали это грозной международной обстановкой и потребностью дать срочно крупные суммы в промышленность), но в конце концов согласился на увеличение обложения колхозников в 1,8 раза. <...>

При обсуждении вопроса в ЦК ВКП(б) я попросил решить некоторую амплитуду налоговых колебаний. Отмечая,

что со статистикой у нас не все в порядке, я говорил о желательности установить верхний предел с превышением прежнего в 1,9 раза. Получив согласие, занялся уточнением данных. Только после основательной подготовки финансовые органы приступили к делу и неплохо с ним справились. <...>

Дальнейшей разработке этой проблемы помешала Великая Отечественная война. С переходом к миру нужно было решать вопрос о снижении налогов военного времени.

Снова остро встал вопрос о сельхозналоге. Опять потребовалось провести большое исследование, чтобы доказать необходимость его пересмотра. В центральном аппарате находились люди, которые были убеждены, что Министерство финансов заблуждается. Сталин даже обвинил меня в недостаточной информированности относительно материального положения колхозников. Как-то он полушутя - полусерьезно сказал мне:

— Достаточно колхознику курицу продать, чтобы утешить Министерство финансов.

— К сожалению, товарищ Сталин, это далеко не так — некоторым колхозникам, чтобы уплатить налог, не хватило бы и коровы.

После этого я послал в ЦК партии сводку с фактическими данными. Цифры говорили сами за себя. Правительство приняло решение о снижении сельхозналога на одну треть. <...>

<...> В начале марта 1953 года специально созданная комиссия рассматривала справку о размерах подоходного налога с граждан, занимающихся сельским хозяйством, и отдельных местных налогов. Некоторые члены комиссии внесли тогда предложение отдельно ввести налог с оборота и налог на трудодни. Я возражал, поскольку налог с оборота и так существовал: он образовывался, в основном, из разницы в заготовительных и розничных ценах на сельскохозяйственную продукцию, с учетом стоимости переработки, а также с учетом прибыли, получаемой перерабатывающими предприятиями.

Таким путем государству передавалась часть национального дохода, созданная колхозами и колхозниками. Тогда мне поручили составить справку о размерах налога с оборота по отдельным видам сельхозпродукции. Там значилось, что налог с оборота по зерну был равен 85 процентам, по мясу — 75 процентам и т.д.

Эти цифры вызвали сомнение. Справку показали Сталину. В разговоре со мной по телефону Сталин, не касаясь происхождения цифр, спросил, как я истолковываю природу на-

лога с оборота. Я ответил, что налог родственен прибыли, одна из форм проявления прибавочного продукта. Слышу: «Верно». Новый вопрос: «А помните, до войны один член ЦК на заседании ЦК назвал налог с оборота акцизом?» Я помнил этот случай; Сталин тогда ответил, что у акциза иная экономическая природа.

Далее Сталин спросил: чем объясняется столь высокий процент налога с оборота по основным видам сельскохозяйственной продукции? Я отвечал, что здесь выявляется разница между заготовительными и розничными ценами, установленными правительством на сельхозпродукты. Следующий вопрос: для чего мы раздельно берем прибыль и налог с оборота и не лучше ли объединить эти платежи? Говорю, что если объединим, хотя бы в виде отчислений от прибыли, то в легкой и особенно в пищевой промышленности возникнет прибыль процентов 150—200 в год; исчезнет заинтересованность в снижении себестоимости, которое планируется в размере 1—3 процента в год, ибо прибыль будет и без того велика, но не в результате работы. Опять слышу реплику: «Верно!» Так были затронуты многие коренные проблемы деятельности финансов, причем ни разу не упоминался вопрос о сельскохозяйственном налоге. По окончании беседы Сталин сказал: «До свидания». (Редчайший случай: обычно он просто клал трубку).

Однако свидание уже не состоялось — через несколько дней И.В. Сталин скончался.

*А.Г. Зверев. Записки министра.
Политиздат, М., 1973. С. 242—246.*

Краткие биографические справки

1. Бадигин Константин Сергеевич — капитан дальнего плавания, известный советский исследователь Арктики, участник ледового дрейфа парохода «Георгий Седов» в 1937–40 гг. В годы Великой Отечественной войны принимал участие в организации и приемке караванов союзников с вооружением через северные порты. Автор книги «На морских просторах».

2. Беляков Александр Васильевич (1897—1982) — генерал-лейтенант авиации (1943), Герой Советского Союза (1936). В 1936—37 гг. участник беспосадочных перелетах (штурман) Москва — о. Удд и Москва — Северный полюс — США с В.П. Чкаловым и Г.Ф. Байдуковым. Автор книги «В полет сквозь годы».

3. Бережков Валентин Михайлович (1916—98) — известный журналист-международник, главный редактор журнала «США: экономика, политика, идеология», кандидат исторических наук, лауреат премии имени Воровского. В годы Второй мировой войны находился на дипломатической службе. С декабря 1940 года вплоть до нападения фашистской Германии на Советский Союз был первым секретарем посольства СССР в Берлине. Принимал участие в качестве переводчика советских руководителей во многих международных встречах и переговорах военных лет, в том числе на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях трех великих держав. Он был одним из немногих людей, память которого хранила впечатления от личного общения со Сталиным и Молотовым, Рузвельтом и Черчиллем, Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, Гитлером и Риббентропом, а также многими другими мировыми лидерами, оставившими глубокий след в истории XX века.

4. Боков Федор Ефимович (1904—84), генерал-лейтенант, в Великую Отечественную войну военный комиссар, зам. начальника Генштаба, член Военного совета Северо-Западного, 2-го Белорусского фронтов, 5-й ударной армии. После войны член Военного совета группы советских войск в Германии. Автор книги «Весна победы».

5. Буденный Семен Михайлович (1883—1973), Маршал Советского Союза, окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе. В гражданскую войну командовал 1-й Конной армией. В 1924–41 гг. инспектор кавалерии РККА, зам. наркома обороны. В Великую Отечествен-

ную войну член Ставки ВГК, главнокомандующий Юго-Западного и Северо-Западного направлений, командующий Резервным и Северо-Кавказским фронтами. Автор мемуаров «Пройденный путь» в 3 книгах.

6. Василевский Александр Михайлович (1895—1977), Маршал Советского Союза. В Великую Отечественную войну зам. начальника, а с июня 1942 г. начальник Генштаба. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования в 1942—1944 гг. координировал действия ряда фронтов в крупных операциях. В 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом, затем был главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке при разгроме японской Квантунской армии. С 1946 г. начальник Генштаба, в 1949—1953 гг. министр Вооруженных сил СССР. Автор мемуаров «Дело всей жизни».

7. Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969), государственный и партийный деятель, Маршал Советского Союза. С 1925 г. нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР, с 1934 г. нарком обороны СССР. В Великую Отечественную войну член Государственного Комитета Обороны, член Ставки ВГК. С 1946 г. зам. председателя СМ СССР, в 1953—1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Автор книги «Рассказы о жизни».

8. Голованов Александр Евгеньевич (1904—75), советский военачальник, Главный маршал авиации, в Великую Отечественную войну в 1942—1944 гг. командующий авиацией дальнего действия, в 1944—45 гг. командующий 18-й воздушной армией, в 1946—1948 гг. командующий дальней авиацией.

9. Гопнер Серафима Илларионовна (1880—1966), деятель российского и международного движения, доктор исторических наук. Участница революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции на Украине. Автор воспоминаний «Апрельская конференция».

10. Грабин Василий Гаврилович (1900—1980), советский конструктор артиллерийского вооружения, генерал-полковник-инженер, доктор технических наук, профессор. Руководил созданием ряда образцов артиллерийских орудий. Разработал методы скоростного проектирования артиллерийского вооружения. Автор книги «Оружие победы».

11. Громыко Андрей Андреевич (1909—1989), советский государственный деятель, дипломат, посол в США в 1943—1946 гг., зам. министра иностранных дел 1946—1949 гг., одновременно до 1948 г. полпред СССР в Совете Безопасности ООН, 1949—1952 гг. и 1953—1957 гг. 1-й зам. министра иностранных дел, 1952—1953 гг. посол в Великобритании, 1957—1985 гг. министр иностранных дел СССР,

1985–88 гг. Председатель Верховного Совета СССР, 1977–1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС. Автор мемуаров «Памятное»

12. Емельянов Василий Семенович (1901–1989), ученый металлург, член-корреспондент АН СССР. В 1935–37 гг. технический директор Челябинского завода ферросплавов. В 1937–1940 гг., работая в Наркомате оборонной промышленности, занимался организацией производства броневой стали. Автор книг: «О времени, о товарищах, о себе»; «На пороге войны».

13. Жуков Георгий Константинович (1896–1974), Маршал Советского Союза. В 1939 г. командовал советскими войсками в боях с японцами на р. Халхин-Гол. В январе — июле 1941 г. начальник Генштаба. В Великую Отечественную войну в 1941–42 г. командующий войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов в Ленинградской и Московской битвах. С августа 1942 г. 1-й зам. наркома обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего. Член Ставки ВГК, по ее поручению координировал действия в Сталинградской и Курской битвах и др. В 1944–1945 гг. командующий войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов в Висло-Одерской и Берлинской операциях. От имени Верховного Главнокомандования 8 мая 1945 г. принял капитуляцию фашистской Германии. В 1945–1946 гг. главнокомандующий группой советских войск в Германии, главнокомандующий сухопутными войсками. Автор книги «Воспоминания и размышления».

14. Журавлев Даниил Арсентьевич (1900–1974), генерал-полковник артиллерии. Участник гражданской войны и борьбы с басмачеством. В Великую Отечественную войну командир корпуса ПВО, командующий Московским фронтом, Особой московской армией и Западным фронтом ПВО. Руководимые им войска прикрывали Москву от ударов с воздуха. Автор воспоминаний «Огневой щит Москвы».

15. Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969), советский государственный деятель. В 1938–1960 гг. нарком (министр) финансов СССР. Автор книги «Записки министра».

16. Киселев Кузьма Венедиктович (1903–1977), советский дипломат, имел ранг Чрезвычайного и полномочного посла. В 1944–1966 гг. нарком, министр иностранных дел Белоруссии. Автор воспоминаний «Записки советского дипломата».

17. Комаровский Александр Николаевич (1903–1973) советский государственный деятель, генерал армии, доктор технических наук. Участник строительства канала им. Москвы, комплекса зданий МГУ на Ленинских горах и др. Автор мемуаров «Записки строителя».

18. Конев Иван Степанович (1897–1973), Маршал Советского Союза. Участник гражданской войны. В Великую Отечественную

войну командующий армией, войсками Западного, Калининско-Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. В 1945—1946 гг. главнокомандующий Центральной группой войск, в 1946—1950 гг. главнокомандующий сухопутными войсками. Автор мемуаров «Записки командующего фронтом».

19. Кузнецов Николай Герасимович (1902—1974), Адмирал флота Советского Союза. В 1939—46 гг. нарком ВМФ СССР и главнокомандующий ВМФ в Великую Отечественную войну. Член Ставки ВГК. В 1951—53 гг. военно-морской министр. Автор книг «Накануне», «На флотах боевая тревога».

20. Майский Иван Михайлович (1884—1975), советский дипломат, имел ранг Чрезвычайного и полномочного посла; историк, академик АН СССР. В 1929—1932 гг. полпред в Финляндии, в 1932—1943 гг. посол в Великобритании, в 1943—1946 гг. зам. наркома иностранных дел СССР. Участник Крымской и Потсдамской конференций. Автор книги «Воспоминания советского дипломата».

21. Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897—1968), Маршал Советского Союза. Участник гражданской войны в Испании (1936—1937). В советско-финляндскую войну командующий армией. С августа 1940 г. начальник Генштаба, с января 1941 г. зам. наркома обороны СССР. В Великую Отечественную войну командующий войсками ряда армий и фронтов. Участвовал в разгроме Квантунской армии Японии. Автор мемуаров «На службе Родине».

22. Микоян Анастас Иванович (1895—1978), советский государственный и партийный деятель. С 1920 г. секретарь Нижегородского губкома, Юго-Восточного бюро ЦК, Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В 1926—1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, снабжения, пищевой промышленности; одновременно с 1939 г. зам. председателя СНК СССР. В 1942—1945 гг. член ГКО. С 1946 г. по 1955 г. зам. председателя СМ СССР. Автор воспоминаний «Дорогой борьбы» и «В начале двадцатых».

23. Палецкис Юстас Игнович (1899—1980), советский государственный деятель. В 1940—1967 гг. Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР, в 1941—1966 гг. зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР. Автор мемуаров «В двух мирах».

24. Папанин Иван Дмитриевич (1894—1986), советский полярный исследователь, доктор географических наук, контр-адмирал. Участник гражданской войны. В 1937—1938 гг. возглавил первую советскую дрейфующую станцию «СП-1», в 1939—1946 гг. начальник Главсевморпути. Обеспечивал приемку конвоев союзников с военным снаряжением в годы Великой Отечественной войны в северных портах страны. Автор книг «Жизнь на льдине», «Лед и пламень».

25. Патоличев Николай Семенович (1908—1989), советский государственный и партийный деятель. С 1938 г. секретарь Ярославского, Челябинского, Ростовского обкома ВКП(б), секретарь ЦК компартии Украины, компартии Белоруссии, заведующий отделом, секретарь ЦК ВКП(б). В 1956—1958 гг. заместитель министра иностранных дел СССР, а в 1958—1985 гг. — министр внешней торговли СССР. Автор книги «Испытание на зрелость».

26. Пегов Николай Михайлович (1905—1991) советский государственный и партийный деятель, дипломат. С 1938 г. секретарь парткома Промакадемии, Дальневосточного, Приморского крайкома ВКП(б). С 1947 г. в аппарате ЦК КПСС, в 1952—1953 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1953—1956 гг. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Иране, Алжире, Индии; в 1973—1975 гг. зам. министра иностранных дел СССР. В 1975—1982 гг. заведующий отделом ЦК КПСС. Автор книги «Далекое-близкое».

27. Пересыпкин Иван Терентьевич (1904—1978), советский государственный и военный деятель, Маршал войск связи. Окончил Военную электротехническую академию РККА. Участник гражданской войны. В 1939—1944 гг. нарком связи СССР. В Великую Отечественную войну одновременно зам. наркома обороны СССР — начальник Гл. управления связи Красной Армии. Автор воспоминаний «...А в бою еще важней».

28. Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968). Маршал Советского Союза, Маршал Польши. Участник 1-й мировой и гражданской войн. В Великую Отечественную войну командовал армией в Московской битве, фронтами Брянским и Донским в Сталинградской битве, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими в Висло-Одерской и Берлинской операциях. В 1945—1949 гг. главнокомандующий Северной группы войск. В 1949—1956 гг. министр национальной обороны и зам. председателя СМ ПНР. Автор мемуаров «Солдатский долг».

29. Ротмистров Павел Алексеевич (1901—1982), Главный маршал бронетанковых войск, профессор. В Великую Отечественную войну командир танковой бригады и корпуса, командующий танковой армией. В 1944—1945 гг. зам. командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Автор книги «Стальная гвардия».

30. Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — русский советский писатель, военный корреспондент, общественный деятель, Герой Социалистического Труда (1974). Лауреат Ленинской (1974) и Государственных премий (1942, 1943, 1946, 1947, 1949 и 1950 гг.). Член КПСС (с 1942). Поэмы, сборники интимной

и гражданской лирики («С тобой и без тебя»). Эпическое обобщение опыта ВОВ, образы людей высокого долга и высокого мужества в повестях «Дни и ночи», «Из записок Лопатина», романе «Живые и мертвые». Дневники военных лет; «Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине», (опубликовано в 1988 г.).

31. Телегин Константин Федорович (1899—1981), генерал-лейтенант. Участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну член Военного совета Московского В.О. и Московской зоны обороны, ряда фронтов. После войны член Военного совета группы советских войск в Германии. Автор книг «Не отдали Москвы», «Войны неслыханные версты».

32. Трибуц Владимир Филиппович (1900—1977), адмирал, доктор исторических наук. В Великую Отечественную войну командовал Балтийским флотом (1939—1947). В 1947—1948 гг. зам. главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам. Автор книги «Балтийцы сражаются».

33. Тюленев Иван Владимирович (1892—1978), генерал армии. Участник 1-й мировой и гражданской войн. В Великую Отечественную войну командующий Южным фронтом, 28-й армией, войсками Закавказского ВО, Закавказского фронта. Автор мемуаров «Через три войны».

34. Устинов Дмитрий Федорович (1908—1984), советский государственный деятель, Маршал Советского Союза, окончил Ленинградский военно-механический институт в 1934 г. Работал в Ленинградском артиллерийском научно-исследовательском морском институте, директором завода «Большевик», в период Великой Отечественной войны — нарком вооружения. После войны зам. Пред. Совмина, министр обороны, член Политбюро ЦК КПСС. Активный участник создания ракетно-космической индустрии. Автор воспоминаний «Во имя победы».

35. Хлебников Николай Михайлович (1895—1981), генерал-полковник артиллерии. Участник 1-й мировой и Гражданской войн. В Великую Отечественную войну командовал артиллерией армии и ряда фронтов. Автор воспоминаний «Под грохот сотен батарей».

36. Чуйков Василий Иванович (1900—1982), Маршал Советского Союза. Участник Гражданской войны, был военным советником в Китае, во время советско-финской войны 1939—1940 гг. командующий армией. В Великую Отечественную войну командовал рядом армий, в т.ч. 62-й армией в Сталинградской битве. В 1949—1953 гг. главнокомандующий группой советских войск в Германии. Автор мемуаров «Миссия в Китае», «От Сталинграда до Берлина» и др.

37. Чуянов Алексей Семенович (1905—1977). С 1939 по 1946 год секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны, будучи председателем Сталинградского городского комитета обороны и членом военных советов Сталинградского, Донского и Южного фронтов, принимал активное участие в организации разгрома гитлеровских захватчиков в битве на Волге. Автор воспоминаний «На стремнине века».

38. Шахурин Алексей Иванович (1904—1975), советский государственный деятель, генерал-полковник-инженер. Окончил Московский инженерно-экономический институт. С 1933 г. работал в Военно-воздушной академии им. Жуковского, с 1938 г. секретарь Ярославского, затем Горьковского обкома ВКП(б). В 1940—1946 гг. нарком авиационной промышленности СССР. Во время Великой Отечественной войны провел большую работу по эвакуации предприятий в восточную часть страны и обеспечению выпуска новой авиационной техники для фронта. Автор воспоминаний «Крылья победы».

39. Штеменко Сергей Матвеевич (1907—1976), генерал армии. С 1940 г. в Генштабе на руководящих должностях. В Великую Отечественную войну принимал участие в планировании операций и осуществлении замыслов Верховного Главнокомандования по разгрому вооруженных сил фашистской Германии и милитаристской Японии. Автор мемуаров «Генеральный штаб в годы войны» в 2-х книгах.

40. Яковлев Александр Сергеевич (1906—1989), авиаконструктор, генерал-полковник-инженер, академик АН СССР. С 1931 г. инженер на авиационном заводе, с 1935 г. главный, с 1956 г. генеральный конструктор. В 1940—1946 гг. одновременно зам. наркома авиационной промышленности. Автор воспоминаний «Цель жизни».

41. Яковлев Николай Дмитриевич (1898—1972), Маршал артиллерии. Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В Великую Отечественную войну был начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ) Наркомата обороны СССР. Автор воспоминаний «Об артиллерии и немного о себе».

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	5
Часть I. Годы революционной деятельности (1906—1924)	9
Часть II. Период строительства советского государства (1925—1941 годы)	29
Часть III. Годы Великой Отечественной войны (1941—1945) . . .	149
Часть IV. Последние годы (1946—1953 гг.)	392
Краткие биографические справки	440

Павел Александрович Журавлев

ДВЕСТИ ВСТРЕЧ СО СТАЛИНЫМ

*Редактор О.В. Селин, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 07.12.11. Подписано в печать 27.01.12.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л.14. Тираж 3000 экз. Заказ